

А 9 $\frac{8}{23}$

Е. Н. ЩЕЛКИНА

ИЗЪ ИСТОРИИ
ЖЕНСКОЙ ЛИЧНОСТИ
ВЪ РОССИИ

ЛЕКЦИИ И СТАТЬИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1914

А 9 $\frac{8}{23}$

Е. Щепкина.

ИЗЪ ИСТОРИИ
ЖЕНСКОЙ ЛИЧНОСТИ
ВЪ РОССИИ.

Лекціи и статьи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Б. М. Вольфа, Невскій, 126 (уголь Суворовскаго).

1911.

198
23

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
I. ЛЕКЦІЯ. Древнѣйшій періодъ	1
<i>Шульгинъ, В.</i> О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра В. 1850 г.— <i>Щаповъ.</i> —Сочиненія т. II-й стр. 57 и др.— <i>Шашковъ.</i> —Очеркъ исторіи русской женщины. Собр. соч. т. II-й— <i>Добряковъ.</i> Русская женщина въ домонгольской періодъ. 1864 (слабо).— <i>Гаркави.</i> Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ.— <i>Стрингольмъ.</i> Походы викинговъ, госуд. устройство, нравы и обычаи древн. скандинавовъ. Чтенія 1861 г.— <i>Леонтовичъ.</i> Къ вопросу о происхожденіи семьи. Журн. Минист. Юстиціи, 1900, №№ 6, 7, 8.— <i>Рожковъ.</i> О Русской Правдѣ Жур. М. Просв. 1897 окт., нояб.— <i>Гильфердингъ.</i> Былины. — <i>Рыбниковъ.</i> То-же. — <i>Владимірскій-Будановъ.</i> —Хрестоматія по рус. праву, т. I.	
II ЛЕКЦІЯ. По введеніи христіанства	14
<i>Голубинскій.</i> Исторія русской церкви. I-й вып.— <i>Владимірскій-Будановъ.</i> Черты семейнаго права въ Западной Руси. Чтенія въ истор. общ. Нестора. Лѣт. 1890, кн. 4-я— <i>Алексѣевъ.</i> Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу въ древн. Руси и Польшѣ. Чтенія общ. ист. и древ. Росс. 1868. № 2.— <i>Шершеневичъ.</i> Русское гражд. право. 1910 г. Стр. 617 и др.—Наставленіе инокинямъ <i>І. Постника</i> въ Душеполезномъ Чтеніи. 1901. № 3-й.	
III ЛЕКЦІЯ. Сказанія о злыхъ женахъ	29
<i>Щаповъ.</i> Сочиненія. т. II. Положеніе женщины по допетровскимъ воззрѣніямъ.— <i>Временникъ</i> Общ. Ист. и Древн. Росс. кн. 25. „Пчела“ пер. съ греч.— <i>Буслаевъ.</i> —Мои досуги, кн. II. Женщина въ народныхъ книгахъ.— <i>Забѣлинъ.</i> Быть русскихъ царицъ.— <i>Русская проповѣдь</i> въ XV и XVI вв.	

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 7863
8 VII 1931

Журн. Мин. Нар. Пр. 1868. № 2. — Некрасовъ, Иванъ. Женскій литературный типъ древней Руси. Филологическія Записки. 1864 вып. III.

IV ЛЕКЦІЯ. Домострой. Святые. Женскія пѣсни. 38

Некрасовъ. Опытъ ист.—литер. изслѣдованія о происхожденіи древне-рус. Домостроя. — Домострой. — (Сильвестра) разн. изд., 1887 г. Одесса и др. — Некрасовъ, Иванъ. Женскій лит. типъ. — Буслаевъ. Истор. очерки рус. словесности, т. II. Идеальные женскіе характеры древ. Руси. — Голубинскій. Исторія канонизаціи рус. святыхъ. Чтенія общ. ист. и др. 1903 кн. 1 и 4-я. — Къ вопросу о канонизаціи рус. святыхъ Забѣлинъ. Быть рус. цар. — Барсовъ, Е. Причитанія сѣвер. наго края. Два тома.

V ЛЕКЦІЯ. Старинныя помѣщичи. Первые дерзанія 62

Украинскія женщины. Докт. Антоній. Киевская Старина, 1883, № 6. — Левицкій. Семейныя отношенія въ юго-зап. Руси XVI и XVII вв. — Щепкина Е. Старинныя помѣщичи на службѣ и дома. 1890 г. — Иконниковъ. Рус. женщины накануне реформъ Петра В. 1874 (лекція). — Чтеніе Об. Ист. и Др. Росс. 1903, кн. 2. — Ближній бояринъ кн. Н. И. Одоевскій и его хозяйство. — Тихомировъ Н. Боярыня Морозова и у Забѣлина — Быть рус. цар. — Соловьевъ. Ист. Рос. т. 14 (стар. изд.). — Мордовцевъ. Рус. историческія женщины. Женщины допетровской Руси.

VI ЛЕКЦІЯ. Дерзанія въ теремѣ. Полковыя дамы 79

Корбъ. Дневникъ. Чтеніе О. И. Д. 1866, № 4. — Желябузскій. Записки съ 1682, изд. Языкова. — Джонъ Перри. Повѣствованіе о Россіи. Чтеніе О. И. Д. 1871 кн. 2. — Письма и Бумаги Петра I-го т. I и III. — Рус. Архивъ. 1875 кн. 2-я Варвара и Дарья Арсеньевы. — Забѣлинъ. Быть р. цар. — Щепкина. Стар. пом. — Берггольцъ. Дневникъ, изд. Рус. Архива 1902 и 3 гг. — Соловьевъ т. 14. — Татищевъ. В. Духовная, изд. Островскаго 1885. Казань.

VII ЛЕКЦІЯ. Образованіе женщинъ 95

Лихачева. Матеріалы по исторіи образованія женщинъ въ Россіи. Вып. I и II-й. — Столянский. Частныя школы въ Спб-гѣ во 2-й полов. XVIII в. Жур. М. Нар. Пр. 1912, № 3. Даниловъ. Записки, изд. Рус. Архива. — Болотовъ. Записки. — Левицкій Н. Домашній памятникъ, Рус. Старина 1873 № XII. — Толмачева Т. Семейныя записки, 2-ое изд. 1903. — Дашкова. Записки. — Головина. гр. Записки. — Пассекъ Т. Изъ дальнѣйшихъ лѣтъ, вып. I.

VIII ЛЕКЦІЯ. Женщины въ столицахъ XVIII-го в. 117

Покровский В. Щеголи и щеголихи въ исторической литературѣ XVIII в. (и въ „Чтеніяхъ“ 1903 г.). — Лихачева. Матеріалы вып. I. — Кн. Наталья Долгорукова. Записки. — Болотовъ. Записки. — Левицкій. Дом. Пом. — Кн. И. Долгорукой. — „Капище моего сердца“ и „Записки“. Собр. соч. II т. „Библиофилъ“ за 1913 г. — Головина. Записки. — Виель. Воспоминанія. — Владимировъ. Первые рус. писательницы. Киев. Унив. Извѣстія 1892 г. — Мордовцевъ. Рус. женщины новаго времени, вып. II. — Мишневичъ. Рус. женщина въ XVIII в. „Жен. Образованіе“ 1882 №№ 2, 4, 10, 12, — 1883 №№ 1 и 5.

IX ЛЕКЦІЯ. Женщины въ провинціи XVIII в. 132

Чечулинъ Н. Рус. провинціальное общество во 2-й полов. XVIII в. (указаны источники). — Державинъ. Пол. собр. соч. т. VI. Записки. — Мишневичъ. Рус. женщина. — Дубасовъ. Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. 3 вып. — Щепкина. Стар. помѣщичи. — Виель. Воспоминанія. — Кн. Долгорукой. Капище и Записки. — Аксаковъ. Семейная хроника. Болотовъ. Зап. — Даниловъ. Зап. — Пишчевичъ. Записки. Чтенія 1883 и 85. 1—2.

Женская личность въ старой русской журналистикѣ.

I. Время Новикова и Карамзина 151

II. Журналы начала XIX в. 169

III. Послѣ отечественной войны. 191

Марія Извѣкова 198

Два писательницы начала XIX в. 205

Кн. Голицинъ. Словарь рус. писательницъ (указана литература). — Русскій Біографическій Словарь. А. Бунина. — Федоровъ. Отечест. Записки, 1824, № 2. О жизни и соч. яхъ дѣвицы Поспѣловой. — Я. Гротъ. Замѣтка о записной книжкѣ Буниной. Рус. Архивъ 1908 г.

Женскіе типы Пушкина. 228

X ЛЕКЦІЯ. Жены декабристовъ. 30 и 40-ые годы. 238

Покровский В. Жены декабристовъ. 1905 г. — Кн. М. Н. Волконская. Записки, изд. 1914 г. — Шенрокъ. Одна изъ женъ дек-въ (Фонвизина) Рус. Бог. 1891 №№ 11 и 12. — Милоковъ П. Изъ исторіи рус. интеллигенціи. — Лихачева. Матеріалы, кн. III гл. 5-я. — Abensson, Leon. Le Feminisme sous le règne de Louis-Philippe. 1913. — Кн. П. Вяземскій. Собр. соч. т. VII и VIII (изъ старой записной книжки). — Платонова Н. Кохановская (Н. Соханская) біогр. оч. — Пассекъ. Изъ дальнѣйшихъ лѣтъ. — Сабантеева. Воспоминанія о быломъ.

1913 г.—Хвостовой, Е. Воспоминанія.—Смирнова А. Записки.—Курниловъ А. О Бакуниныхъ *Былог.* 1907 № 6 и рядъ статей въ „Рус. Мысли“ съ 1909 г. по 1914 г.: Семейство Бакуниныхъ.—Е. Ганъ (З. Р-ва) Собр. сочиненій.—Тучкова Огарева Воспоминанія.—Водовозова. На зарѣ жизни. Шелунова Л. Изъ далекаго прошлаго.—Длѣкій. Любовь въ жизни Чернышевскаго и др. о немъ статьи. Современникъ 1912—13 гг.

XI ЛЕКЦІЯ. 60-ые годы; возникновеніе женскаго движенія; литература.

269

Пироговъ. Запросы жизни. Морской сборн. 1856 июль № 9 ч. 23—2.—А. Жалоба женщины. Современникъ 1857 кн. 6-я, июнь.—Мы сами, женщины, виноваты. Журн. для воспитанія 1859 № 11.—Д. Письма къ рус. женщинамъ. Жур. д. восп. 1857 №№ 1, 2, 1860 г. № 1. — Д. Надежда. Чему мы, женщины, учились. Рус. Бесѣда, 1859, № 3. Разсѣтъ, 1859 и 1860.—Соколовскій. Наша женская лит-ра. Свѣточъ, 1860 г., кн. 12.—Мисайловъ, М. Женщины, ихъ воспитаніе и значеніе. Отд., 1903 г. и Соврем. 1860 г. кн. 80 и 81.—Вернадская М. Собр. Соч. 1862.—Пантелеевъ Л., Изъ воспоминаній прошлаго.—Водовозова. На зарѣ жизни. 2-ая пол. книги.

XII ЛЕКЦІЯ. 60-ые годы; общественная жизнь; „Что дѣлать?“, женскій трудъ.

283

Стасовъ, В. Н. В. Стасова, 1896 г. — Лилачева Мат. вып. IV.—Водовозова. На з. ж. Молодежь 60 гг. Тучкова Огарева. Записки.—Чернышевскій. Что дѣлать? изд. 1907 г. Бартевева, Е. И. Конради. Женское дѣло. 1899 № 1.—Отеч. Записки 1863 т. 50 сент. и окт. Литер. Лѣтопись,—(Чернышевскій и Писемскій). — То-же Литер. хроника. (О „Что дѣлать?“).—То-же 152. Янв. Литер. Лѣтопись. О нигилизмѣ).—То-же февр. стр. 302 Проектъ устава об-ва женскаго труда.—Русское Слово 1863 № 1. Любовь и нигилизмъ.—Отеч. Записки 1863 № 1. 202. Внутр. обзор. (нигилизмъ).—Карновичъ, Е. Женскій трудъ—брошюрка, 1865, г. Алчевская Х. Пережитое и передуманное. 1912. Волкова, А. Воспоминанія, дневникъ и статьи. Біогр. очеркъ Вѣтринскаго.

А 9 $\frac{8}{23}$

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ 1905—6-го гг. въ русскомъ обществѣ очень оживился интересъ къ женскому вопросу. Въ провинціи, даже въ столицахъ охотно посѣщались публичныя лекціи и собранія съ докладами на различныя темы изъ этой области. Два большихъ съѣзда, обще-женскій и по образованію женщинъ собрали массу докладчицъ и посѣтительницъ и привлекали къ себѣ вниманіе широкихъ общественныхъ круговъ.—Автору предлагаемой книги за послѣдніе годы довелось тоже прочесть не мало публичныхъ лекцій и докладовъ по женскому вопросу и его исторіи; участіе же въ женскомъ журналѣ побудило его заняться отношеніемъ къ женщинамъ русской журналистики былыхъ временъ и дѣятельностью нашихъ раннихъ писательницъ.

Въ 1911 и 1912 гг. въ русскомъ женскомъ обществѣ и въ кружкѣ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ авторъ прочелъ 12-ть часовыхъ лекцій подъ общимъ заглавіемъ „Изъ исторіи женской личности въ Россіи“, пользуясь главнымъ образомъ историко-литературнымъ матеріаломъ и мемуарами: только изрѣдка касался онъ юридическихъ памятниковъ и то въ области древней поры быта, отъ которой сохранилось мало свѣдѣній о судьбахъ женщинъ.

Самое свойство матеріаловъ позволяло говорить главнымъ образомъ о женскихъ „личностяхъ“ прошлаго, да и то о личностяхъ женщинъ высшихъ классовъ, наиболѣе

ярко отразившихся въ литературныхъ памятникахъ, о ростѣ ихъ умственныхъ интересовъ и расширеніи ихъ дѣятельности.

Для изученія положенія русскихъ женщинъ другихъ классовъ были бы необходимы другіе историческіе матеріалы и иные болѣе научные приемы.—Однако, при всей своей непритязательности и эти 12-ть публичныхъ лекцій представляютъ все-таки нѣчто цѣльное въ своемъ родѣ, почему авторъ и рѣшился издать ихъ отдѣльнымъ очеркомъ, дополнивъ запаснымъ матеріаломъ, а въ средней части нѣсколькими статьями, связанными съ ними по содержанию.

I.

О положеніи женщинъ среди русскихъ славянъ можно сказать весьма немного. О немъ дошло до насъ очень мало извѣстій, да и тѣ неопредѣленны, сбивчивы, нерѣдко фантастичны. Образъ древней славянки едва, едва выступаетъ изъ тумана своими блѣдными очертаніями.—Существуетъ мнѣніе, что въ томъ періодѣ сѣдой старины женщины пользовались полной свободой, жилось имъ привольнѣй чѣмъ въ позднѣйшія времена, особенно въ Московской Руси XV-го, XVI-го в. Правда тогда ихъ еще не считали излюбленнымъ орудіемъ дьявола для прельщенія благочестивыхъ людей и носительницами печати отверженности за грѣхопаденіе праматери Евы, тѣмъ не менѣе говорить о древней свободѣ женщинъ можно только подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отъ чтенія древнихъ былинъ и сказаній, повѣствующихъ о фантастическихъ, героическихъ подвигахъ, объ исключительныхъ по силѣ личностяхъ.

— Всякое общество въ ранней стадіи своего развитія полно противорѣчій, говоритъ авторъ изслѣдованія о русской женщинѣ, А. Шульгинъ, полно непостижимой, чудовищной смѣси добродушія и звѣрства, братства и дикой ненависти честности и безнравственности, сонной апатіи и страстныхъ порывовъ; семейныхъ добродѣтелей рядомъ съ отрицаніемъ семьи, женской свободы и женскаго рабства.—Эти контрасты нерѣдко порождали различныя сужденія о жизни древней женщины.

Думаютъ, что власть отца не имѣла никакой исключительной силы, какъ у римлянъ, что у славянъ родительская власть

была двоевластіемъ отца и матери; что и позже личность жены не закрывалась личностью мужа: жена могла имѣть собственность и распоряжалась ею самостоятельно; у сербовъ она владела своимъ приданымъ; у болгаръ—тѣмъ, что давалъ ей мужъ въ день свадьбы. Но рядомъ рисуются другія картины: у бѣднаго и невѣжественнаго народа патриархальный строй не могъ улучшать дикихъ нравовъ; въ первобытныхъ домахъ членовъ родовыхъ союзовъ жили скучено и людно; въ нихъ ютилось безпорядочное половое сожителство; большакъ заправила, какъ феодальный сеньеръ присваивалъ себѣ права на молодыхъ женщинъ, пользуясь зависимымъ положеніемъ ихъ мужей.

Несомнѣнно, что среди патриархальнаго уклада огромныхъ семей и родственныхъ союзовъ у славянъ южныхъ и сѣверныхъ еще чувствовались пережитки матриархата. Рядомъ съ Родомъ общимъ родоначальникамъ всѣхъ сородичей, чествовалась Рожаница, Радуница,—общая мать прародительница.

Женщины въ семьѣ уже сковывались властью старѣйшинъ, а между тѣмъ при заключеніи браковъ еще помнили первобытную свободу отношеній половъ, и дѣвушки съ юношами сходились на вольныя игры между селеніями разныхъ общинъ, и похищались, какъ говорятъ, по взаимному уговору. Древнія преданія чеховъ вспоминаютъ время, когда осмѣивали мужчину, если онъ довольствовался одной женой, и когда женщина съ своей стороны могла имѣть нѣсколькихъ сожителей. Женская и мужская молодежь еще являются среди племени какъ бы двумя отдѣльными союзами. Разъ, обиженные чѣмъ то дѣвушки ушли, будто бы, въ свою отдѣльную общину, даже отстроили укрѣпленіе и вели войну съ мужчинами, пока не помирились на игрищѣ среди любовныхъ увлеченій.

Сильная и смѣлая дѣвушка могла взять оружіе и сражаться среди воиновъ своего родового союза, могла одна выѣзжать на подвиги, какъ богатыри, съ которыми она билась, мирилась и сочеталась бракомъ. Въ ту пору физическая сила и удалъ давали всѣ права на личную свободу; эти качества могла имѣть и женщина, и приобрести ими свободу. Но эти удалыя богатырши—паленицы, выѣзжавшія въ поле и степи потѣшиться силою,

могли являться только исключеніемъ женскаго быта, продуктами еще совершенно несложившагося общества, приукрашенные къ тому же народной фантазіей.

Наши былины въ своихъ позднихъ дошедшихъ до насъ пересказахъ даютъ оригинальные образы этихъ, удалыхъ паленицъ, вольныхъ степныхъ наѣздницъ. Онѣ свободно руководятся своими склонностями, силой завладѣваютъ полюбившимися имъ мужчинами и легко мѣняютъ ихъ. Такъ прекрасная боевая королева наѣзжаетъ чуть ли не на самого Илью-Муромца и спрашиваетъ его: „У тя есть ли охота, горитъ ли душа со мной, дѣвицей, позабавиться?“—Иные женскіе образы еще отмѣчены чертами глубочайшей старины.

Такъ на группу богатырей наѣхала нѣкая Бабища. Головища у Бабищи „съ дощаной чанъ, а глазища то съ пивны корцы;“ и разгорается смертный бой ея съ молодымъ богатыремъ; уже противникъ близокъ къ гибели; но старый Илья научаетъ его, какъ одолѣть богатыршу, и ее убиваютъ. Для борьбы съ женщинами воительницами у опытныхъ богатырей имѣются особые приемы, крайне грубые, неудобно передаваемые въ печати.

Догналъ и Добрыня въ полѣ „женщину великую“ и нападаетъ на нее; она сперва какъ будто и не замѣчаетъ его богатырскихъ ударовъ, кокетливо посмѣивается—„я думала, комарики покусывають“; но затѣмъ схватываетъ его за „желты кудри“ и сажаетъ въ карманъ.—„Старому богатырю, думаетъ она, голову отсѣку, молодого—возьму въ плѣнъ, а если въ любовь войду, то замужъ пойду“.

Вынула изъ кармана Добрыню, и онъ ей понравился.—Въ другой былинѣ баба Горынинка, необычайно богатая и скупая, неотступно охраняетъ свои сокровища въ погребѣ. Побиваетъ она Добрыню, но старый Илья опять научаетъ, какъ повалить бабу; она пытается тогда со страху откупиться, уступаетъ свои сокровища, но ее убиваютъ.

Чародѣйка Маришка Игнатьевна живетъ со злодѣемъ Змѣемъ-Горынычемъ, какъ съ другомъ милымъ. Отважнаго убійцу злодѣя, Добрыню она обращаетъ въ тура-золотые рога. Туръ долго украшиваетъ чародѣйку вернуть ему образъ богатыря; наконецъ

принимаетъ ея условіе жениться на ней, и тогда Маришка обращаетъ его въ богатыря. По совершеніи брака Добрыня говоритъ ей грозныя слова: „Дамъ те, Марина, поученье, какъ мужа женъ своихъ учать!“—и рубитъ ей одну за другой руки, затѣмъ губы, затѣмъ ласкали и цѣловали Змѣя Горыныча, и, наконецъ отсѣкаетъ голову. Въ повѣствованіяхъ про этихъ дикихъ Бабищъ, злодѣекъ-чародѣекъ не слышится симпатій къ нимъ; это—отраженія вредныхъ силъ природы, началъ противообщественныхъ; непоэтичны эпитеты, которыми ихъ награждаютъ народные пѣвцы, величая богатыршъ—„разъѣздными, походными дѣвицами, или поклонными“. Разъѣзжаютъ онѣ въ одиночествѣ, не имѣютъ роду племени; нѣтъ между этими одинокими странницами никакого единенія; многимъ изъ нихъ нѣтъ мѣста у общаго богатырскаго стола Владимира Красное Солнышко.

Съ міромъ мужчинъ богатырей у нихъ нѣтъ связей, кромѣ мимолетныхъ любовныхъ увлеченій; онѣ борются съ ними смертнымъ боемъ, на жизнь и смерть; богатыри входятъ съ ними въ соглашенія неохотно, часто ради обмана и обыкновенно убиваютъ ихъ.

Въ другихъ былинахъ образы удалыхъ паленицъ мягче, женственнѣе; въ нихъ проявляются духовныя начала; онѣ охотно расстаются съ одиночествомъ и мирятся съ богатырями; онѣ не безродны; въ иныхъ боевыхъ дѣвицахъ богатыри встрѣчали своихъ родныхъ сестеръ; сказители лучше относятся къ этимъ женскимъ типамъ.—Такъ древній богатырь Дунай, сынъ Ивановичъ нарочно выѣзжалъ въ поле поискать себѣ въ удалой паленицѣ достойной—„супротивницы (т. е. ровни), красной дѣвицы“ чтобы взять ее за себя замужъ; ему нужна равная по доблести подруга. Такія богатырскія подруги ѣздили сражаться вмѣсто мужей, помогали имъ въ подвигахъ. Даже молодая жена Ильи Муромца надѣвала его богатырское платье и ѣздила вмѣсто него въ походъ. Въ сравнительно позднемъ сказаніи о Перепетѣ, когда мужъ пропалъ безъ вѣсти со своею дружиною, жена его собрала новый отрядъ, чтобы найти мужа и выручить изъ бѣды. Такую ровню, доблестную вѣрную подругу богатыри очень любятъ и цѣнятъ; иной богатырь, какъ Добрыня въ одной былинѣ,

нечаянно убивъ жену, съ горя самъ кончаетъ съ собой. Жену бойкаго Данилы Логовчанина былины называютъ „грозной Настасьей Никулишной“. А жена Ставра Годиновича, когда кievскіе богатыри насильно увлекаютъ ее въ жены кн. Владимиру; жертвуетъ своею жизнью, чтобы остаться вѣрной своему долгу и мужу.

— „Ростомъ не мала и умомъ крѣпка“, хвалитъ богатырь свою невѣсту-супротивницу. Князь Владимиръ Стольно-Кіевскій, представитель болѣе поздней и болѣе культурной поры, проситъ друзей-богатырей найти такую невѣсту—„съ кѣмъ бы ему думу подумать, съ кѣмъ слово перемолвить, кѣмъ бы ему похвалиться“. А въ болѣе позднемъ пересказѣ прибавлено даже, чтобы невѣста была умомъ сверстна, знала грамоту и пѣнье церковное.

Изъ бѣглаго пересмотра сказаній выносишь впечатлѣніе, что похождения необычайныхъ бабищъ и бойкихъ походныхъ дѣвицъ въ сущности лишены разумнаго содержанія, они безцѣльны; миеическая сила древнѣйшихъ богатыршъ не направлена на полезную и понятную для народа борьбу съ вредными явленіями природы, съ натисками враговъ, какъ силы богатырей-мужчинъ; можно думать, что народъ, сохранивъ смутную память о вольныхъ богатыршахъ, позабылъ смыслъ ихъ подвиговъ. Дикія, нескладныя древнѣйшія паленицы грубо кокетничаютъ своею силой и вызываютъ мужчинъ на грубыя выходки, на грязные способы борьбы. Онѣ одиноки, сами оказываются подругами и поддержкой злодѣевъ мирной жизни, какъ Змѣй Горынычъ. Это несомнѣнно, пережитки первобытнаго матриархата,—тѣ женщины, которыхъ патриархально-пастушескій бытъ оторвалъ отъ материнскаго рода, но почему либо не заставилъ подчиниться новой власти мужчины-старѣйшины; у нихъ уже нѣтъ роду-племени; онѣ ничьи дочери и ничьи матери; онѣ потеряли всякія общественныя связи; изгой, по терминологіи нашей лѣтописи; по физической силѣ титаны-женщины,—онѣ бродятъ по степямъ, уже никому ненужныя выродки, неспособныя ни побѣдить новыхъ порядковъ, ни примѣниться къ нимъ, и какъ титаны греческой космогоніи, гибнутъ въ борьбѣ съ новыми повелителями міра.—Болѣе молодое поколѣніе паленицъ не таково; сестры или невѣсты богатырей,

онѣ болѣе нормальныя красныя, т. е. красивыя дѣвицы, достойныя подруги богатырей; онѣ охотно принимаютъ новый порядокъ семейной и общественной жизни, становятся равными по доблести и силѣ, но вѣрными, т. е. на вѣкъ связанными личнымъ долгомъ женами товарищей богатырей. Смѣна древнѣйшаго порядка жизни новымъ подѣ главенствомъ мужчины, подчиненное положеніе женщинъ въ семьѣ находитъ свое отраженіе въ нашихъ былинахъ.

Въ быту древнихъ славянъ большое вліяніе имѣли любопытныя личности женщинъ, познавшихъ тайны природы, искусство врачеванья, толкованья сновъ и примѣтъ, знахарокъ, ухаживающихъ за больными и рожающими; онѣ служили ближнимъ и обществу, трудясь надъ избавленіемъ людей отъ страданій, всяческихъ золъ и напастей, и ихъ за это почитали и очень высоко цѣнили. Древнѣйшая космогонія сказывалась и здѣсь; по воззрѣніямъ первобытнаго человѣка, именно женщинамъ легче открывалась воля боговъ, бывали доступны глубочайшія тайны природы; и открывались познанія, дѣлавшія ихъ прорицательницами, вѣщими, мудрыми, и народъ преклонялся передъ ними. Особенно обаятельными казались ему загадочныя вѣщія дѣвы; чистыя недоступныя страстямъ, онѣ свѣтились передъ его воображеніемъ въ какомъ то таинственномъ сіяніи; само солнце окружено чистыми, лучезарными дѣвами, по словамъ древнихъ мифовъ. Чувствуя свое обояніе, мудрыя дѣвицы вырабатывали себѣ особый даръ рѣчи, полный поэтического острословія, загадокъ, неувимыхъ намековъ; красивой загадочной рѣчью плѣнила князя Игоря вѣщая Ольга, перевоза его въ лодкѣ. Вѣдуньи, предсказательницы и вѣщія дѣвы всегда выдѣлялись быстротой соображенія, наблюдательностью, чуткой отзывчивостью къ настроеніямъ приближающихся къ нимъ лицъ и даже народной толпы, здѣсь сказывались самыя свѣтлыя стороны вѣщей силы древней женщины, которыми она завоевывала вліяніе и уваженіе. Чаровницы, колдуньи съ другой стороны, наводили страхъ и заставляли считаться съ собой. Свѣтлыя стороны чуткихъ, проницательныхъ женщинъ и чистыхъ вѣщихъ дѣвъ съ ихъ умѣньемъ говорить съ природой и вліять на психику людей от-

разились во множествѣ женскихъ славянскихъ пѣсенъ—т. наз. женской лирикѣ, въ сказаньяхъ нашего средневѣковья и въ житіяхъ святыхъ.

Образами вѣщихъ, мудрыхъ женщинъ украшены легенды о возникновеніи славянскихъ государствъ. Любуша, правительница чеховъ, всенародно избранная, славилась кротостью, и вмѣстѣ мудростью и справедливостью; пѣснь о Судѣ Любуши описываетъ ее сидящей на золотомъ престолѣ и предсѣдательствующей сеймомъ народныхъ представителей. При ней двѣ вѣщія дѣвы; одна держитъ доски съ начертанными на нихъ законами,—другая—мечъ, карающій неправду. Польскія преданія рассказываютъ про избранную народомъ правительницу Ванду, прекрасную какъ солнце. Нѣмецкое войско, явившееся наказъ поляковъ за то, что Ванда отказала въ рукѣ своей ихъ повелителю, бросилось въ бѣгство при видѣ ея сіяющаго образа, а она, побѣдительница, лишила себя жизни, исполняя обѣтъ—принести себя въ жертву за побѣду. Такой же вѣщей и мудрой правительницей была наша Ольга, но сохранилась она въ памяти христіанъ лѣтописцевъ; народъ же скоро забылъ ее за личностью ея внука, князя Красное Солнышко.

Несомнѣнно по многимъ указаніямъ, что въ древнемъ славянскомъ быту женщины всѣхъ слоевъ принимали участіе въ публичныхъ празднествахъ и жертвоприношеніяхъ; служили при культѣ домашнихъ божествъ, состояли жрицами при общихъ служеніяхъ. Знатныя боярыни участвовали въ пирахъ и застольныхъ бесѣдахъ воиновъ и богатырей. На шумныхъ пирахъ у князя Владимира жены богатырей и представительницы знати и богатаго купечества пили, шумѣли, хвастались и ссорились, какъ мужчины. Хвалилась Марина Лиходѣвна числомъ богатырей, которыхъ своими чарами обратила въ туровъ; хвастались богатые вдовы казной, хоромами, обижая и унижая своихъ сосѣдокъ. Заводились женскіе ссоры и даже драки. Прибѣжала разобиженная боярыня, поетъ былина, прямо съ пира къ сыну и нажаловась на дерзкую обидчицу. Сынъ матушку уложилъ въ постель—„втапоры совсѣмъ пьяна была“, и тотчасъ побѣжалъ къ дому обидчицы мстить за мать.

Наряду съ удалыми, героическими мотивами старыхъ сказаній, унаслѣдованными отъ сѣдой древности, слышатся и другія, глубоко скорбныя, трагическія. Побѣжденная наѣздница, силой похищенная въ жены побѣдителю, поруганная, грубо имъ приниженная, надрывается съ горя и тоски въ терему у своего повелителя; и на лестный вопросъ его, еще увлеченнаго; „Кто тебя краше, бѣлѣй и румянѣй?“ отвѣчаетъ: „У отца и матери я была красна и хороша, а теперь я—полонянничное тѣло; воленъ Богъ, да и ты со мной!“—и называетъ ему другую раскрасавицу, что во сто кратъ лучше ея, и отправляетъ къ ней опостылѣвшаго насильника. Чувственность мужа воспламеняется, скачетъ онъ за новой добычей—женщиной, опять побѣждаетъ, похищаетъ, силой увозитъ; и другая раскрасавица разливается слезами въ запертомъ теремѣ, что превращена въ полонянничное тѣло, опозоренное, измученное неволей, и отправляетъ побѣдителя къ новой жертвѣ. Удѣлъ массы рядовыхъ женщинъ изъ среды славяно-русовъ былъ по истинѣ ужасенъ. Господство грубой силы и экономическій расчетъ дѣйствительно обращали ихъ въ „полонянничное тѣло“, въ орудіе наслажденій и тяжкаго труда. Нужно помнить, что древняя Русь служила главной поставщицей рабовъ на рынки востока, юга и даже въ западную Европу; главнымъ предметомъ ея вывоза были рабы, челядь.

Арабскіе путешественники оставили довольно яркія описанія, какъ руссы привозили свои товары въ г. Итиль, къ низовью Волги и выше, къ Великимъ Болгарамъ, близъ устья Камы. Ихъ самымъ цѣннымъ товаромъ были дѣвушки. Красота женщины-рабыни дѣлала ее особенно цѣнной для интимныхъ личныхъ услугъ, и потому рабыни всегда цѣнились на рынкѣ дороже рабовъ-мужчинъ. Пріѣхавъ въ торговый городъ, говоритъ арабскій писатель, русскій купецъ приносить жертвы идоламъ, творя молитву: „Я привезъ столько то дѣвушекъ, столько то другого товару. Помоги мнѣ распродать все“. Обращеніе купца со своимъ живымъ товаромъ было отвратительно животное, неудобно передаваемое; это видѣли всѣ покупщики и посѣтители торжища, подходившіе къ скамьямъ, на которыхъ руссы сидѣли съ самыми красивыми своими дѣвушками.

Въ самыхъ интимныхъ подробностяхъ домашняго обихода торговцамъ и покупщикамъ прислуживали рабыни. Одинъ арабъ описалъ картину неопрятнаго утренняго туалета нѣсколькихъ вмѣстѣ жившихъ купцовъ, передъ рабыней, служившей имъ. Другой арабъ, проѣхавшій по всѣмъ приволжскимъ селеніямъ вверхъ до самой Камы, видѣлъ самого царя руссовъ, начальствовавшаго надъ младшими князьями. Царь или каганъ проводилъ обыкновенно время на высокомъ и необыкновенно широкомъ престолѣ, (вѣрнѣе помостѣ, покрывавшемся, когда нужно, шатромъ), ниже котораго располагались сотни его воиновъ. Здѣсь, на верху кагана всегда окружали до 40 женщинъ-наложницъ; и здѣсь, на виду у всѣхъ денно и ночью протекала вся домашняя жизнь владыки; отсюда садился онъ на коня для похода; сюда же возвращался онъ, сходя съ коня. Этому же писателю принадлежитъ извѣстное описаніе мученій рабыни, согласившейся погибнуть на кострѣ вмѣстѣ съ тѣломъ покойнаго повелителя. Неправы тѣ немногіе историки, которые видѣли въ каганѣ сожителяствующаго съ 40 рабынями Владимира еще язычника; иные, и не безъ основанія, не признаютъ описанныхъ арабами купцовъ за русскихъ, а называютъ ихъ финнами; но для насъ не такъ важно, кто были купцы. Важно то, что самъ живой товаръ, рабыни, наложницы, несомнѣнно, славянскія женщины; арабы узнавали ихъ по красотѣ и стройности, называя ихъ самыми красивыми женщинами востока Европы. Богатый даръ природы оказывался роковымъ, и судьба безстыдно попираемыхъ полонянничныхъ тѣлъ выпадала на долю множеству славянокъ.

Старина выдвигаетъ передъ нами нѣсколько героическихъ женскихъ личностей, легендарныхъ и историческихъ, Любуши, Ванды, Ольги, поруганной и затѣмъ награжденной Рогнѣды; но онѣ теряются среди массы женщинъ, силы и жизнь которыхъ эксплуатировались сильнѣйшими, тысячахъ живыхъ существъ, лишенныхъ права на элементарнѣйшее чувство, отличающее человека отъ животнаго,—чувство стыда. И вполне понятно, что близкій къ этому быту лѣтописецъ-христіанинъ имѣлъ основаніе отмѣтить большую культурность своего родного племени—полянь

тѣмъ, что его соплеменники имѣли „стыденъе“ къ женамъ, сестрамъ и снохамъ.

Обратимся теперь къ юридическому положенію женщинъ и къ формамъ брака среди славянскихъ племенъ. Какъ извѣстно, главною мѣрою возмездія за преступленія, за убійства, была кровная месть родичей за пострадавшаго близкаго человѣка. Нельзя сказать, чтобы месть являлась дѣломъ вполне личнымъ или семейнымъ;—наряжалось и нѣчто вродѣ суда, который зналъ о преступленіи и, можетъ быть, назначалъ месть. Мстили за убійство и поруганіе женщинъ, какъ за мужчинъ. Гораздо позже, въ христіанскую пору лѣтопись говорить, что намѣстникъ великаго князя Святослава на Бѣломъ озерѣ приказалъ многимъ жителямъ мстить за убитыхъ матерей и сестеръ, обвиненныхъ въ колдовствѣ, вызвавшемъ неурожай въ области. Мстили и сами женщины за смерть мужей и дѣтей; всѣмъ извѣстны жестокія измышленія Ольги, мстившей древлянамъ за смерть Игоря. Женщинамъ, какъ и мужчинамъ, полагалось по судебному приговору выходить на судебный поединокъ, и рѣшать свое дѣло личной борьбой, не замѣняя себя бойцомъ. Женскій поединокъ былъ еще въ обычаѣ и въ христіанскія времена, когда на него обратила вниманіе церковь.

Славяне появляются въ исторіи живущими еще въ родовомъ быту, который постепенно разлагался, замѣняясь дѣленіемъ на племена. Земельною собственностью владѣла сообща цѣлая община; все хозяйство велось сообща подъ руководствомъ старѣйшины (домовладыки, домачина большой семьи). У славянъ южныхъ и западныхъ соблюдалось при этомъ нѣкоторыя правовыя нормы; родичи имѣли голосъ въ управленіи общиной, даже сами выбирали старѣйшину, а его помощницей бывала его жена. Допускалась даже возможность избранія женщины въ старѣйшины общины; общій совѣтъ членовъ наблюдалъ за этими руководителями.

При такой организаціи рода-общины участь женщины вмѣстѣ съ другими рядовыми работниками была довольно сносной. Существуетъ мнѣніе, что старинная славянская община имѣла и тогда смѣшанный составъ; въ него входили не одни кровные

родственники, но и посторонніе, находившіе экономическія выгоды въ такомъ приложеніи своего труда; они обезпечивали себѣ нѣкоторыя права особымъ договоромъ, и этимъ ограничивали власть родового старшины. Такимъ образомъ славянская община—задруга, какъ ее называли на югѣ, отклонялась отъ строя кровно-родовой общины римлянъ и становилась скорѣе экономическимъ союзомъ, трудовой коопераціей съ общимъ имуществомъ. Женщины входили въ нее какъ безусловно необходимыя трудовыя единицы, что сглаживало ихъ подчиненное положеніе въ семьяхъ и давало имъ нѣкоторыя личныя права. Такова была задруга у придунайскихъ племенъ; но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы она перенеслась къ намъ, на территорію современной Россіи. Въ родовомъ быту племенъ, перешедшихъ на нашу сѣверную равнину, незамѣтно, чтобы власть старѣйшинъ чѣмъ либо ограничивалась; у русскихъ славянъ среди суровой природы, бѣдности, полного невѣжества, среди разобщенныхъ между собой огромными пространствами поселковъ, промышлявшихъ первобытными промыслами звѣролова, охотника и рыбака, власть старѣйшинъ безъ труда развивалась до деспотизма, и тяжело ложилась на всѣхъ младшихъ и особенно на женщинъ.

Тяжелая доля дома, приниженность, зависимость женской личности побуждали отводить душу за предѣлами села на буйныхъ игрищахъ и гульбищахъ. Очень часто и среди многолюднаго состава рода для мужской молодежи не хватало невѣстъ, и дѣвушекъ отбивали у чужихъ общинъ, что обыкновенно происходило на игрищахъ. Здѣсь на веселыхъ сборищахъ не грозила насиліемъ власть старшихъ, за то проявлялись другія насилія, порожденія первобытныхъ разнузданныхъ нравовъ, уже осуждаемая немного болѣе культурными элементами славянскихъ племенъ. Вспоминаетъ ихъ первый лѣтописецъ, описывая разгулъ страстей на игрищахъ между селъ, гдѣ буйные молодцы не щадили сестеръ, никого не стыдились въ своихъ эксцессахъ, хватали любую женщину,—„которая жена или дѣвица до молодыхъ похотѣніе имать“, а потомъ, послѣ соблазна „иныхъ дѣвицъ поймающе, другихъ поругавше, метяху на посмѣяніе до смерти“.—Заключенный въ такой обстановкѣ бракъ по обоюдному

соглашенію являлся скорѣе счастливымъ исключеніемъ, нежели правиломъ; такъ думалъ и лѣтописецъ. Эти браки умычкою бывали непрочны и временны; необезпеченность, тяжелая бѣдность побуждали уходить другъ отъ друга, и въ погонѣ за лучшимъ искать себѣ новой пары, новой судьбы. Что касается до представителей высшаго состоятельнаго класса, имѣвшихъ возможность содержать многихъ женъ, то обиліе ихъ при имени одного мужа объясняется нѣкоторыми историками, какъ результатъ легкаго взгляда на бракъ, быстрой замѣны надоѣвшей жены другою; но несомнѣнно, существовало и многобрачіе и очень долго, захвативъ и христіанскія времена, а рядомъ съ нимъ — и непрочность брака съ частой смѣной женъ.

По русской равнинѣ славяне расселились уже племенами, среди которыхъ родовыя связи сильно разложились. Разбросанныя на широкомъ просторѣ племена стали замѣтно различаться по нравамъ и обычаямъ. Кому, какъ древлянамъ, довелось бороться со скупой природой, гнѣздясь въ глухихъ лѣсныхъ дебряхъ, живя по рѣдкимъ разобщеннымъ между собой селеніямъ, тѣ дичали и грубѣли среди бѣдности и первобытнаго хозяйства. Они жили „звѣринымъ обычаемъ“, не имѣли „стыденья“ къ матерямъ и снохамъ, умыкали невѣсть. Но болѣе богатые люди, слѣдуетъ думать, уже покупали женъ, какъ рабынь, чтобы прочнѣе держать ихъ въ своей власти. У полянъ, жившихъ въ лучшихъ условіяхъ, сносившихся съ обитателями Черноморья и съ греками, и потому перешедшихъ на болѣе высокую ступень экономического быта, и нравы стали мягче, быть нѣсколько культурнѣй. Женщина, хотя и младшій членъ семьи, являлась до нѣкоторой степени личностью съ нравственными и даже имущественными правами. Въ домахъ мужчины считались съ женской личностью, имѣли передъ ними „стыденье“, по выраженію лѣтописи. Благодаря тому, что торговля уже способствовала выдѣленію состоятельнаго класса, и женщины могли имѣть личную собственность, на этомъ настаиваютъ видные историки древнерусскаго права. Условія брака усложнились; онъ становился не только личнымъ, но и экономическимъ союзомъ, (хотя брачующихся по старому обычаю водили вокругъ куста или дерева). Сгово-

ренную невѣсту вечеромъ торжественно приводили въ домъ мужа, почему она и называлась в о д и м о й, законной женой въ отличіе отъ наложницъ. На другой день, когда союзъ фактически совершился, также торжественно привозили и сдавали ея приданое. Съ разложеніемъ родового быта, женщина сохраняла болѣе крѣпкія связи съ отцовской семьей, и не переходила всецѣло въ родъ мужа. Дѣвушка получила право на приданое, на свою долю изъ отцовскаго имущества. Въ теоріи приданое считалось всегда ея собственностью, хотя бы оно и входило въ общее съ мужемъ хозяйство, смѣшивалось съ его собственностью; на практикѣ, конечно, мужъ всетаки былъ властелиномъ дома, и рука его тяготѣла на всемъ хозяйствѣ. Но всетаки съ распаденіемъ родовыхъ общинъ на семьи съ домохозяиномъ, личнымъ собственникомъ во главѣ, положеніе женщины улучшилось; она тоже получила право на личное обезпеченіе. Какъ это отражалась на судьбѣ женщинъ бѣднѣйшаго класса, трудно сказать; въ меньшей семьѣ съ меньшимъ числомъ работниковъ, могла и возрасти тяжесть труда, выпадавшая на ея долю.

У поляковъ размѣръ приданого, которое должны были выдать дочери, точно опредѣлялся обычаемъ и закономъ, какъ извѣстная доля всего имущества ея отца; мужъ въ свою очередь обезпечивалъ цѣлость приданого жены соотвѣтственной частью своего имущества. У русскихъ славянъ какъ то чуждались точныхъ юридическихъ нормъ; полагалось давать приданое за дочерью, но сколько именно выдѣлить ей — возлагалось на совѣсть; „что владуче“, говоритъ лѣтопись, — сколько дадутъ. Князья и люди состоятельнаго класса охотно держались этой формы заключенія брака, который несомнѣнно давалъ больше устойчивости брачному союзу. Они сами, получивъ приданое, укрѣпляли за женой в ѣ н о, то имущество, которое ранѣе выдавали за невѣсту ея семьѣ, какъ выкупъ за нея. Этимъ обезпеченіемъ женщина заинтересовывалась въ совмѣстномъ хозяйствѣ съ семьей мужа.

Благодаря такимъ обычаямъ, княгини и знатныя женщины, главнымъ образомъ вдовы, получали въ свое владѣніе крупныя состоянія, волости, даже города. Хотя сестры князей не считались наслѣдницами на ряду съ братьями, но всетаки, повидимо-

му, получали кое-какое обезпеченіе изъ отцовскихъ владѣній. Когда заключались договоры князя Игоря съ греками, въ переговорахъ принимали участіе представители крупныхъ владѣлицъ, княгини Ольги и двухъ боярынь, женъ воеводъ со славянскими именами. Значитъ, знатныя и богатыя собственницы имѣли голосъ въ экономическихъ предпріятіяхъ и въ политическихъ договорахъ. Хорошо награжденныя отцами и мужьями, такія женщины могли пользоваться большимъ вліяніемъ въ общественномъ быту, если обладали умомъ и энергіей.

Въ договорѣ Игоря замѣтна забота о судьбѣ и рядовыхъ женщинъ: если славянорусъ, совершившій въ Греціи преступленіе, будетъ осужденъ и казненъ по греческимъ законамъ, то его женѣ выговаривалась доля изъ имущества мужа.

II.

При введеніи христіанства и у насъ, какъ на западѣ, должно было сказаться вліяніе женщинъ высшаго класса. Онѣ были далеки отъ болѣе культурной жизни запада и юга Европы, но при первыхъ отзвукахъ христіанской проповѣди не могли онѣ, особенно тѣ, которыя уже сумѣли вкусить сладости власти и вліянія, не сочувствовать ученію, которое давало мужу только одну жену, а дому—одну хозяйку. Слѣдуетъ думать, что не одна Ольга со своимъ государственнымъ умомъ склонилась на сторону вѣры грековъ, открывавшей пути къ европейской культурѣ; успѣхамъ новаго вѣроученія содѣйствовали и другія женщины. Если мужъ Ольги не рѣшился послѣдовать ея примѣру, а сынъ относился довольно безразлично къ вопросамъ вѣры и культуры,—то на внукахъ сильно сказалось вліяніе бабки и ея приближенныхъ христіанъ; не избѣжалъ его и Владимиръ, какъ не клеймилъ лѣтописецъ его идолопоклонническое усердіе. Изъ пяти его водимыхъ, т. е. законныхъ женъ, четыре были несомнѣнно христіанки, изъ нихъ 3 первыя,—2 чехини и болгарка, принадлежали къ знатымъ родамъ; во всякомъ случаѣ выросли среди болѣе культурной среды, нежели общество Святослава Кіевскаго и его сыновей.

Немного ранѣ Владимира близкій сосѣдъ его, польскій князь Брячиславъ послѣдовалъ настояніямъ своей жены, чешской княжны Домбровки, и принялъ христіанство. Скандинавская сага объ Олафѣ, служившемъ въ Кіевѣ русскимъ князьямъ, свидѣтельствуеъ о сильномъ вліяніи на Владимира его жены Адлогии, варяжки-христіанки, „умнѣйшей изъ женъ“, которая уговаривала его креститься.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ, письменностью, церковными обрядами перенеслись изъ Греціи и новыя нравственныя и юридическія понятія; въ сознаніе высшаго класса, а за ними и жителей большихъ городовъ они проникли довольно рано; но главная масса населенія, сельскій людъ прожилъ еще вѣка въ преданіяхъ и воззрѣніяхъ язычества, крайне медленно осваиваясь даже съ внѣшними формами христіанскаго богочитанія. И новая вѣра провела довольно рѣзкую черту между высшими слоями русскаго общества и крестьянствомъ; говоря о русскихъ женщинахъ-христіанкахъ долго приходится имѣть дѣло только съ княжнами и боярынями, мало касаясь женщинъ народной массы; долго волхвы находили среди этой массы крѣпкую опору для борьбы съ христіанскимъ духовенствомъ; старыя моленія, колдовство, ворожба, единственные способы проявленія своей силы и личнаго вліянія, долго владѣли сознаніемъ этихъ женщинъ, оправдывая филиппики аскетовъ противъ женскаго пола, доставляющаго многихъ угодницъ бѣсу.

Православная церковь усиленно старалась внушить новообращеннымъ, что бракъ есть таинство; стремилось установить его такимъ же идеальнымъ и твердымъ союзомъ, какъ союзъ Христа съ церковью; съ особой энергіей выступала она на борьбу съ плотской распущенностью восточныхъ народовъ, и эту борьбу перенесла и въ Русь.—Но именно семейный бытъ, семейное право, особенно близкіе человѣческой личности, связанные съ самыми интимными сторонами ея жизни, очень упорно не поддаются реформамъ и новизнѣ, и крайне медленно уступаютъ натиску новыхъ обычаевъ. У высшаго класса сложились одни понятія о правѣ и порядкѣ; низшіе классы довольствовались инымъ кругомъ понятій. Большая разница въ понятіяхъ о правѣ, о ре-

лигии замѣчалась и по областямъ территоріи; въ большихъ центрахъ, гдѣ скоплялось духовенство и представители грамотности прививался церковный бракъ, хотя очень долго при одной женѣ не стѣснялись держать многихъ наложницъ; и князья, переходя въ новый удѣлъ, оставляли въ прежнемъ гнѣздѣ не мало покинутыхъ женщинъ. Чѣмъ далѣе отъ центровъ, тѣмъ крѣпче держался бракъ по договору, гражданскій, безъ вѣнчанья. Только съ XIII-го вѣка церковный обрядъ проникаетъ въ жизнь окраинъ; до этого времени вѣнчались бояре, и знатные горожане. Въ XV-мъ и въ XVI-мъ вв. продолжалась борьба съ невѣнчанными браками, наложничествомъ, даже многоженствомъ, съ отклоненіями отъ христіанскаго житія. Въ Москвѣ въ домахъ уже царилъ византійскій обрядъ; а на Дону, гдѣ женщины были товарищами мужчинъ въ ихъ военномъ быту, вмѣсто вѣнчанья объявляли жениха и невесту въ казачьемъ кругу, мѣнялись женами, продавали ихъ и отсылали изъ дома, не отличая отъ плѣнницъ и рабынь. Еще дольше держались эти порядки въ Сибири; церковный бракъ и христіанская семейная жизнь были тамъ совсѣмъ чужды массѣ населенія; и это неудивительно, если оглянуться на Польшу; при строгомъ и образованномъ католическомъ духовенствѣ тамъ долго таилось многоженство, а въ XVI-мъ в. оно, говорятъ, даже усилилось.

Особенно любопытно при этомъ разнообразіи обычаевъ и порядковъ, что каждый классъ общества, каждая мѣстность считали свою семейную жизнь, свое отношеніе къ женщинѣ вполне законными. Гражданская и даже церковная администрація считались съ мѣстными понятіями о правѣ и законѣ. Въ Малороссіи XVI-го и XVII вв. признавали вполне законными и невѣнчанныхъ женъ, лишь бы было установлено публичное признаніе брака. Историки права отмѣчаютъ, что понятіе о христіанскомъ церковномъ бракѣ медленно развивалось и въ Византійскомъ законодательствѣ, и церковное вѣнчаніе, какъ обще-обязательное постановленіе закрѣплено въ законахъ только въ началѣ IX-го в. Еще дольше терпѣлось наложничество; общество такъ твердо и открыто держалось старыхъ обычаевъ, что императоры долго не рѣшались прямо и рѣзко запретить ихъ. Только къ

XI-му вѣку запрещеніе наложничества было внесено въ законы. Понятно, что наше духовенство на первое время не имѣло твердо установленнаго руководства для борьбы съ распущенностью нравовъ и старыми привычками паствы. Настаивая на единобрачїи, осуждая третій бракъ, оно еще не запрещало конкубината, права держать наложницъ. Статья „Русской Правды“ вноситъ въ жизнь нѣчто новое, выдѣляя изъ семьи дѣтей наложницы или рабы, и отказывая имъ въ правѣ наслѣдованія въ имуществѣ отца наряду съ дѣтьми законной жены. Въ XII-мъ в. новгородскій діаконъ-уставщикъ, Кирикъ, спрашивалъ своихъ епископовъ, какъ подобаетъ держать наложницъ, тайно или явно? Епископъ отвѣтилъ, что такое сожительство вовсе не подобаетъ христіанину. Пережитки языческой свободы нравовъ долго терпѣлись рядомъ съ суровымъ отшельничествомъ и аскетической проповѣдью.

Вообще церковь взяла женскую личность подъ свое покровительство, вмѣстѣ со всѣми сирыми и беззащитными, но женщинамъ пришлось многимъ поступиться. Съ первыхъ дней своего утвержденія на Руси православная церковь черезъ клиръ, своихъ представителей, заботливо и твердо намѣтила демаркационную линію между полами, указывая, гдѣ мѣсто мужчины, гдѣ мѣсто женщины, какъ слѣдуетъ относиться къ первому, какъ цѣнить вторую. Началось съ мѣстовъ для молящихся въ храмахъ. Въ Греціи, сообразно исконному раздѣленію половъ въ домашнемъ быту, женщины на молитвѣ помѣщались отдѣльно отъ мужчинъ на верхнихъ галлереехъ каменныхъ храмовъ. Эти галлерей составляли обязательную часть церковнаго зданія, ставились на каменныхъ аркахъ и столбахъ, особая лѣстницы вели къ нимъ прямо съ паперти, такъ что женская половина молящихся не встрѣчалась съ мужской. Галлерей завѣшивались легкой тканью, сквозь которую женщины могли видѣть церковь и службу, не будучи видимы сами. Священники и дьякона поднимались наверхъ для кажденія и благословенія; прикладываться же къ иконамъ женщины отправлялись внизъ, когда церковь была еще пуста. Въ небольшихъ и деревянныхъ церквяхъ не бывало галлерей; женщины становились въ задней половинѣ

храма, отдѣлявшейся ступенями и загородкой. Въ древнихъ храмахъ имѣлись скамьи и ниши, гдѣ могли сидѣть мужчины, женщины же обязаны были всегда стоять. Въ Сербіи по уставу царя Душана сидѣть въ храмѣ могли только царица и ея старшая невѣстка, и никто болѣе изъ женщинъ.

Порядокъ этотъ перенесся и въ русскую церковь. Въ нашихъ каменныхъ храмахъ воздвигались полаты для женщинъ съ особой лѣстницей съ паперти, и тоже завѣшивались тканями. Въ малыхъ деревянныхъ церквахъ женщины становились отдѣльно сзади. Въ Малороссіи это мѣсто долго называлось „бабинець“.

У насъ отдѣленіе женщинъ въ церквахъ проводилось, по видимому, не такъ строго, какъ въ Византіи, но оно имѣло худшія послѣдствія—женщины рѣдко посѣщали церковныя службы. Какъ и въ Греціи, въ домонгольской періодъ нашей церкви при храмахъ служили особыя женщины, діакониссы, которыя надзирали за женскимъ отдѣленіемъ, и пѣли здѣсь все, что относилось ко внѣ-алтарной службѣ. Въ Византіи діакониссы рукополагали; слѣдуетъ думать, что и у насъ онѣ получали особое посвященіе на служеніе храму и принадлежали ко клиру; онѣ святости кутью, хлѣбы, зерно. Позже, когда православіе укрѣпилось въ народѣ, въ церковной литературѣ слышались протесты противъ діакониссъ, а положеніе ихъ измѣнилось. Стоглавъ жалуется на нескладное „бормотанье“ надъ просфорами непосвященныхъ женщинъ, невѣжественныхъ, путающихъ молитвы за здравіе и за упокой.—Несчастныя, безграмотныя молитвенницы не сумѣли устоять на высотѣ положенія, справляясь кое какъ со своими обязанностями; ихъ повсемѣстно отстранили отъ храмовъ, и отъ женскаго клира сохранились у насъ однѣ просвири.

Вопросъ,—лучше ли исполняли требы малограмотныя церковно-служители; но безъ нихъ не могли обойтись, женщинами же очень легко поступились. Отстраненіемъ отъ алтаря и отъ главной части храма церковь отводила женщинъ второстепенное мѣсто передъ лицомъ ея Творца. Никакое покровительство женщинъ, никакое заступничество за ея права, какъ жены и матери не искупало внушительности такого отстраненія, производимаго

публично, вполне очевиднаго для народной массы. Попутно наряду съ этой мѣрой много ветхозавѣтныхъ взглядовъ заносилось съ востока, взглядовъ на женщину, сложившихся въ пору древняго еврейскаго патріархата, когда онъ боролся съ окружающими его идолопоклонниками. Въ женщинъ систематически унижалось все, что было связано съ ея чадородіемъ, съ тѣмъ опаснымъ для патріархальнаго строя ея служеніемъ будущности человѣчества, какое особенно цѣнили первобытные язычники, какъ проявленіе главныхъ силъ природы, творчества матери земли. Женщина была признана нечистою въ важнѣйшіе періоды своей жизни и періодически очищалась, какъ оскверненный сосудъ. Считалось нечистымъ и подвергалось освященію помѣщеніе, гдѣ происходили роды; благодаря этому жизнь родильницъ изъ бѣдныхъ слоевъ населенія и ихъ младенцевъ подвергалась большимъ опасностямъ въ холодныхъ и грязныхъ чуланахъ и закутахъ. Все это накладывало на женскую личность печать отверженности и приниженности, что очень глубоко проникало въ сознание еще первобытнаго русскаго общества и поддерживало престижъ сильнаго пола.

Взявъ подъ свое наблюденіе семейную жизнь новообращенныхъ, церковь требовала строгаго обузданія чувственности и отдаленія мужа отъ жены на три, четыре дня въ недѣлю; тогда учили, что дитя, зачатое въ дни предназначенныя посту и воздержанію, будетъ обладать покорной дьяволу душой еретика и преступника; ограничивалась даже совмѣстная жизнь супруговъ на всѣ посты, что проповѣдывалось какъ идеаль семейнаго житія христіанина. Добиться установленія постовъ среди населенія древней Руси стоило духовенству огромныхъ трудовъ; въ ту пору очень медленной колонизаціи дѣвственныхъ лѣсовъ и полей наши предки жили еще звѣроловами, питались главнымъ образомъ, а мѣстами и исключительно мясной пищей. Приходилось пускаться въ оборотъ самыя грозныя застраиванья, самыя строгія внушенія, чтобы поражать воображеніе дѣтей природы и побудить ихъ такъ или иначе почитать посты. Увлеченіе женщиной приписывалось чарамъ дьявола, исконнаго врага людскаго благополучія; ореолъ постниковъ и затворниковъ освѣщался съ

необыкновенной яркостью, что бы привлекать вниманіе любителей веселья и сытой пищи. Долгое время эти проповѣди почти не достигали слуха массы людей, затерянныхъ среди громаднхъ пространствъ, лишенныхъ церквей и элементарныхъ средствъ, побуждающихъ человѣка сознать себя—хотя бы смутно христіаниномъ.

Когда началась проповѣдь отреченія отъ суетнаго міра и въ древней Руси возникло монашество, на проповѣдь откликнулись и женщины. Въ средѣ первыхъ сподвижниковъ женщины не считались чуждыми новыхъ идеаловъ, перенесенныхъ съ юга на русскую почву. Ѳеодосій Печерскій охотно посѣщалъ въ Кіевѣ домъ одной благочестивой четы и бесѣдовалъ съ умной женой такъ же охотно, какъ и съ мужемъ. Эта женщина преклонялась передъ самоотверженнымъ подвижникомъ; благоговѣли передъ нимъ многія княгини и боярыни. Въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ въ ту раннюю пору постригались главнымъ образомъ знатные и богатые люди, наиболѣе культурный элементъ христіанской Руси, что помогло обителямъ приобрести сильное вліяніе на просвѣщеніе страны.

Среди женщинъ этого класса тоже зародились аскетическія настроенія: вдовы, даже дѣвицы стремились къ уединенію, молитвѣ, постничеству и созерцанію. Иныя знатныя женщины уходили въ келейки и затворы при церквахъ. Извѣстный женскій монастырь княжны Янки Всеволодовны, дочери греческой царицы и сестры Мономаха, былъ далеко не первымъ примѣромъ женскаго подвижничества. Его первыя проявленія таились въ женскихъ келейкахъ при храмахъ, гдѣ селились охваченныя религіознымъ энтузіазмомъ женщины для уединенныхъ молитвъ и списыванія книгъ, и откуда онѣ содѣйствовали въ свою очередь распространенію христіанскихъ понятій и книжности. Сама Предслава—Евфросинья Полоцкая постриглась довольно рано гдѣ-то у своей тетки, княгини-монахини, которая, вѣроятно, тоже жила при храмѣ; затѣмъ она уже самостоятельно съ особаго разрѣшенія епископа поселилась въ подвалѣ Полоцкаго собора; тамъ подвизалась и переписывала священныя книги для приходовъ, а затѣмъ приступила къ организаціи своихъ монастырей.

Нельзя ожидать, говорить видный историкъ, отъ женской немощи, да еще въ тогдашнихъ тяжелыхъ условіяхъ жизни, чтобы женщины основывали свои иноческія общины силою личного подвижничества, какъ иноки Печерскіе, или герои пустынножительства въ сѣверной Руси. Женскіе монастыри были главнымъ образомъ ктиторскіе, т. е. основывались богатыми благочестивыми жертвователями.

Впрочемъ, до татарщины всѣ монастыри ставились въ городахъ или около нихъ, и самые строгіе подвижники спасали душу близъ людского общества; съ этимъ связана и ихъ основная миссія, служить просвѣтителями и насадителями книжности.

Среди 70-ти домонгольскихъ монастырей извѣстно всего 13 женскихъ, и всѣ они стояли въ большихъ городахъ; изъ нихъ шесть въ богатомъ Новгородѣ, несомнѣнно ктиторскихъ, содержавшихся пожертвованіемъ. При этомъ—многія женщины по прежнему ютились въ келейкахъ на церковныхъ дворахъ, значительно увеличивая собой общее число женщинъ, посвятившихъ себя дѣламъ благочестія.

Правила и порядки монашескаго житія перенесены къ намъ, какъ извѣстно, съ востока и изъ Византіи. Тамъ строжайше запрещалось допускать женщинъ въ мужскіе монастыри; инокамъ запрещалось бесѣдовать съ женщинами, даже смотрѣть на нихъ безъ необходимости; а между тѣмъ условія жизни были таковы, что женскіе и мужскіе монастыри строились совсѣмъ рядомъ. Пахомій Великій, основатель иноческихъ общинъ въ Ѳиваидѣ, помогъ своей сестрѣ устроить тамъ и женскій монастырь. Сотни дѣвицъ приходили къ старцамъ Ѳиваиды поучаться благочестиво-созерцательной и труженической жизни. Сказаніе о св. Пафнутіи, отправлявшемся въ Александрію для спасенія души гетеры Таисъ обошло весь міръ. Самые строгіе подвижники церкви считали необходимымъ приобщать женщинъ къ ученію благодати, къ упражненіямъ въ благочестіи, и потому не чуждались ихъ, хотя и рисковали подвергнуться величайшимъ соблазнамъ. Женскіе и мужскіе монастыри нерѣдко основывались одними и тѣми же лицами; монахи и монахини сосѣднихъ монастырей имѣли общихъ экономовъ—мужчинъ, заботившихся о двухъ хозяйствахъ.

Бывали обители, гдѣ женщины отдѣлялись отъ мужчинъ одною внутренней стѣной.—Возникало не мало соблазновъ, даже съ глубоко-трагическими послѣдствіями. Правительство еще со временъ имп. Юстиніана запрещало подобные монастыри общаго характера; но борьба съ этимъ строемъ обителей тянулась очень долго.

Есть указаніе, что эти двойныя учрежденія существовали и у насъ, и тоже отличались большою живучестью, потому что ихъ окончательно запретили только въ началѣ XVII-го в. Сама Евфросинія Полоцкая построила въ родномъ городѣ рядомъ два монастыря мужской и женскій. Такое сосѣдство двухъ обителей замѣчалось и въ другихъ мѣстахъ. Довольно долго женскія обители имѣли верховнаго надзирателя въ лицѣ игумена ближняго мужского монастыря и зависѣли въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ отъ его администраціи. Самостоятельность организацій русскихъ монахинь сложилась сравнительно въ позднюю пору.

Одновременно съ парными монастырями существовали иночскія общины иного, очень строгаго типа. Житіе св. княжны Евфросиніи Суздальской говоритъ, что въ ея Суздальскомъ монастырѣ дѣвушки-инокини гораздо строже отдѣлялись отъ вдовъ, чѣмъ на востокъ женщины отъ мужчинъ. Неискушенная жизнью дѣвица должны были сохранить въ полной чистотѣ свои душевные помыслы. Сама вдохновенная настоятельница неотступно наблюдала за ними; инокини-вдовы подчинялись другой игуменьѣ. Неизвѣстно, много ли было такихъ идеально-строгихъ монастырей; мало свѣдѣній сохранилось и о внутренней жизни ихъ обитательницъ. Вѣроятно Евфросинія было знакомо „Наставленіе инокинямъ“ Іоанна Постника, патріарха Константинопольскаго, знаменитое произведеніе, переведенное на многіе языки. Авторъ развиваетъ въ немъ мысль ап. Павла, указавшаго на различіе въ положеніи женщинъ, находящихся подъ игомъ супружества отъ тѣхъ, которыя вступили въ „хоры дѣвственницъ“. „Раздѣлился жена и дѣво“, говоритъ онъ. Дѣва печется о Господнемъ, какъ угодить Богу, и да будетъ свята тѣломъ и духомъ; а замужняя печется о мірскомъ, какъ угодить мужу. Вѣрность той и другой своему долгу логически выводится изъ одного источника. Если

дѣва-инокиня въ точности послѣдуетъ по стопамъ примѣрной замужней женщины, то она и не нуждалась бы въ наставленіи, какъ угождать Христу. Какъ та имѣетъ „безраздѣльное стремленіе къ своему мужу“, такъ дѣва проникается священнымъ удѣломъ иночествующихъ, — своей любовью ко Христу; какъ жена обращаетъ взоры къ своему супругу, такъ инокиня взываетъ ко Христу: „къ тебѣ возведохъ очи мои, живущему на небесѣ“, дабы онъ призрѣлъ невѣсту и озарилъ умъ инокини; а инокиня должна весь свой умъ направлять къ нему, его искать, ему внимать: „кромѣ него не найдешь помощи ни въ ангелахъ, ни въ челоуѣкахъ“. — Какъ жена не имѣетъ никого кромѣ мужа, кто бы желалъ съ пламенною ревностью защищать ее; такъ и дѣвственница духомъ не имѣетъ необходимости призывать кого либо, кромѣ Христа, или кому либо кромѣ него повѣдать свои скорби и нужды. — „Посему, если что либо безъ него сдѣлаешь — не на благо тебѣ будетъ: ибо глава твоя не мужъ, но Христосъ“... Если инокиня не заботится о высшемъ для души, святомъ, доведется ей служить низшему. Лишь приближеніемъ ко Христу освобождается она отъ страстей и раздраженія. „Не предпочитай Христу ни вещи, ни дѣла, ибо Христосъ требуетъ, чтобы ты безъ всякаго извиненія устраняла предпочтеніе чего либо ему, — требуетъ какъ мужъ, какъ женихъ и Господь, безъ котораго ничего не будетъ“. — Далѣе слѣдуютъ совѣты инокинѣ какъ сопротивляться наущеніямъ змія-дьявола, который всегда старается соблазнить ее, какъ соблазнялъ Еву.

Трудно сказать, поучали ли нашихъ старинныхъ монахинь наставленіями постника, и глубоко ли проникали они въ ихъ души; но одно несомнѣнно, — что яркія сравненія власти Христа надъ душой стремящейся къ нему всѣми помыслами дѣвы-невѣсты съ исключительными правами земного мужа на душу и всѣ помыслы своей жены производили сильное впечатлѣніе на умы русскихъ книжниковъ и грамотеевъ. Для моралистовъ-проповѣдниковъ древней Руси духовная жизнь женщинъ лишилась самостоятельнаго смысла и творческаго значенія; она вся вливалась въ чувство беззавѣтной преданности и готовности служить мужу земному или небесному жениху. Устремленіе духомъ ко Христу,

единому заступнику и покровителю, возносило и просвѣтляло лучезарнымъ сіяніемъ дѣву-подвижницу; но и значеніе земного мужа необычайно возвеличивалось и укрѣплялось сближеніемъ съ небеснымъ покровителемъ. Духовное величіе дѣвы-инокини проявлялось въ тиши обителей, вдали отъ мірскихъ глазъ, какъ нѣчто уже далекое отъ земныхъ заботъ; значеніе же и полнота власти мужа утверждались и проповѣдывались для земной жизни и были вполне доступны каждому мужчине; отсюда, изъ священнаго характера власти мужа выросло сильное вліяніе монастырскаго строя на характеръ семейной жизни въ московской Руси съ XIV-го до XVII-го вѣка, отразившееся въ знаменитомъ Домостроѣ.

Женскіе монастыри древней Руси вели довольно тихое существованіе; они рѣдко славилась чудесами, мало поражали умы и воображеніе вѣрующихъ, сохранили очень мало житій своихъ подвижницъ. Старинныя монахини особенно прославились своими трудами въ художественныхъ рукодѣльяхъ. Богатые монастыри, основанные и покровительствуемые княгинями, располагали богатыми складами дорогихъ матеріаловъ, греческой парчи, заграничныхъ шелковыхъ тканей, золота и серебра для пряжи, шелку, драгоценныхъ камней для вышиванья. Въ монастыряхъ устраивались особыя школы, гдѣ готовились художницы, вышивальщицы и золотошвеи; опытные мастерицы годами вырабатывали художественныя пелены, покровы, ризы, воздухи для украшенія соборовъ, церковей и домашнихъ крестовыхъ у богатыхъ людей. Замѣчательныя издѣлія монахинь-мастерицъ очень способствовали развитію чувства изящнаго и художественнаго вкуса въ рускомъ обществѣ; онѣ же создали технику тонкаго рукодѣльнаго мастерства и долго поддерживали ее на должной высотѣ.

И такъ, передъ церковью женщина была признана лицомъ младшимъ, низшимъ, обязаннымъ скрываться за личностью мужа и состоять въ полномъ у него послушаніи; на нее легла печать чего то нечистаго; какое то темное грѣховное пятно отмѣтило ее безъ всякой вины съ ея стороны. Но въ средѣ свѣтскаго общества та же церковь добивалась для нея почетнаго мѣста и вліянія въ семьѣ, уваженія къ ея человѣческой личности, тре-

бовала вниманія къ ея слабости, защиты ея отъ насилій. Первое время духовенство положило много энергіи на установленіе церковнаго брака, заключаемаго по желанію самихъ брачущихся; только опираясь на вполне полюбовный союзъ, оно могло преслѣдовать прелюбодѣянія, браки при жизни первыхъ супруговъ, бороться съ самовольными разводами, съ умыканіемъ дѣвицъ. Облегчая условія брака, оно долго не требовало даже согласія родителей брачущихся; это требованіе внесено позже въ сборникъ церковныхъ правилъ, (Кормчая книга появилась въ XII в. и постепенно дополнялась). Въ грубомъ, почти дикомъ обществѣ, привыкшемъ къ многоженству, страдательная роль выпадала на долю женщины; поэтому въ борьбѣ съ язычествомъ церкви приходилось стоять за права законной жены на одинаковое съ мужемъ значеніе у домашняго очага, права на долю изъ имущества и хозяйства, на которое она работала.

Духовенство стремилось внушить, что похищеніе дѣвицы — насиліе надъ нею, позорящее ея честь, унижительное для ея личности; похититель подлежалъ суду князя и епископа; съ него взыскивали вознагражденіе потерпѣвшей, сумма котораго росла сообразно съ социальнымъ положеніемъ женщины; за похищеніе боярской дочери или жены, виновникъ платился 6-ю гривнами золота, сумма крупная для того времени. Еще строже карался самовольный разводъ, отъ котораго часто страдали жены, выселяемые мужьями изъ дома: провинившемуся боярину грозило взысканіе на громадную сумму, до 300 гривенъ золота. Церковь взяла подъ свой надзоръ женскіе поединки, назначаемые судомъ. Такіе публичные бои представляли слишкомъ соблазнительное зрѣлище для благочестивыхъ христіанъ. Не одобряя грубыхъ, воинственныхъ выступленій женщинъ, предназначенныхъ для скромной жизни у домашняго очага, церковь, повидимому стремилась скрывать ихъ поединки подальше отъ глазъ праздной толпы.

Въ компетенцію церковнаго суда входили всѣ ссоры и столкновенія, происходившія внутри семей, жалобы супруговъ другъ на друга или на дѣтей; онъ считалъ необходимымъ преслѣдовать всякія насилія надъ женщинами и дѣтьми. Положеніе церкви обя-

звало къ благимъ пожеланіямъ; но очевидная затруднительность, почти невозможность открывать преступленія и насилія противъ слабѣйшихъ среди несложившагося первобытнаго общества, неудобства борьбы съ высшимъ классомъ, боярами и дружиной, занимавшими особое положеніе въ странѣ, надолго парализовало добрыя намѣренія уставовъ и постановленій.

Впрочемъ, въ судебной практикѣ оказалось не мало дѣлъ о безчестіи женщинъ срываніемъ головного убора; какъ извѣстно, православной женщинѣ запрещалось показывать свои волосы кому-либо, кромѣ мужа и самыхъ близкихъ лицъ; открыть волосы публично, „опростоволосить“ женщину очень долго считалось большимъ и дерзкимъ проступкомъ противъ нравственности и религіознаго чувства.

Своимъ отношеніемъ къ браку и женщинамъ церковь оказала нѣкоторое вліяніе на постановленія „Русской Правды“; судя по уставу церкви, слѣдуетъ думать, что убійство женщины каралось тѣми же 40 гривнами виры, какъ и убійство свободного мужчины. Жизнь же рабыни, какъ и ранѣе, цѣнилась дороже жизни раба,—6 гривнами вмѣсто 5-ти. Статьями, касающимися гражданскаго и семейнаго права, женщины древней Руси признавались самостоятельными юридическими лицами, и въ бракѣ—отдѣльными отъ мужей; онѣ вполне самостоятельно владѣли своей собственностью отдѣльно отъ семейнаго имущества. Но дѣвушки вообще не считались наслѣдницами послѣ родителей; онѣ имѣли право только на приданое изъ имущества отца, размѣры котораго по прежнему не опредѣлялись; за смертью отца, братья-наслѣдники обязаны были позаботиться о приданомъ сестеръ. Что приданое никогда не считалось за собственность, приобрѣтенную по наслѣдству, доказывается тѣмъ, что по смерти бездѣтной жены, ея приданое всегда возвращалось семьѣ ея отца и братьевъ.—Ворочемъ, права дочерей рѣзко различались по ихъ положенію на соціальной лѣстницѣ.—Такъ, по смерти человѣка низшаго класса, людина или смерда, не оставившаго сыновей, его имущество отписывалось на князя, и уже отъ имени этого высокаго лица выдѣляли приданое незамужнимъ осиротѣвшимъ дочерямъ. Такое ограниченіе правъ

дочерей объясняютъ различно; одни видятъ въ немъ пережитокъ родового быта; другіе говорятъ, что смерды часто пользовались общественной землей или работали на землѣ частнаго собственника, и дочери не могли вмѣстѣ съ имуществомъ принимать на себя ихъ обязательствъ передъ землевладѣльческой общиной.

Но отстраненіе дочерей отъ наслѣдованія не касалось высшаго класса и княжеской дружины. Этотъ классъ княжихъ слугъ давно занялъ особое положеніе среди населенія Руси. Слуги князя переходили вслѣдъ за нимъ изъ одной области въ другую и не имѣли связей съ мѣстными обществами. Они имѣли особыя привилегіи въ своихъ владѣльческихъ правахъ; даже внутри ихъ семей между ихъ членами зарождались особыя юридическія отношенія; и права дочерей въ высшемъ классѣ княжихъ слугъ оказались отчасти сходными съ правами феодаловъ въ Англіи; законъ говорилъ: умереть княжій мужъ и не оставить сыновей, то дочери наслѣдуютъ его земли и имущество. Только гораздо позже, въ Московской Руси XVI-го в. стали сокращать права дочерей знати на наслѣдованіе вотчинъ.

Наше раннее законодательство особенно внимательно къ вдовамъ—матерямъ, тѣсно связаннымъ съ экономическими интересами младшаго поколѣнія дома. Жена и при жизни мужа можетъ вполне самостоятельно владѣть своимъ приданнымъ, тѣмъ, что ей дастъ мужъ и что сама она приобрѣла въ годы замужества; все это сохраняетъ она за собой и по смерти мужа. Значеніе личности матери вдовы признается общимъ правиломъ: если мужъ умереть, оставивъ жену съ дѣтьми, то вдова заступаетъ его мѣсто передъ семьей и обществомъ; она беретъ себѣ на свое содержаніе долю изъ наслѣдства дѣтей, если мужъ самъ не наградилъ ее при жизни, (но безъ права ею распоряжаться); она одна опекаетъ и воспитываетъ дѣтей до совершеннаго возраста, ведетъ хозяйство, торговлю, всѣ дѣла, какія оставилъ мужъ, отвѣчая за свои промахи и растраты. Ей не назначаютъ соопекуновъ, какъ это дѣлается на западѣ и до сихъ поръ. Русское общество, едва вышедшее изъ порядковъ родового быта, при своихъ довольно первобытныхъ экономиче-

скихъ обычаяхъ, очень дорожило цѣльностью и крѣпостью семьи и ея хозяйства, и потому очень высоко ставило личность — „матери-вдовы“, ихъ естественной хранительницы, нерѣдко управлявшей крупной экономической единицей послѣ смерти перваго главы семьи; оно проводило свое уваженіе къ женщинѣ, заступавшей передъ нимъ личность своего покойнаго мужа, и въ другихъ статьяхъ закона, обезпечивавшихъ ей почетъ и покой. Такъ, если уже взрослые дѣти не пожелаютъ жить вмѣстѣ съ матерью, то законъ приказываетъ имъ уйти изъ отчуждаемаго дома, а мать-вдова остается въ немъ.

Если вдова предпочтетъ вторично выйти замужъ, то она уноситъ съ собой въ другую семью свое приданое и прочее имущество, что дарилъ и завѣщалъ ей первый мужъ. Ея имущество наследовали ея дѣти отъ того и другаго брака. Если поженятся вдовецъ со вдовой, имѣющіе каждый своихъ дѣтей, то каждому изъ нихъ наследуютъ только его дѣти. — Умретъ мать-вдова безъ завѣщанія, а она могла завѣщать свое имущество безразлично — сыну и дочери, то ей наследовалъ тотъ изъ дѣтей, у кого она жила и умерла, т. е. тотъ, кто послѣдній о ней заботился.

Несомнѣнно подъ вліяніемъ церкви внесена въ „Русскую Правду“ статья, требующая, чтобы рабыня, состоявшая наложницей господина, отпускалась на свободу вмѣстѣ со своими дѣтьми; но ея дѣти не могли считаться членами христіанской семьи, и потому не получали ни наследства, ни приданого изъ имущества отца; законъ только давалъ имъ свободу; о ихъ дальнейшей судьбѣ не заботились; но тутъ за нихъ вступался обычай: есть указаніе, что семья выдавала имъ кое что изъ вещей или скота. Затѣмъ церковь могла ихъ взять подъ свое покровительство: на церковной землѣ обычно ставились избушки, мазанки, келейки, гдѣ ютились только что отпущенные на свободу люди, пока не устраивались гдѣ нибудь, не находили приложения своему труду.

Старый законъ на глазахъ церкви признавалъ полную имущественную самостоятельность не только вдовъ, но и замужнихъ женщинъ, какъ бы впадая въ противорѣчіе съ принципомъ пол-

ной покорности и подчиненія жены мужу, которымъ учила сама церковь. Какъ понять такое разногласіе? Какъ умѣщались въ женской жизни подчиненность съ самостоятельностью? Слѣдуетъ думать, что самостоятельность женщинъ-собственницъ существовала главнымъ образомъ въ теоріи, въ сферѣ допустимыхъ возможностей; на практикѣ жена отвѣчала за долги мужа не только своимъ имуществомъ, но и личностью: въ случаѣ несостоятельности, — она вмѣстѣ съ дѣтьми поступала въ рабство въ счетъ уплаты долга кредитору; и лишь значительно позже было установлено призывать ее къ отвѣтственности только тогда, если она своими средствами участвовала въ предпріятіяхъ мужа. Съ имущественной самостоятельностью женщины мало считались судьи и исполнители ихъ постановленій; въ семьѣ личность подавлялась властью мужа и старшихъ. Мудрено себѣ представить, какъ женщины среднихъ и низшихъ классовъ могли распоряжаться своими маленькими имуществами, когда они входили въ составъ общаго съ мужемъ хозяйства; вѣдь самихъ женщинъ мужа и свекры закладывали на отработки, брали на нихъ кабалы, уводили съ собой въ холопство. Другое дѣло боярыни и представительницы высшаго купечества; онѣ владѣли крупными имуществами, и могли вести вполне самостоятельныя хозяйства въ своихъ владѣніяхъ.

III.

Среди начавшей складываться христіанской семьи люди уже начали чувствовать обаяніе женщины и матери, которая давала имъ миръ и тепло въ обстановкѣ личной, земной жизни, даже становилась иногда ея центромъ; но скопленіе тяжелыхъ неблагоприятныхъ условій не дало семьѣ развиваться. Огромное бѣдствіе обрушилось на страну; — разразился татарскій погромъ, потянулись годы тяжкаго ига. Бодрый духъ народа замутился. Тягота жизни побуждала самыя закаленные сердца искать утѣшенія въ благочестіи. Упадокъ вѣры въ себя среди униженнаго народа выдвинулъ вліяніе идеи грѣховности, которую такъ

охотно проповѣдывало духовенство: иго азіатовъ—наказаніе за грѣхи народа; настало время думать о покаяніи и спасеніи души. Аскетическія настроенія сразу повысились. Число монастырей быстро росло, развивалось отшельничество и пустынножительство. Исканіе путей къ спасенію грѣшныхъ душъ вытѣснило изъ сознанія книжниковъ и духовенства заботы о просвѣщеніи и грамотности, что очень невыгодно отразилось на отношеніи къ женщинамъ. Новое направленіе мысли не одобряло наслажденія жизнью, доставляемаго сердечной связью мужчинъ и женщинъ; въ любви не видѣли ничего кромѣ плотской чувственности, поощряемой нечистымъ, врагомъ Христа; привязанности, привлекательность семьи могли только мѣшать человѣку проникаться настроеніями покаянія и умиленія, проповѣдуемыхъ духовенствомъ, которое въ години бѣдствій усердно укрѣпляло свои власть и вліяніе на развалинахъ старой вольной жизни Руси. Указывая пути къ спасенію души, литература и проповѣдники рисовали женщину носителемъ самыхъ мощныхъ соблазновъ грѣшнаго міра, первую жертву и вѣрную служанку дьявола, своими прелестями подчиняющую ему все новыхъ и новыхъ жертвъ. Въ отдѣльныхъ поученіяхъ, въ сборникахъ для назиданія вѣрующихъ подбирались мнѣнія великихъ людей „о злобѣ и лукавствѣ женщинъ“; книжники выхватывали отвѣчавшіе ихъ цѣли отрывки изъ страстныхъ филиппикъ Златоуста противъ враждебной ему императрицы, написанныхъ въ минуты напряженного раздраженія, изъ поученій восточныхъ аскетовъ-пустынниковъ, измученныхъ соблазнительными видѣніями; приплетали къ нимъ суровые отзывы о женщинахъ ветхозавѣтныхъ пророковъ и мудрецовъ древности, Сократа, измученнаго своей Ксантипой; получался очень цѣльный по выдержанности основной мысли подборъ яркихъ образцовъ краснорѣчія, родъ хорошей хрестоматіи, какими въ наше время опытные педагоги умѣло настраиваютъ учениковъ на заранѣ намѣченные размышленія. И въ западной Европѣ въ средніе вѣка подѣ вліяніемъ литературы востока и аскетовъ-проповѣдниковъ распространялись безпощадныя обличенія грѣховности дочерей Евы, писались грубыя до цинизма сатиры на женщинъ; но на

западѣ крѣпко привилось вліяніе школы, поддерживавшее навъыки къ критической работѣ мысли; и изуверскія нападки на женскую личность вызывали среди лучшей части общества обратное явленіе—горячую защиту чистоты женской души, панегирики женской добродѣтели, рыцарское поклоненіе, прославленіе женщины, какъ источника красоты и счастья на землѣ. На „Евангеліе для женщинъ“, на „Хулу женщинъ“, на „Сороку и женщину“,—отвѣчали трактатомъ „О добродѣтели женщинъ“, поэтическимъ „Сказомъ о женщинахъ“, наконецъ, истинно рыцарское отношеніе сильно сказалось въ знаменитомъ „Романѣ Розы“.

Не то у насъ; запуганное воображеніе аскетовъ ни въ чемъ не находило противовѣса; при отсутствіи матеріала для чтенія литература „о злыхъ женахъ“, отвѣчая общему настроенію униженности и трепета, производила сильное впечатлѣніе. Работа мысли была еще чужда русскому обществу того времени; оно само еще жило воображеніемъ; а это воображеніе запугивалось на такомъ всѣмъ близкомъ и знакомомъ аффектѣ, какъ влеченіе къ женщинѣ; ему особенно легко внушалось навязчивая идея о темномъ навожденіи, о силѣ дьявола, и слабый духомъ, лишенный нравственной устойчивости людъ охотно слагалъ на женщину отвѣтственность за первородный грѣхъ и за пагубную власть дьявола надъ земной жизнью человѣка.

— „Не взирайте на доброту женскую, но ходите предъ ними въ страхѣ Божьемъ, ибо лукави суть жены“, писали книжники. Самое „естество женское вельми есть зло“,—„сотворено дьяволомъ, дабы уловлять и прельщать человѣка ко грѣху“.—Изъ поученій Заточника: „Горе городу, въ которомъ владѣтельствуешь женщина! Горе дому, гдѣ владѣтъ женщина! Зло и мужчинѣ, который слушаетъ женщину“!.. Изъ твореній Іисуса сына Сирахова: „Не отдавай души своей женщинѣ, не встрѣчайся съ блудницею; на дѣвицу не смотри, съ замужнею не сиди, ибо женская красота соблазнила многихъ“... Доходили до русскихъ читателей слова мудраго Сократа: „Когда жена заявляетъ, что любитъ тебя, то остерегайся ея болѣе, нежели когда она говоритъ дурное“... великаго пессимиста, автора

„Суеты суетъ“ Соломона: „Лучше жить со львами и змѣями, нежели съ женой лукавою и многорѣчивою... Мужчину умнаго я находилъ одного въ тысячахъ людей, а женщины ни одной во всемъ мірѣ“...— „Легче сварить желѣзо, нежели научить злую жену, писалъ Златоустъ; нѣтъ въ мірѣ звѣря строптивѣе злой жены“.

Русскій затворникъ, спасавшій душу еще до татарскаго нашествія, обрушивался на женщинъ потокомъ брани, соединяя въ немъ все то, чѣмъ греческіе отцы церкви поносили развратницъ изнѣженно-распущеннаго двора Византіи. „Женщина-дьяволъ цвѣтъ, стралище бѣсовское и адское, спасаемымъ соблазнъ, покоище змѣино, хоругвь адова, трясовица неоставляющая, неуголимая огневица... злая ратница, учительница грѣхамъ, совокупленница бѣсовская, насытная похоть, обьянница и еретица, медвѣдица и львица, змія и скерпія, ехидна и василиска“...

„Что есть жена? спрашиваетъ книжникъ, и отвѣчаетъ: „Сѣтъ дьяволомъ сотворена. Прельщаетъ человѣка лестью, свѣтлымъ лицомъ, высоко ланиты складаетъ, языкомъ поетъ, очами помыкаетъ, словами чаруетъ, ногами играетъ“... Въ одной „притчѣ“ отецъ старается отвратить сына отъ женщины, „злой домовной бури, копыя сердцу, инокамъ сожженіе“... повѣствуетъ о женѣ-ехиднѣ, что собственныхъ чадъ ненавидитъ,—о дѣвицахъ лицомъ, что скоро будутъ матерями, помышляющихъ, какъ бы удавить младенца при рожденіи... Но въ заключеніе сынъ здраво возражаетъ отцу: все это бываетъ, а только апостолъ все-таки правъ, совѣтуя лучше жениться, нежели разжигаться.

Безсильные побороть влеченіе къ семейному союзу, органически необходимому человѣчеству, моралисты проникаютъ съ ревливой подозрительностью въ домъ христіанина.— „Если въ дому мужа не прилучится, то жена близъ оконца присядетъ, сѣмо и овамо колеблется, и со смиреніемъ не сидитъ; скачетъ и пляшетъ и всѣмъ тѣломъ движется, сандаліями (?) стучитъ, руками плещетъ, бедрами трясетъ, хребтомъ вихляетъ,—бѣсовскія ризы многія перемѣняетъ... многимъ юнымъ хочетъ угодить и всякаго къ себѣ манитъ“... Слово сандаліи указы-

ваетъ на иноземное происхожденіе этой филиппики, рассчитанной на впечатлительность безпомощнаго передъ чувственными инстинктами общества.

„Поченіе о благоустройствѣ семейной жизни“ самыми черными красками рисуетъ лицемѣріе женъ, обманывающихъ мужей: „увѣждте, яко мало женъ добрыхъ“. Жена клянется умирающему мужу, что вдовой непременно пострижется, что бы заботиться о спасеніи его души; умирающій въ ущербъ дѣтямъ предоставляетъ ей часть имущества; жена послѣ его смерти тотчасъ выходитъ съ этими средствами замужъ, и дѣтей обездоляетъ.—Больной мужъ хочетъ отписать имѣніе монастырю на поминовленіе души, а жена плачется: „а съ чѣмъ ты меня, горькую, оставишь? Чѣмъ я буду жить, постригшись послѣ тебя?“—И добившись награжденія, вдовой ищетъ другого мужа побогаче.—Недомолвки закона о доляхъ отцовскаго имущества, подлежащихъ выдачѣ на приданое дочерямъ, объ обязанностяхъ матери-опекунши порождали немало тяжелыхъ семейныхъ драмъ, въ которыхъ дѣйствительно играли большую роль расчеты женщинъ. Однако, авторъ „Поченія“ вовсе не безнадежный женофобъ; онъ признаетъ существованіе и добрыхъ женъ, которыя по смерти своего мужа спасутъ душу его, и при жизни мужа все доброе творятъ, и мужа своего „яко Бога чтутъ“.

Современный читатель изумленъ: не увлекся ли моралистъ до забвенія основной заповѣди—„не сотвори себѣ кумира“.—Напрасныя опасенія: онъ только грубо и неудачно упростилъ витіеватыя размышленія грека—автора „Наставленія инокинямъ“ о Небесномъ женихѣ и земномъ мужѣ.

Сторонники авторовъ посланій о злобѣ женской создавали для женщинъ глубоко трагическое положеніе. Ихъ унижали до отрицанія въ нихъ образа Божія; глушили въ нихъ чувство собственнаго достоинства, и строго требовали отъ женщинъ искренности и чистоты душевной. Относясь очень взыскательно къ женщинамъ, осыпая ихъ беспощадными осужденіями, наши моралисты не заботились о воспитаніи ихъ душъ, о ихъ наставленіи, чтобы помочь имъ бороться со своими слабостями и мірскими соблазнами.—На западѣ въ средніе вѣка тоже страшились жен-

ской нечистой прелести; за то при женщинахъ состояли руководители совѣсти, исповѣдники и наставники въ дѣлѣ вѣры. Въ тяжелыя минуты сомнѣній и душевныхъ тревогъ католички шли въ церковь отвести душу и получить наставленіе. Можно не сочувствовать характеру этого воспитанія, но во всякомъ случаѣ заботы о воспитаніи, объ удовлетвореніи духовныхъ потребностей тамъ на лицо.

У насъ очень мало занимались духовной жизнью женщинъ; не помогали имъ спастись отъ соблазновъ. Грубое невѣжество и тяжелый трудъ женщинъ низшихъ классовъ держалъ ихъ въ отдаленіи отъ церкви. Въ болѣе состоятельной средѣ женщинъ и дѣвушекъ старались не выпускать изъ дома, подозрѣвая въ склонности къ любовнымъ похождениямъ, и ревниво-подозрительно слѣдили за ними; чтобы отстоять обѣдную или заутреню, женщины и дѣвушки выпрашивали позволеніе мужей и старшихъ; малѣйшая неосторожность вызывала подозрѣнія, и женскіе члены семьи, кромѣ самыхъ старыхъ, лишались права даже посѣщать церкви. Много дѣвушекъ ни разу не бывали въ церкви до самаго дня своей свадьбы. Молодымъ священникамъ не позволяли исповѣдывать женщинъ; — опасаясь соблазна, женщинамъ давали въ духовные отцы старичковъ, забывшихъ грамоту, глухихъ, полуслѣпыхъ, не считаясь съ тѣмъ, слышатъ ли они исповѣдницъ, понимаютъ ли ихъ рѣчи; исполнить обрядъ могъ и одряхлѣвшій служитель церкви; большаго женщинѣ не полагалось; о ея духовныхъ потребностяхъ рѣдко заботились. Свою впечатлительность, работу воображенія женщины могли удовлетворить старыми языческими повѣрьями, тайными обращеніями къ фантастическимъ существамъ и явленіямъ природы; отсюда страшная отсталость женщинъ въ религіозныхъ понятіяхъ.

Приниженные, лишенные довѣрія, онѣ могли искать спасенія и отрады только въ изворотливости, лукавствѣ и притворствѣ. Женщина могла дѣйствовать на своихъ владыкъ и судей тѣмъ же орудіемъ, которымъ угнетали ее — страхомъ; она прибѣгала къ волшебству, наговорамъ, ловкимъ гаданьямъ, которымъ вѣрили и передъ которыми трепетали; она научалась говорить

замысловатымъ языкомъ, изоцряя свое остроуміе, отвѣчала притчами и загадками, которыя изстари привлекали вниманіе и уваженіе слушателей. Женскую личность замѣчали и цѣнили грубо-чувственными эмоціями; она мстила грубымъ и дерзкимъ кокетствомъ или пугала притѣснителей чарами и вѣдовствомъ, и урывала у горькой судьбы минуты дикаго личнаго счастья и наслажденія властью.

Суевѣріе всего русскаго общества оказывалось самой выгодной средой для борьбы женщинъ за свободу, за проявленіе личной воли; вѣщія жены, предсказательницы всегда выдѣлялись изъ толпы, заставляли себя слушать и почитать и замѣчались лѣтописцами. Духовенство жаловалось въ половинѣ XVI-го вѣка, что женки, дѣвки и старухи бродили по селамъ и городамъ, собирали народъ и поучали его своими бреднями. Еще при Петрѣ Великому женщина могла объявить себя св. Пятницей, и ее водили всенародно съ торжественной церемоніей.

Общество игнорировало женщину въ ея нормальномъ состояніи, какъ дѣятельную личность съ инициативой и энергіей, но преклонялось передъ пророчицами и изуверками.

Понятно, что при такой оцѣнкѣ женской личности ее могли находить опасной для общества благочестивыхъ людей и старались отстранять отъ него, помѣщая въ сторонѣ подъ присмотромъ. Примѣровъ затворничества женщинъ имѣлось достаточно на православномъ югѣ; византійскій теремъ давно замѣнилъ женскій гинекей древнихъ грековъ и уже послужилъ для мусульманскаго міра образцомъ въ устройствѣ гаремовъ. Если въ храмахъ женщинамъ полагалось молиться отдѣльно отъ мужчинъ, то и въ благочестивомъ домѣ слѣдовало проводить время въ особыхъ помѣщеніяхъ. И русскіе бояре, а за ними другіе состоятельные люди стали отводить для слабѣйшихъ членовъ своей семьи помѣщенія повыше и побезопаснѣй; самое же скрываніе женщинъ, какъ основной принципъ ея быта, подъ покрываломъ внѣ дома и въ затворѣ терема въ домѣ, возникло позже вслѣдъ за распространеніемъ аскетическихъ идеаловъ и литературы. Не мало сложныхъ, трудно уловимыхъ причинъ повліяло на затворничество женщинъ въ Московской Руси. Нельзя приписы-

вать его постоянной опасности отъ набѣговъ дикихъ сосѣдей; до татаръ грозили набѣги половцевъ, угровъ, однако тогда женщины не запирали; въ непосредственной близости къ татарскимъ владѣніямъ и Турціи, въ Малороссіи и среди казаковъ затворничества женщины совсѣмъ не знали.

На порядкахъ нашихъ теремовъ сильнѣе всего сказалось вліяніе церкви, подчинившей женщину главѣ семьи, отчасти и литературы „о злыхъ женахъ“, запугавшей воображеніе благочестивыхъ руководителей семейной жизни. Повліяло и строгое отношеніе къ брачному союзу, единому, по ученію церкви, трудно замѣнимому для благочестиваго лица, что вызывало усиленное обереганіе жены. Конечно, нужно отмѣтить и страхъ передъ насиліями инородцевъ и своихъ; молодое, красивое существо тогда опасно было показывать и не однимъ татарамъ; соблазнъ былъ великъ всѣмъ. Можетъ быть, тутъ просто проявился грубый способъ создать себѣ болѣе крѣпкую семью, которую по некультурности не умѣли иначе устроить. Въ крайнихъ формахъ развитія затворничества со строго установленнымъ ритуаломъ семейной жизни на монастырскій ладъ, съ устраненіемъ жены даже отъ домашняго хозяйства сказались чванство московской знати, напыщенность и чопорность, свойственная правящимъ классамъ московскаго государства.

Восточный порядокъ жизни, позволявшій повелителю одному пользоваться обществомъ своей подруги, соотвѣтствовалъ всему духовному строю боярина-властелина, какимъ онъ проявлялся и на службѣ, и въ хозяйствѣ. Чтобы не отпускать женщинъ своей семьи въ приходскіе храмы, состоятельные люди ставили себѣ собственныя церкви на дворѣ своихъ хоромъ. Въ Москвѣ XVI и XVII вв. существовало множество такихъ церквей,

Вліяла, впрочемъ, и экономическая сторона жизни; женщина все-таки сохраняла за собой права собственности на свое отдѣльное имущество. Скрывъ ее въ глубинѣ дома, контролируя малѣйшія сношенія ея съ внѣшнимъ міромъ, мужъ могъ легко завладѣвать ея имѣніемъ, не допуская ея самостоятельныхъ распоряженій. Дочери раздѣляли заключеніе вмѣстѣ съ матерями и невѣстками; нерѣдко ихъ оберегали пуше глаза, строже

замужнихъ. Затворничество помогало легко и свободно распоряжаться ихъ бракомъ и приданымъ. Обманъ сватовъ и жениховъ былъ дѣломъ обычнымъ; имъ позволяли мелькомъ взглянуть на красивую фигуру разодѣтой родственницы или прислужницы дочери, а подъ вѣнецъ приводили подъ фатой кривую, некрасивую, подлинную дочь-невѣсту. „Нигдѣ такого обмана на дѣвокъ нѣтъ, какъ въ Московскомъ государствѣ“, — писалъ умный дьякъ, бѣжавшій въ Швецію въ XVII в. Многие стаялись здѣсь въ мучительный узелъ, поддерживая въ русскихъ неспособность обставить свою жизнь свободнѣе и свѣтлѣе и находить удовольствіе въ разумной общественной жизни.

Затворничество женщинъ и соотвѣтствующій обрядъ домашней жизни развивались медленно, достигнувъ расцвѣта во 2-й половинѣ XVI-го в., когда они пустили корни въ теремахъ Кремлевскаго дворца. Въ Новгородѣ до конца вѣчевой свободы они такъ и не получили большого развитія. Да и въ Москвѣ, въ самомъ центрѣ строгаго благочестія, сами великія княгини долго не отстранялись отъ общественной и политической дѣятельности. Огромнымъ авторитетомъ пользовалась вдова Донскаго, довольно долго и при взрослыхъ дѣтяхъ не уходившая въ монастырь, чтобы закончить свои мірскія дѣла. Ея невѣстка Софья Витовтовна, литовка родомъ, отличалась самостоятельнымъ и властнымъ нравомъ. Оставивъ въ сторонѣ вліяніе Софіи Палеологъ, гречанки европейскаго воспитанія, можно отмѣтить, что Іоаннъ III-й былъ окруженъ энергичными, дѣтельными женщинами; его сестра Агриппина и дочь Елена служили ему хорошими агентами его сложной политики, первая въ Рязанскомъ княжествѣ, вторая—въ Литвѣ, гдѣ сумѣла выдержать свою роль въ очень отвѣтственномъ положеніи. Особенно интересна обрусѣвшая молдаванка, невѣстка Іоанна III, мать погибшаго въ тюрьмѣ его наслѣдника Дмитрія. Молодая Елена Степановна имѣла свою партію близъ перваго изъ Грозныхъ царей; повидимому, довольно начитанная, она увлеклась религіозной проповѣдью свободомыслящихъ, представителей ереси жидовствующихъ, и помогла соблазнительному ученію свить себѣ гнѣздо въ самомъ Кремлѣ. Такая женщина могла бы и на Западѣ съ

честью занять мѣсто въ строю современницъ эпохи Возрожденія; въ Москвѣ ея интеллектуальныя силы не находили себѣ полного приложенія, и память о ней, какъ и о многихъ другихъ лицахъ, какъ-то затерялась среди придворныхъ интригъ и безразличія некультурнаго общества.

Послѣ непопулярной правительницы Елены Глинской, матери Іоанна IV-го, появляются скромныя царицы, вознесенныя къ престолу изъ подданныхъ, боярышень и мелкихъ дворянокъ. Двѣ изъ нихъ играли нѣкоторую роль. Анастасія Романовна умѣла скрытно дѣйствовать на душу мужа, и самъ Грозный признавалъ, что жена имѣла на него вліяніе. Ирина Годунова умно и тактично слѣдила за своимъ Θεодоромъ, присутствуя даже при приѣмѣ бояръ. Прочія подруги царей покорно и незамѣтно выполняли въ глубинѣ терема свою роль главныхъ богомолицъ въ странѣ, а дочери ихъ царевны были съ рожденія предначинены къ постриженію. Эти царицы, по свидѣтельству того же дьяка-эмигранта Котошихина, были такъ мало подготовлены къ своему званію, что не могли связать двухъ словъ въ отвѣтъ на привѣтствія иностранцевъ и пословъ, и играли печальную роль на большихъ приѣмахъ.

IV.

Въ XVI в. укрѣпился государственный строй Московіи и окончательно сложился семейный обиходъ, окружавшій обитательницъ теремовъ и проповѣдуемый постниками и книжниками. А на Западѣ наступило время полного расцвѣта и первыхъ итоговъ Возрожденія рядомъ съ мощной работой Реформаціи. Наша сосѣдка Польша вовлеклась въ общее религіозное броженіе; протестантизмъ достигъ большихъ успѣховъ въ Литвѣ, а по всей странѣ распространились разнообразныя секты. При всемъ отчужденіи москвитянъ отъ иновѣрцевъ, слабыя отзвуки умственного движенія на Западѣ достигали и до нихъ. Въ Москву проникали черезъ Польшу въ отрывкахъ и сборникахъ литературныя произведенія болѣе свѣтскаго характера, понемногу смягчавшія прежнее суровое отношеніе къ радостямъ земной жизни.

Съ другой стороны выяснялись и задачи національной культуры. Московское православіе создавало собственное церковное преданіе, собирало свѣдѣнія о собственныхъ святыхъ угодникахъ, заступникахъ за Русь передъ престоломъ Всевышняго; среди нихъ, по примѣру восточной церкви, должны были занять мѣсто и праведныя женщины. Въ эту пору составили, наконецъ, житія св. Ольги, св. Евфросиніи, княжны Полоцкой, св. Евфросиніи, княжны Суздальской, св. Февроніи.

Въ эту же пору оживленія религіозной и литературной мысли появилось въ Москвѣ руководство къ семейной жизни, какъ жить мужу съ женой и воспитывать дѣтей, какъ вести хозяйство и доходы собирать — извѣстный Домострой. Подобныя поучительныя произведенія являются необходимой принадлежностью каждой европейской литературы; обыкновенно они полны мелочныхъ правилъ и совѣтовъ, отъ регулированія религіозныхъ обязанностей до рецептовъ приготовленія квасовъ, браги, варенья; они составлялись по образцамъ, заимствованнымъ отъ сосѣдей или отъ болѣе древнихъ литературныхъ эпохъ, но всегда носили отпечатокъ своей эпохи и характера страны, гдѣ издавались. У насъ Домострой запоздалъ своимъ появленіемъ. На Западѣ сборники нравоученій и совѣтовъ появлялись еще въ XIII-мъ в., можетъ быть и ранѣе. Отражая современные имъ и общераспространенныя взгляды и понятія на общественную и семейную жизнь, на личность женщины, на воспитаніе дѣтей, эти сборники при общихъ чертахъ сходства значительно различаются по духу морали, по широтѣ міропониманія. Западные Домострои, даже самые ранніе, выгодно отличаются отъ нашего болѣе развитымъ чувствомъ общественности, большимъ уваженіемъ къ человѣческой личности, въ томъ числѣ и женской; они носятъ болѣе мірской характеръ.

Поученіе заточника изъ Бари (Италія XIII в.) представляетъ собраніе правилъ опытной мудрости, сложившихся среди народа, и потому считается съ жизнью, менѣе вдается въ религіозныя поученія, нежели русскій Домострой книжнаго характера; въ основѣ его замѣтны общественные интересы. Отецъ наказываетъ сыну прежде всего любить честь своего рода и своей страны; затѣмъ

слѣдуетъ высоко цѣнить дружбу и взаимныя услуги между людьми: „Если хочешь вести торговлю, — говоритъ авторъ, — то веди ее честно и вѣжливо“. Въ домѣ мужъ всегда глава, но обязанъ помнить, что „хорошую женщину слѣдуетъ любить, служить ей, воздавать ей честь“, однако не открывать ей всѣхъ своихъ дѣлъ. „Маленькими людьми управляй съ любовью, не дѣлай имъ оскорбленій и безчестій“. Можно и бить ближнихъ, но „женщину и мужчину дурныхъ не старайся наказывать и бить“. Любопытное по опытной мудрости и человѣчности соображеніе.

Въ началѣ XIV-го в. получилъ извѣстность трактатъ монаха Эгидія Колонны, наставника французскаго короля Филиппа Красиваго. Мужъ и отецъ — глава семьи; онъ имѣетъ естественную власть надъ сыномъ, но не надъ женой. Мужъ не долженъ такъ распоряжаться женой, какъ слугами, потому что природа женщины создана не на служеніе, а на иное... Кто обходится съ женою, какъ съ рабой или со своею дочерью, тотъ дѣйствуетъ безразсудно, какъ сумасшедшій или безумный. Между мужемъ и женой должно быть равенство. Мужъ имѣетъ власть потому, что обладаетъ большимъ умомъ и разсудкомъ, объясняетъ Колонна, но рекомендуетъ занимать умъ женщинъ, чтобы онѣ имѣли отдохновеніе и благородныя удовольствія, ибо умъ ихъ нуждается въ занятіяхъ, иначе онѣ могутъ думать о дурномъ. Разсужденіе объ управленіи семьи, очень популярное въ XV в., влагаетъ въ уста мужа наставленіе: „Совѣтую тебѣ, жена, для твоей чести быть заботливой въ дѣлахъ домашнихъ“... Честь въ каждой женщинѣ всегда была дороже всѣхъ красотъ. Всегда необходимо, чтобы жена была уважаема. Домострой Запада считались съ женщиной, какъ членомъ общества; имъ предлагались совѣты и правила не только относительно ихъ поведенія дома, въ кругу семьи, но и какъ вести себя въ обществѣ, какъ занимать свой умъ.

Нашъ Домострой стоитъ на религіозной точкѣ зрѣнія и узко-практическихъ расчетахъ и занятъ исключительно семейнымъ бытомъ; онъ не касается общественныхъ отношеній, значенія дружбы, взаимныхъ услугъ; нѣтъ въ немъ и сознательно-патріотическихъ предписаній, понятій объ обязанностяхъ къ отече-

ству, что внимательно отмѣтилъ его изслѣдователь Некрасовъ. И все-таки, если вчитаться въ него, то нельзя не замѣтить, что онъ является извѣстнымъ шагомъ впередъ въ умственной жизни общества сравнительно съ литературой аскетическаго характера. По его воззрѣніямъ, женщина не „дьяволъ цвѣтъ“, не „трясовица неоставляющая“ и не „хоругвь адова“, а государыня дома, примѣръ нравственной выдержки, скромности и трудолюбія для дѣтей и челядинцевъ. Хотя послѣ Бога, она во всемъ подчинена государю-супругу, но первая его замѣстительница въ семьѣ и домѣ. Передъ дѣтьми они равны, какъ отецъ и мать; „по Бозѣ“ имъ отъ дѣтей одинаковыя честь и уваженіе. Въ Домостроѣ нѣтъ ни одного рѣзкаго выпада противъ женщинъ, напротивъ, авторъ его какъ будто желаетъ поднять женщинъ въ ихъ собственныхъ глазахъ среди ихъ униженія и затворничества. О самомъ затворничествѣ Домострой не говоритъ ни слова, потому что въ его время это явленіе въ Москвѣ уже на лицо; удаленіе женщинъ отъ общества — совершившійся фактъ, нѣчто, что само собою разумѣлось въ пору составленія сборника. Во многихъ его спискахъ находимъ главу „Похвала женамъ“, гдѣ авторъ говоритъ: „Аще даруетъ жену добру, дражайше есть каменіи многоцвѣтнаго“... она — „дѣлаетъ мужу своему все благожитіе... и чада своя поучаетъ, такоже и рабъ, и не угасаетъ свѣтильникъ ея всю ночь. Милость простираетъ убогу; плодъ же подаетъ нищимъ. Не печется о дому мужъ ея“. — Последнія слова важны для своего времени: значитъ женщина считается книжникомъ способной вести домъ самостоятельно; московское высшее общество весьма нуждалось въ такомъ напominаніи: путешественники — иностранцы нерѣдко дивились, что женщины богатыхъ домовъ на Руси совершенно ничего не дѣлаютъ, даже по хозяйству; всѣмъ распоряжается мужъ. Далѣе читаемъ въ сборникѣ: „Жены ради добра — блаженъ мужъ. Жена бо мужа своего честе творяще“ — заповѣдь Божію она сохраняетъ — „ибо обрѣте мужъ жену свою добру, износить благая изъ дому своему“... то есть отъ хорошей женщины свѣтъ добра разносится и за предѣлы дома. Таковъ идеалъ семейной женщины, который

не только воплотила въ себѣ, но даже превзошла праведная Юліанія Лазаревская.

Одна глава сборника учитъ, что жены должны обо всемъ спрашивать мужей своихъ, во всемъ совѣтоваться съ ними, какъ душу спасти и какъ хозяйство вести; другая—предписываетъ и мужу совѣтоваться съ женой о домашнемъ устроении, но умалчиваетъ относительно совѣщаній о душѣ: въ дѣлѣ религіи—мужъ одинъ глава и представитель семьи передъ Творцомъ; здѣсь онъ навсегда уподобленъ Христу въ союзѣ съ церковью. Онъ руководитъ общимъ веденіемъ дома. Жена должна съ любовью принимать его наказы, со страхомъ внимать и творить по нимъ. Своимъ добрымъ разумомъ и указаніями мужа, хозяйка должна сама знать всякое дѣло въ домѣ и умѣть всему слугъ научить.

Дома мужъ съ женой молятся вмѣстѣ и съ домочадцами, справляютъ вечерню, всенощную и часы. Въ церковь же на литургію жены должны ходить, сообразуясь съ обиліемъ своихъ занятій, какъ позволятъ обязанности, по совѣту съ мужемъ или съ его разрѣшенія. Тутъ наставникъ странно уступчивъ; онъ политично уклоняется отъ прямой постановки вопроса: христіанка обязана посѣщать церковь, слушать литургію и другія службы, но онъ уступаетъ власти мужей, которые не любятъ выпускать женъ изъ дома, особенно въ мѣста, гдѣ онѣ непременно встрѣтятся постороннихъ.

Домострой строго запрещаетъ женамъ самовольно ходить въ гости и къ себѣ принимать; на все это необходимо разрѣшеніе мужа. Въ гостяхъ женщины должны быть внимательными, отмѣчать и запоминать все полезное, что услышать или увидать; если же у жены стануть что-либо вывѣдывать, то слѣдуетъ отговариваться незнаніемъ.—Печальная мораль и печальную картину общественной жизни рисуетъ она: вмѣсто умѣнья цѣнить людей, дружбу, взаимныя услуги, уважать кругъ лицъ, къ которому принадлежишь,—внушается недовѣріе къ тѣмъ немногимъ близкимъ людямъ, кого могла посѣщать затворница терема; умѣй высматривать и слушать, а сама не проговаривайся—учитъ Домострой, какъ будто человѣкъ, выйдя за калитку дома, уже оказывается во враждебномъ лагерѣ или въ средѣ тонкихъ дипло-

матовъ; чувство общественности, развивающее духовно и поднимающее личность, какъ будто и не существовало среди московскихъ моралистовъ XVI-го в.

И мужъ и жена обязаны учить дѣтей страху Божию, (благочестію и добрымъ нравамъ; про грамоту—ни слова), и даже съ нанесеніемъ имъ ранъ; не щадить наказуемыхъ, такъ какъ отвѣчаютъ за дѣтей передъ Богомъ, съ нихъ взыщется за послабленія.—При такой обязательной суровости въ обращеніи съ дѣтьми, старинныя матери все-таки умѣли ласкать, жалѣть и нѣжить. Другіе памятники той же эпохи говорятъ о „матернемъ обычаѣ“, съ какимъ онѣ встрѣчали дѣтей своихъ, отличая его отъ обычая отцевъ, на чей совѣсти лежала главная отвѣтственность за строгій чинъ воспитанія.—Матерямъ полагалось, конечно, приучать къ труду главнымъ образомъ дочерей; подроставшіе сыновья руководились отцами.

Домострой считаетъ особенно важнымъ строгій присмотръ за дочерьми, что бы безъ пороку замужъ выдать; и съ ними повидимому, родителямъ было больше хлопотъ, чѣмъ съ сыновьями. И это понятно: дочерей готовили къ выходу въ другой родъ; а тамъ по ней судили о благочестіи и нравственности ея семьи. Показная сторона жизни играла въ старину огромную роль. Какъ только родится дочь, слѣдуетъ тотчасъ приступить къ откладыванію ей на приданое части отъ всякихъ доходовъ, отъ полотень, платья, украшеній, приплода скота и т. д.—прикапливать всего понемногу.—„Ино дочери растутъ и страху и вѣжеству учатся, и приданое съ ними прибываетъ“... Если дочь умретъ до замужества, то накопленное должно раздаваться на поминъ ея души.

Между мужемъ и женой не должно никогда вспыхивать ни раздраженія, ни гнѣва; не подобаетъ имъ обоимъ гнѣваться ни на дѣтей, ни на слугъ. Если жена поступаетъ не по приказаніямъ мужа и не учитъ слугъ его слушаться, то мужъ долженъ наказать ее тѣлесно съ глазу на глазъ,—„пользовати страхомъ наединѣ“,—а наказавъ и пожаловать, (вѣроятно, приласкать съ добрымъ словомъ), разсуждаетъ съ удивительной простотой и ясностью духа авторъ поученій. Если младшіе члены семьи, состоящіе передъ Творцомъ и Судіей на отвѣтственности главы

дома,—жена, сынъ или дочь, чѣмъ либо провинятся, то мужъ и отецъ долженъ наединѣ, осторожно постегать плеткой; но отнюдь не съ сердцовъ, не бить какъ попало; особенно „въжливѣ“ должна поучаться жена, она все-таки подруга, государыня дома.—По логикѣ старинныхъ людей, мужъ, который держитъ домъ не по правилу, не учитъ жены, дѣтей и слугъ, не выполняетъ своей основной обязанности—внушать страхъ Божій; онъ губитъ души, и свою и своихъ близкихъ.—Понятіе о личномъ достоинствѣ чловѣка слабо пробивалось между заботами о душѣ въ будущемъ мірѣ и грубо матеріальнымъ пониманіемъ жизни и чловѣческихъ отношеній въ настоящемъ.

Мораль строго запрещаетъ женщинамъ пить хмѣльное, особенно тайно отъ мужей; замѣтно, что этотъ грѣхъ доставлялъ много хлопотъ моралистамъ того времени, особенно потому, что было очень мудро проводить полное воздержаніе; прежде всего мѣшали обязанности гостепріимства, предписываемыя обычаемъ и правилами самого Домостроя. Хозяйку обязывали устраивать пиры, не хуже сосѣдей, чтобы добрые люди не осудили; усердно угощать гостей ѣдой и напитками, но самой не пить; какъ же будутъ пить гости безъ хозяйки? Вѣдь самъ хозяинъ передъ гостями опрокидывалъ кубокъ на голову въ знакъ того, что осушилъ его до капли? Но книга обыкновенно даетъ правила и проходитъ молча мимо житейскихъ коллизій. Далѣе обязательно для хорошаго дома, чтобы хозяйка и ея гости—женщины были совершенно отстранены отъ общества мужчинъ. Кушанья и напитки носить имъ одинъ слуга, которому мужъ довѣряетъ; у него же хозяинъ потомъ спрашиваетъ, какъ вели себя хозяйка и ея гости. Кажется, только угощеніе, гулянье въ саду да качели и могли занимать гостей. Домъ благочестивыхъ хозяевъ, требуетъ Домострой, не долженъ оглашаться пѣснями и играми, скаредными рѣчами и глумленіемъ; въ немъ недопустимы звуки гуслей, пляски бѣсовскія, забавы съ ручными медвѣдями; запрещается даже излюбленная забава знатныхъ—охота съ ловчими.

Проявленіямъ молодой жизни не было выхода въ старинной семьѣ; она угасала въ ней или извращалась и калѣчилась подъ давленіемъ удушающей морали. Женская личность здѣсь никогда

не считалась духовно взрослой; за нею наблюдали даже въ теремѣ какъ за бѣдовой школьницей, всегда готовой нашалить, и какъ ребенка—школьницу наказывали. А между тѣмъ дѣтей обязывали почитать это несовершеннолѣтнее существо наравнѣ съ отцомъ? Какъ достичь такого почтенія? Но Домострою нѣтъ дѣла до принципиальныхъ противорѣчій; онъ даетъ правило, и всякъ покоряйся, не разсуждая,—не однѣ женщины, но и государи—мужья.—„Смиренаго Богъ любить, покорному благодать даетъ“... „Богъ не любить высокія мысли наши; возносящагося смиряетъ“... „Мнѣніе—второе паденіе“... самыя популярныя мотивы старинныхъ поученій, раздававшіеся повсюду, часто къ несомнѣнному утѣшенію униженныхъ и поработенныхъ во времена Грознаго, когда высшій тяжело давилъ низшаго; гордостью же и возношеніемъ любили прозывать проявленія личной самостоятельности, чувства справедливости и сознаніе собственного достоинства. Въ нашей литературѣ высказывалось мнѣніе, что терема являлись единственнымъ средствомъ сохраненія добрыхъ нравовъ хотя бы въ одной части общества, что женщинамъ нечѣмъ было учиться среди распущеннаго общества той поры. Русскіе собравшись, говорили иностранцы, вели рѣчь о прелюбодѣянiяхъ своихъ и чужихъ, о гнуснѣйшихъ порокахъ; грязныя рѣчи, пошлыя шутки сопровождаютъ въ этихъ компаніяхъ неприличными тѣлодвиженіями. Пьянство русскихъ невообразимо; пьянствуютъ всѣ, богатые и бѣдные, мужчины и женщины, валяются по улицамъ и творятъ все, на что толкаютъ необузданныя страсти. Мужья и отцы изъ любви къ семьѣ ограждали поневолѣ и по мѣрѣ силъ женъ и дочерей отъ столкновенія съ разнузданностью нравовъ своихъ современниковъ. „Что бы случилось съ нами въ XV в. безъ церкви, монастыря и терема!“—воскликаетъ историкъ С. Соловьевъ, но тутъ же признаетъ, что удаленіе женщинъ отъ общества было для него очень вредно, ибо содѣйствовало еще большому огрубѣнію его нравовъ.

Однако, въ разгаръ пира, сильно подгулявши, тѣ же мужья и отцы посылали за женами и невестками и заставляли ихъ съ поцѣлуями чествовать своихъ пьяныхъ гостей, слышать ихъ соблазнительныя рѣчи, видѣть, что себѣ позволяли забывшіеся

люди. Намъ скажутъ, что это древній обрядъ, который съ неудовольствіемъ терпѣла церковь, данъ старинѣ, приносимая въ стѣнахъ благочестиваго дома. Пережитокъ первобытныхъ правилъ гостепріимства незатронутыхъ культурой народовъ — угощенія женой сохранился въ этомъ проявленіи высшей любезности знатнаго хозяина — показать гостямъ святыню дома, почетную затворницу — жену; но къ этой любезности примѣшивалось не мало чванства, хвастовства красотой и богатымъ уборомъ хозяйки и ея свиты. Бывало, что иная боярыня по нѣскольку разъ выходила къ гостямъ, и каждый разъ въ новомъ богатѣйшемъ нарядѣ. Передъ гостями появлялась великолѣпная выставка драгоценностей дома, которая могла возбуждать самыя нечистыя помыслы страсти и зависти.

Какъ ни унижали женскую личность за ея физическія свойства, за ея таинственную обаятельность, источникъ которой приписывали хитрымъ сѣтямъ дьявола; какъ не отдаляли ее отъ святынь, гдѣ совершались таинства, но не могли выдѣлить ея изъ сонма человѣческаго, носителей образа Божія; этого не допускали преданія церкви и ея постановленія, да не вмѣстила и психологія людей; народъ чувствовалъ этотъ образъ въ женщинѣ; онъ не умѣлъ обращаться съ нею, какъ съ равной на землѣ, но никогда несомнѣвался, что взятая въ иной міръ и осѣненная благодатью, она такая же праведница, св. угодница, равноапостольная, какъ и св. мужи. Его не смущало и не удивляло, что существо нечистое на землѣ осѣняется ореоломъ въ высшемъ мірѣ и получаетъ даръ — исцѣлять тѣла, спасать души, творить чудо, — и онъ съ увлеченіемъ отмѣчалъ угодницъ и праведницъ, особенно чтимыхъ имъ блаженныхъ. — Очень немногія изъ нихъ удостоились канонизаціи, а дѣянія ихъ — обнародованія въ житіяхъ; жизнь большинства позабылась, благодаря недостатку грамотныхъ и сколько-нибудь культурныхъ лицъ даже среди духовенства. Жила только, да отчасти и теперь живетъ случайная память о праведныхъ женщинахъ, исцѣлявшихъ, спасавшихъ; имена ихъ сохранились въ „спискахъ почитаемыхъ

успошихъ“, по которымъ въ опредѣленные дни служатъ заупокойныя и панихиды.

Почиталась когда-то Марфа, юродивая московская, погребенная въ Ивановскомъ мон-рѣ въ Москвѣ; но теперь забыто самое время ея жизни; — Харитина Новгородская, жившая, какъ думаютъ, во 2-й половинѣ XIII-го в. и подвизавшаяся въ Петропавловскомъ мон-рѣ на Синичей горѣ; — Іуліанія, праведница Ульяновская, неизвѣстно, когда жившая, почитается въ с. Ульяновскомъ Сольвычегодскаго у. Также забыли бы про жизнь другой Іуліаніи, Лазаревской, если бы сынъ ея не рѣшилъ самъ составить для потомства біографію-житіе этой выдающейся женщины; написалъ, какъ умѣлъ, оправдывается онъ, боясь, какъ бы житіе блаженной не было забыто. 2-я новгородская лѣтопись даетъ краткое указаніе, какъ возникало почитаніе усопшей и какъ о ней забывали. Она рассказываетъ, что въ 1572 г. на Легощей улицѣ за церковью Фрола и Лавра обрѣли мощи дѣвицы Гликеріи, дочери старосты Пантелея той же улицы; тѣло въ гробѣ цѣло, но не все, руки согбенны на крестѣ. Престарѣлая женщина Анастасія сообщила епископу Леониду, открывавшему мощи, что лѣтъ 50-тъ назадъ владыка новгородскій провожалъ гробъ этой дѣвицы всѣмъ соборомъ съ духовенствомъ и крестами на Легощу улицу, служилъ молебны въ церкви Фрола и Лавра и положилъ его здѣсь. Тотчасъ у гроба исцѣлился 4-хъ лѣтній мальчикъ, и у владыки звонили весь день въ колокола. При открытіи мошей въ 1572 г. тоже произошло исцѣлѣніе. Вотъ все, что помнила, и что нашла нужнымъ разсказать мѣстная лѣтопись про отмѣченную временнымъ вниманіемъ женщину.

Нѣсколько лучше хранилась въ русскомъ обществѣ, благодаря участію духовенства и высшихъ лицъ, память о родственницахъ великихъ святителей и о вел. княгиняхъ: о матери св. Сергія, погребенной вмѣстѣ съ мужемъ въ Хотьковомъ мон-рѣ, въ 10 в. отъ Троицы; — 2-хъ сестрахъ митр. Алексѣя, Іуліи и Евпраксіи, игуменъ и казначей Зачатіевскаго мон-ря въ Москвѣ; извѣстны вел. княгини Θεодосія, въ инокиняхъ Евфросинія, мать Александра Невскаго и двѣ его дочери —

Марія, жена Довмонта, князя Псковскаго, и дѣвица Евдокія, лежащая въ Успенскомъ мон. во Владимирѣ. Цѣлыя группы княгини являются въ спискѣ чтимыхъ строительницъ монастырей, благотворительницъ, пострадавшихъ за правду, замученныхъ врагами; такова семья Юрія II-го, сгорѣвшая во Владимирскомъ соборѣ во время погрома Батыя; но о личностяхъ ихъ каждой въ отдѣльности все-таки сохранилось мало или почти никакихъ свѣдѣній. Наконецъ, къ числу чтимыхъ принадлежитъ одна изъ старшихъ сестеръ Петра I-го, участница великой трагедіи, разыгравшейся вокругъ его престола, пособница правительницы Софьи, царица Марфа Алексѣевна, сосланная въ г. Александровъ Моск. губ. и скончавшаяся здѣсь инокиней Маргаритой. Участь ея и ея сестеръ сильно поражала народное воображеніе, и деревенскіе богомольцы толпами навѣщали сосланную царицу въ ея келью.

Какъ исключеніе сохранилась одна очень поэтичная народная легенда про муромскихъ угодниковъ кн. Петра и кн. Февронію, отразившая народныя представленія объ идеальномъ и обаятельномъ женскомъ образѣ. Св. Февронія была дочерью смерда-древолоза, (крестьянина промышлявшего пчелиными бортьями); она родилась и росла въ лѣсу; ея пониманію доступны были тайны природы и познаніе будущаго; она знала силу травъ и обладала искусствомъ врачеванія; она предсказывала, умѣла говорить притчами и загадками, какъ древне-языческія мудрыя дѣвы. Умомъ и острой загадочной рѣчью она поразила слугу княжескаго сына Давида, который просилъ полечить его повелителя. Вѣщая дѣва обѣщала вылѣчить больного княжича, съ тѣмъ, чтобы онъ женился на ней. Давидъ обѣщаль, но, выздоровѣвъ, не рѣшился на унижительный союзъ съ дочерью смерда, и въ наказаніе былъ снова пораженъ болѣзнью. Тогда онъ исполнилъ обѣщаніе, и выздоровѣлъ. Но когда Давидъ занялъ отцовскій столъ, родня и муромскіе бояре потребовали удаленія низкородной княгини. Энергичная Февронія отказалась уйти одна изъ княжескихъ хоромъ:—съ нею должны отпустить и ея вѣнчаннаго супруга; тогда оба они ушли изъ Муромъ и вели простую праведную жизнь. Междуусобія и бѣдствія въ Муромѣ за-

ставили бояръ просить княжескую чету вернуться къ власти. Княгиня Февронія была всегда доброй совѣтчицей мужу и дѣлала много добра населенію. Въ преклонномъ возрастѣ супруги постриглись (Петръ—иноческое имя); умерли они въ одинъ день, и положены въ одинъ гробъ. Дарованія, чистота души и сознаніе своихъ личныхъ правъ вмѣстѣ съ дѣятельностью на пользу ближнихъ хорошо оцѣнены народной массой, и почитаніе святой согрѣто теплой симпатіей къ простолюдинкѣ, сумѣвшей достигъ высокаго званія на пользу народа.—Полуязыческое сказаніе—романъ послужило канвой для составленія въ XVI в. житія св. Петра и Февроніи.

Нѣсколько иными рисуются передъ читателями въ житіяхъ этой поры другія идеальныя женскія личности, какими ихъ воспитывала страна и какъ ихъ понимала Москва XV-го и XVI-го вв. Обѣ княжны св. Евфросиніи, Полоцкая и Суздальская, отличались энергіей и стойкостью въ своихъ убѣжденіяхъ и предпріятіяхъ. Первая, въ міру Предслава, старшая по времени (XII-й в.), въ жилахъ которой текла южная греческая кровь, обладала болѣе горячимъ темпераментомъ и болѣе широкой инициативой; она слыла образованной, вѣроятно, знала по гречески; она путешествовала на востокъ и скончалась въ Іерусалимѣ. Вторая, Θεодулія, дочь св. Михаила Черниговскаго, погибшаго въ Ордѣ,—болѣе спокойная сѣверянка; покорная дочь, она по требованію родителей готовилась къ браку; но князь—женихъ умеръ; тогда 15-ти лѣтъ отъ роду, княжна посвятила себя Богу и дѣламъ благочестія. Составители житій, книжники XVI в., описываютъ обѣ ихъ княженъ очень образованными; тутъ сказываются вѣянія Европы и отзвуки Возрожденія. Преподавателемъ Θεодуліи называютъ боярина св. Θεодора, замученнаго татарами вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ; онъ посвятилъ дѣвушку въ познанія „грамматикѣ и философіи“. Обѣ святыя обладали даромъ краснорѣчія. Евфросинія Суздальская сама говорила поученія инокинямъ; много женщинъ сходилось на ея бесѣды и пѣніе. Увлекаемая силой ея слова, многіе постригались въ обители, чтобы учиться у нея. По словамъ житія,—„она была мудрѣе мужей, и философамъ философъ!“—Впрочемъ, люди царской Москвы уми-

лялись передь образованіемъ женщинъ, только говоря о княгиняхъ и княжнахъ; иное дѣло, иная рѣчь, когда касались благочестивыхъ женщинъ другихъ классовъ; по ихъ поводу охотно вспоминали слова Антонія Великаго: „имѣющимъ цѣль умъ, не требовати писанія“.

Единственной представительницей добродѣтельныхъ міряннокъ XVI-го в. изъ среды провинціальныхъ помѣщицъ является передь нами Юліанія Осорьина, по мѣсту погребенія Лазаревская, почитаемая въ Муромскомъ у. Ея біографію составилъ вскорѣ послѣ ея смерти одинъ изъ ея сыновей, приноравливаясь къ тону житій, но очень живо, съ литературнымъ талантомъ. Этотъ единственный въ своемъ родѣ образчикъ старой письменности такъ интересенъ, такъ много даетъ для выясненія семейнаго быта и жизни женщины того времени, что на немъ необходимо остановиться немного подробнѣе. Юліанія родилась въ Москвѣ, въ семьѣ ключника двора Іоанна Грознаго, Недюрева; съ 6-ти лѣтъ ее воспитывали бабка, затѣмъ тетка, помѣщицы Муромскаго у. Она съ дѣтства прониклась любовью къ Богу, предавалась молитвѣ и посту, смиренію и молчанію; всегда избѣгала она смѣха, игръ, веселья, проявляя изумительное трудолюбіе; пряла, искусно вышивала днемъ, и тайно ночью, шила на бѣдныхъ, заботилась о больныхъ, одѣляла нищихъ. Родственницы высмѣивала ее, зачѣмъ въ такой молодости плоть свою изнуряетъ и красоту губить. Всегда послушная и кроткая, она не измѣняла своей жизни. Церковь была всего въ двухъ верстахъ отъ усадьбы тетки, но Юліанія до самой своей свадьбы ни разу не была въ церкви, не слышала литургіи, — „только смысломъ благимъ была наставляема нраву добродѣтельному, какъ говоритъ великій Антоній, „имѣющимъ цѣль умъ, не требовати писанія“. Никѣмъ не наставляемая, блаженная сама всѣ заповѣди исправляла, благоговѣнно замѣчаетъ сынъ ея.

15-ти лѣтъ Юліанію выдали замужъ за единственнаго сына богатаго муромскаго помѣщика. Въ новой семьѣ она получила право ежедневно посѣщать церковь; стала поучаться у мѣстнаго священника, какъ жить мужу съ женой, какъ молиться и тво-

рить добро; молилась подолгу и по ночамъ, учила тому же и мужа, какъ наставлялъ ап. Павелъ: „что вѣси, жено, аще мужа спасеши“. Глубоко таила она свое горе, что недовелось ей сподобиться въ инокиняхъ чистого дѣвственнаго житія; утѣшалась только писаніемъ, слушая слова: „Привязаша-ли-ся женѣ, не ищи разрѣшенія, и жена привязана закономъ, и своимъ тѣломъ не владѣетъ, а мужъ, — спасается же чадородія ради“. Юліанія съ жадностью слушала чтеніе писанія, все запоминала и умѣла сама понятно истолковывать прослушанное другимъ.

Когда мужъ уѣзжалъ на службу, иногда на два и три года, она ночи проводила на молитвѣ, и еще усерднѣе трудилась, потихоньку продавая свои искусныя рукодѣлья и полученное раздавала бѣднымъ. Старики Осорьины очень цѣнили разумную неvěстку и поручали ей хозяйство; труженица обо всѣхъ заботилась, какъ мать, особенно о рабахъ; для себя она никогда не пользовалась ихъ услугами, все сама дѣлала; только по необходимости при гостяхъ уступала обычаю, и терпѣла, что рабыни служили ей, какъ полагалось по ея званію; и всегда осуждала себя: „кто же я сама, убогая, что предстоятъ мнѣ такіе же человѣки, созданье Божіе“. Очень кротко относилась она къ дерзости и непослушанію рабовъ, хотя семья и корила ее за это.

Въ несчастныя годы неурожая, голода, повальныхъ болѣзней въ народѣ, Юліанія съ поразительной энергіей проявляла свое неутомимое человѣколюбіе; добывала все, что могла изъ своего хозяйства, не знала минуты покоя, и все отдавала бѣднымъ. Скончались старики. У Юліаніи было 13-ть человѣкъ дѣтей; изъ нихъ семерыхъ она взростила до совершеннаго возраста. Наступалъ и для нея пожилой возрастъ. Она слезно умоляла мужа отпустить ее въ монастырь; но Осорьинъ сумѣлъ убѣдить ее словами писанія, что можно и въ міру душу спасти, что ея труды необходимы людямъ; только одной мольбѣ ея онъ внялъ — освободилъ праведницу отъ супружескаго ложа.

Юліанія съ восторгомъ устроила себѣ отдѣльное ложе изъ дровъ, засыпая на немъ всего часъ-другой въ сутки; ни разу съ тѣхъ поръ въ банѣ не мылась, изнуряя свое тѣло, какъ пустынь-

ница, молитвой и постомъ. Казалось бы, духъ великой труженицы могъ хоть не надолго отдыхать въ покой и тихой ясности; но не такова была психологія вѣрующихъ и спасающихся людей того времени: страхъ искушенія и бѣсовскихъ силъ удручалъ ихъ бѣдное запуганное воображеніе, и Юліанія, какъ и всѣ вокругъ нея, жила съ убѣжденіемъ, что бѣсы ополчаются на нее и искушаютъ ея добродѣтель. Еще молодой ей доводилось видѣть во снѣ и на яву, какъ бѣсы съ угрозами бросаются на нее; въ ужасѣ она взывала къ Божіей Матери и Николаю-Угоднику; и чудотворецъ являлся разгнѣванный, то великой книгой, то палицей билъ бѣсовъ и разгонялъ ихъ. Разсерженный неудачами дьяволъ посылалъ ей въ испытаніе несчастья въ домъ, возбуждалъ ссоры въ семьѣ и среди рабовъ; такъ одинъ изъ нихъ убилъ старшаго сына Юліаніи, другой сынъ погибъ на походѣ. Она никогда не роптала, переживая все тихо и кротко.

Съ ея вдовствомъ начались надъ нею знаменія. Какъ-то разъ въ лютую зиму она, уже старуха, не пошла къ обѣднѣ, какъ дѣлала каждый день. Священникъ искалъ ее въ храмѣ, когда голосъ отъ иконы Божіей Матери приказалъ почитать милостивую вдову Юліанію и передать ей, чтобы она бывала въ церкви, такъ какъ молитва ея пріятна Богу. Какъ только пришла она къ службѣ, благоуханіе распространилось по всей церкви,

Послѣднимъ и высшимъ испытаніемъ ея силъ были голода и моръ въ царствованіе Бориса Годунова. Она все распродала, все обращала въ хлѣбъ, чтобы давать и давать, не допуская, чтобы отъ нея уходили съ пустыми руками. Юліанія приказывала собирать лебеду, кору, травы, и изъ нихъ готовить хлѣбы; подъ ея наблюденіемъ хлѣбы дѣлались очень вкусными, и сосѣди дивились ихъ качеству. Вскорѣ разболѣвшись, она и на смертномъ одрѣ поучала дѣтей и близкихъ. Умерла она въ другомъ помѣстьи, но въ уваженіе къ ея желанію ее перевезли къ могилѣ мужа. Черезъ нѣсколько лѣтъ при погребеніи ея сына, нашли ея тѣло „кипящее муромъ“; тогда то другой сынъ рѣшился написать ея житіе, благодаря которому сохранилась память о праведницѣ.

И эта дошедшая до насъ жизнь женщины, проникшейся не только религіозными идеалами своего времени, но истинно-еван-

гельскими идеями равенства всѣхъ людей, служенія ближнимъ, оставляетъ грустное впечатлѣніе; и правъ акад. Буслаевъ, говорившій, что житіе-бытіе того времени и вся его неприглядная обстановка накладываютъ темный и печальный колоритъ на это повѣствованіе, хотя и согрѣтое сыновнимъ чувствомъ автора. Кругомъ все печально и сумрачно, какъ сѣрое непривѣтливое небо, висящее надъ темными лѣсами и пустынями муромскаго края. Однако, въ этихъ лѣсахъ родилась и жила св. Февронія, а повѣсть о ней оставляетъ скорѣе свѣтлое впечатлѣніе, и это потому, что въ ея основѣ лежитъ легенда лѣснаго края, полная ясной непосредственности народнаго творчества, духа старины, когда еще не чувствовалось обостреніе социальныхъ отношеній; сама героиня—смѣлая женщина, боевая натура, всегда готовая на открытый отпоръ, послужила правдѣ—жизни, а не идеалу смиренія и изнуренія плоти.

Юліанія провела жизнь среди болѣе сложныхъ условій быта и подъ гнетомъ другихъ понятій. Извнѣ тяготили ее бѣдствія русской жизни, голода, моровая язва и общественная разруха начала смуты. Тяжко ей жилось и въ домашнемъ кругу среди толпы рабовъ, необходимой принадлежности стариннаго большаго хозяйства. Не было ей утѣхи въ молодости, пишетъ Буслаевъ, издавшій житіе защитницы рабовъ наканунѣ реформы 1861 г., такъ груба и невзрачна ея обстановка при отсутствіи всякихъ признаковъ общественнаго образованія, даже внѣ общенія съ церковью. Ея сверстницы въ помѣщичьихъ усадьбахъ только ѣли и пили вдоволь, питали свою красоту и радовались ей, осмѣивали страсть къ труду юной Юліаніи, презирали ея душевные порывы къ лучшему, высшему, идеальному.

Насмѣшки близкихъ, окружающая ее нищета людская, бѣдствія, семейныя несчастія только изошряли ея горѣвшее любовью и состраданіемъ сердце и укрѣпляли ея волю и энергію на дѣла милосердія, умиротворенія, добраго, тихаго поученія. Не ея вина, если въ минуты душевной тревоги ее преслѣдовали отзвуки мрачныхъ и дикихъ распрей, побоищъ, какими полно была русская жизнь того времени, и бѣдная запуганная фантазія населяла ея сны набѣгами бѣсовъ и борьбой съ ними угодниковъ.

Со своей страстью къ писанію она такъ и не пыталась научиться читать, вѣроятно потому, что такое наученіе не соответствовало истинной скромности, идеалу личнаго смиренія, а являлось своего рода высокоуміемъ, о которомъ она и не помышляла. И становится грустно за эту сильную, чуткую, богатую отъ природы натуру, это пылкое сердце, съ такимъ энтузіазмомъ раввавшееся на служеніе людямъ, что ни откуда не прикоснулся къ ней лучъ просвѣщенія, не было просвѣта кругомъ, который бы сколько нибудь расширилъ кругозоръ ея мысли.

Идеалы затворничества и смиренія женщинъ не могли найти практическаго примѣненія въ тѣхъ слояхъ населенія, гдѣ удѣломъ женщинъ является трудъ наряду съ мужчинами, гдѣ условія жилища, семьи не допускали отдѣленія ея женскихъ членовъ отъ мужчинъ; не только крестьяне, ремесленники, низшій торговый классъ, но и небогатые служилые люди — помѣщики располагали очень тѣсными помѣщеніями; къ тому же въ отсутствіи мужа все хозяйство, веденіе промысла, поддержка семьи ложилась на плечи жены. Крестьянскій бытъ очень мало измѣнялся въ теченіе ряда вѣковъ; языческая старина, древнее пониманіе природы, обычаи, формы поэтическаго творчества сохраняли всю свою живую силу въ духовномъ мірѣ крестьянина. Этотъ бытъ главной массы народа содѣйствовалъ сохраненію старины, ея порядковъ и обычаевъ въ средѣ горожанъ и провинціальныхъ служилыхъ людей — помѣщиковъ; его отзвуками питались національныя преданія и въ высшихъ классахъ и въ самыхъ царскихъ хоромахъ. Благодаря условіямъ хозяйства и промышленности съ одной стороны, — энергичному развитію государственности, подчинявшему себя все и всѣхъ въ странѣ съ другой, — затворничество женщинъ не пустило крѣпкихъ корней въ русскомъ обществѣ; оно примѣнялось въ быту немногочисленнаго высшаго слоя знати и богатыхъ людей, имѣло въ нашей исторіи характеръ эпизодическаго явленія, и довольно легко уступило культурному вліянію Европы; правда, отзвуки его сохранились надолго, но уже благодаря слабому и медлен-

ному развитію чувства общественности въ русскомъ обществѣ новыхъ временъ.

Въ народной массѣ женщины, какъ древнія жрицы, почитались хранительницами національныхъ обычаевъ, выразительницами традиціонныхъ понятій и чувствъ въ важнѣйшіе моменты жизни. Сватовство, свадьба, прощаніе съ умершими, съ уходящими на войну по старому разыгрывались въ цѣлыя драмы, въ которыхъ участвовали не одни родные и близкіе, а многіе сосѣди и цѣлыя селенія. Женщины хранили въ памяти мотивы старинныхъ пѣснопѣній, дополняли ихъ работой воображенія, приспособляли къ новымъ случаямъ и временамъ, перепѣвали заново свадебныя пѣсни, причитанія, погребальныя вопли. — Особенно нервныя и чуткія, способныя вдохновляться до экстаза пѣвицы и плакальщицы пользовались огромнымъ почетомъ и наперерывъ приглашались въ селенія цѣлаго округа; инныя имѣли спеціальною плачь по покойникамъ и силою выраженія скорби и образностью картинъ умиранія и значенія потери — „крестьянина могучаго“ производили потрясающее впечатлѣніе; другія мастерски вели свадебныя пѣсни и игры.

Въ старину свадьба со своими пѣснями являлась истиннымъ брачнымъ обрядомъ, укрѣплявшимъ союзъ, и долго сохраняла это значеніе въ Малороссіи и нѣкоторыхъ окраинахъ. Невѣста оплакивала дѣвичью свободу, на которую „судъ пришелъ“, и присудилъ ей „суженого“, далъ ей „рядъ“ на всю жизнь въ образѣ „ряженаго“. Совершалось важнѣйшее событіе личной жизни; чувства присутствующихъ обострялись, настраивались очень высоко; недаромъ нѣмцы называютъ свадьбу — „Noch-Zeit“, и настроеніе требовало сильныхъ, горячихъ словъ и звучныхъ напѣвовъ для своего выраженія.

У гроба вопленица является истолковательницей семейнаго горя, говоритъ собиратель „Причитаній Сѣвернаго края“ Е. Барсовъ; она входитъ въ положеніе осиротѣвшихъ; она думаетъ ихъ думами и переживаетъ ихъ сердечныя движенія; чѣмъ богаче ея запасъ готовыхъ оборотовъ, тѣмъ лучше обрисовываетъ она думы и чувства среди животрепещущихъ явленій природы, тѣмъ умиленнѣе и складнѣе причитанія; тѣмъ большимъ пользуется

она вліянієм и уваженієм среди народа. Отдать послѣдній долгъ умершему собираются иногда цѣлыя селенія, а потому нельзя остановиться на значеніи во пленницѣ только какъ на выразительницѣ чужого горя; вліяніе ея шире: она объявляетъ во всеуслышаніе нужды осиротѣвшихъ, указываетъ окружающимъ на ихъ нравственный долгъ поддержать сирыхъ; она напоминаетъ о нравственныхъ устояхъ жизни, открыто высказываетъ думы и чувства, симпатіи и антипатіи, вызываемыя условіями семейной или общественной жизни. Иныя плачи, напр., о покойномъ старостѣ, слугѣ общества, немного напоминаютъ въ наивной формѣ современныя публичныя рѣчи въ память общественныхъ дѣятелей.

Форма плача надъ умершимъ или пострадавшимъ очень древняго происхожденія; нѣкоторые плачи записаны въ другихъ литературныхъ памятникахъ; плакали женщины надъ ослѣпленнымъ кн. Василькомъ Ростиславичемъ; плакала о судьбѣ мужа Ярославна на стѣнѣ Путивля. Извѣстенъ плачь вел. княгини Евдокіи надъ тѣломъ Дмитрія Донского...

„Что ради и на дѣти свои не возриша,
Ни отвѣтна слова не даси.
Звѣри земные на ложи свои идутъ,
И птицы небесныя къ гнѣздамъ летятъ!
Ты-же, государю, отъ дома своего не красно отходиши!
Кому уподоблюся азъ, уединенная?
Старыя дѣвы, утѣшите меня!
Младые же вдовы, восплачите со мною!
Вдовья бо бѣда горяча всѣхъ людей“.

Церковь не разъ осуждала продолжительные вопли, какъ внесеніе посторонняго мірскаго элемента въ погребальные обряды. Петръ I въ 1715 г. при погребеніи царицы Марѣы Матвѣевны строго запретилъ непристойные вопли надъ ея гробомъ. Но въ народѣ обычай долго сохранялся во всей своей неприкосновенности. Древнія причитанья и свадебныя пѣсни не дошли до насъ, за немногими исключеніями; но много старины сохранилось и въ позднѣйшихъ твореніяхъ пѣвицъ и плакальщицъ.

Происходитъ сватанье; сваты сидятъ въ красномъ углу,

угощаются; невѣста скрывается въ клѣти, въ чуланчикѣ и плачется:

— „И во почестномъ, во большомъ углу
— Какъ не вороны слетаются,
И не воины съѣзжаются;
Ужъ какъ сходятся, съѣзжаются
Два свата полюбовные;
— Какъ бы вороны слетались бы
Крылье-перыцы щипались бы;
Кабы воины съѣзжались бы,
У ихъ палицы ломались бы;
И не въ трезвонъ нынѣ затрезвонили,
Мою волюшку поневолили,
И не въ колоколъ ударили,
Меня дѣвушку просватали.
И я гляжу смотрю, невольница,
Сквозь обиду—горючи слезы,
Я на лавочку бросаю,
И на стѣнушку личевую,
И на свѣцу да воску ярова;
Какъ свѣща Божья туманится,
И Богородица печалится.

Дѣвушка умоляетъ родителей не спѣшить дѣломъ, не прельщаться розсказами сватовъ, и подумать хорошенько надъ ея долею. Вспоминаетъ она старину, великую, свѣтлую волю дѣвы, чуждой всякаго ряда; мистической древностью вѣетъ отъ размышленій невѣсты, куда схоронить дорогую волюшку, въ погребѣхъ ли подъ землей, во темномъ ли лѣсу, на днѣ ли рѣки, спрятать подальше, чтобы не пропала она въ конецъ, а спряталась гдѣнибудь до времени. Горюетъ, недоумѣваетъ она, кто виновникъ въ этой бѣдѣ, что должна она, дѣвица, слушаться уговоровъ родителей и сама снять съ себя эту вольную волюшку. За нея отвѣчаютъ изслѣдователи пѣсенъ: виновны сложившіеся порядки народнаго быта, созданная ими семья, требующая ряда для вольныхъ дѣвъ, „походныхъ“ богатыршъ, виновата и она сама, красота ея, юность ея завлекающая, наконецъ, чувство, зарождающееся въ ней самой, побуждаетъ ее, хоть и со слезами, наложить руки на свою вольную волюшку и обращаться въ дѣвицу-

подневольную, какъ называютъ ее пѣсни. Но еще высоко очарованіе чистой дѣвы и внушительна ея волюшка, и невѣста выше всѣхъ и значительнѣй въ свадебномъ обрядѣ.

Она спрашиваетъ въ пѣснѣ замужнюю подружку:— „И ты скажи, совѣтна дружна подружка! Какъ со волюшкой вѣдь ты да разставалася?“ И та отвѣчаетъ:

„И ты подумай, подневольна красна дѣвушка,
И не посмію я, печальная головушка,
И подойти къ тебѣ, голубенько, скорешенько,
И да я стать къ тебѣ, невольница, близешенько,
И наднести да на ты бѣли свои рученьки,
И можешь знать-вѣдать ты, бѣлая лебедушка,
И на перстахъ моихъ перстни не брилліантовы,
И на рукахъ да вѣдь пальца не залочены,
И во моихъ да во безчастныхъ во плечушкахъ.
Да 50 да е булавочекъ каменныхъ,
И е пять вострыхъ былатныхъ столько ножичковъ,
И пріобрѣжу твою волю эту волюшку,
И посердѣючишь ты, совѣтна дружна подружка,
И на меня да ты, печальную головушку“.

Сосѣдка не рѣшается рассказывать про „чужу сторонушку“, гдѣ за всѣмъ примѣчаютъ, все осуждаютъ; осудятъ и ее, что съ сосѣдкой порасплакалась, на чужую семью расжалилась. Весь діалогъ ведется красиво и образно.

Не казистъ женихъ, не казиста жизнь замужняя и невѣстѣ заранѣе рисуется картина предстоящей тяготы:

— „И какъ охочъ ходить остудникъ да захаживать,
И онъ по темнымъ, по долгимъ по ноченькамъ,
И сожидать да буде бѣлой мнѣ лебедушкѣ,
И буде ноженки держать да на дороженькѣ,
И бѣлы рученьки держать да на заложеткѣ,
И буйна голова держать да во окошечкѣ
И ясны оченки держать да во чистомъ полѣ,
И умомъ разумомъ смекать да во всѣ стороны;
И на которой придетъ путемъ дороженькой,
И онъ откуль приде, остудникъ, со сторонущкѣ,
И сожидать буде невольной до полуночи;
И вотъ идетъ да онъ, остудникъ блажь отецкій сынъ,

И онъ плотнешенько идетъ да подпоясанось,
И несетъ шапку то, остудникъ, на одномъ ухѣ,
И рукавички то несетъ да на правой рукѣ;
И ужъ онъ пьянъ-непьянъ, остудничекъ, шатается.
И надо мной хочеть, остудникъ, насмѣяться“.

Плачи несравненно разнообразіе свадебныхъ пѣсенъ; они повѣствуютъ о разныхъ лицахъ, о множествѣ различныхъ бѣдствій и событій, имѣвшихъ роковыя послѣдствія: плачутъ вдовы о мужьяхъ, дѣти о родителяхъ, мать о молоденькой дочери, плачутъ объ убитомъ молніей, объ утонувшихъ во время бури, о крестныхъ и о крестницахъ, и о разныхъ родственникахъ, объ отцѣ духовномъ, о старостѣ, прославляютъ семейныя добродѣтели и общественныя заслуги умершихъ, плачутъ, провожая на войну, и всюду широкій просторъ для проявленія находчивой фантазіи и чуткой отзывчивости. Жена, оплакивая мужа, называетъ его „державушкой“, „семеюшкой“, какъ главу семьи и дома; мать именуется „родитель-жалостливая“, дочь-дѣвушка „бѣлая лебедушка“.

Сильно и образно рисуется какъ смерть, крадучись, проникла въ домъ, горько сожалеютъ, что не укараулили ее, не боролись со злодѣйкою:

„Глупо сдѣлали сиротны малы дѣтушки,
Мы прогупали родительско желаньице.
Допустили эту скорую смеретушку,
Мы не заперли новыхъ сѣней рѣшетчатыхъ,
Не задвинули стекольчатыхъ околенокъ;
У воротъ да мы не ставили привородщиковъ,
У дубовыхъ дверей да сторожителей;
Не сидѣли мы у трудной у постелюшки
У тяжела круто-складнаго зголовица;
Не глядѣли про запасъ мы на родителя на батюшку...
..... Подходила тутъ скорая смеретушка,
Она кратчи шла злодѣйка душегубица;
По крылечку ли она да молодой женой,
По новымъ ли шла сѣнямъ да красной дѣвушкой,
Аль каликой она шла да перехожею“...

Просватанная дочь, оплакивая дѣвичью волю, ищетъ утѣшенія на могилѣ матери.

„Не утай, скажи, родитель жалостлива,
Гдѣ оставила сердечное желанье,
Свои ласковы прелестныя словечушки,
Знаю вѣдаю, кокоша горе-горькая,
Въ витрѣ-сиверѣ великое желанье,
Въ синемъ камышкѣ прелестныя словечушки,
Надо волюшкой побѣдной мнѣ спрошоная,
Буду горька сирота я застроченая,
Не по плечушкамъ крестьянска мнѣ работушка,
Не по возрасту великая заботушка“..

Иногда вызванная мать является къ дочери-невѣстѣ, и пѣсня бесѣдуетъ съ ней, какъ будто она и не покидала міра живыхъ.

Большими художественными достоинствами отличается плачъ матери по мслоденькой дочери; онъ сравнительно коротокъ, но сжатая сильная рѣчь дышетъ глубокой тоской, тихой безысходной скорбью; смерть юнаго существа—не только горе, а злая обидушка материнскому сердцу:

... „Говорила мнѣ ка бѣла лебедушка:
Я не знаю же родитель мой мижонный день,
Что болятъ да крѣпко рѣзвы мои ноженьки,
Что устали новы дѣвицы мои рученьки,
Измѣнился бѣлый свѣтъ да со ясныхъ очей“..

Слегла больная дѣвушка, день и ночь сидитъ горюетъ надъ нею мать, припасаетъ ей яства сахарныя; но болѣзнь побѣждаетъ:

— „Уже день за день какъ рѣка течетъ,
Приходить стала разливыя красна веснушка.
Стало синее Онего разливаться,
Мое дитятко отъ насъ да удалятися;
Бывъ, какъ дождинки уходятъ во сыру землю,
Какъ снѣжки быдто таютъ вокругъ на околѣ огней,
Въ родѣ солнышко за облачко теряется,
Также дитятко отъ насъ да укрывается,
Какъ свѣтелъ мѣсяцъ по утру закатается,
Какъ часта звѣзда стерялась подепбесная,
Улетѣла моя бѣлая лебедушка,
На иное безвѣстное живленье!“

Плачъ по убитомъ молніею вопленица начинаетъ осторожнымъ напоминаніемъ объ Ильѣ Пророкѣ, который испрашиваетъ

у Владыки разрѣшенія наказать „крестьянина могучаго“, что не усерденъ онъ въ молитвѣ; далѣе описаніе душнаго дня, сильной грозы съ бурей, поклонившей лѣса, разогнавшей звѣрей...

— Съ утра жалобно вѣдь солнце воспекало,
Была тишинка на широкой на улицѣ;
На часу вдругъ тутъ е да объявилоса,
Стало солнышко за облака теряться,
Наставала туча темная, неспособная,
Со громомъ да эта туча со толкучимъ,
Вдругъ съ молвіей то тученька трескучей“..
..... Стрѣла Божья тутъ вдругъ да разлетѣлася,
Не на воду вѣдь стрѣлушка не на землю,
Не на звиря въ темномъ лѣсушкѣ събѣдучаго,
Она пала на сосѣда спородиваго—
Изорвала все ретивое сердечушко;
Заразилъ-побилъ Илья-свѣтъ-Преподобный
Да онъ славнаго крестьянина могучаго.
Туча темная заразъ же уходилася,
Стрѣла молнія заразъ же приукрылася.

Въ плачѣ по старостѣ вопленица отъ лица вдовы рассказываетъ о самовольствѣ начальниковъ, что измываются надъ крестьянами, мучаютъ и обижаютъ ихъ, о судьяхъ грозныхъ, неправедныхъ, о сборщикахъ, взыскивающихъ разорительныя подати; и ко всѣмъ староста первый являлся, отвѣтъ держалъ и міръ защищалъ:

„Стане староста судью тутъ уговаривать:
Не давай спѣси во бладу головушку,
Сиротства ты во ретливое сердечушко.
Да ты чиномъ то своимъ не возвышайся-тко—
Едини да все у Бога люди созданы:
На крестьянъ ты съ кулаками не скакивай,
Знай сяди да ты за столикомъ дубовымъ“.

Пѣніе и плачи многихъ пѣвицъ и плакальщицъ отличалось особой красотой и силой выраженія; иныя обладали даромъ импровизацій; однѣ женщины особенно хорошо вели свадебныя пѣсни, другія славились своими плачами, производившими потрясающее впечатлѣніе на слушателей, а слушать ихъ собирались люди изъ дальнихъ деревень. Еще въ 60-хъ годахъ XIX в. въ Онежскомъ краѣ знали замѣчательныхъ плакальщицъ.

V.

Старинныя помѣщичицы ¹⁾.

Одновременно съ полнымъ расцвѣтомъ затворничества въ высшихъ слояхъ московскаго общества, со второй половины XVI-го вѣка зарождается иная сфера быта съ иными требованіями отъ женщинъ. Быстро растутъ сила и значеніе въ государствѣ военно-служилаго класса, тѣхъ раннихъ воиновъ-помѣщиковъ, которыхъ можно считать родоначальниками позднѣйшаго дворянства.

Военно-служилыхъ людей посылали на житье и службу въ дальнія степныя мѣста близъ дорогъ, по которымъ бродили татары и другіе кочевники, подготавливая свои набѣги на русскіе города и даже на Москву. Въмѣсто жалованья и содержанія военнымъ отводили участки пустыхъ степныхъ земель, чтобы заселяя ихъ и заводя сельское хозяйство они успѣшнѣй оттѣсняли кочевниковъ за Волгу и къ Черноморью. По смерти служилаго челоѣка, или когда старость, болѣзни или раны лишали его возможности нести военную службу, его помѣстье передавали другому обязанному службой лицу, обыкновенно сыну или родственнику, и только за неимѣніемъ родныхъ — постороннему, обязывая преемника содержать старика. Къ XVII-му вѣку селенія мелкихъ и крупныхъ помѣщиковъ, разбросанныя по огромнымъ пространствамъ, перерѣзаннымъ земляными валами, завалами деревьевъ, а у татарскихъ дорогъ частоколомъ со сторожевыми башнями, широкимъ полукругомъ охватывали центральную Русь отъ Приуралья и р. Бѣлой — черезъ нынѣшнія губерніи Симбирскую, Тамбовскую, Воронежскую, Курскую до Смоленской и литовской границы на западѣ.

Жуткую жизнь выносили здѣсь семьи помѣщиковъ на отпущенныхъ за службу земляхъ; долгое время крестьяне не рѣшались селиться на опасныхъ мѣстахъ и не приходили на свѣжія земли новыхъ помѣщиковъ; обращать въ холопство плѣнныхъ

и удерживать ихъ за собой, приучая ихъ къ земледѣлію, не хватало силъ и средствъ. Мелкіе помѣщичицы съ женами и дѣтьми сами пахали и убирали поля, держа наготовѣ ружья и самопалы. Пѣтомъ въ пору сельскихъ работъ спадала вода въ рѣкахъ, открывались броды, и кочевники свободно пользовались степными дорогами для своихъ набѣговъ. Воиновъ требовали на усиленную службу къ крѣпостямъ и сторожамъ.

Жены оставались однѣ при хозяйствѣ подъ грозой набѣга и татарскаго плѣна съ увозомъ на продажу на мусульманскіе рынки. Цѣлыми поколѣніями неслышно и незамѣтно вели здѣсь помѣщичицы огромную экономическую работу; въ заселеніи степей и укрѣпленіи сельскаго хозяйства на драгоцѣнномъ черноземѣ заключался основной смыслъ борьбы съ кочевыми народцами. Съ каждымъ поколѣніемъ новыя группы помѣщичьихъ семей отдѣлялись отъ старыхъ уже окрѣпшихъ населенныхъ мѣстъ и передвигались далѣе къ югу и юго-востоку, и заводи́ли новыя селенія, налагая новыя испытанія на женскія силы; женщины и въ полѣ работали и дома оберегали.

Когда жизнь въ окрѣпшихъ селеніяхъ становилась безопаснѣй и приходили на работы крестьяне, получая въ свою очередь надѣлы на помѣщичьей землѣ, то ихъ хозяева-помѣщичицы, какъ болѣе состоятельные, отсылались въ дальніе, болѣе трудные походы. Помѣщичицы по цѣлымъ годамъ управлялись однѣ со сложнымъ хозяйствомъ, наблюдали, чтобы не разбродились крестьяне, что такъ легко удавалось въблизи степей. Въ своей сельской глуши помѣщичицы съ дѣтьми жили въ сущности въ полной зависимости отъ своего рабочаго люда.

Когда ожидалась татарскія набѣги, московское правительство строго наказывало служилымъ людямъ свозить женъ и дѣтей съ имуществомъ и даже хлѣбомъ въ ближайшій острогъ-крѣпость или укрѣпленный городокъ, чтобы не оставлять добычи кочевникамъ. Но по бездорожью и огромнымъ разстояніямъ такія перевозки бывали невыполнимы; даже жители ближнихъ селеній не любили забираться въ городскую осадную тѣсноту. Помѣщичицы предпочитали, не смотря на строгія запрещенія, строить свои острожки и загороди, гдѣ своими средствами защищались отъ набѣговъ.

¹⁾ Лекціи V и VI-я см. „Истор. Вѣст.“ 1913 г. № 7, съ сокращеніями.

Нерѣдко и ихъ женамъ, одинокимъ помѣщикамъ, доводилось самимъ во главѣ вооруженныхъ людей отбиваться отъ разбойничьихъ шакъ или отсиживаться отъ враговъ и за частоколами.

Селенія очень страдали отъ нападеній разбойниковъ и отчасти казаковъ. Обижали и своя братья помѣщики: иной черезъ чуръ бойкій боярскій сынъ собиралъ вокругъ себя любителей легкой наживы и ходилъ съ топорами и рогатинами на помѣщиковъ и на крестьянъ; удалая шайка била своихъ же земляковъ до увѣчій и смерти, отнимала имущества ничѣмъ не гнушась, часто для того только, чтобы немедленно прокутить легкую добычу въ первомъ кабакѣ. Подчасъ, какъ татаринъ, такой атаманъ завозилъ ихъ женъ и дочерей въ свою усадьбу, чтобы закрѣпить ихъ себѣ въ холопство.

Въ запискахъ Болотова отмѣчены по семейнымъ пересказамъ бѣдствія женщинъ въ глухихъ деревенькахъ. Когда одинъ изъ его предковъ, каширскихъ помѣщиковъ, попалъ въ плѣнъ къ крымскимъ татарамъ, зимнею ночью разбойники напали на его усадьбу, жену его предали мучительной смерти, домъ весь разорили; ушла одна только жившая съ матерью незамужняя дочь, босая, не одѣтая. Добѣжала она кое-какъ по морозу за 3 версты въ деревню родныхъ; тамъ разболѣлась и умерла. Люди ихъ разбѣжались или были уведены насильниками, а крестьяне разбрелись по другимъ помѣщикамъ. Черезъ много лѣтъ старый помѣщикъ ушелъ отъ татаръ; добрелъ онъ до родной деревеньки, а вмѣсто нея нашелъ заросшія бурьяномъ ямы и развалины.

Очень часто на долю женщинъ выпадали всѣ дѣловыя сношенія помѣщицъей семьи. Умиралъ помѣщикъ или лишался службы вслѣдствіи ранъ и увѣчій, и дѣтельными граждankами становились вдовы-матери, и даже взрослые дочери-сироты оказывались во главѣ семьи. Онѣ спѣшили закрѣпить помѣстья за дѣтьми или маленькими братьями и обезпечить ихъ, сохраняя съ трудомъ созданное хозяйство. Съ помощью ближняго священника, дьячка, грамотнаго родича или холопа они посылали слезныя челобитныя въ московскіе приказы, прося справить за дѣтьми помѣстья и выдѣлить части вдовамъ на прожитокъ, а дочерямъ на приданое, обѣщаясь воспитать новыхъ воиновъ для государевой службы.

— „Бѣдная вдова Кашерянина Антонидка Дорофеевская ж. Болотова съ дѣтишками, Большимъ Сенькой (5 л.), да Меньшимъ Сенькой (3 г.), да съ двумя дочерьми дѣвками бьетъ челомъ Вел. Государю... въ прошломъ въ 154 г. (1646 г.) былъ мужъ на твоей государевой службѣ на Ливнахъ съ окольничьимъ кн. П. С. Львовымъ... да занемогъ, и привезли съ твоей государевой службы больного. И въ нынѣшнемъ, Государь, въ 155 г. послѣ Богоявленьяго дня на завтра мужа моего не стало“. Вдова просить „пожаловать ее съ сынишками выслуженнымъ помѣстьемъ мужа 95 четями“ (142¹/₂ десятины), а имъ „съ того помѣстья государеву службу служить и мать свою кормить до живота“. Семья Болотовыхъ была изъ крѣпкихъ и жила довольно дружно; вдовы не торопились просить о выдѣлѣ себѣ и дочерямъ на прожитокъ. Очень энергична и дѣятельна вдова болѣе состоятельнаго Болотова, Дарьца. Послѣ обычнаго доклада о смерти мужа, она перечисляетъ свою семью въ челобитной: „а я, горькая, осталась съ дѣтишками своими, съ Ивашкой да съ Кирюшкой, да съ Гаврилкомъ да съ Борискомъ, да со снохой Осиповой женой, да со внукомъ, Ларькой Осиповымъ сыномъ, сама сема“. Помѣстья мужа 618 дес. она просила справить за 2-мя младшими сыновьями и внукомъ: „а внука моего вели мнѣ поить и кормить, покамѣстъ возмужаетъ и поспѣетъ въ твою государеву службу“... А поспѣетъ Ларька въ 15 л., онъ изъ того дѣда своего помѣстья служить и кормить бабку и мать. Вдова Дарьца была не мелкая провинціалка, а москвичка, дочь головы московскихъ стрѣльцовъ; такіе браки представляли большія выгоды для служилаго уѣзднаго человѣка: черезъ родню жены онъ находилъ поддержку въ Москвѣ; было кому похлопотать за него въ приказахъ, выпросить прибавки къ помѣстью. Сама Дарьца энергично и твердо вела дѣла семьи и все потомство удерживала вокругъ родного гнѣзда.

Только по смерти старшаго сына она выхлопотала раздѣлъ помѣстья поровну на всѣхъ по 91 дес., 2-мъ сыновьямъ и внуку, себѣ на прожитокъ и снохѣ-вдовѣ съ дочерью. У молодой женщины былъ уже высватанъ женихъ, и 61 дес. ея прожиточнаго, (30 дес. шли дочери), доставались мужу какъ бы въ приданое. Браки

помѣщицъ и служилыхъ людей устраивались при участіи московскихъ приказовъ; невѣста заявляла въ челобитной, что ея женихъ ждетъ и готовъ жениться, если Государь пожалуетъ, велитъ справить за нею прожиточное помѣстье. Если мужа записывали въ службу въ другой уѣздъ, онъ могъ обмѣняться помѣстьемъ жены съ новымъ сосѣдомъ или товарищемъ на то же число десятинъ.

Иныя помѣщицы отслуживали, можно сказать, 2 срока службы: взростивъ сыновей, онѣ хлопотали о судьбѣ внуковъ, заботились о невѣсткахъ, когда мужа подолгу пропадали въ походахъ; даже выдавали замужъ ихъ молодыхъ вдовъ. Къ числу ихъ принадлежала и Дарьца Болотова. Еще рядъ лѣтъ завѣдывала она хозяйствомъ и дѣлами семьи, и только съ возвращеніемъ домой старшаго изъ оставшихся въ живыхъ сыновей, она подумала о покой и отдыхъ; а покой и тишину въ тѣ времена могъ дать только монастырь. Энергичная Дарьца постриглась, оставивъ свои 91 дес. внуку Ларіону; сыновья же, слѣдуетъ думать, сдѣлали необходимый вкладъ въ монастырь, съ которымъ община принимала въ свою среду и на свое попеченіе постриженницу.

Вообще, при дѣлѣ помѣстій дѣла шли далеко не такъ гладко; родичи очень часто ссорились, тягались другъ съ другомъ, утаивали лишнихъ членовъ семьи, чтобы больше досталось, и за это попадали подъ судъ. Такъ, родственница Болотовыхъ, вдова съ сыномъ, чтобы лучше выдать старшую дочь, утаила въ челобитной о прожиточныхъ доляхъ существованіе своей младшей дочери. За обиженную вступились другіе родственники и подали жалобу. По суду обиженной дѣвчкѣ выдали на прожитокъ большую долю помѣстья, чѣмъ матери и старшей дочери вмѣстѣ.

Въ отдаленномъ Арзамасскомъ уѣздѣ дѣвка сирота Катерина Малахова долго жаловалась въ приказы на дядю и братьевъ, что ей слишкомъ мало выдѣлили изъ выслуженныхъ ея отцомъ земель; и все-таки уже вмѣстѣ со сговореннымъ женихомъ добилась большой прибавки къ своему приданому. Очень часто юноши новики изъ многолюдной семьи въ прожиточномъ жены получали свое первое земельное обезпеченіе, съ которымъ начинали службу, а свою помѣстную землю выхлопывали позже за

выслугу; поэтому экономическія условія брака имѣли большое значеніе для служилыхъ людей; а правительство находило очень удобнымъ задерживать доли служилыхъ помѣстій за дѣвками, готовить, такъ сказать, авансъ будущей молодой четѣ, обязанной потрудиться надъ защитой и заселеніемъ родной земли.

За прожиточнымъ дѣвчекъ зорко и завистливо слѣдили родственники, чтобы при первой возможности оттянуть клочекъ въ свою пользу. Въ этомъ же Арзамасскомъ у. двумъ сестрамъ-сиротамъ, Большой Афимѣ да Меньшой Афимѣ, должны были достаться 16 дес. вымѣненной ихъ отцомъ земли, а сосѣдъ родичъ уже спѣшилъ съ челобитной, прося отдать ему, если что останется отъ прожиточнаго Афимѣ.

Сами родители не могли давать землю въ приданое дочерямъ, такъ какъ помѣстья не считались ихъ собственностью; они награждали дочерей платьемъ, вещами, холопами, крестьянскими дворами. Въ XVI в. до XVIII-го у насъ временно установилась общность имущества супруговъ, что потребовало заботливаго перечисленія приданого, которое по смерти мужа или при разводѣ возвращалось женѣ. При рядныхъ записяхъ, составлявшихся при сговорѣ, прилагался подробный списокъ приданого и того, что жена вноситъ въ общее хозяйство. Если мужъ входилъ въ домъ невѣсты, то и онъ давалъ такую же рядную на свое имущество.

У людей состоятельныхъ большую роль въ приданомъ играла движимость; вотъ для примѣра рядная конца XVII-го в. дочери тульского помѣщика Тимирязева, сговоренной за Писарева: отецъ благословилъ дочь четырьмя иконами въ ризахъ серебряныхъ. „Ларечной кузни“—цѣпь позолочена, двой серги серебряныя позолочены съ камнемъ и жемчуги, да ошивка цепновая, пердѣнка низовая, 10 перстней съ камнемъ и съ жемчуги; да трехъ соболей, верхъ низаный, да рукавья низаны. Приданова платья: шуба атласная червчатая, мѣхъ бѣлый хребтовый, кружева серебряныя згороды, пуговицы позолочены; шуба камчатая лудановая дымчатая, мѣхъ бѣлый, кружево золотое згороды, пуговицы сереб. позол.; шуба тафтяная, мѣхъ бѣлый, кружево кизилбацкое, пуговицы сереб. поз. Тѣлогрѣя лудановая жеркая,

кружево кизилбацкое, пуговицы поз. Тѣлогрѣя камчатая бѣлая съ кружевомъ золотнымъ, пуговицы оер. поз. Шуба киндячная червчатая на зайцахъ, тѣлогрѣя киндячная. Перина съ сголовьемъ и подушки, наволоки тафтяныя, одѣяла выбойчатые на зайцахъ. Сундукъ съ бѣльемъ. — Всего платья на 100 руб. Изъ госуд. жалованья своей вотчины (собственная земля)... 50 дес. земли со всѣми угодья и на ту землю переводить 2 крестьянскихъ двора (2 семьи) со скотомъ и лошадьми; ставить имъ избы, даетъ по 6 дес. земли и хлѣба на обзаведенье; кромѣ того, 2-хъ дворовыхъ людей. Если Тимирязевъ всѣхъ этихъ условій не выполнитъ, зятю получить съ него неустойки 500 руб.

Таково приданое дочери вотчинника, т. е. обладателя собственной земли въ центральной полосѣ; иное находимъ въ рядныхъ симбирскихъ и арзамасскихъ служилыхъ людей; сговорила вдова синбирянина Неклюдова свою дочь за Осипа Ананьина. „А благославляю я, Марья дочь свою Аграфену образомъ Пресв. Богородицы Казанскія да образомъ Сергія Чудотворца“, а приданого платья: шубка киндяшная теплая новая, да двѣ кумачныя холодныя новыя, да треухъ атласный новый; да 5 приданныхъ дворовыхъ людей, мужчина съ женою да 3 дѣвки. Свадьбу Неклюдова назначаетъ на 6-е апрѣля 1684, а если она въ этотъ срокъ дочери не выдастъ или приданого не додастъ, то взять съ нея, вдовы, 200 руб.

Другая вдова Арзамасскаго у. дала за дочерью только 2 иконы, шубку дорожную, (?) да серьги двойчатки да двороваго человѣка. Приданое крестьянскихъ невѣстъ Вологодскаго края бывало богаче вещами; въ одной сговорной рядной начала XVII в. читаемъ о нѣсколькихъ однорядкахъ и шушунахъ, правда, суконныхъ, 2 шапкахъ камчатныхъ съ кружевомъ жемчужнымъ; у крестьянки двѣ пары серегъ съ жемчугами, ожерелье жемчужное.

Торжественно, по возможности наканунѣ свадьбы приданое привозилось къ жениху, и онъ давалъ росписку въ родѣ слѣдующей: „Се язъ... Нербаровъ далъ есми отпись дядѣ своему... Воронцову, что взялъ за ею женою своею... а его племянницею противъ рядной записи приданого... и шубка и шапка да серьги дошло все... опричь приданныхъ людей, что не додали“...

Казалось бы значеніе женщинъ въ поддержаніи и развитіи хозяйства, которыя давали возможность помѣщикамъ оставлять службу и содержать себя и семьи, заботы правительства объ обезпеченіи женщинъ служилаго класса прожиточнымъ должны были возвышать ихъ личное достоинство, внушать уваженіе къ нимъ. На дѣлѣ было не вполне такъ, и много тяжелыхъ личныхъ драмъ разыгрывалось внутри усадебъ. — Разводы встрѣчались очень часто; при раннихъ бракахъ по одному сватовству и экономическимъ соображеніямъ, подвижной жизни мужчинъ, супруги часто оказывались чуждыми другъ другу, жена — устарѣвшей, надоедливой; тогда усиленнѣйшаго находилось въ рукахъ много средствъ принудить жену постричься или идти на разводъ по обоюдному согласію; дѣло доходило до битья и насилій надъ несчастной помѣщицей при участіи запуганныхъ повелителемъ холоповъ, при содѣйствіи подкупленнаго странствующаго іеромонаха. Обиліе такихъ разводовъ заставило патриарха Филарета начать борьбу съ самовольными расторженіями браковъ, противными церковнымъ уставамъ. Печальная будущность ожидала немолодую женщину, вынужденную идти на разводъ, хотя бы и безъ насильственного постриженія. Правда, она получала свое приданое и прожиточную землю; но то были украшенія и сырой матеріалъ для хозяйства, безъ теплаго угла; устраивать его заново при первобытныхъ условіяхъ жизни и отсутствіи наличныхъ денегъ для одинокой женщины было очень мудрено. Разводка поступалась своей землей роднымъ, чтобы они содержали ее въ своей усадьбѣ; но нелегко ужиться въ чужомъ домѣ, и бывшая помѣщица мѣняла свои условія, ѣздила по роднымъ пока не постригалась, или, если имѣла много земли, не находила покупателя и устраивалась за деньги въ городѣ. Такъ родственница Болотовыхъ вдовой вышла за князя Волконскаго; а черезъ три года оба они подали челобитную о разводѣ, и очень скоро получили его. Весьма состоятельная княгиня доживала свой вѣкъ въ неопредѣленномъ положеніи; то поступалась своими землями сыну за то, чтобы кормилъ и почиталъ ее, то брала ихъ обратно и распродала понемногу.

Вообще, въ сферѣ жизни помѣстнаго класса, какъ и въ

крестьянскомъ быту затворничество для русской женщины было немыслимо, не имѣли настоящаго примѣненія и правила Домостроя. Здѣсь, на территории военной колонизаціи отъ женщинъ требовалось много личной смѣлости, самостоятельности и сообразительности; апатичная, робкая, не умѣвшая управляться въ одиночку среди опасностей степного быта у военной границы могла повредить хозяйству и себя погубить. Марьицы, Дарьицы, Антонидки да Параскевы, жены и дочери помѣщиковъ, несли на своихъ плечахъ огромную долю колонизаторскаго труда русскаго населенія, обезпечивавшаго мирному люду лучшія черноземныя земли нашей равнины. И московское правительство прекрасно понимало значеніе этихъ безсмѣнныхъ агентовъ своей военной колонизаціи; оно обезпечивало пожилыхъ помѣщицъ вдовыми долями изъ ихъ помѣстья, а дѣвицъ-дочерей—участками на приданое. Марьицы и Дарьицы просили въ челобитныхъ пожаловать ихъ съ дѣтьми „за кровь и за раны“ мужей и отцовъ, а могли бы съ полнымъ правомъ приписать „и за наши потъ и кровь, болѣзни и увѣчья“. Отпускались имъ въ обезпеченіе потрудившихся вдовъ и въ видѣ аванса дочерямъ на будущее сзуженіе, тѣ самыя доли недвижимости, не менѣе 8-й и 14-й, которыя послѣ Петра внесены въ законы о наслѣдованіи. Порядки раздачи помѣстій служилымъ людямъ и обезпеченіе ихъ женъ распространялись и на земли къ сѣверу и западу отъ Москвы.

Этотъ классъ помѣщиковъ, среди котораго, какъ и въ крестьянствѣ, представители обоихъ половъ трудились рядомъ рука объ руку, сдѣлался въ послѣдствіи господствующимъ сословіемъ въ императорской Россіи, руководителемъ крѣпостнаго труда сельскаго населенія, первый подчинился просвѣтительнымъ мѣрамъ правительства и вліянію европейской культуры, а еще позже выдѣлился изъ себя первыя группы русской интеллигенціи.

Съ присоединеніемъ Малороссіи на духовную жизнь московскаго общества точно пахнула струйка свѣжаго воздуха. На югѣ не знали затворничества женщинъ. Законъ и обычай обязывалъ обезпечивать формальнымъ актомъ за женой и вдовой

не только приданое, но и часть имущества мужа. Малороссіянки состоятельныхъ классовъ располагали личной собственностью, заключали договоры, самостоятельно вели свои дѣла, тѣмъ болѣе, что обыкновенно знали грамоту. Дѣвицы часто свободно выбирали мужей, а при неудачномъ замужествѣ безъ труда получали разводъ. Въ бурныя смутныя времена онѣ удивительно смѣло пользовались и своей личной свободой и даже правами сильнаго въ своей казацкой странѣ: выходили въ походы во главѣ вооруженныхъ людей, защищали свои усадьбы и замки, дѣлали даже набѣги на сосѣдей. При сближеніи московской Руси съ южною свобода, которой пользовались малороссіянки, не могла не произвести впечатлѣнія на приниженныхъ московскихъ затворницъ. Однако и новыя условія помѣщичьяго быта и примѣръ южанокъ могли только подготовить почву къ освобожденію женщинъ отъ теремовъ; первыя личныя выступленія великороссійской женщины на публичной аренѣ и проявленія ея воли и индивидуальности имѣли мѣсто въ средѣ старомосковского общества и на почвѣ религіозныхъ вопросовъ, на которые онѣ всегда очень чутко отзывались.

Въ заботахъ помѣщицъ о семейныхъ дѣлахъ и судьбѣ помѣстій, въ самомъ тонѣ ихъ челобитныхъ на государево имя много общаго съ челобитными крестьянокъ къ ихъ „государямъ“, землевладѣльцамъ, вотчинникамъ и помѣщикамъ. Сохранилось отъ времени очень мало документовъ изъ частныхъ хозяйственныхъ архивовъ богатыхъ землевладѣльцевъ; а еще меньше ихъ собрано и издано. Вотъ нѣсколько прошеній крестьянъ изъ вотчинъ кн. Никиты Ивановича Одоевскаго и его сына со скорбными вѣстями о семейныхъ бѣдствіяхъ и горестяхъ.

Пишетъ боярину Федосьица Филипповская женишко, что въ 1642 г. мужа ея не стало, „я, бѣдная, осталась съ ребятишками сама пята, а сынчекъ малъ, 5-ти лѣтъ; съ пашнею не смогу жить, а земли подо мною 1¹/₂ дес.; „просить снять 1 дес. надѣла, пока сынъ не подрастетъ.

Бьетъ челомъ Варварко Логинская женишко; мужъ померъ, „а я, бѣдная сиротка, осталась съ ребятишками, съ 3-мя сынчеки, и большому, государи, по 6-му году, и стали безъ спрострою, пить, ѣсть нечего... помираемъ голодомъ и съ пашнею не сможемъ... оброка не промыслимъ“... просить льготы до возраста дѣтей, и прибавляетъ, какъ многія „а я бѣдная, рада жить за вами, государи“.

Вдовка Ненилко Токинская женишко пишетъ, что мужъ ея и 4 сына померли; она, сиротка, осталась одна безъ спростройки, тягло 3 дес., кляченко, коровенко, 3 овцы; земли окупать нечѣмъ. Просить сбавить 2 дес., а на одну приметь въ домъ „сродного человѣка, чтобы мой домишко построился, и мнѣ, бѣдной, въ конецъ не погибнуть“. Жалуются на сиротство и вдовцы крестьяне; такъ Федько Первушинъ пишетъ: „волею Божіею по грѣхамъ овдовѣлъ, а дѣтей нѣтъ и сталъ безъ спростройки; пить, ѣсть нечего, живу походя и кормлюся міромъ, а живота и хлѣба нѣтъ ничего, и курята нѣтъ, и завода крестьянскаго нѣтъ ничего“; просить избавить пока отъ тягла. „А впредь какъ Богъ изволитъ, женюсь и живота Богъ дастъ, и язь опять буду крестьяниномъ“. Какъ теперь, такъ и встарину въ крестьянствѣ мужчина и женщина равноцѣнны въ хозяйствѣ, и одинъ безъ другого не могутъ обойтись. Еще женщина скорѣе могла прожить на минимальномъ участкѣ земли, только чтобы изъ послѣднихъ силъ сохранить домъ ради дѣтей и держаться за свое крестьянство.

Первыя дерзанія.

Московская Русь прожила долгіе годы внѣ живительнаго общенія съ иноземной культурой; свою вѣру и ея обрядовыя формы, свои обычаи она привыкла считать неприкосновенной святыней. Южная Русь вѣковала подъ властью иновѣрцевъ и научилась защищать свою вѣру и народность силою школьнаго просвѣщенія, литературой на родномъ языкѣ, богословскими преніями и не боялась полезныхъ заимствованій. Едва сблизившись, великороссы почувствовали, что южные братья очень опередили ихъ

образованіемъ и культурностью. Московское правительство рѣшилось пригласить въ столицу кievскихъ монаховъ, сперва для исправленія богослужебныхъ книгъ, а затѣмъ и для обученія молодежи. Въ Москвѣ появились новые учителя вѣры,—событіе огромной важности. Новые люди, сильные научной подготовкой, быстро расшатали старые навыки духовнаго учительства, подготавливая умы къ сближенію съ Западомъ и готовящимися преобразованіями. Энергичные сторонники старыхъ обрядовыхъ формъ бурно возстали противъ новыхъ началъ, проводимыхъ кievлянами, и рѣзкихъ мѣръ высшаго московскаго духовенства. Разразился церковный расколъ. Сильное умственное броженіе разлилось потокомъ по всей странѣ, глубоко захватывая всѣ слои населенія; и самымъ чувствительнымъ барометромъ, показателемъ высокаго давленія на психику русскихъ людей, оказались, какъ и повсюду, женщины. До совершеннolтiя Петра I мощныя женскія личности выдѣляются изъ различныхъ группъ передовыхъ дѣятелей того времени и даже иногда становятся руководительницами общественнаго движенія.

Въ первую самую горячую пору споровъ и борьбы религіозный вопросъ вызывалъ распри въ нѣдрахъ замкнутыхъ старинныхъ семейныхъ кружковъ, разбивая родственниковъ на враждебные лагеря; ихъ отголоски звучали въ самомъ центрѣ охраненія чистоты обряда и обычая—въ царскомъ дворцѣ; царевны, сестры царя Алексѣя Михайловича, отстаивали исправленіе книгъ и распоряженія патріарха Никона, а тихая затворница, но строгая блюстительница своихъ обязанностей богомолиты и благотворительницы, царица Марья Ильинична втайнѣ сочувствовала старообрядцамъ и ихъ пылкому вождю, протопопу Аввакуму. Родственница царицы и вліятельнѣйшая представительница ея двора, боярыня Морозова, со своей сестрой, княгиней Урусовой была самой яркой послѣдовательницей Аввакума въ борьбѣ за религіозныя преданія; вмѣстѣ съ ними много смѣлыхъ и умныхъ энергичныхъ женщинъ выдвинулись въ первые ряды борцовъ за чистоту стараго православія.

Семнадцатилѣтняя придворная боярышня Соковнина вышла замужъ за пятидесятипятилѣтняго вдовца-богача, брата царскаго

воспитателя Морозова, и рано осталась вдовой съ единственнымъ сыномъ. По своимъ духовнымъ силамъ Федосья Прокопьевна Морозова—исключительное явленіе для своего времени; очень начитанная въ духовной литературѣ,—единственный видъ образованія, признаваемый старой Русью,—она страстно и дѣятельно искала правды жизни; разъ найденное рѣшеніе всецѣло овладѣвало ея душой, и она шла за него на муки и смерть. Старикъ Морозовъ, царскій другъ и воспитатель, уважалъ молоденькую невестку; самъ встрѣчалъ ее привѣтствіемъ: „Приди, другъ мой духовный. Приди, радость моя душевная“, и по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ ней. Да и самъ царь цѣнилъ общество умной женщины, горѣвшей искреннимъ благочестіемъ. Боярыня владѣла огромнымъ состояніемъ, обширными вотчинами, гдѣ жило восемь тысячъ крестьянъ. Въ ея великолѣпныхъ московскихъ палатахъ хранилось болѣе, чѣмъ на два милліона рублей на наши деньги казны и всякаго имущества, и толпилось до пятисотъ слугъ. По торжественнымъ днямъ знатная вдова ѣздила къ царицѣ въ каретѣ, выложенной серебромъ и мозаикой, на двѣнадцати аргамакахъ, гремѣвшихъ серебряной сбруей.

Морозова свято хранила завѣты „Домостроя“, возлагавшаго на домохозяина отвѣтственность за души домочадцевъ и челяди. Она лично правила своими людьми и работала по хозяйству, цѣлыми часами разбирала деревенскія нужды крестьянъ и творила судъ, „иныхъ жезломъ наказуя,—разсказываетъ современникъ,—а иныхъ любовью и милостью на дѣло Господне побуждая“. Сама пряла, ткала и шила простое платье и бѣлье, а ночью тайно съ близкими богомолками и старицами разносила его по тюрьмамъ и по бѣднякамъ; спасала бѣдныхъ отъ наказаній, выкупала холопей, поставленныхъ на правежъ за вины господъ. Въ домѣ свято справлялись всѣ службы для семьи и челядинцевъ; молились и по ночамъ. Нищіе и странники наполняли покои Морозовой; она бесѣдовала съ ними и столовалась; сама кормила голодныхъ, ухаживала за больными и увѣчными, обмывала имъ раны.

У нея постоянно скрывались отъ преслѣдованій знаменитѣйшіе расколоучители, начиная отъ Аввакума. Пять старицъ-ино-

кинь, покинувъ соблазненный никоніанствомъ обители, жили здѣсь во главѣ съ учительницей матерью Меланіей. Натура сдержанная, гибкая, находчиво уклоняясь отъ рѣзкихъ фанатическихъ протестовъ, Меланія отличалась организаторскими способностями. Она неутомимо устраивала раскольничьи общины, вела обширныя сношенія; неуловимая для властей, она появлялась всюду, гдѣ требовалась поддержка. Сильнымъ, убѣдительнымъ словомъ и примѣромъ Морозова со старицами привлекли много приверженцевъ къ самоотверженной борьбѣ за старый обычай и прежде всѣхъ сестру свою Урусову. Слава о знатной подвижницѣ и благотворительницѣ распространилась далеко за предѣлы Москвы.

Всюду, гдѣ встрѣчались ей никоніанцы и кіевскіе монахи съ ихъ учениками, Морозова обличала ихъ, даже рѣзко поносила, „вездѣ являшеся, яко левъ лисицамъ“. А тогда сдержанности не знали и спорили съ дикимъ фанатизмомъ. Когда бояринъ Матвѣевъ и учитель царевичей, Симеонъ Полоцкій, сходились съ Аввакумомъ, то между ними заводилось такое „стязаніе“, что расходились они измученные, шатаясь „яко пьяни“.

Морозовой довелось особенно горячо и мучительно спорить въ домѣ своего родственника Ртищева, благороднѣйшаго друга кіевскихъ ученыхъ. Въ этой семьѣ и женщины увлекались религіозными вопросами. — „Что, дядюшка, разнствуетъ хлѣбъ со опрѣснокомъ?“ спросила молодая дочь хозяина, Вельяминова, у гостя Потемкина. „Вижу, Михайловна, половина ты ляховки“, укорилъ ее старый родичъ. Боярыня немного сконфузилась и закрылась рукавомъ.

Разгорались гоненія на раскольниковъ, вырасталъ и левъ въ образѣ женщины, фанатично ополчаясь на защиту кровнаго достоянія души. Сестры понемногу отклонялись отъ обязанностей высокаго положенія, надолго запирались со своими единомышленниками, изнуряя себя трудомъ и постами. Морозова не смущалась грозившимъ ей гнѣвомъ царя. Сынъ подрасталъ; она передовала ему мірскія заботы, а сама отдалась подъ начало матери Меланіи, восторженно готовясь къ постриженію, которое впослѣдствіи и совершилъ надъ нею знаменитый До-

сией тайно на дому. Но вотъ скончалась царица, заступница и единомышленница, и время грозной расправы приближалось къ царской ослушницѣ. Но царь Алексѣй не легко рѣшался на крутыя мѣры относительно лицъ, близкихъ ему или его семейнымъ.

Наступилъ день свадьбы царя-вдовца съ Натальей Кирилловной Нарышкиной. Какъ старшая среди женскихъ чиновъ двора, Морозова должна была стоять во главѣ боярынь и говорить надъ увѣнчанной головкой царевны-невѣсты сакраментальныя слова длиннаго царскаго титула; подъ предлогомъ болѣзни ногъ подвижница совсѣмъ не явилась во дворецъ. Царь отложилъ гнѣвъ, среди новаго семейнаго счастья; но только отложилъ.

Ртищевы любовно убѣждали Ѳеодосью Прокопьевну побережь себя и сына, не итти наперекоръ власти. „Смотри, какой красавецъ твой сынъ. Тебѣ бы, счастливой матери, любоваться имъ да оберегать его“. Морозова отвѣчала пламенной отповѣдью: „Если хотите, выведите сына моего на пожаръ ¹⁾ и отдайте его на растерзаніе псамъ, утѣшая меня, чтобы отступила отъ вѣры... но не помыслию отступить благочестія, хотя бы и видѣла красоту, псами растерзанную... Мать умерла въ фантастической проповѣдницѣ; она съ открытымъ лицомъ шла на муки. Бояръ, принесшихъ ей объявленіе царской опалы, она встрѣтила исповѣданіемъ своей „правой вѣры“. Алексѣй Михайловичъ мрачно выслушалъ докладъ объ открытомъ бунтѣ вліятельнѣйшей въ Москвѣ женщины. „Тяжко ей бороться со мной, а одинъ изъ насъ побѣдитъ“. Онъ понималъ, какой всенародный соблазнъ создастъ эта борьба съ неустрашимой и увлекательно-краснорѣчивой поборницей раскола.

А Морозова удалила изъ своего дома Меланію, всѣхъ старицъ и учителей, чтобы они укрылись отъ бѣды, перевезла къ себѣ Урусову, и сестры вмѣстѣ готовились на смертный бой. „Держай, сестрица, держай“, подкрѣпляла она болѣе робкую и слабую княгиню, когда онѣ благославлялись другъ у друга, какъ инокини. Въ „держаніи“ заключалось значеніе ихъ подвига.

¹⁾ Лобное мѣсто, гдѣ казнили.

Явился судъ. Чудовскій архимандритъ и дьякъ Ивановъ, безпощадный гонитель расколуучителей, застали сестеръ въ постеляхъ, какъ бы больныхъ, крестящихся двуперстнымъ сложеніемъ. Онѣ отказались стать на ноги и итти; на нихъ надѣли цѣпи и понесли изъ хоромъ. Юный Морозовъ могъ только поклониться вслѣдъ матери. Весь слѣдующій день боярынь продержали въ Чудовомъ монастырѣ для наставленія, но своимъ знаніемъ обрядовъ и твердостью онѣ обратили его въ преніе о вѣрѣ съ духовенствомъ. За такія продерзости женщинъ заковали въ ошейники съ цѣпями и заключили въ разные городскіе монастыри. Тамъ ихъ принуждали слушать службы по новымъ книгамъ; монахини насильно водили, даже носили ихъ въ церковь. Боярыни громко выражали свое негодованіе, порицали никоніанцевъ и отстаивали свои мнѣнія. Ихъ презрѣніе къ знатности и прелестямъ мірскимъ, страданія за вѣру, простыя, всѣмъ доступныя рѣчи привлекали къ нимъ вѣрующихъ. Знатныя и простыя женщины толпами шли въ монастырь, съ трепетомъ и умиленіемъ слушали жалобы и обвиненія дерзающихъ подвижницъ. Масса сочувствующихъ всюду проникала къ нимъ. Сторожа, стрѣльцы, странники, монастырскіе богомольцы чѣмъ могли облегчали участь узницъ; имъ устраивали свиданія; наставники-старобрядцы приносили имъ дары, поучали и подкрѣпляли ихъ духъ. Даже принципиальные противники, какъ старикъ Ртищевъ, приходили къ затвору Ѳеодосьи Прокопьевны, плакали и дивились ея страстному упорству.

Новый патріархъ попытался воздѣйствовать на бунтовщицъ авторитетомъ главы церкви и помазать ихъ миромъ; но его приступъ вызвалъ такой отпоръ, что духовенство смутилось. Оскорбленіе патріарха вызвало новыя мѣры строгости. Боярынь повели на пытку вмѣстѣ съ примкнувшей къ нимъ согласницей Даниловой; поднимали подубоуженныхъ на дыбу, встряхивали, выворачивали руки, Данилову, кромѣ того, били кнутомъ. Морозову мучили послѣдней, и она молилась и благословляла страдалицъ. Всѣмъ тремъ дали время отлежаться отъ мукъ. Между тѣмъ на Болотной площади поставили срубы; ожидалось торжественное сожженіе. Неуловимая Меланія явилась въ Москву напутстъ во

вать своихъ бывшихъ послушницъ, и онѣ вполне приготовились къ послѣднему акту борьбы. Но сожженіе преставительницъ московской знати пришлось обсуждать въ боярской думѣ; голоса бояръ не сошлись на страшномъ приговорѣ. Сестры царя жалѣли боярынь и просили за нихъ. Но дѣло зашло слишкомъ далеко. Всякій переѣздъ Морозовой и ея сестры по городскимъ улицамъ возбуждалъ волненія толпы; во всѣ монастырскіе заводы къ нимъ проникали единомышленники и поклонники. Боярынь приковали за шейныя цѣпи къ стулу, отвезли въ Боровскъ и посадили въ низкую, темную земляную тюрьму на медленную, мучительную смерть. Но и сюда находили дорогу наставники и наставницы съ дарами и утѣшеніями, а почитатели приносили пищу и платье. Черезъ два съ половиной мѣсяца угасла Урусова; немного спустя послѣдовала за нею и Морозова.

Вслѣдъ за первой группой талантливыхъ защитницъ стараго обряда двинулось множество менѣе выдающихся и лично незамѣтныхъ женщинъ отстаивать и сохранять чистую, по ихъ понятіямъ, вѣру отъ насилій еретиковъ и тонущей въ грѣхъ власти. Онѣ уходили въ лѣса на героическую жизнь, полную лишеній, заводили тайные притоны, откуда вели сношенія съ единомышленниками, строили пустыньки, проповѣдывали, читали, сожигались или закапывались въ землю въ тяжкія минуты безнадѣжнаго сопротивленія. Скрываясь въ глубинѣ домашней, семейной обстановки, не связанные службой, внѣшними обязательствами, женщины сдѣлались твердымъ оплотомъ раскола; а у самыхъ крайнихъ противниковъ Никона и вдохновенныхъ имъ властей, тѣхъ группъ старообрядцевъ, которые совсѣмъ отвергли священство, женщины по необходимости служили при обрядахъ въ часовняхъ и наставляли вѣрующихъ.

Въ лицѣ Морозовой московская женщина впервые выступила на публичную арену, и въ самой важной области духовной жизни страны — въ области вѣры. Не одинъ царь съ волненіемъ смотрѣлъ на свою вдохновенную противницу, скованную, измученную, но грозно укоряющую его высоко поднятой рукой съ двуперстнымъ знаменіемъ. Шесть нарядныхъ головокъ прини-

кали къ рѣшетчатымъ окошечкамъ теремовъ; юныя царевны-затворницы горящими, жадными до впечатлѣній глазами слѣдили за побѣдой женщины надъ муками и униженіемъ, женщины такъ хорошо знакомой имъ, любимой подруги ихъ матери. Приближался и ихъ чередъ, время ихъ выступленій надвигалось.

VI.

Дерзанія въ теремѣ.

Къ половинѣ XVII вѣка подъ самыми стѣнами Москвы красиво раскинулось новое многолюдное поселеніе съ правильно разбитыми улицами, красиво обсаженными деревьями, съ чистыми домами, весело сіявшими ясными окнами; все смотрѣло здѣсь свѣтло и уютно, — это Кокуй, Нѣмецкая слобода, заселенная иностранцами. Тутъ прочно устраивались на жительство представители различныхъ народностей Запада изъ разныхъ общественныхъ слоевъ: офицеры изъ знатныхъ эмигрантовъ, солдаты всѣхъ родовъ оружія, купцы, ремесленники всякихъ специальностей, наконецъ, актеры, музыканты, танцовщики. Здѣсь поддерживали постоянныя сношенія съ Западомъ, распространялись газеты, сюда привозились запасы иностранныхъ книгъ. Пожилые переселенцы перевезли сюда свои семьи; молодые здѣсь женились. Женщины, богатые и бѣдные, свободно ходили по улицамъ съ открытымъ лицомъ, даже шеей и руками; онѣ вносили въ мужское общество непринужденность и оживленіе, посѣщали театры, танцовали до упаду на вечеринкахъ.

Пріятная жизнь людей иной культуры завлекала наиболѣе подвижную и интеллигентную часть московскаго общества. Служилые люди, полковые товарищи иноземцевъ, даже важные бояре заводили знакомства въ слободѣ, принимали приглашенія на праздники, театры и концерты; такими увеселеніями интересовался самъ царь Алексѣй Михайловичъ. Заводились и родственныя связи съ обитателями слободы. При сближеніи начались позаимствованія у иностранцевъ обычаевъ, домашней обстановки, житейскаго обихода. Кое-гдѣ въ русскихъ домахъ

женщины получили больше свободы, не скрывались от мужского общества, чаще выходили на свѣтъ Божій.

Получили распространѣніе иностранныя книги; пошли въ ходъ переводные сборники западной беллетристики. Повѣстухи Бокаччіо, рыцарскіе романы, комедіи Мольера находили пересказчиковъ и подражателей; увлекались и любовной лирикой; молодежь пыталась складывать стихи и пѣсенки. Въ русскихъ беллетристическихъ опытахъ, подъ вліяніемъ иностранныхъ образцовъ, понемногу упраздняется роль бѣса-соблазнителя въ завязкѣ и развязкѣ любовныхъ приключеній; герои и героини учатся дѣйствовать по своей инициативѣ и за своей отвѣтственностью. Эти раннія, грубоватыя повѣстухи развивали въ русскихъ читателей болѣе осмысленный интересъ и нѣкоторое уваженіе къ личной интимной сторонѣ жизни. Новое освѣщеніе ея внутренняго смысла и значенія особенно выгодно отражалось на личностяхъ героинь; вѣдь женщина въ этой сферѣ являлась необходимой соучастницей и даже руководящей силой. Беллетристика своимъ вниманіемъ возвышала во мнѣніи читателя личную жизнь русской женщины, загнанную въ душные затворы, скованную тисками черствой устарѣвшей морали, какъ бы оправдывала ея порывы къ свободѣ, на свѣтлый просторъ.

Новизна яркими струйками вливалась въ московское житебытье; запестрѣли ея лучи и въ кремлевскихъ теремахъ, гдѣ росли и отцвѣтали царевны, обреченныя на постриженіе. Въ эту горькую юдоль примѣрнаго затворничества проникали вѣянія иного міра. Сынъ Алексѣя Михайловича учился у образованнаго кіевскаго монаха, Симеона Полоцкаго, богослова, стихотворца и литератора на всѣ руки; совѣмъ молодой человѣкъ, онъ еще былъ полонъ свѣтскихъ настроеній; онъ быстро и хорошо складывалъ стихи и речованныя рѣчи на всякія семейныя событія и праздники, снабжалъ ими царскихъ дѣтей, а за ними и всю придворную молодежь. Свѣтское речоплетство, благодаря его содѣйствію, вошло въ моду въ боярскихъ домахъ и принесло свою пользу, смягчая чопорность и оживляя общеніе. Ряса открывала учителю двери теремовъ; онъ часто видался съ царевнами; умная, бойкая Софья читала его духовныя

сочиненія, книги библіотеки брата, старые хронографы, повѣствовавшіе о жизни греческихъ царей и царицъ. Она сама складывала стихи и пѣсенки, а сестры слушали и подпѣвали. Ловкій полусвѣтскій монахъ явился освѣжающимъ элементомъ въ сумракѣ теремовъ; съ нимъ царевны могли поговорить о порядкахъ жизни въ другихъ земляхъ, гдѣ женщины имѣли большое вліяніе и принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ.

Дочери царя Алексѣя отъ перваго брака выдались здоровѣе и способнѣе своихъ братьевъ. Онѣ сіяли молодостью и избыткомъ силъ, а будущее ничего не сулило имъ, кромѣ монашеской кельи. Онѣ съ жадностью прислушивались къ разсказамъ про иную женскую долю. Рой родственницъ и городскихъ вѣстовщицъ, наполнявшій терема, занималъ ихъ пересудами о житіи иноземокъ къ слободѣ, появленіи нѣмцевъ въ боярскихъ домахъ, о всякой новизнѣ въ столицѣ.

Но первой заводчицей въ дѣлѣ нарушенія стариннаго обихода оказалась небокая умомъ красавица царица Наталья Кирилловна. Привыкнувъ къ новомоднымъ порядкамъ въ домѣ своего воспитателя Матвѣева, она и во дворцѣ не выдерживала подавляющей замкнутости своего существованія. Къ изумленію уличной толпы, она выглядывала изъ своей кареты, откидывала завѣсы ея окошекъ во время церемоніальныхъ выѣздовъ на богомолье; заставляла обожавшаго ее немолодого мужа возить ее съ собой въ открытой повозкѣ, когда запросто отправлялись въ подмосковныя. А по имениннымъ днямъ молодая царица всегда лично принимала все боярство и собственноручно раздавала пироги. Самъ благочестивый царь въ послѣднюю пору жизни отступился отъ строгой постнической обстановки своей молодости и отъ души увлекался обществомъ и забавами. До глубокой ночи, иногда до ранняго утра засиживался онъ на театральныхъ представленіяхъ вмѣстѣ съ женщинами своей семьи, еще скрытыми въ глубокихъ ложахъ. Частые крестинные и именинные пиры во дворцѣ затягивались на цѣлые сутки при участіи всего боярства и придворныхъ чиновъ, и гости отпускались домой только до безпамятства пьяными. Его преемникъ,

юноша Феодоръ, со своей стороны, отказался отъ обрядовъ торжественнаго избранія невѣсты; онъ увидалъ на улицѣ бойкую, красивую дѣвушку польскаго происхожденія, Агафью Грушецкую, плѣнился ею и сдѣлалъ ее царицей. За ея недолгую жизнь польскіе обычаи вошли въ большую моду въ Москвѣ, и польскій языкъ сыгралъ при дворѣ роль французскаго болѣе поздней поры.

Натискъ новыхъ идей и интересовъ особенно сильно отразился на настроеніи царевенъ,—слишкомъ тяжкимъ, противостественнымъ насиліемъ грозила имъ судьба; и обездоленные старымъ обычаемъ дѣвушки первыя открыли дорогу великому перевороту. Сильное броженіе умовъ въ столицѣ, возбужденное церковнымъ расколомъ и подогреваемое вліяніемъ иноземщины, захватило царевенъ и побуждало ихъ, особенно смѣлую, талантливую Софью, отстаивать свои права на личную жизнь. Въ то время только власть могла открыть путь къ новой жизни, и Софья неудержимо потянулась за властью. Яркіе образы византійскихъ царевенъ, правившихъ имперіей, не давали ей покоя. Царевны начали дѣло осторожно, соблюдая внѣшнюю обрядность стариннаго благочестія. Софья очень искусно укрѣпляла свое вліяніе на брата, появляясь въ обществѣ его друзей, учениковъ Симеона Полоцкаго и молодыхъ бояръ-полонофиловъ, безбородыхъ усачей въ короткихъ кафтанахъ. Сношеніями со столичными кружками она знакомила москвичей со своею личностью. Когда Феодоръ умиралъ, она твердо заняла мѣсто у его постели во главѣ его приближенныхъ; умная и распорядительная, она заслонила царицу-вдову, побѣждая силу обычая, отводившаго первое мѣсто вдовѣ.

Московское населеніе провозгласило царемъ Петра. Но смутное состояніе умовъ, замѣтная расшатанность старыхъ устоевъ требовали сильной личности, смѣлой руки для верховной роли, а ею обладала только дѣвушка изъ терема. Софья дерзнула на открытое выступленіе. Вопреки обычаю, запрещавшему царевнамъ участвовать въ погребальныхъ шествіяхъ, Софья пошла за гробомъ Феодора, какъ плакальщица, и на площади въ страстномъ обращеніи къ народу громко жаловалась, какъ обидѣли ихъ, сестеръ-сиротъ, не выбрали ихъ брата на царство, какъ дурно

и жестоко обращаются съ ними новые правители. Въ другое время такое публичное выступленіе затворницы почли бы за неслыханный соблазнъ, но теперь народъ только растрогался. Порывъ ярко выраженаго чувства побѣдилъ сухой обычай. Софья завладѣла общимъ вниманіемъ, ей начали подчиняться. Старшее лицо, царица Наталья, не проявляла инициативы; въ ней говорила только мать, трепетавшая за жизнь сына, и безправная царевна съ талантомъ и инициативой побѣдила. Дворцовый переворотъ подъ гулъ бушующихъ стрѣльцовъ вручилъ Софьѣ правленіе государствомъ, какъ достойнѣйшей.

Правительница еще не была реформаторомъ, но твердо руководила правительствомъ, продолжая начинанія предшественниковъ; „какъ была принцесса ума великаго“, говоритъ про нея родственникъ и вѣрный слуга Петра, и правила она „со всякою прилежностью и правосудіемъ всѣмъ и къ удовольствію народному“. Ей удалось, нѣсколько успокоивъ вражду церковныхъ партій, открыть первое учебное заведеніе въ Москвѣ, славяно-греко-латинскую академію, чья программа долго вызывала ожесточенные споры. Горячіе сторонники школьнаго образованія, ученики Полоцкаго, воспѣвали царевну, какъ „мудрѣйшую изъ дѣвъ“. Съ открытымъ лицомъ, въ дѣвичьемъ вѣнцѣ на распущенныхъ локонахъ, царевна предсѣдательствовала на засѣданіяхъ бояръ; сидя рядомъ съ братьями-царями, наблюдала за бурными преніями высшаго духовенства съ вождями раскола и рѣзко прикрикивала на ослушниковъ власти. Вмѣстѣ съ нею на собранія выходили ея сестры, и даже тетки-царевны, уже монахини. Если слышался ропотъ противъ слишкомъ смѣлыхъ нарушеній обычая, она сокращала на время свои выходы и потомъ снова выступала въ торжественныхъ процессіяхъ.

Царевна свободно устроила свою личную жизнь; ея интимныя подробности были хорошо извѣстны Москвѣ. И въ выборѣ друга сердца сказались широкіе духовные запросы Софьи. Не юный красавчикъ покорила ея сердце, а почтенный бояринъ Голицынъ, лучший представитель въ Москвѣ образованности своего времени, безбородый сторонникъ реформы государственной администраціи и общественнаго строя, очень интересный собесѣдникъ, особенно

любимый иностранцами. За аристократомъ скрывался въ тѣни менѣе значительный фаворитъ, но на жизнь и смерть преданный царевнѣ, думный дьякъ и дѣлецъ Шакловитый изъ учениковъ Полоцкаго.

Правительница жила не по закону, а ея семь лѣтъ слушались,—огромная побѣда женщины!

Царевны отстроили себѣ обширныя каменные хоромы съ большой палатой для засѣданій боярской думы; въ другой палатѣ собирався своего рода литературный салонъ; Софья съ сестрами принимали учениковъ Полоцкаго, кievскихъ ученыхъ, сторонниковъ польско-малороссійскаго направленія въ духовной литературѣ и церковныхъ вопросахъ. Очень богомольныя, онѣ съ живымъ интересомъ слѣдили за богословскими спорами того времени. Софья далеко шагнула впередъ сравнительно съ обычнымъ уровнемъ развитія старорусской женщины, но и она и ея сестры все еще вращались въ предѣлахъ старой книжной образованности.

Быстрый успѣхъ борьбы за власть, сама власть вмѣстѣ съ яркой личной жизнью опяняла энергичную дѣятельную женщину; она чутко прислушивалась къ лестнымъ для нея планамъ близкихъ сторонниковъ, связавшихъ себя съ ея судьбой. Правительница не умѣла справиться со своей страстной враждой къ мачехѣ и брату Петру, не считалась съ его приближающимся совершеннолѣтіемъ и необходимостью передать ему бразды правленія. Слишкомъ расходилась ея пылкая душа, чтобы во-время смириться и итти на политичныя уступки; сложись дѣло иначе, она бы при своихъ способностяхъ нашла себѣ мѣсто среди кипучей дѣятельности новаго царствованія. Но, благодаря стрѣльцамъ, между придворными партіями установился слишкомъ рѣзкій, непримиримый антагонизмъ, и „мудрѣйшая изъ дѣвъ“ сошла со сцены преступницей, подготовивъ умы къ придворнымъ переворотамъ и женскимъ правленіямъ.

Изъ ея сестеръ никто не имѣлъ и тѣни ея политическаго ума; всѣ онѣ, младшія и старшія, шли по стопамъ Софьи только въ своей личной жизни; царевны срывали, какъ умѣли, цвѣтки наслажденій, окруженныя лъстивыми угодниками, охотно увлекаясь вмѣстѣ съ ними грубоватыми романическими приключе-

ніями. Впрочемъ, внѣшній порядокъ жизни теремовъ до нѣкоторой степени сохранялся, и съ нимъ всѣ обряды стариннаго благочестія; но среди темноватыхъ стѣнъ со множествомъ иконъ, между крестовыми и домовыми церквями дышалось полнѣй и радостнѣй; жизнь настойчиво вривалась въ глубину кремлевской твердыни. Приближенные царевенъ почти всѣ пѣвчіе, представители клира. Царевна Екатерина Алексѣевна, очень веселая нравомъ, нашла фаворита въ лицѣ провинціального священника, съ которымъ вмѣстѣ искала клады. Пріятная жизнь стоила денегъ, а съ паденіемъ Софьи прежніе источники доходовъ исчезли. Послѣ скандальныхъ розысковъ и разоблаченій въ связъ съ новымъ судомъ надъ бывшей правительницей и стрѣльцами молодая еще царевна не могла успокоиться. Она стала усердной посѣтительницей Нѣмецкой слободы, добываясь знакомства съ богатыми иноземцами, искала у нихъ денегъ взаймы безъ залога, а больше всего набивалась на пиры и угощенія, приглашенія на спектакли и всякія забавы; принимавшихъ ея дамъ-иноземонокъ она угощала, въ свою очередь, въ своемъ теремочкѣ.

Софья сошла со сцены со всѣмъ кругомъ своихъ довѣренныхъ лицъ; но уцѣлѣлъ живой рой дѣятельныхъ приспѣшницъ, окружавшихъ царевенъ, и каждая изъ нихъ переносила въ свой обиходъ и въ свою среду отголоски всколыхнувашагося женскаго мірка. Жены и дочери стрѣльцовъ, московскія мѣщанки и слобожанки, попадьи, дьячихи и поддьячихи, вѣстовщицы, служившія Софьѣ для развѣдокъ въ глубинахъ столичнаго населенія и сношеній съ группами ея сторонниковъ, эти представительницы разныхъ слоевъ московскаго общества успѣли стянуться вокругъ опредѣленнаго политическаго дѣла; ихъ пересказы и вѣсти выходили изъ рамокъ обыденной обывательской болтовни и выслушивались серьезно, съ полнымъ вниманіемъ заинтересованными людьми; московскія женщины готовились къ реформѣ своего быта.

Полковыя дамы временъ Петра I.

Необычайная подвижность молодого повелителя Россіи заставляла и его близкихъ и его дворъ передвигаться вслѣдъ за

нимъ, проводить много времени на народѣ и чистомъ воздухѣ. Въ первые мрачные годы реформы, когда, вернувшись изъ-за границы, Петръ заставилъ жену постричься, разгромилъ стрѣльцовъ и спѣшно готовился къ войнѣ со Швеціей, единственный теплый семейный уголокъ находилъ онъ въ хоромахъ своей любимой сестры Натальи Алексѣевны, гдѣ воспитывался его сынъ. Увлекаясь кораблестроеніемъ, онъ вызывалъ царевну къ себѣ въ Воронежъ; съ ней пускались въ походы женщины ея свиты; кромѣ того, нѣкоторые бояре получали приказаніе везти съ собой своихъ женъ. Такъ на полудорогѣ къ Азову временно возникала мирная, но полная жизни стоянка, уголокъ Москвы съ избраннымъ женскимъ обществомъ того времени. Нарядное и веселое, оно доставляло красивую обстановку спуску кораблей на воронежской верфи, любимому празднику Петра, присутствовало на буйныхъ пирахъ. Гораздо ранѣе организаціи ассамблей вчерашнія затворницы вводились въ самый неудобный при тогдашней грубости нравовъ кругъ—кругъ веселящихся военныхъ лкдей.

Образъ царевны Натальи Алексѣевны рисуется передъ нами въ нѣсколько туманныхъ, но изящныхъ очертаніяхъ. Слабая здоровьемъ, довольно скромная, она нигдѣ не выдвигалась на первый планъ. Она очень любила чтеніе и собирала книжныя новинки; особенно занималъ ее театр и драматическая литература; она лично подбирала труппы актеровъ и устраивала представленія. Для нея и ея театра переводили много иностранныхъ пьесъ; она и сама кое-что сочиняла. Въ ту смутную пору царевна была единственной женщиной въ Россіи съ литературнымъ вкусомъ, съ оттѣнкомъ интеллигентности и литературнымъ образованіемъ. Ее посѣщали иностранцы; у нея давались спектакли; вокругъ нея зарождались новыя привычки общественной жизни. Но и серьезной болѣзненной сестрѣ приходилось подчиняться тяжелымъ обычаямъ брата. Подъ вліяніемъ его военного товарищества и походной распущенности очень странная компанія собиралась вокругъ царевны. При ея дворѣ состояли три сестры Арсеньевы и двѣ сестры сердечнаго друга царя, Алексаши Меншикова. Дарья и Варвара Арсеньева сы-

грали важную роль въ біографіи „безроднаго баловня счастья“. Дарья была дѣвушка очень красивая, сердечная и вѣрная своимъ привязанностямъ, Варвара—некрасивая горбуныя, смѣтливая и насмѣшливая, съ выдающимся умомъ. Петръ очень любилъ ее за этотъ острый умъ; имъ же она долго покоряла своему вліянію Меншикова. Послѣдній поручалъ надзору Арсеньевыхъ своихъ тоже красивыхъ и бойкихъ сестеръ. Первое время эти женщины еще забывали порядковъ старины и подписывали свои нѣжныя цидулки: „свѣту Александру Даниловичу Дашка да Варька челомъ бьютъ“. Посылали ему въ армію бѣлье, старались угадать, что ему особенно пріятно или нужно. Близость росла, отношенія становились ровнѣе, а переписка оживленнѣй и интимнѣе. Дѣвицы снабжали галстуками и другими полезными вещами самого „капитана“, т. е. царя, и тотъ въ галантномъ тонѣ благодарилъ дѣвицъ и просилъ не оставлять его своимъ вниманіемъ. Эти дамы не стѣснялись никакими походами; сестры Арсеньевы и Меншиковы ѣзжали на стоянку арміи и въ сырую Бѣлоруссію, и въ болота Полѣсья; тамъ усердно веселили свѣта Алексашу и его повелителя, да и сами отъ души веселились. Красивая Дарья гарцовала верхомъ на европейскій ладъ, къ соблазну знатныхъ боярынь.

Охлаждая къ измѣнявшей ему Аннѣ Монсъ, Петръ обратилъ вниманіе на Анну Даниловну Меншикову. Братъ ликовалъ и радостно захопоталъ, какъ бы лучше подготовить сестру къ блестящей карьерѣ. „Для Бога, Дарья Михайловна,—писалъ онъ своей подругѣ Арсеньевой:—понуждай сестру, чтобы она училась русскому и нѣмецкому ученью, чтобы даромъ время не проходило“. Несомнѣнно, у Петра замѣчали извѣстныя требованія отъ официальной подруги,—нѣкоторой интеллигентности, знанія языковъ для обхожденія съ иностранцами. Чтобы замѣнить оригинальную личность неотразимо-привлекательной чаровницы Нѣмѣцкой слободы, простой русской дѣвушкѣ приходилось внимательно готовиться и развивать умъ, наблюдательность, соображеніе.

Между тѣмъ кружокъ полковыхъ дамъ пополнялся; среди него появилась нѣкая Анисья Толстая и, наконецъ, въ началѣ 1704 г.

Катерина Трубачева, ливонская плѣнница. И произошло нѣчто неожиданное: безграмотная, невѣжественная ливонка оказалась всѣхъ веселѣй, всѣхъ догадливѣй и обходительнѣй, всѣхъ лучше поняла повелителя, а главное—она очень скоро подарила его сыномъ, и подруги стали разступаться передъ нею. Она дала царю семью, въ которой онъ такъ нуждался; кромѣ того, до самой его смерти она умѣла неутомимо, всегда услужливая и тактичная, сопровождать его въ странствіяхъ, переноса съ собою къ его услугамъ этотъ семейный уголокъ,—„идеальная полковая дама“, говорилъ о ней профессоръ В. Ключевскій.

Полковые товарищи подѣлили походныхъ подругъ: Дарья Арсеньева стала княгиней Меншиковой, Анна Меншикова — генеральшей Девьеръ. Ранѣе всѣхъ Марья Меншикова вышла за графа Головина, брата руководителя посольскимъ приказомъ. Вслѣдъ за передвиженіями царевны Натальи Алексѣевны, ея боярынь и бойкихъ подругъ Петра и Меншикова, втягивались въ полковую жизнь многія женщины служилого сословія.

Мучительная шведская война затянулась на двадцать лѣтъ, поглощая физическія и экономическія силы и средства всего населенія. Въ своемъ бурномъ водоворотѣ она поглотила старыя государственныя учрежденія, старые служебные порядки и чины, остатки свободныхъ отношеній податного населенія; но въ этомъ же водоворотѣ всесильная жизнь творила себѣ новыя формы и краски. Долголѣтнее напряженное состояніе всей страны заставляло приспособляться къ себѣ. Служилые люди оказались всѣхъ гибче и способнѣе къ приспособленію и охотнѣе поддавались европеизаціи быта,—они же первые и вкусили отъ ея плодовъ. Новые порядки службы пополняли ряды солдатъ рекрутами изъ податныхъ классовъ, а государевы служилые люди посылались на обученіе въ школы, и, обезпеченные денежнымъ жалованьемъ, назначались въ офицерскіе чины. Побѣдители армій Карла XII закончили войну съ титулами благородій и высокородій, и, подобно дворянству Запада, начинали вѣрить въ особое благородство своего происхожденія. Раздѣляя прерогативы мужей, женщины тоже переходили на новое положеніе.

Многія помѣщицы не выдерживали долгой разлуки съ мужъ-

ями. Повозки и колымаги съ женщинами и дѣтьми подъ охраной холопей тянулись изъ глухихъ усадебъ къ Нарвѣ, Ревелю, Ригѣ, въ бѣлорусскія и литовскія мѣстечки, всюду, гдѣ подолгу задерживались русскіе полки, гдѣ командовали гарнизонами русскіе капитаны и полковники,—точно новая сила притяженія потянула струйки непрерывной колонизаторской работы отъ востока къ западу. Иныя знатныя женщины съ большими трудностями пускались на баркахъ внизъ по сѣвернымъ рѣкамъ въ далекій Архангельскъ; тамъ онѣ цѣлыми мѣсяцами ожидали приѣзда на побывку учившихся за границей навигаторовъ и гардемаринъ, жаждавшихъ свиданія съ семьями. Пожилыя много-семейныя матери привозили на полковыя стоянки дочерей-невѣстъ, готовясь встрѣтить здѣсь юныхъ сержантовъ и прапорщиковъ, намѣченныхъ имъ въ женихи, и на чужбинѣ устраивались свадьбы. Военные писаря заготовляли рядныя записи и росписи приданого, откуда робы и корсеты навсегда вытѣснили бывле лѣтники и тѣлогрѣи. Эти росписи—живые свидѣтели того, какъ съ каждымъ десятилѣтіемъ измѣнялись вкусы въ помѣщичьихъ семьяхъ. Рѣзкія сочетанія цвѣтовъ, тяжелыя ткани уступали мѣсто болѣе мягкимъ оттѣнкамъ красокъ и болѣе легкимъ матеріямъ, поддающимся прихотямъ покроя. Въ нѣмецкихъ городахъ, на польской и прусской границѣ вмѣстѣ съ париками и мундирами закупались сельскохозяйственныя орудія, новая европейская мебель, экипажи, сбруя, книги и картины и съ оказіями препровождались въ родныя вотчины. Иной разъ сами полковники и капитанши возвращались домой уже не въ старинныхъ кибиткахъ, а въ каретахъ западнаго образца. Походы помѣщицъ очень помогли распространенію новыхъ привычекъ и обычаевъ въ глубинѣ страны.

Жены сопровождали мужей, назначенныхъ къ школьному обученію. Семьи оригинальныхъ великовозрастныхъ учениковъ ютились по домамъ московскихъ свойственниковъ или по слободамъ, вокругъ центровъ цифирной и навигацкой науки того времени. Прекуръезныя коллизіи возникали въ семейныхъ міркахъ рабовладѣльцевъ, любителей медвѣжьей травли, соколиной и голубиной охоты, подъ угрозой „лишенія живота“ прикоманди-

рованныхъ къ наукѣ. Не только матери, но и жены прилагали старанія къ успѣшному обученію своихъ недорослей и повелителей; вѣдь тогда выучка содѣйствовала быстрой выслугѣ, а всякой женѣ было пріятно и лестно поскорѣе сдѣлаться офицершей и благородіемъ. Подростокъ-ученикъ артиллерійской школы въ Сухаревой башнѣ, выдававшийся по трудолюбію и быстрымъ успѣхамъ, рассказывалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ его приглашали репетиторомъ къ его же школьнымъ товарищамъ ихъ матери и жены. Онъ удачно справлялся съ тупостью недоросля, любителя голубей, сына своей квартирной хозяйки, когда замѣтилъ, что молодая сосѣдка умильно зазываетъ его въ окошечко; мальчикъ соблазнился и пошелъ къ ней на угощеніе. Оказалось, что хозяйка ученическая жена, пришла въ отчаяніе отъ безтолковости и легкомыслія своего мужа и умоляла хоть немного поучить и его, хотя бы одной ариѳметикѣ. Польщенный до вѣріемъ, юный педагогъ взялся было за дѣло, но скоро спосовалъ передъ почтеннымъ ученикомъ, къ прискорбію его дѣльной жены. „Мужъ ея, Сѣкиринъ, былъ большой шалунъ, списался въ полевые полки и отбылъ отъ ученія“, записалъ учитель въ мемуарахъ.

Женщины нарождавшагося дворянскаго класса могли только заботиться о выучкѣ и карьерѣ близкихъ имъ мужчинъ; для нихъ самихъ долго не намѣчалось никакихъ формъ образованія; одинъ измѣнившійся обиходъ жизни нѣсколько развивалъ ихъ, укрѣплялъ въ грамотности, дѣлалъ ихъ бойчѣе и развязнѣе. Едва замѣтные признаки обученія женщинъ мелькали въ высшемъ обществѣ новой столицы. Послѣ Полтавской побѣды, когда перестали бояться Швеціи, въ Петербургъ переѣхали члены царской семьи, дворъ, семьи сановниковъ, гвардейцевъ, даже купечества. И здѣсь въ сравнительно мирное время продолжалась та же полковая жизнь. Праздники и танцевальные вечера устраивались по барабанному бою, маскарады открывались пушечной пальбой. Разряженные женщины, покрытыя ослѣпительными драгоценностями, маршировали подъ военную музыку, смотря по сезону, то освѣжаясь петербургскимъ дождемъ, то утопая въ снѣгу. Въ дни самыхъ блестящихъ праздниковъ и маскарадовъ веселье рас-

текалось по садамъ, площадямъ и улицамъ, на лодкахъ и галерахъ разливалось по рѣкамъ и заливамъ, подвергая тяжелымъ искусамъ силы и здоровье участниковъ.

„Царь выбѣжалъ на улицу“, сказалъ историкъ Соловьевъ, приступая къ событіямъ эпохи преобразованій. Женщины тоже изъ теремовъ выбѣжали прямо на улицу, а русская улица была тогда непомѣрно грязна, и отвратительно грубы были уличные нравы. Личная домашняя мораль старины не сумѣла развить общественной дисциплины, и волны смрадной грязи не щадили вчерашнихъ затворницъ. Какъ будто только ради правъ плоти женщина освобождалась отъ покрывалъ и широкихъ одеждъ, царившій въ обществѣ разгулъ страстей стремился заполнить ея личность. Прошлое не оставило ни прочныхъ традицій, ни руководящихъ началъ, которыя могли бы прійти на помощь молоденькимъ женщинамъ и дѣвушкамъ; имъ предоставлялось собственными силами выбираться изъ разливаннаго моря разгула и распущенности. Читая описанія петровскихъ пировъ и маскарадовъ, чувствуешь страхъ за судьбу женщинъ, какъ тяжкій крестъ, выносившихъ всѣ неистовства разнузданной фантазіи повелителя и его всепьянѣйшей компаніи. Ни болѣзни, ни беременность не избавляли отъ участія въ попойкахъ и маскарадныхъ испытаніяхъ. На праздникахъ по случаю Ништадскаго мира петербургскія дамы такъ пострадали отъ гомерическихъ попойекъ, что московскія въ ожиданіи возобновленія пиршествъ въ Первопрестольной умоляли царя избавить ихъ отъ насильственного питья, но онѣ поплатились едва ли не еще горшей тяготой въ наказаніе за свои уловки и упорство въ воздержаніи. Цѣлые покои превращались въ пріюты для больныхъ, потерявшихъ сознание представительницъ двора и знати.

Многимъ ли женщинамъ удавалось въ этой обстановкѣ сохранить физическое здоровье и чувство личного достоинства? Однако, какъ это ни странно, если вникнуть въ интимныя свидѣтельства того времени и отзывы иностранцевъ, нельзя не замѣтить, что онѣ до нѣкоторой степени справлялись съ тяжкими условіями своего положенія. Молодой придворный герцога голштинскаго, пріѣхавъ вторично въ Петербургъ прямо изъ Парижа,

очень удивился тому, насколько изменились къ лучшему русскій дворъ и русское общество особенно женское. Дамы научились пріятно вести бесѣды и занимать ими даже иностранцевъ; съ ними интересно проводили время. „Русскія дамы очень мало уступаютъ нѣмкамъ и даже французенкамъ въ тонкости обращенія,—писалъ онъ,—и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣютъ преимущества“. Правда, слѣдуетъ оговориться, что авторъ видѣлъ французское общество времени ретенства, когда оно славилось своей распушенностью.

Когда царь надолго уѣхалъ къ границамъ Персіи, жители обѣихъ столицъ съ удовольствіемъ отдыхали отъ неистовыхъ забавъ. Люди получили возможность проводить время по-своему. Составился кружокъ представителей высшаго свѣта изъ семей русскихъ сановниковъ, при участіи иностранныхъ пословъ, куда приглашались и голштинцы. Пріятно проводили время вокругъ сестеръ Трубецкихъ, изъ которыхъ старшая была уже княгиней Кантемиръ, мачехой извѣстнаго писателя; къ нимъ примыкали княгиня Черкасская, молодая Ягужинская, Головкина, Румянцева и др. Почти всѣ бѣгло говорили по-нѣмецки. То русскій сановникъ, то иностранный посолъ приглашалъ къ обѣду двадцать-тридцать человѣкъ. Кавалеры и дамы садились попарно за столъ, оживленно бесѣдуя и флиртуя; никого не принуждали пить; всѣ были вольны въ своихъ вкусахъ. Послѣ обѣда танцевали до вечера. То собирались на званые вечера и потомъ приступали къ танцамъ или играмъ, заканчивая вечеръ веселымъ ужиномъ.

Рядомъ съ избраннымъ дамскимъ кружкомъ дворъ царицы-вдовы Прасковьи Феодоровны и ея дочерей непріятно поражалъ грубѣйшей смѣсью кое-какихъ новыхъ обычаевъ съ самыми неказистыми привычками старины. Екатерина Ивановна, царица мекленбургская, мало чему научилась за границей; вмѣстѣ съ незамужней сестрой Прасковьей Ивановной принимали почетныхъ гостей въ постеляхъ или полураздѣтыя, среди хаоса неопрятной общей спальни, въ компаніи грязнѣйшихъ, неприличныхъ шутовъ и шутихъ. Правда, княгиня Кантемиръ и Черкасская еще не успѣли обзавестись будуарами и тоже запросто

принимали въ спальняхъ, но хорошо убранныхъ, съ комфортабельной мебелью.

Русскія дамы высшаго округа наперебой подражали иностраннымъ обычаямъ, обхожденію, модамъ, но вовсе не такъ горячо увлекались самими иностранцами, какъ это привыкли думать. Прабабки были чужды слѣпого преклоненія правнучекъ передъ заѣзжими карьеристами, вродѣ Дантеса-Гекерена, проповѣдниками и артистами. Онѣ умѣли давать рѣзкій, единодушный отпоръ непріятнымъ для нихъ или безтактнымъ выходкамъ иностранцевъ. Такъ на одномъ званномъ вечерѣ дамы танцевали только съ русскими гвардейцами, даже съ сержантами и унтер-офицерами изъ дворянъ, не обращая вниманія на присутствіе придворныхъ кавалеровъ герцога голштинскаго. „Точно насъ тутъ и не было. Въ присутствіи царя онѣ не смѣли бы этого дѣлать“, жаловался камеръ-юнкеръ герцога въ своихъ мемуарахъ. Когда датскій резидентъ, холостякъ, имѣлъ безтактность пригласить жену шведскаго посла на роль хозяйки званнаго обѣда, всѣ приглашенныя русскія дамы вдругъ перестали понимать нѣмецкій языкъ, весь обѣдъ проговорили по-русски.

Со введеніемъ иноземнаго платья и новыхъ обычаевъ среди столичной знати пытались обучать и дѣвочекъ чему-нибудь, кромѣ церковной грамоты, но еще никто не зналъ, чему и какъ учить, и дѣло сводилось къ тому, что ихъ по внѣшности уподобляли иностранкамъ. Хватались за всѣхъ отъ кого могли ожидать помощи въ дѣлѣ воспитанія. Желая угодить царю, царица Прасковья приглашала въ учителя къ своимъ дочерямъ всѣхъ преподавателей царевича Алексѣя. Но избалованныя царевны не восприняли никакихъ познаній. Болѣе замѣтный слѣдъ на ихъ воспитаніи оставилъ французъ Рамбурхъ, преподававшій въ гимназіи пастора Глюка „танцевальное искусство, поступъ, нѣмецкія учтивства, а также нѣмецкіе а французскіе комплименты“. Царевны научились употребительнымъ танцамъ, но въ „учтивствахъ“ не отличались; обѣ старшія говорили по-нѣмецки. Позже у Рамбурха учились и дочери Петра; обѣ превосходно танцевали, были очень изящны и граціозны; говорили по-нѣмецки, а младшая Елизавета Петровна,

училась немного по-французски. Гувернантка, м-ль Делонуа, не отходила отъ царевенъ на балахъ и праздникахъ. Ближайшіе вельможи слѣдовали примѣру двора. У дочери князя-кесаря Ромодановскаго были учителя; она говорила на иностранныхъ языкахъ. Дочери фельдмаршала Шереметева учились даже нѣкоторымъ предметамъ изъ школьных программъ того времени. Ихъ гувернантка, г-жа Штуденъ, такъ сблизилась съ ученицами, что послѣдовала въ ссылку за многострадаальной Натальей Боровой, раздѣлившей судьбу мужа и его родныхъ, Долгорукихъ.

Измѣнились женщины, измѣнилась и оцѣнка ихъ личности. Защитники объясняли возникновеніе затворничества тѣмъ, что всякій глава дома долженъ былъ оберегать жену и дочерей отъ опасностей и неприличій старинныхъ улицъ и мужского, ничѣмъ не стѣснявшагося общества. Слѣдовало ожидать, что участницы петровскихъ праздниковъ упадутъ во мнѣніи моралистовъ еще ниже современницъ автора „Домостроя“. Наоборотъ, отзывы моралистовъ значительно улучшились. Старшій современникъ Петра, Посошковъ, крестьянинъ, раздѣлявшій много предразсудковъ старины, уже чуждъ взглядамъ „Домостроя“; для него женщина—не вѣчный малолѣтокъ, нуждающійся въ тѣлесномъ наказаніи; она дана на помощь, а не на послуженіе мужу. „Жена тебѣ не работница, а помощница, да не простая, а подобная, и ничтожить ее въ рабій образъ противно Богу, и не долженъ мужъ безъ совѣта съ женой ничего дѣлать“. Даже если жена и умомъ недалекая, ее все-таки нужно почитать и говорить съ нею про общія дѣла. Историкъ Татищевъ, чловѣкъ петровской школы, идетъ дальше. Приступая къ главѣ „о персонѣ супруги“ въ наставленіи сыну, онъ оговаривается въ своей смѣлости давать совѣты въ такомъ дѣлѣ, гдѣ важнѣе всего чувства и мнѣнія самихъ брачующихся; по его мнѣнію, бракъ устанавливается только свободнымъ выборомъ мужчины и женщины. Молодежь его времени очень цѣнитъ пріятность женщины въ обществѣ—„веселость въ бесѣдѣ“, даже больше красоты. Женщина—жизнерадостное существо, съ кѣмъ предстоитъ „въ веселіи (т. е. счастливо) вѣкъ свой препроводить и родъ свой умножить“, но отнюдь не легкомысленное. Тонъ, кото-

рымъ одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей своего времени говорить „о персонѣ супруги“, полонъ почтительной мягкости, какой не знала старая Русь.

VII.

Сыгравъ дѣятельную роль въ организаціи сословія служилыхъ людей помѣщиковъ, будущаго дворянства, послѣ петровской реформы женщины наряду съ мужчинами начали пользоваться всѣми преимуществами, всѣми благами, которыя доставляло имъ обладаніе крѣпостными и привилегированное положеніе дворянства. Самой характерной чертой внутренняго быта Россіи втеченіе около полутора вѣка до 1861 г. являлось право этого сословія владѣть себѣ подобными, поданными имперіи почти какъ движимымъ имуществомъ. Среди мыслящей, говорящей, даже обладающей собственной индивидуальностью, собственности, въ постоянномъ общеніи съ приниженными и поработенными росли русскія женщины, которымъ предстояло положить начало сближенію съ европейской культурой, приспособить ее къ мѣстнымъ условіямъ, самимъ учиться, воспитывать и учить дѣтей, выдвигать изъ своей среды писательницъ, общественныхъ дѣятельницъ,—создавать культурную обстановку, необходимую для нарождающейся общественной жизни. Медленно и тяжело создавалась она подъ давленіемъ мрачныхъ пережитковъ социальныхъ отношеній глубокой древности, но все-таки кое-какъ налаживалась;—такова живучесть духовныхъ началъ въ чловѣкѣ, что и въ удручающей, мертвящей атмосферѣ они способны проявлять дѣятельную силу и развиваться.

Среди тысячъ суровыхъ помѣщицъ, выгадывавшихъ изъ крови и пота рабовъ богатый матеріалъ для сложнаго хозяйства и даже склады товаровъ, рядомъ съ Солтычихами и безумѣвшими отъ безудержнаго самовластія изуверками мельками кое гдѣ гуманистки, какъ Лабзина и ея мать; могла развиваться образованная, способная Дашкова, хотя на ея характеръ и наложила неизгладимый отпечатокъ крѣпостная пора.

Съ развитіемъ культуры къ XIX-му вѣку взаимоотношенія господъ и рабовъ еще усложнились тѣмъ, что и крѣпостные умственно развивались. Въ состоятельныхъ домахъ приближенная прислуга зачитывалась иногда тѣми же книгами, что и господа, даже начинала поговаривать по французски. Способныхъ крѣпостныхъ стали учить музыкѣ, художествамъ, готовили на сцену. Народилась „крѣпостная интеллигенція“, положеніе которой становилось особенно трагическимъ.

Распушенность нравовъ, особенно въ высшихъ слояхъ населенія, царившая и въ западной Европѣ въ XVIII в., въ Россіи еще омрачалась упадкомъ стыдливости среди женщинъ; бабы не стыдились рабовъ, не считая ихъ за людей и мужчинъ, и не стѣснялись передъ ними. Во второй половинѣ XVIII в. щеголи, литературно образованные мужчины, нерѣдко распутничали по принципу; вольтерьянцы крѣпостной Россіи, отрицая религію, вмѣстѣ съ нею отбрасывали, какъ предразсудки, нравственные стимулы и проповѣдывали, какъ правило, наслажденіе всѣмъ, что доставляетъ удовольствіе, находя въ этомъ естественный законъ жизни. Многие изъ нихъ энергично распространяли свои взгляды среди окружающихъ; побуждали своихъ женъ ничѣмъ не стѣсняться и пользоваться всѣми чувственными наслажденіями; въ этомъ духѣ воспитывали дѣтей и внуковъ. Ихъ жены и дочери легко бросались на тотъ же путь жадныхъ безудержныхъ наслажденій; только немногія особенно стойкія натуры находили въ себѣ силы бороться со внушеніями повелителей. Первобытная грубость нравовъ въ главной массѣ общества, разнузданность рабовладѣльческихъ инстинктовъ, нравственная распушенность при недостаткѣ выработанныхъ устоевъ общежитія,—мрачная обстановка, среди которой начала развиваться женская личность въ Россіи новыхъ временъ.

И такъ, петровская помѣщица и чиновная дама извѣстнаго ранга становились благородными, и своими привилегіями отмежевывались отъ городского класса и „подлости“, т. е. крестьянства, сохранявшихъ старинныя обычаи, бороды и одежды. Перемены быта и воспитанія рѣзче обособили сословія въ XVIII в., и перемены въ положеніи женщинъ играли немалую роль въ

этомъ обособленіи. Однако, русскія дворянки, получивъ доступъ въ общество мужчинъ, долго еще не могли сдѣлаться его дѣятельными членами, такъ какъ и самое общество въ настоящемъ смыслѣ этого слова, очень медленно складывалось. Первые признаки общественной жизни въ смыслѣ разумнаго препровожденія времени представителей обоихъ половъ, едва, едва проявляются въ половинѣ XVIII-го вѣка. Ранѣе этого времени европейская жизнь, европейскія развлеченія, составляли принадлежность двора и кружка придворныхъ.

Нужно сознаться, что женскія правленія до Екатерины II не оказывали замѣтнаго вліянія на умственное развитіе женщинъ. Да и сама Екатерина II, организуя образованіе женщинъ и покровительствуя писательницамъ, не подлюбливала женскаго общества; на интимныя собранія въ Эрмитажѣ писателей и выдающихся представителей образованности въ видѣ особой милости допускались одна, двѣ дамы. Русскія дворянки долго не могли украсить своего благороднаго званія образованіемъ. Съ эпохи преобразованій почувствовали необходимость учить женщинъ, но не знали чему и какъ учить людей, не предназначенныхъ къ службѣ, и потому учили очень немногихъ и очень мало.

Множество провинціальныхъ дворянокъ, подобно матери Аракчеева, оставались неграмотными до самаго XIX-го в. Съ женщинами стали обращаться иначе, чѣмъ прежде, это правда, но онѣ долго не знали воспитанія въ его истинномъ, духовномъ смыслѣ. Да и откуда оно могло взяться, когда не было общестственности? На западѣ довольно рано установились извѣстныя требованія отъ женской личности, сообразно ея положенію въ общественной и семейной жизни каждаго класса общества; воспитаніе женщинъ взяло въ свои руки духовенство, самое образованное сословіе въ средніе вѣка, и руководило имъ до новѣйшихъ временъ. Лучшее воспитаніе давали монастыри—таково было общее мнѣніе; но монастырскія общины были разныя, хотя всѣ онѣ сохраняли крѣпкія связи съ мірскимъ обществомъ, на которое работали; онѣ служили пріютомъ для женщинъ знати, были роскошно обставлены, снабжены библіотеками; привлекали

самых образованных и талантливых проповедников и преподавателей. Сюда знатнейшія фамиліи отдавали дѣвочекъ въ томъ опасномъ возрастѣ созрѣванія, когда онѣ особенно на югѣ уже становятся женщинами. Если дѣвочка рано лишалась матери, отдавали и раньше. Здѣсь продолжалось воспитаніе семьи: изъ рукъ земныхъ родителей дѣвочекъ передавали на руки духовныхъ отцовъ, матерей и сестеръ — женщинъ, отрехшихся отъ міра и принявшихъ чинъ ангельскій, и священниковъ — руководителей совѣсти. Дѣвочку готовили въ знатныя дамы, учили любви къ отечеству, къ его преданіямъ, преданности церкви и религіи, почтенію къ своему роду, фамильной чести, которую она должна перенести и въ родъ будущаго мужа; отсюда уваженіе къ гербамъ, обученіе геральдикѣ, на которой учились исторіи знати въ своей родинѣ. Въ монастыри на приемы, въ залъ, раздѣленный рѣшеткой, за которой сидѣли воспитанницы съ сестрами надзирательницами, являлись родные, свѣтскіе молодые люди и вели свѣтскіе разговоры съ молодыми дѣвушками. Часто тутъ намѣчались браки воспитанницъ. Дѣвушки проводили время въ здоровой, комфортабельной обстановкѣ, въ средѣ подругъ, благовоспитанныхъ матерей-монахинъ, проникались уваженіемъ къ личности, мягкому обхожденію съ низшими, пропитывались правилами поведенія уважающей себя благородной дѣвицы.

„Нужно научить пользоваться услугами другихъ,—говорилъ Фенелонъ,—нужно внушать дѣвушкамъ, что дѣленіе на служащихъ и принимающихъ услуги существуетъ вопреки естественному равенству людей, и нужно облегчить людямъ эту несправедливость“.

Въ другихъ болѣе скромныхъ монастыряхъ принимали дочерей сельскихъ дворянъ, горожанъ, купцовъ, т. наз. буржуазію; здѣсь изъ нихъ готовили дѣятельныхъ хозяекъ, приучали къ работамъ въ кухнѣ и кладовыхъ, гдѣ готовили запасы, къ рукодѣльямъ отъ простой штопки до тонкихъ вышивокъ, посылали заниматься съ дѣтьми въ мѣстный пріютъ для бѣдныхъ. Среди уроковъ закона Божія, чтенія религіозныхъ книгъ учили вести хозяйственныя книги, писать счета и отчеты, что необходимо

для жены коммерсанта и сельской хозяйки. Монастырское воспитаніе давало общій фонъ духовному росту здоровой женской личности, которая вовсе не такъ подавлялась, какъ это привыкли думать; на этомъ фонѣ общественная жизнь рисовала свои узоры сообразно духу времени; воспитаніе сообщало гибкость, помогавшую приспособляться и даже овладѣвать новыми положеніями. Въ монастыряхъ воспитывались образованныя женщины эпохи Возрожденія, подруги энциклопедистовъ и царицы литературныхъ салоновъ XVIII в., героини французской революціи, начиная съ г-жи Роланъ.

Подобной же системы воспитанія держалась и первая свѣтская школа для женщинъ, Сень-Сиръ г-жи Ментенонъ, вполне приноровленная къ взглядамъ и потребностямъ мелкаго французскаго дворянства. Здѣсь дѣвочки изъ бѣдныхъ дворянокъ дѣлились на группы, какъ бы семьи изъ 8—10 ученицъ съ матерью и ея двумя помощницами во главѣ; каждая группа имѣла свои обязанности въ учрежденіи. Старшія были помощницами дамъ по классамъ, одѣвали младшихъ въ дортуарахъ, служили при церкви, дежурили при прачкахъ и мытьѣ посуды, убирали комнаты. Топили очень мало, чтобы воспитанницы согрѣвались движеніемъ и работой. Самыя маленькія, лѣтъ съ 7-ми чистили овощи, собирали плоды, травы, листья для заготовокъ, помогали чѣмъ могли. Давали много простой хорошей пищи; ситный хлѣбъ, если во Франціи былъ неурожай пшеницы. Дѣвушкамъ не полагалось смущаться явленіями, свойственными семейной жизни; ихъ приучали спокойно относиться къ щекотливымъ вопросамъ брака, беременности.—Говорите безъ утонченностей и увертокъ: правда имѣетъ притягательную силу,—говорила Ментенонъ. Преподавали по системѣ Фенелона, въ живыхъ бесѣдахъ. Потребность въ свѣтскихъ навыкахъ, мода на *bel-esprit* побудили сообщать воспитанницамъ свѣдѣнія изъ разныхъ областей знанія, прежде всего о социальномъ и экономическомъ бытѣ Франціи; поощряли находчивыя и остроумныя сужденія. Какъ уступка придворнымъ привычкамъ— устраиали спектакли, очень рѣдко, только при посѣщеніи короля. Сень-Сиръ оказался учрежденіемъ вполне національнымъ по духу и очень практичнымъ.

У насъ въ вѣкъ Салтычихи трудно было создать нормальное воспитаніе. Расцвѣтъ крѣпостного права давалъ слишкомъ большой просторъ распушенности, а прошлое не оставило школьно-воспитательныхъ традицій. Отношеніе къ человѣческой личности, сознаніе ея цѣнности, пониманіе личнаго достоинства выяснялись очень медленно даже въ высшихъ классахъ; дѣтской же души и не считали нужнымъ понимать. Съ дѣтьми, какъ со всѣми младшими и низшими, обращались строго и безцеремонно. Нѣмецкія школы и учителя Прибалтійскаго края и Германіи начала XVIII в. не могли служить добрымъ примѣромъ, такъ какъ и въ нихъ отсутствовала гуманность, необходимое условіе здороваго воспитанія. Мальчика готовили къ службѣ, къ извѣстной спеціальности, а потому понимали хотя приблизительно, что ему нужно дать кое-какія техническія свѣдѣнія и навыки; но что дать дѣвочкѣ, и нужно ли ей что-нибудь давать,—тутъ становились въ тупикъ.

Первыя поколѣнія женщинъ XVIII в. учились подобно своимъ братьямъ у мастерицъ и мастеровъ грамоты, дьячковъ и дьячихъ, иногда у монахинь. Указъ 1724 г. даже обязывалъ монахинь открывать пріюты-школы для дѣтей-сиротъ; но, — какъ справедливо замѣчаетъ г-жа Лихачева, — онѣ имѣли цѣлью дать полезное для общества занятіе монахинямъ, а не обезпечить населеніе школами. Дѣти состоятельныхъ семей учились у домашнихъ грамотеевъ, обученныхъ крѣпостныхъ дядекъ. Въ домашнихъ школахъ мастеровъ современники отмѣчаютъ такія числовыя соотношенія: 5 дѣвочекъ на 7 учащихся мальчиковъ, 6 дѣвочекъ на 5 мальчиковъ; у одной старой мастерицы учились 6 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ. Учили плохо, невразумительно; дѣти медленно, съ трудомъ выучивались читать, не имѣя никакого матеріала для самостоятельнаго упражненія въ чтеніи: книгъ было слишкомъ мало, и ребенокъ быстро терялъ пріобрѣтенный навыкъ разбирать даже печатное. Позже дѣвочекъ стали учить грамотѣ въ семьяхъ сами грамотныя матери, но чаще бабушки, незамужнія тетки: должно быть, матери бывали поглощены хозяйствомъ и на время забрасывали книгу; бабушки же и пожилыя дѣвы сосредоточивались на душеполезномъ упражненіи и лучше

овладѣвали механизмомъ чтенія. Писанью учили особо, какъ особому предмету преподаванія, и обыкновенно другіе, лучшіе грамотеи. Даже въ концѣ вѣка, въ семьѣ Болотова, читать учила дѣтей бабушка года по два каждого, а писать и рисовать училъ самъ отецъ. Долгое время дѣвочекъ и въ дворянскихъ семьяхъ учили писать только „про себя“, т.-е. набрасывать каракулями счета по хозяйству, реестры вещамъ и покупкамъ, такую рукопись, которую непосвященный посторонній человѣкъ не могъ разобрать. Дѣвочекъ знатныхъ семей, особенно при дворѣ, учили иностраннымъ языкамъ, главнымъ образомъ, разговору; въ русской же грамотѣ и онѣ оставались очень несвѣдущими. Съ половины XVIII в. почувствовалась потребность въ чемъ-то большемъ, чѣмъ простая грамотность.

Вмѣстѣ съ бѣднякомъ Даниловымъ, авторомъ извѣстныхъ мемуаровъ, въ домѣ богатой самодурки-помѣщицы учились у мѣстнаго пономаря двѣ его сестры; одна изъ нихъ потомъ научилась и грамматикѣ, читала какія могла найти церковныя и историческія книги, была освѣдомлена даже по части современнаго законодательства. Бибикову довелось учиться у родственницы, монахини одного московскаго монастыря; тамъ же положили начало его знакомству съ французскимъ языкомъ. Про обученіе у монахинь рассказывали не мало курьезовъ. У одной изъ нихъ урокъ заключался въ рассказываніи дѣтямъ библейскихъ исторій; потомъ она ложилась въ постель отдыхать и затягивала нараспѣвъ духовный кантъ, а дѣти за нею повторяли. Грамотность монахинь, ихъ преподаваніе недалеко ушли отъ книжныхъ упражненій старинныхъ раскольниковыхъ мастерицъ, „курлы-мурлы“, какъ слышалось современнику-очевидцу. Вообще же, наши мемуаристы и особенно мемуаристки не распространялись о томъ, чему ихъ учили, а запоминали, главнымъ образомъ, курьезные эпизоды изъ своихъ учебныхъ годовъ. Выдающіяся женщины, Дашкова, Головина охотно говорили о томъ, что читали и какое вліяніе имѣло на нихъ чтеніе.

Большую роль въ образованіи юношества обоихъ половъ сыграли въ XVIII в. частныя пансіоны. Первая публикація о такомъ заведеніи въ Петербургѣ появилась въ „Петербургскихъ

Вѣдомостяхъ" въ 1749 г., но пансіоны должны были существовать и раньше; иностранцы могли устраивать ихъ и безъ публикацій еще при Аннѣ Іоанновнѣ, вслѣдъ за открытіемъ перваго кадетскаго корпуса. Съ 1749 г. по 1782-й, годъ учебной реформы Екатерины II, найдено 118 газетныхъ объявленій объ открытіи пансіоновъ въ Петербургѣ; всѣ они учреждались иностранцами для дѣтей обоихъ половъ; нѣкоторые, впрочемъ, для однѣхъ дѣвочекъ, и только одно объявленіе Екатерининскаго времени гласило: „женскаго пола дѣти не принимаются“. Но пансіоны для обоихъ половъ тогда вовсе не задавались принципомъ совмѣстнаго обученія по современнымъ понятіямъ; далеко не всегда, особенно при Екатеринѣ, мальчики и дѣвочки учились въ однихъ классахъ и тѣмъ же предметамъ. Въ раннюю пору учили, главнымъ образомъ, языкамъ; о наукахъ объявленія говорили туманно: „и прочимъ пристойнымъ шляхетнымъ дѣтямъ наукамъ“. Объявленіе 1749 г. обѣщаетъ обучать по-нѣмецки, по-французски, а также экзерциціямъ, а „дѣвушекъ шитью и домостроительству“. Въ 1753 г. иностранная фамилія шляхетнаго рода обѣщала „дѣвицъ кромѣ французскаго языка обучать шитью, ариѳметикѣ, экономіи, танцеванью, исторіи, географіи и притомъ читать вѣдомости“. Часто, особенно дѣвочекъ, учили только чтенію и разговору на иностранномъ языкѣ; обученіе письму оговаривали особо. Обѣщали обучить языку въ три года, а если не научатъ, то родители могли не платить денегъ. Крайне рѣдко и только въ самую позднюю пору въ программѣ пансіоновъ встрѣчается обученіе русскому языку.

Съ 1757 г., когда учителей-иностранцевъ стали подвергать экзаменамъ, программы столичныхъ пансіоновъ становятся серьезнѣй и ихъ устраиваютъ солиднѣй; кромѣ хозяина и его жены приглашаются другіе учителя, въ большихъ заведеніяхъ чело-
вѣкъ до 10-ти и болѣе. Въ поздніе годы явились преподаватели русскаго языка и Закона Божія.

Первое время дѣвочки учились, повидимому, вмѣстѣ съ мальчиками, а жили въ особыхъ комнаткахъ и рукодѣльничали подъ надзоромъ женъ предпринимателей. Эти жены принимали и прислугу, „господскихъ дѣвушекъ“, для обученія вышиванію, кройкѣ и пр.

При Екатеринѣ въ Петербургѣ уже публикуютъ для успокоенія родителей, что „покои дѣвицъ никакого сообщенія не имѣютъ съ покоями молодцовъ“. Въ хорошихъ пансіонахъ дѣвочки встрѣчались съ мальчиками только за столомъ и на урокѣ танцевъ. Въ иныхъ семьяхъ очень боялись обученія дѣвочекъ вмѣстѣ съ мальчиками. Въ Богородицкѣ Тульской губ. бывшій гувернеръ французъ открылъ пансіонъ для дворянскихъ дѣтей и обучалъ успѣшно французскому языку. Но Болотовъ, живя въ самомъ городкѣ, не рѣшился посылать къ нему дочерей, даже приходящими, и такъ и оставилъ ихъ безъ знанія языковъ. То же самое сдѣлала его сосѣдка-пріятельница.

Съ введеніемъ губернской реформы жизнь въ провинціи очень оживилась; родители обратили особенное вниманіе на танцевальное искусство, чтобы вывозить дочерей на губернскіе балы. Почти во всѣхъ пансіонахъ устраивали особые классы танцевъ для дѣвицъ и взрослыхъ. Помѣщики нарочно пріѣзжали въ столицы, чтобы обучать дочерей танцамъ, тратя на это большія деньги.

Извѣстно не мало пансіоновъ и въ провинціальныхъ городахъ; и тамъ мальчики и дѣвочки учились вмѣстѣ; такъ было въ Оренбургѣ у Розе, уголовнаго преступника, учителя Державина, который наказывалъ учениковъ такъ жестоко и такими непристойными способами, что поэтъ не рѣшился описать ихъ въ своихъ запискахъ. Въ 1750 г. въ пансіонѣ Ферре, надзирателя кадетскаго корпуса, на его казенной квартирѣ училось 15 мальчиковъ и среди нихъ одна взрослая дѣвушка, дочь какой-то майорши. Учили въ сущности одному французскому языку; обычнымъ упражненіемъ служили переводы съ русскаго на французскій басень Эзопа и русскихъ газетъ; другихъ легкихъ пособій или хрестоматій еще не водилось; а ученики были очень благодарны и за эту методу, несравненно болѣе живую и занимательную, чѣмъ зубреніе вокабулъ; они съ интересомъ читали газеты и кстати знакомились со всѣмъ происходившимъ въ свѣтѣ, съ названіями странъ и государствъ. Одно время наняли нѣмца объяснять ученикамъ карту Европы, но онъ скоро исчезъ. Ни Ферре, ни его помощникъ—сынъ сами не умѣли обращаться съ этой картой.

Другой мемуаристъ, Вигель, рассказываетъ, что въ Москвѣ въ пансіонѣ г-жи де-Форсевилль воспитывались 30 мальчиковъ и около 25 дѣвочекъ подъ ея постояннымъ наблюденіемъ. Дѣвицы обѣдали, а иногда и учились за однимъ столомъ съ мальчиками; жили же онѣ на особой половинѣ. И тѣ и другія были привезены изъ провинціи; но мальчики были неуклюжи, а дѣвочки гораздо живѣе и граціознѣе; хозяйка обращалась съ ними болѣе строго.

Любопытны нѣкоторыя объявленія о женскихъ пансіонахъ: въ 1757 г. двѣ француженки открыли французскую школу для женщинъ, которыхъ будутъ обучать: нравоученію, исторіи, географіи, кто пожелаетъ ариметикѣ, музыкѣ, танцамъ, рисованію, доброму домостроительству и прочему, что требуется къ воспитанію честныхъ женщинъ. Въ Москвѣ мадамъ де-Мога объявила: если кто пожелаетъ отдать своихъ дѣтей дѣвицъ на ея содержаніе для обученія французскому языку и географіи, то она ихъ приметъ удовольствоваться, показывая при томъ благородные поступки, пристойные къ ихъ природѣ. Въ 1760 г. мадамъ Сиринъ начала обучать малыхъ дѣтей обоего пола французскому и нѣмецкому языкамъ, читать, писать, рисовать, также убирать на головѣ и другимъ приличнымъ къ воспитанію женскаго пола вещамъ.

Несмотря на такіе соблазны, несомнѣнно дѣвочекъ все-таки учили недолго и весьма немногую; обученіе въ пансіонахъ стоило очень дорого. Первые учителя не объявляли размѣровъ платы;— ихъ было мало, и они брали, что хотѣли. При Екатеринѣ II замѣчался наплывъ иностранныхъ педагоговъ, плату за ученіе стали опредѣлять, иногда конкуренція заставляла ее сбавлять. Наименьшая плата за полнаго пансіонера 90 р. въ годъ, высшая— 300 руб. Болотовъ свидѣтельствуешь, что у Ферре обученіе французскому языку, знакомство съ картой Европы и чтеніе русскихъ и французскихъ вѣдомостей обходилось съ полнымъ содержаніемъ въ сто рублей въ годъ, т. е. болѣе 800 руб. на современныя деньги, что составляло весь денежный доходъ съ помѣстій его отца. Поневолѣ дворянская семья посылала учиться только одного ребенка, и, подучивъ его годъ, другой, спѣшила замѣнить другимъ братомъ или сестрой. Дѣвочекъ же могли

учить только въ счетъ ихъ приданого и очень недолго: съ 14 лѣтъ онѣ уже считались невѣстами.

Когда при Екатеринѣ II являлось немало иностранцевъ въ поискахъ за мѣстами, еще немногіе провинціальныя дворяне позволяли себѣ такую роскошь, какъ приглашеніе гувернера въ деревню. Часто сосѣди и свойственники входили въ соглашеніе съ богатымъ помѣщикомъ и посылали своихъ дѣтишекъ къ нему въ домъ учиться у общаго учителя. Тутъ наступалъ нѣрѣдко бенефисъ дѣвочекъ; ихъ учили заодно, за тѣ же деньги; имъ удѣляли вниманіе, смотря по бойкости и способностямъ. Болѣе сдержанныя и внимательныя, чѣмъ мальчики, дѣвочки могли даже лучше использовать уроки порядочнаго учителя. Можетъ быть, благодаря этому, среди уѣздныхъ барышень начала XIX в. замѣчались интересныя любительницы чтенія и даже родной русской литературы. Посылали дѣтей всюду, гдѣ только могли подешевле поучить ихъ. Трудолюбивый моралистъ Болотовъ охотно принималъ въ домъ дѣтей родственниковъ и сосѣдей; дѣвочкамъ и племяннику преподавалъ катехизисъ, говорилъ имъ о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ; научилъ дѣвочекъ ариметикѣ, насколько нужно знать ее женщинамъ. Старшей дочери, однако, давалъ „понятіе“ о географіи, велъ съ нею „философическіе разговоры“ по передѣланному имъ „Дѣтскому Училищу“ г-жи де-Бомонъ. Очень начитанный, самъ писатель, Болотовъ былъ нѣжный отецъ, но въ дѣлѣ образованія дѣлалъ рѣзкую разницу между сыномъ и дочерью. Бабушка учила всѣхъ его дѣтей читать по-старинному, очень медленно; писать и рисовать училъ онъ самъ, преподавалъ ариметику; но сына училъ по-нѣмецки, для дѣвочекъ же считалъ этотъ языкъ излишнимъ. Французскій былъ бы имъ нуженъ, но писатель пожалѣлъ денегъ на француженку, можетъ потому, что опредѣлилъ дочерямъ очень скромное приданое, чтобы не обездолжить сына. Относительно старшей дочери рѣшилъ, что съ нея довольно, если будетъ хорошо знать одно русское и оставилъ ее учиться рукодѣлю при матери; впрочемъ, развивалъ ея умъ бесѣдами и внушалъ ей „нужныя понятія“. Зато о танцахъ очень заботился и привозилъ дѣвочекъ въ Москву ради уроковъ танцмейстеровъ.

Когда же съ замужествомъ старшей не повезло, о слѣдующихъ дочеряхъ проявили нѣсколько больше заботъ: ихъ приучали къ чтенію, поощряли ихъ сужденія о литературѣ, но все-таки обошлись безъ учительницы французскаго языка.

Умъ женщины XVIII вѣка могъ развиваться только чтеніемъ, только та и получала нѣкоторое образованіе, которая соприкасалась съ обладателями библиотекъ или умѣла добывать книги. Исклѣчительно хорошо учили дѣтей въ семьѣ Воронцовыхъ, племянниковъ елизаветинскаго канцлера, и среди нихъ будущую кн. Дашкову; какъ она говоритъ, учили всему, что требовало лучшее воспитаніе. „Мы знали 4 языка, особенно французскій, танцы, немного рисовать. Г. Бехтѣвъ училъ насъ по-русски, когда мы этого хотѣли“. Но Дашкова такъ дурно говорила по-русски, что смущалась, какъ ей представится въ Москвѣ старой свекрови, которая не знала иностранныхъ языковъ. „Съ пріятной внѣшностью, *petites manières du ton*, мы должны были считаться прекрасно воспитанными, — говоритъ она про себя и сестеръ, и прибавляетъ:—но о нашемъ сердцѣ и умѣ не думали, для нихъ ничего не сдѣлали“. Она сама рано полюбила чтеніе, поглотила книги Вольтера, Монтескье, Бэйля, Буало и такъ увлеклась великими идеями, что скучала внѣ дома. И. И. Шуваловъ, выписывавшій всѣ книжныя новости, заинтересовался любознательной дѣвушкой и предложилъ ей свою библиотеку. Уѣзжая съ мужемъ въ Москву, Дашкова забрала съ собою 900 томовъ книгъ, такъ какъ въ Москвѣ книгопродавцы еще не слѣдили за новостями. Такъ выросла умственно образованнѣйшая русская женщина своего вѣка, благодаря книгамъ и личнымъ способностямъ. Значительно позже гр. Головина, племянница Шувалова, получивъ первое воспитаніе въ деревнѣ при матери на чтеніи популярно-сентиментальныхъ книжекъ, съ 14-ти лѣтъ пользовалась въ Петербургѣ прекрасной библиотекой дяди. Коллекціи художественныхъ произведеній дали толчокъ развитію ея художественныхъ вкусовъ; Головина стала рисовать и писать красками; ея произведенія очень цѣнились знатоками. „Ребенкомъ ея ума не развивали,—пишетъ Дашкова,—а воспитаніе дали чисто внѣшнее“; и она права въ своихъ жалобахъ:

толковать о значеніи воспитанія начали довольно рано, съ 1760 г., но дѣлали для него мало, и только къ началу XIX в., когда появились русскіе учителя и гувернантки, въ пансіоны, въ занятія съ юношествомъ проникаютъ воспитательныя тенденціи, стремленіе вліять на духовный строй учениковъ, — это щедрая Франція за время революціонныхъ бурь разбросала по странамъ Европы массу способныхъ людей, еще воодушевленныхъ огнемъ борьбы. Среди учителей явились въ Россію политическіе радикалы, даже республиканцы, но особенно вліятельными педагогами оказались католическіе аббаты со своими прозелитками; они всегда умѣли вносить въ преподаваніе религіозно-этическій элементъ и согрѣвали его глубокимъ знаніемъ человѣческой души.

Рѣшительный толчокъ образованію женщинъ въ Россіи дала Екатерина II. Она задумывалась надъ нимъ еще великой княгиней, какъ свидѣлствуютъ ея замѣтки по поводу Сень-Сира, и въ первый же годъ царствованія у нея оказался въ рукахъ опредѣленный планъ дѣйствій. Въ основу своей учебной системы Екатерина положила воспитаніе личности, передъ которымъ преподаваніе знаній отступало на второй планъ; воспитаніемъ дѣтей съ самаго ранняго возраста въ закрытыхъ заведеніяхъ, подъ неусыпнымъ наблюденіемъ добродѣтельныхъ наставниковъ, внѣ связей съ испорченной общественной средой она намѣревалась создать людей новаго склада, усовершенствованнаго типа; ради этого воспитаніе женщинъ тоже должно было войти въ эту систему, какъ необходимое усовершенствованіе матерей и воспитательницъ. Въ первой же обработанной въ 1763 г. части общаго плана, въ Генеральномъ планѣ Моск. Воспитательнаго дома читаемъ: „Надобно ли въ семъ заведеніи дѣвочкамъ учиться тому, что для мальчиковъ сказано?“ И послѣ утвердительнаго отвѣта:—„Мы всѣмъ одолжены женщинамъ. Но, мы, мужчины, столь тщеславимся превосходствомъ въ крѣпости силъ своихъ, столь горды и упрямы, и неправосудны, что и въ

приобрѣтеніи наставленій, къ просвѣщенію разума потребныхъ, препятствуемъ полу, которому за все одолжены"... Такъ какъ въ этомъ учрежденіи предполагали воспитывать людей 3-го сословія, то дѣвочкамъ полагалось, кромѣ общей программы, учиться „искусствамъ жизни человѣческой и гражданству потребнымъ, хранить въ цвѣтущемъ состояніи фабрики, купечества и ремесла... ихъ полу принадлежащія части домостроительства... знать, какъ въ казначействѣ поступать..." и т. д. Въ планѣ постоянно напминается необходимость воспитывать въ питомцахъ обоого пола учтивость, справедливость, пріятное обхожденіе, также „быть всегда веселу и довольну, пѣть и смѣяться“,—свойства людей здоровыхъ, добраго сердца и остраго разума. Общіе принципы воспитанія проведены во всѣ уставы учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ и въ уставъ „воспитанія 200 благородныхъ дѣвицъ“, будущій Смольный институтъ. Программа дѣтища Екатерины представляла странную смѣсь отвлеченныхъ пожеланій, не имѣвшихъ связи съ современной жизнью, и практическихъ предначертаній, заимствованныхъ изъ порядковъ Сень-Сира.

Въ Смольный принимали одинаково, и бѣдныхъ, и состоятельныхъ, но родители не имѣли права брать дѣтей обратно до окончанія курса. Кромѣ классныхъ занятій грамотой, ариеметикой, иностранными языками и трудно уловимыми обрывками географіи, исторіи, программа требовала обученія стихотворству, геральдикѣ, архитектурѣ, музыкѣ, пѣнію, искусству представлять драмы. „Но при этомъ слѣдуетъ, — говорила инструкция, — не столько учить дѣтей, сколько давать имъ охоту, желаніе и любовь къ знанію, дабы сами желали умножить его“. Сама Екатерина придавала огромное значеніе чтенію и рекомендовала пріохочивать къ нему.

Ежедневно двѣ ученицы старшихъ классовъ дежурили въ классахъ маленькихъ ученицъ. Поочереды ходили въ поварню, договаривались съ поставщиками о цѣнахъ, записывали счета. Трудно сказать, какъ эти предписанія исполнялись, но несомнѣнно, что благородныя дѣвицы не исполняли никакихъ грубыхъ работъ.

Хорошо воспитанная дѣвушка должна быть веселой, умѣть вести себя въ обществѣ, служить его украшеніемъ; поэтому уставъ предписывалъ, чтобы въ заведеніи устраивали собранія по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ для пріѣзжихъ изъ города кавалеровъ и дамъ; одно собраніе предназначалось для концертовъ, другое—для спектаклей и пасторальныхъ драмъ. Воспитанницы двухъ старшихъ возрастовъ играли здѣсь роль любезныхъ пріятныхъ хозяевъ—„дабы навыкнутъ могли къ непринужденному и учтивому поведенію... то есть не имѣть застѣнчивость и въ случаѣ о всемъ пристойно и благородно изъясняться“. На такія дни казна отпускала нарядныя шелковыя платья и длинныя перчатки. Въ этихъ туалетахъ воспитанницъ возили на балы къ ихъ кавалерамъ въ кадетскій корпусъ, ко двору, на вечера Бецкаго и другихъ знатныхъ лицъ.—Умѣнье жить въ свѣтѣ императрица считала „дѣломъ“ и немаловажнымъ, своего рода средствомъ для просвѣщенія общества; само же столичное общество того времени очень цѣнило изящныхъ, остроумныхъ увеселительницъ. Понятно, что этотъ отдѣлъ программы отнималъ массу времени отъ другихъ учебныхъ предметовъ: то готовили балеты, то учили роли, то репетировали спектакли, цѣлая опера.

Упражненія по домоводству предоставили „мѣщанскимъ“ дѣвицамъ, для которыхъ вскорѣ открыли особое отдѣленіе при Смольномъ, гдѣ не учили ни иностраннымъ языкамъ, ни танцамъ, но воспитывали умы и сердца представительницъ средняго сословія, тоже нуждавшагося въ духовномъ обновленіи.

Нужно признать, что родители не стремились отдавать дочерей въ новое заведеніе, несмотря на лестное вниманіе къ нему государыни, по необычности и новизнѣ дѣла; пріемы тянулись весь учебный годъ, принимали и 12 и 14-лѣтнихъ вопреки уставу. Въ мѣщанское же отдѣленіе попадали дочери офицеровъ, выслужившихся не изъ дворянъ, мелкихъ чиновниковъ, дьяконовъ и очень мало мѣщанокъ. Системы не удалось провести въ жизнь. Учителей и наставницъ, сколько-нибудь отвѣчающихъ ея задачамъ не находили. Ученіе шло очень плохо, что позже и засвидѣтельствовали ревизоры. Но дѣвушкамъ, пови-

димому, хорошо жилось въ Смольномъ; съ ними прекрасно обращались; онѣ пользовались большою свободой; ихъ баловали вниманіемъ, выдѣляли отъ другихъ дѣвицъ. Екатерина мило подружески переписывалась съ самыми бойкими и остроумными. Первая ученица Ржевская говоритъ въ своихъ запискахъ, что несмотря на баловство, ея подруги были скромны, очень дружны между собой, никогда никого не выдавали; о порокахъ не имѣли понятія; дурныхъ, непріятныхъ дѣвочекъ было мало, и то благодаря лѣни, упрямству, непослушанію и др. дѣтскимъ свойствамъ.—А въ соблазнахъ уже по одной близости ко двору не было недостатка.

Г-жа Лихачева приводитъ любопытные отрывки изъ дневника юнаго графа Бобринскаго, мало стѣснявшагося въ обращеніи со смольнянками; 14, 15-лѣтнія воспитанницы уже играли роль взрослыхъ свѣтскихъ особъ: инныя становились неvěстами, и награжденныя императрицею, изъ классовъ отправлялись подѣ вѣнецъ. Однако, все это еще легко скользило по впечатлѣніямъ. Послѣ выпуска смольнянки часто смѣшили своей наивною, но тѣмъ не менѣе и по развитію и по воспитанности оказались выше обычнаго уровня женской молодежи, и дѣйствительно умѣли быть украшеніемъ и душой общества и семьи.

Какое значеніе имѣла смѣлая инициатива Екатерины относительно образованія можно судить по возникшей къ 70 гг. литературной полемикѣ. Сама императрица не долюбивала „ученыхъ“ людей, тяготилась людьми съ сильными критическими умами, склонными углубляться въ каждый занимающій ихъ вопросъ; они лишены веселости, снисходительности, всегда непрактичны; тѣмъ суровѣе относилась она къ женщинамъ „ударившимся въ высшія науки“.—Знанія считала она только украшеніемъ „воспитаннаго добронравія“.—„Какое есть сходство, писали на страницахъ ея журнала „Всякая Всячина“ (1769 г.), между дворяниномъ, который шьетъ и конфеты варитъ и женщиной, которая упражняется въ математикѣ, астрономіи, военной наукѣ“ и т. д.

Другая статья призываетъ женщинъ въ особое присутственное мѣсто, гдѣ имъ предстоитъ заниматься полезными рассу-

жденіями на темы;—о воспитаніи своихъ дѣтей, о лучшемъ порядкѣ въ домѣ, о способахъ безъ брани и безъ драки воздерживать людей отъ всякихъ неистовствъ, какъ скромностью и снисхожденіемъ угождать мужу, о убавленіи роскоши.—Нѣкоторыя изъ писательницъ ея времени то же высказывались противъ „безполезныхъ знаній“, „ложной учености“, которая помрачаетъ разумъ, вноситъ въ него вмѣсто свѣта ночной мракъ“ (!).

Эти мнѣнія раздѣляла поэтесса кн. Урусова; въ своей поэмы „Полонъ“ она противопоставляетъ „нелѣпой учености“—„образованіе сердца“. Тѣхъ же мнѣній держался ея пріятель Державинъ; онѣ поощрялъ писательницъ, какъ распространительницъ просвѣщенія, но съ большими ограниченіями, и особенно цѣнилъ въ женщинѣ тихую кротость. Онѣ не мирился съ высокимъ положеніемъ кн. Дашковой и называлъ ее „бабой-мужикомъ“. Серьезнымъ писателямъ вторили щеголихи сатирическихъ листовъ;—„Ужестъ, какъ смѣшны ученые мужчины! А наши сестры ученые—о! онѣ совершенныя дуры. Безпримѣрно, какъ онѣ смѣшны! Не для географіи одарила насъ природа красотой лица; не для математики дала намъ острое и проницательное понятіе... Ученая женщина!—фуй, какъ это неловко!“

Въ противовѣсъ этому теченію создалось другое—сторонниковъ важности науки для всѣхъ, не исключая женщинъ. Одновременно съ открытіемъ Воспитательнаго общества въ Смольномъ, въ Москвѣ журналъ „Доброе Намѣреніе“ высказывалъ пожеланіе, чтобы женское образованіе стояло на одномъ уровнѣ съ мужскимъ. Подобная мысль проскользнула и въ провинціальномъ изданіи „Уединенный Пошехонецъ“, Изъ писательницъ рѣдкой широтой взгляда на значеніе образованія, (а не воспитанія только) отличалась сотрудница изданій Новикова, Храповицкая, по мужу Сушкова; она являлась горячей сторонницей вліянія ученыхъ людей, печати, серьезныхъ училищъ. Она осуждала въ письмахъ въ редакцію „ненавистницъ наукъ“, къ какой бы группѣ онѣ не принадлежали, къ женщинамъ „староманернымъ“ или „новоманернымъ“, къ щеголихамъ, жеманницамъ. Въ стансахъ Дашковой, президенту Росс. Академіи, она говорила:

„А ты, сотрудница писателей почтенных!
 Честь пола твоего, свершай толь славный путь...
 ... Чудесное въ сей вѣкъ и новое явленье
 Въ тебѣ, о Дашкова, ученый видитъ свѣтъ;
 Мнѣрва нашихъ дней, гоня предразсужденья,
 Достоинствамъ твоимъ награду подаетъ“.

И это теченіе прочно держалось среди литературнаго круга женщинъ. Ихъ взгляды иногда поддерживали съ высоты кафедръ.

Проф. права Десницкій, окончившій образованіе въ Англіи, въ публичной рѣчи (1775) въ московскомъ университетѣ проводилъ мысль о равноправности мужчинъ и женщинъ, и въ сознаніи этой равноправности видѣлъ одно изъ яркихъ доказательствъ превосходства новой цивилизаціи надъ бытомъ древнихъ временъ, когда драгоценное сокровище—воспитаніе женщинъ и ихъ дарованія, какъ металлъ въ землѣ, были погребены „въ нищетѣ и непомышленіи“. Въ наше же время многія женщины, не уступая мужскому полу, доказали свои способности передо всѣмъ ученымъ міромъ.

Права женщинъ на одинаковое образованіе съ мужчинами вызывали горячіе споры въ началѣ XIX-го в., которые отражались въ стихихъ А. Буниной и статьяхъ Е. Пучковой.

За время Екатерины II въ Смольномъ воспитывалось 1316 дворянокъ и мѣщанокъ; изъ нихъ 850 дѣвицъ окончили курсъ: 440 на благородной половинѣ, 410 на мѣщанской. Въ открытыхъ его народныхъ училищахъ для дѣтей обоего пола, во всей Россіи съ 1781 г. по 1796 г. училось всего 12.595 дѣвочекъ на 164.135 мальчиковъ. Въ 1796 г. учащихся дѣвочекъ считалось 1.121: изъ нихъ 759 приходилось на одну Петербургскую губернію, а 362 на прочія 36-ть.

Вскорѣ по смерти Екатерины въ началѣ XIX в. замѣтно сказались послѣдствія дѣятельности пансіоновъ, Смольнаго, литературы и журналистовъ, призывавшихъ женщинъ занять подобающее имъ почетное мѣсто въ прозвѣщенномъ обществѣ; дочерей, по крайней мѣрѣ среди дворянства, стали учить охотнѣе прежняго; сами дочери охотнѣе и легче учились, благодаря

лучшимъ пособіямъ и болѣе удовлетворительному матеріалу для чтенія. Явился спросъ на русскихъ учительницъ въ помѣщичьи дома, возникли русскіе пансіоны.

Новая руководительница воспитательныхъ учрежденій Екатерины, имп. Марія Ѳеодоровна, приступила къ дѣлу открытіемъ институтовъ для благородныхъ дѣвицъ, преимущественно бѣдныхъ, въ главныхъ губернскихъ городахъ. Наплывъ ученицъ въ Смольный и во вновь открытый Екатерининскій институтъ поддерживалъ ея планы. Въ столицахъ институты открывались иждивеніемъ вѣдомства императрицы, въ провинціяхъ—на счетъ дворянскихъ обществъ. Первыми стали на ноги институты въ Харьковѣ, Полтавѣ, Казани. Тяжелыя войны, особенно отечественная, заставили позаботиться объ осиротѣвшихъ дѣтяхъ; открылись школы для дочерей солдатъ; возникло женское Патріотическое общество, учредившее воспитательныя заведенія для дѣвочекъ разныхъ сословій.

Самая система воспитанія быстро измѣнилась; она стала гораздо практичнѣй. По убѣжденію Маріи Ѳеодоровны, назначеніе дѣвушекъ—быть матерями и хозяйками, но благовоспитанными, изящными, привлекательными, и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно подготовленными, чтобы самимъ воспитывать и учить дѣтей. Дѣвочекъ стали принимать въ институты не моложе учебнаго возраста, 8, 9 лѣтъ. Въ уставахъ многихъ новыхъ институтовъ въ столицахъ и провинціи оговорено подготовленіе гувернантокъ и учительницъ, даже нянь, чтобы бѣдныя воспитанницы могли имѣть заработокъ. Ради этого обращали особенное вниманіе на преподаваніе. —„Мы должны, матерхень, хорошо учить; это самая главная и первая наша обязанность“, писала Марія Ѳеодоровна любимой директрисѣ. Прежнія заботы о балетахъ, операхъ, частые спектакли исчезли. На балы допускали немногихъ родственниковъ, и тѣ не могли свободно сидѣть съ воспитанницами и ходить по заламъ, а отдѣлялись отъ нихъ барьеромъ, черезъ который разговаривали. Впрочемъ, институтъ веселили не мало, самыхъ изящныхъ и красивыхъ возили и ко двору.

О преподаваніи заботились, но организовывали его съ боль-

шимъ трудомъ. Въ Европѣ въ эту пору уже пропагандировались новые педагогическіе приемы Песталоцци и его послѣдователей; но у новыхъ руководителей въ Россіи не было чуткости и отзывчивости Екатерины II. При всемъ вниманіи къ дѣлу, перестали слѣдить за новыми теченіями мысли, легко удовлетворялись знакомымъ, обычнымъ.

Одно время проф. Герману удалось улучшить преподаваніе въ петербургскихъ институтахъ прекраснымъ подборомъ учителей; въ ихъ классахъ появились Арсеньевъ, Плетневъ, Никитенко. Ученицы оживились даже увлекались занятіями. Никитенко самъ было увлекся результатами дѣла. Но рьянымъ лекторамъ скоро дали почувствовать, что ихъ новые приемы объясненій излишни; имъ не должно вдаваться въ теоретическія изслѣдованія и блистать высотой или новизною идей; съ дѣвицами нужно избѣгать учености. Профессора замѣтили, что не въ нихъ сила, а во мнѣніяхъ директрисы и классныхъ дамъ, которыя руководятъ заведеніями. Къ тому же взяла верхъ странная фантазія преподавать учебные предметы на французскомъ языкѣ ради лучшей практики; и хорошіе преподаватели ушли. Однако Никитенко безпристрастно отдавалъ справедливость окончившимъ институтъ,—онъ все-таки образованнѣе тѣхъ, что учились въ гостиныхъ. Даже въ высшемъ кругу общія требованія были очень скромны: дѣвушка должна отлично говорить по французски, имѣть нѣкоторое литературное образованіе, и самыя поверхностныя понятія обо всемъ прочемъ; большихъ знаній боялись, какъ „учености“.

Что касается отношенія начальства и надзирательницъ къ воспитанницамъ, то съ увеличеніемъ числа учебныхъ заведеній и съ торжествомъ практичности, оно стало значительно суше, формальнѣй, чѣмъ въ старомъ Смольномъ при Екатеринѣ II. Дѣвушка, особенно бѣдная, была только ученицей, которую готовили къ страдѣ житейской, отъ которой требовали послушанія и запоминанія того, что всѣмъ знать полагается. Впрочемъ, Марія Ѳедоровна проявляла много вниманія къ судьбѣ окончившихъ ученицъ, особенно бѣдныхъ; она снабжала ихъ денежными пособиями; заботилась о хорошихъ мѣстахъ; кандидатокъ

Николаевского института отпускали наставницами только на жалованье въ 500 руб. и выше. Бывшая институтка всегда могла найти, въ случаѣ необходимости, пріютъ въ институтѣ; въ случаѣ обиды, преслѣдованія могла искать защиты у императрицы.

Этому примѣру слѣдовали и провинціальныя институты. Харьковскій, напр., оговаривалъ въ уставѣ условія брака воспитанницъ. Совѣтъ института входилъ въ разсмотрѣніе нравственныхъ свойствъ претендента и его матеріальныхъ средствъ и давалъ или не давалъ согласія. Родители увѣдомляли совѣтъ о замужествѣ бывшей воспитанницы. Невѣстѣ давали изъ института приданое, даже деньги. Совѣтъ разсматривалъ условія, на которые приглашались кончающія курсъ въ гувернантки или учительницы, разузнавалъ, дадутъ ли ей платье, за какимъ столомъ посадятъ обѣдать. Онъ не отпускалъ дѣвушки въ домъ къ родителямъ, если они оказывались не надежными въ нравственномъ отношеніи.—При такомъ отношеніи къ судьбѣ воспитанницъ понятно отчасти, что установился обычай называть директрису „маман“.

Въ началѣ XIX в. частныя пансіоны были подчинены надзору дирекціи училищъ; имъ предписали преподавать русскій языкъ и предметы среднихъ учебныхъ заведеній, иностранные языки, ариметику, географію, исторію, музыку, танцы, рукодѣліе. Т. Пассекъ, писательница, подруга дѣтства Герцена, говоритъ, что въ ея московскомъ пансіонѣ Данквартъ учили безтолково, зубрежкой; тетради письменныхъ упражненій были полны непонятныхъ іероглифъ, обращались съ дѣтьми сухо, по казенному; для маленькихъ практиковались нелѣпыя унижительныя наказанія,—надѣвали дурацкій колпакъ, водили на веревкѣ по всему зданію. Учили хорошо только музыкѣ. Пассекъ проучилась 2 года; 12 лѣтъ ее перевели въ пансіонъ къ французкѣ Воше, эмигранткѣ, страстной католичкѣ. Главнымъ лицомъ у нея былъ старичекъ аббатъ Малердъ. Оба они бѣжали изъ Франціи въ 1790 г. и открыли пансіонъ въ Варшавѣ, гдѣ воспитывалась Жанета Грудзинская, впоследствии супруга вел. кн. Константина Павловича. Въ Москвѣ Воше принимала всего

25 дѣвочекъ и воспитаніе было почти домашнее. Аббатъ приходилъ изъ католической церкви къ обѣду и оставался до вечера; дѣти восторженно встрѣчали его; онъ ласкалъ отличившихся, бесѣдовалъ съ провинившимися, добивался ихъ прощенія; интересовался занятіями. Учителей приходило трое—священникъ, учитель русскаго языка и знаменитый танцмейстеръ Йогель; все прочее преподавала по французски сама Вошѣ; послѣ древней исторіи она переходила къ исторіи Франціи, восторженно рассказывала о Людовикѣ XVI и Маріи Антуанеттѣ, съ ужасомъ о ихъ казнѣ и террорѣ. Иное дѣвочка слышала у Яковлевыхъ на урокахъ Саши Герцена; тамъ эмигрантъ Буше, бѣжавшій въ разгаръ революціи, хотя никогда не рассказывалъ о ней, но давалъ почувствовать, что былъ участникомъ многихъ событій, рѣзко отзывался о королѣ.

14-ти лѣтъ Таня Пассекъ считалась окончившей необходимый курсъ наукъ; родные перевезли ее въ Корчеву, купивъ въ Москвѣ обновокъ. Бабушка съ дядей провкзаменовали дѣвочку въ танцевальномъ искусствѣ и музыкѣ; она сыграла изъ „Бури“ Штейбельта и оперы „Калифъ Багдадскій“, протанцевала русскую и мазурку; провѣрили, бойко ли говорить по французски, кстати припугнули, что въ уѣздѣ барышни, и не бывавшіе въ пансіонахъ, сильны во французскомъ языкѣ; и начали вывозить дѣвочку на помѣщичьи вечера. Такъ воспитывалась дѣвушка, принадлежавшая къ блестящему кружку передовой молодежи 30-хъ годовъ. Ея литературное образованіе закончилось чтеніемъ историческихъ романовъ, бесѣдами и чтеніемъ съ юношей Герценомъ, занятіями съ его учителемъ, студентомъ Протопоповымъ. Учитель, самъ увлекающійся юноша съ горячей душой и педагогическимъ огонькомъ, разжигалъ любознательность живыми рассказами по исторіи, поклоненіемъ Шиллеру, Гете, своимъ знаніемъ всѣхъ литературныхъ новинокъ въ Россіи. Онъ приносилъ тетрадки съ запрещенными стихотвореніями Пушкина. Темами сочиненій онъ пробудилъ литературный талантъ Герцена, научилъ писать и Таню, будущую издательницу и писательницу. Наступали иныя времена; молодежь заговорила другимъ языкомъ.

VIII.

Петровская европейзація прежде всего повліяла на жизнь столицъ, медленно отражаясь въ провинціи, вмѣстѣ съ передвиженіями женъ чиновниковъ и офицеровъ, привыкшихъ къ нѣмецкому платью и новымъ обычаямъ. Столичное женское общество двинулось на тотъ путь, куда толкнула его реформа, понемногу втягивая въ свѣтскій кругъ представительницъ тѣхъ семей, которыя при Петрѣ не успѣли или опасались фигурировать на нелегкой службѣ бурныхъ увеселеній. Въ первыя два десятилѣтія послѣ смерти преобразователя пышность двора и шумныя уличныя забавы заслоняли отъ наблюденій частную жизнь жителей средняго круга. Придворные перевороты, смѣны временщиковъ очень тяжело ложились на общественныя настроенія. Два правленія женщинъ мало вліяли на смягченіе нравовъ. Доносничество во всѣхъ слояхъ населенія, борьба сильныхъ людей и ихъ сторонниковъ заставляли семьи крѣпко припирать двери внутреннихъ покоевъ и таить за ними свою интимную жизнь, опасаясь даже своей прислуги. Можетъ быть, поэтому нелегко разобратъся въ характеръ жизни широкихъ круговъ общества первой половины XVIII-го вѣка.

Немногочисленное высшее и придворное общество Петербурга, часто переносившееся въ Москву, красовалось среди ослѣпительной роскоши баловъ, феерической обстановки апельсинныхъ рощъ въ бальныхъ залахъ,—обѣдовъ и ужиновъ среди аллей зимняго сада. Народъ то дивился на необычныя охотничьи экспедиціи Петра II и Долгорукихъ, то поражался сказочными маскарадами Анны Іоанновны. Дамы по прежнему оцѣнивались иностранцами по умѣнью носить костюмъ, танцевать, по снисходительности нрава. Но часто веселились на вулканѣ; за балами и маскарадами слѣдовали немилости, ссылки, казни; вслѣдъ за паденіемъ милостивца или главы семьи начинались бѣдствія придворныхъ красавицъ, избалованныхъ судьбой. А страшное „Слово и дѣло“ разбивало существованіе семей видныхъ чиновъ коллегій и приказовъ. Яркій образецъ такой тра-

гедіи сохранился въ записках Толычевой. На ея прадѣда былъ поданъ доносъ зато, что онъ оказалъ милость какому то арестанту. Онъ поплатился имѣньемъ, тюрьмой, здоровьемъ. Его маленькая дочь, помнила ужасъ мрачной темницы, куда онъ съ матерью входили съ фонаремъ среди бѣлаго дня, страшный видъ измученнаго отца. Отпущенный на свободу онъ скоро умеръ. Вдова, погруженная въ бурное отчаяніе, каждое утро надѣвала траурное платье, распускала волосы по плечамъ, брала за руку дочь и направлялась къ палатамъ врага покойнаго мужа, уже елизаветинскаго временщика; садилась на земь подъ окномъ и, не смотря на страхъ и плачь прижимавшагося къ ней ребенка, начинала гробовымъ голосомъ пѣть псаломъ проклятій: „Да будетъ дворъ ихъ пустъ, и въ жилищахъ ихъ да не будетъ живущаго“. А вельможа, пробужденный грозной пѣснью, изъ какого то суевѣрнаго страха не рѣшался отогнать отъ своего порога полубезумную женщину. Скоро закатилась и его счастливая звѣзда, прибавляетъ мемуаристка.

Браки поневолѣ, по царскому приказу порождали въ высшемъ свѣтѣ любовныя связи, нерѣдко прочныя, общепризнанныя, но прилично маскируемыя; онѣ тоже иной разъ кончались трагедіями, какъ гибель красавицы Попухиной, не прощавшей имп. Елизаветѣ ссылки своего возлюбленнаго, Левенвольде. Но простому щеголю еще опасно было громко шутить и хвастать успѣхами среди русскихъ дамъ; его немилосердно выводили на свѣжую воду съ помощью мужей и карали; одинъ такой петиметръ-иностранецъ по вынесенному совмѣстно съ мужьями приговору былъ высѣченъ женскими руками, самихъ дамъ или ихъ прислуги—неизвѣстно. „Щегольство“, которое въ послѣдствіи такъ бичевала наша сатира, особенно въ женщинахъ, еще занимало главнымъ образомъ мужчинъ-петиметровъ; женщины еще не отличались на этомъ поприщѣ.

Вліяніе женщинъ въ политической жизни не замѣтно; въ кружкахъ, составлявшихъ проекты реформъ при избраніи Анны Іоанновны, не замѣшано ни одного женскаго имени. Только значительно позже, при воцареніи Екатерины II выдѣлилась одна Дашкова. Лишь въ расколѣ, особенно въ сектанствѣ, очень

выросло значеніе женщинъ; въ сектантскихъ же группахъ онѣ часто занимали центральное положеніе и пользовались огромнымъ вліяніемъ.

При Елизаветѣ съ 40 хъ годовъ XVIII в. общество понемногу успокаивается отъ тревогъ за завтрашній день; стихаетъ броженіе вокругъ престола. Военная служба облегчается для дворянства, съ привлеченіемъ къ ней солдатъ изъ низшихъ классовъ. Понемногу налаживается общественная жизнь на европейскій ладъ. Накаплился матеріалъ для чтенія, образцы свѣтской литературы, переводные романы и повѣстухи, стишки и пѣсенки, которыя складывали еще „галланты“ петровской эпохи, и съ большимъ развитіемъ грамотности живѣй заходили по рукамъ читателей обоого пола. Женщины средняго дворянскаго круга и столичнаго чиновничества перенимали свѣтскую обходительность и новыя манеры у свѣтскихъ дамъ. Нравы въ столицахъ смягчались; нѣжныя ухаживанья, нѣкоторая тонкость обращенія проникали въ самыя скромныя гостинныя, въ офицерскія квартирки въ казармахъ. Мемуаристъ Болотовъ помнилъ общество своего дяди гвардейца; молодая тетка была „великая щеголиха“ и любила свѣтскую жизнь, однако, не выходила изъ повиновенія мужу; вмѣстѣ съ пріятельницей, такой же щеголихой, она часто выѣзжала и принимала гостей. „Тогда (1751 г.), говоритъ мемуаристъ, вся свѣтская нынѣшняя жизнь получала свое основаніе и начало. Все, что хорошею жизнью зовется, тогда только что заводилось, равно какъ входилъ въ народъ тонкій вкусъ во всемъ. Самая нѣжная любовь, толико подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получала первое только надъ молодыми людьми свое господствіе, и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще мало, но онѣ были въ превеликую еще диковинку и буде гдѣ какая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка была неспускаема“. Быстро, раньше другихъ запомнить новую пѣсенку, новое словцо и составляло „щегольство“, терминъ 70-хъ годовъ, который Болотовъ переноситъ въ жизнь болѣе ранней поры. Собравшись, женщины и мужчины занимались картами, но безъ азарта, ино-

гда и безъ денегъ. По временамъ у дяди Болотова устраивались танцы; иногда компаніей ѣздили кататься на острова и за городъ.

Центромъ такихъ домашнихъ кружковъ, зачинщицами селья являлись женщины, пересиливая старинную власть вина; это уже не тѣ женщины, которыя вслѣдъ за юнымъ царемъ выбѣжали изъ терема на улицу и немедленно бывали охвачены неопрятнымъ разгуломъ улицы; это въ извѣстномъ, очень условномъ, правда, смыслѣ, сдержанныя, нравственно сложившіяся личности, сами устраивающія себѣ обстановку личной жизни. Съ ними появились въ общежитіи болѣе мягкія отношенія людей, больше вкуса и разнообразія въ удовольствіяхъ, больше живости и занимательности въ домашней повседневной жизни. Даже модныя пѣсенки, распространяемыя щеголихами, какъ выраженія личныхъ чувствъ, служили въ свое время средствомъ къ сближенію людей и оживленію общежитія.

Черезъ 10 лѣтъ на женщинахъ столицъ сказались результаты дѣятельности пансіоновъ и прилива иностранцевъ учителей. Какъ ни плохи были ихъ педагогическіе приемы, но они помогли распространенію знанія иностранныхъ языковъ среди дворянства средней руки. Практическое знакомство съ французскимъ языкомъ давало бойкой дѣвушкѣ въ Россіи XVIII в. не мало средствъ для умственного развитія; читая новые романы въ подлинникахъ, иногда кое-какіе популярныя трактаты, книжки нарождающагося русскаго журнала, она находила въ нихъ отзвуки руководящихъ философскихъ идей вѣка; общеніе съ мужчинами, любителями чтенія, помогало ей разбираться въ новыхъ впечатлѣніяхъ и хранить въ сознаніи; матеріалъ женскихъ бесѣдъ обогащался новыми сложными, интересными темами; естественное стремленіе женщины овладѣвать вниманіемъ и распространять свое обаяніе проявлялось въ болѣе разнообразныхъ и болѣе культурныхъ формахъ. Женщина съ потребностями разумнаго общенія, овладѣвъ умѣньемъ схватывать на лету хотя бы поверхностныя познанія, требовала болѣе развитыхъ собесѣдниковъ. Литературное образованіе проникаетъ и въ женскую среду. Воспитанная дѣвушка со знаніемъ французскаго языка, умѣньемъ при-

влекать мужчинъ интересными разговорами очень цѣнились и въ Москвѣ; ими дорожили титулованныя и чиновныя аристократки, какъ украшеніемъ гостиныхъ, особенно привлекавшимъ посѣтителей въ гостепріимные дома. Свѣтскія интересныя безприданницы могли даже отвлекать жениховъ отъ богатыхъ невѣстъ.

Такихъ безприданницъ восторженно описалъ Болотовъ, въ поискахъ невѣсты посѣтившій Москву въ началѣ 1763 г. Его свойственница, жена скупого старика, почти не выезжавшаго изъ дома, оказалась боярыней „умной, расторопной, нарочито бойкой, знающей свѣтское обращеніе“; она старалась жить „какъ всѣ“, съ наблюденіемъ, однако, во всемъ „добраго хозяйства, и благоустройства въ домѣ“. Она взялась руководить молодымъ человекомъ въ столичномъ свѣтѣ. Невеликъ оказался кругъ знакомствъ скромнаго моралиста, но и его пребываніе въ Москвѣ скрасили двѣ дѣвицы Бакѣвы—„обѣ умницы, прекрасныя собой и столь ласковаго и пріятнаго обращенія, и такихъ хорошихъ и благонравныхъ, что онѣ очаровали меня своимъ поведеніемъ“, пишетъ Болотовъ. Младшая была красивѣй старшей, жива, умна, пріятна, одарена всѣми совершенствами обаятельной дѣвицы. Обѣ сестры принимались какъ свои въ домъ кн. Долгорукой, сосѣдки Болотова по имѣнью, гдѣ всегда собиралось большое свѣтское общество, и тамъ пріобрѣли такой отпечатокъ высшаго общества, какъ будто родились въ знатной семьѣ.—Не одна внѣшность плѣняла сельскаго жителя.—„Какой умъ! Какая острота и проницательность! Какое свѣдѣніе обо всемъ! Какъ ласкова и скромна!—восторгается онъ младшей Бакѣвой. „Какіе взоры, какая воровская улыбка“. Страстный любитель чтенія, литературы, театра впервые встрѣтилъ женщину, съ которой могъ говорить обо всемъ, что его интересовало въ этихъ областяхъ. Влюбленный, онъ забывалъ обычныя благоразуміе и расчетливость и склонялся къ женитбѣ на безприданницѣ. Позже въ деревнѣ у княгини одѣтая въ простое сельское лѣтнее платьѣ она показалась ему сущимъ ангеломъ. Но при дальнѣйшемъ знакомствѣ среди сельской непринужденности оказалось, что Бакѣва не скрывала

своего равнодушія къ выгодному претенденту. Она, какъ и сестра ея, была любезна, оживленно бесѣдовала съ Болотовымъ какъ со всѣми, ничѣмъ не отличая его; даже какъ будто иронически относилась къ его сентиментальнымъ увлеченіямъ природой, къ его наивному морализму, къ его хозяйству, его пристрастію къ деревнѣ; не скрывала, что ее больше занимаетъ бесѣда съ подросткомъ сыномъ княгини и его гувернеромъ, бойкимъ, свѣтскимъ французомъ; и сельскому жителю пришлось утѣшать себя размышленіями, что столичная модница-щеголиха не годилась бы въ жены скромному деревенскому хозяину, и искать другой невѣсты среди деревенскихъ сосѣдокъ.

Сестры Бакѣвы даже въ нѣсколько наивной обрисовкѣ Болотова являются яркимъ образцомъ тѣхъ новоманерныхъ свѣтскихъ дѣвушекъ, которыхъ съ легкой руки сатирическихъ листковъ клеймили именемъ „щеголихъ“. Будь онѣ въ самомъ дѣлѣ изломанными жеманницами, грубыми кокетками въ изысканныхъ нарядахъ, съ вычурнымъ языкомъ, имъ не плѣнить бы скромнаго любителя книгъ и философіи. Но безприданницамъ не на что было рядиться; онѣ и въ княжескомъ домѣ одѣты просто и граціозно; внимательныя, любезныя, онѣ съ интересомъ переживали дѣвичьи годы и не спѣшили замужъ, даже привлекая выгодныхъ жениховъ. Эти дѣвушки, плѣнявшія занимательной бесѣдой, не товаръ для брачнаго аукціона, не пожива для свахъ, онѣ уже личности, располагающія собой. Можетъ быть, послѣ неудачнаго замужества, и онѣ завертѣлись бы въ мужскомъ обществѣ, но врядъ ли бы впали въ грубое „маханье“ щеголихъ журнальной сатиры. Несомнѣнно, что въ эпоху Екатерины II распушенность нравовъ широко распространилось въ обществѣ. „Едва вышедши замужъ, молодые женщины пускались открыто въ любовь и куртизанство, давая ту же свободу своимъ мужьямъ“, говоритъ В. Покровский въ статьяхъ о щеголяхъ и щеголихахъ. Иныя дѣвицы, выходя замужъ, заранѣе выговаривали себѣ право на свободную любовь. Француженки-воспитательницы не мало помогали вольности поведенія. Сами мужья вольтерьянцы и сенсуалисты, поклонники французскаго свободомыслія, разрѣшали себѣ широкое пользованіе прелестями

жизни, не только позволяя женамъ, но даже требуя, чтобы онѣ слѣдовали ихъ примѣру. Мужья заставляли женъ промышлять красотой, извлекая изъ этого для себя выгоды. Но нужно вспомнить, что и въ старину, въ XVII в. Московское правитель-ство грозило наказаніями служилымъ людямъ, уступавшимъ за деньги своихъ женъ во временное пользованіе, даже продававшимъ ихъ. Сатира же слишкомъ сгущала краски, слишкомъ утрировала типы своихъ излюбленныхъ жертвъ. Отчасти въ этой вознѣ со щеголихами сказывалось подражаніе сатирическимъ листкамъ, очень распространеннымъ въ Германіи, которые въ свою очередь слѣдовали образцамъ, народившимся въ Англіи. Съ другой стороны въ общей массѣ русскаго общества дѣйствительно совершался важный и весьма чувствительный переломъ. Къ прежней розни между высшимъ классомъ и низшимъ по правовому и экономическому положенію присоединилась новая, обусловливаемая новымъ воспитаніемъ, иными средствами умственнаго развитія; среди свободнаго сословія благородныхъ воспитывались понемногу люди особаго душевнаго склада, непонятнаго народной массѣ, съ другими привычками и другимъ употребленіемъ времени, и перемѣна въ положеніи женщинъ сыграла важную роль въ этомъ обособленіи высшаго сословія. Народъ чувствовалъ, что пропасть между нимъ и правящимъ классомъ становится еще глубже, негодовалъ и высмѣивалъ праздность и пустоту барскаго быта въ пѣсняхъ на старинный ладъ:

— „И судьи, власти то пошли да скривоконны
— И начальнички пошли да все бездѣльны,
У ихъ женушки пошли да бѣлорукіи,
У ихъ дочушки пошли да нечевухи:
И не ткюшки онѣ, да не прядѣюшки.
И одно у ихъ въ умѣ, да одно въ разумѣ,
И все бѣлила то у ихъ, да со румянами,
И какъ хвостомъ вертѣтъ, да какъ ногой тряхиуть,
И не знаютъ то безчестныи, невѣдають,
И што вѣдь домъ вести, не головой трясти“.

Писатели стародумы и патриоты какъ бы вторили народной пѣснѣ въ своихъ сатирахъ; ихъ пугало увлеченіе забавами,

легкая болтовня обо всемъ, не допускавшая серьезнаго обсуждения, порча языка французскими фразами и словечками, и они предостерегали современниковъ отъ пошлыхъ увлеченій и крайностей рѣзкой насмѣшкой и портретами-шаржами.

Среднія дворянки того времени не могли подражать послѣднему крику моды; эта роскошь была доступна тогда только придворной знати; самихъ модныхъ журналовъ не было въ Россіи до конца XVIII в., и наши дамы долго примѣнялись къ нимъ издалика и весьма приблизительно. Городскимъ щеголихамъ не легко бывало привыкать къ сложному помѣщичьему хозяйству; однако, по многимъ свидѣтельствамъ современниковъ, и городскія свѣтскія дамы сами закупали провизію на рынкахъ, и даже женщины высшаго круга сами учитывали управителей и старость своихъ вотчинъ, вели сложную хозяйственную корреспонденцію. Высмѣвая легкомысліе щеголихъ, авторы сатирическихъ статей въ то же время дѣлаютъ ихъ корреспондентками и сотрудницами своихъ журналовъ, видятъ въ нихъ своихъ вѣрныхъ читателей, внимательно слѣдящихъ за литературными новостями. Литературное образованіе, повидимому, считалось одно время принадлежностью щеголихи. Писатель Майковъ называетъ извѣстную писательницу и добрую жену Хераскову „щегольской барынькой“.

Страсть къ увеселеніямъ въ широкихъ кругахъ только росла, достигнувъ, повидимому, апогея въ послѣднее 10-лѣтіе жизни Екатерины II. То была самая блестящая эпоха въ жизни двора и столицы, писала гр. Головина, племянница И. И. Шувалова. Все гармонировало С.-Петербургѣ; городъ былъ полонъ знати. Каждый день собранія, балы, спектакли при большомъ или маломъ дворѣ наслѣдника. Ежедневно собирались по 30—40 человекъ гостей у Разумовскаго, гр. Панина, Чернышева и пр., не считая особыхъ званныхъ обѣдовъ, торжественныхъ праздниковъ и баловъ.

Знатныя семьи Москвы считали необходимымъ появляться по временамъ въ Петербургѣ, представить ко двору дочку, поискать жениха, или завести новыя связи въ высшихъ сферахъ. Въ свою очередь, Москва въ разгаръ веселаго сезона перепол-

нялась провинціальнымъ дворянствомъ; съ декабря сюда съѣзжались съ чадами и домочадцами, съ обозами слугъ и провизіи. Не предприимчивые провинціалы за 2, 3 мѣсяца не часто успѣвали завести новыя знакомства и устраивались по губернскому сосѣдству, составляя калужскіе, тульскіе, орловскіе кружки. Разряженные барыни и барышни наполняли по опредѣленнымъ днямъ тысячными толпами благородное собраніе; многимъ не удавалось, конечно, танцовать; но всѣ провинціалы почтительно любовались на статсъ-дамъ и фрейлинъ со значками, на знаменитыхъ столичныхъ красавицъ и царицъ гостинныхъ; замѣчали новыя моды и надолго запасались впечатлѣніями. Танцовать, устраивать спектакли собирались другъ у друга по частнымъ домамъ. Иныя помѣщицы не тратились на наряды дочекъ; бойкой дѣвушкѣ случалось цѣлый сезонъ отплясать въ томъ же платьѣ, и ничего,—было весело, какъ всѣмъ.—Бойкія столичныя дамы особенно любили маскарады, вольные, общедоступные, гдѣ среди роскоши и блеска царили вольность и равенство, и такъ смѣшивались посѣтители разныхъ состояній, что уже переставали различать людей; эти развлечения отличались оживленіемъ и многолюдствомъ и вносили демократизирующую нотку въ среду веселящагося дворянства.

Яркую картину бурнаго, опьяняющаго веселья, охватившаго русское дворянство къ 80-мъ годамъ XVIII-го в. и участія въ немъ женщинъ даютъ воспоминанія кн. И. Долгорукаго, особенно часть ихъ, озаглавленная „Капище моего сердца“. Свѣтскій человекъ, даже петиметръ, онъ увлекался женщинами по пылкости темперамента, но всегда былъ чуткимъ цѣнителемъ женскаго ума и души, очарованія бесѣды развитой, образованной женщины. Въ „Капищѣ“ онъ набрасываетъ болѣе 150 женскихъ силуэтовъ, отъ императрицъ и великихъ княгинь до мамокъ и горничныхъ, вѣрой и правдой служившихъ его семьѣ. У одной пожилой дамы забавлялись день и ночь, чѣмъ и какъ угодно. Князю случалось съ нею, ея двумя сыновьями-офицерами и жившей въ домѣ барышней, разставивъ по залѣ стулья, цѣлую ночь на пролетъ проплясать между ними кадрили и променады подъ музыку пьянаго крѣпостнаго скрипача. Другая „уда-

лая" барыня веселилась напропалую подь предлогомъ добыванія финансовъ для дочерей; но строгій мужъ подь сердитую руку не стѣснялся расправляться по старому обычаю съ запоздавшей женой, и провожавшая ее съ поздняго катанья молодежь не разъ слышала за воротами дикіе вопли барыни и брань колотившаго ее барина.

Дамы заигрывались въ карты по мужски сплошь на цѣлыя сутки и болѣе; а проигравшись, привлекали къ игрѣ на дому по маленькой пріятелей дома, и позднимъ утромъ посѣтителі заставляли страстныхъ картежницъ въ углу боскетной за тѣмъ же столомъ, гдѣ онѣ садились наканунѣ послѣ обѣда.

Самымъ могущественнымъ средствомъ сближенія молодежи обоихъ половъ сдѣлались спектакли; къ концу XVIII-го в. пора-жало повальное увлеченіе домашнимъ театромъ. Страсть къ благороднымъ спектаклямъ изъ дворцовъ распространилась по знатымъ и незнатымъ домамъ и скоро захватила провинцію. Въ Смольномъ умѣнье держаться на сценѣ было предметомъ преподаванія; играли во всѣхъ великосвѣтскихъ хоромахъ, играли въ среднихъ дворянскихъ домахъ, играли и въ школахъ. Развивающійся интересъ къ чтенію стремился вылиться въ это активное участіе въ жизни героевъ, въ воспроизведеніе типовъ. Полная обезпеченность во всемъ, даже роскошь, и досугъ порождали потребность въ эстетическихъ наслажденіяхъ, въ легкомъ примѣненіи физическихъ силъ. Хлопотливая возня съ выборомъ пьесъ, подготовленіемъ обстановки, балета, ролей, репетиціи давали иллюзію дѣятельности. То было дорогое, но лучшее просвѣщающее удовольствіе. Во всякомъ свѣтскомъ кружкѣ имѣлись свои таланты, свои артисты и артистки. Громадныя хоромы богатей съ ихъ великолѣпными залами могли служить культурнымъ цѣлямъ, а нервная энергія петиметровъ и шеголицъ находила себѣ полезное приложеніе. Нужно сознаться, благородный театръ сослужилъ службу и русскому искусству и литературному образованію. Едва кончался балый сезонъ въ столицахъ, какъ начинались сѣзды въ подмосковныхъ, въ роскошныхъ усадьбахъ магнатовъ, гдѣ городскія забавы разнообразились фейерверками, хороводами, плясками и играми крестьянъ. Про-

скакать 90, 100 верстъ въ дорожныхъ каретахъ только ради бала считалось обычнымъ дѣломъ даже для старухъ и стариковъ.

Въ столицахъ многіе просто держали открытый домъ для всѣхъ, мало мальски знакомыхъ, не подбирая общества. Но иныя, особенно болѣе образованныя представительницы знати научились составлять интересный кружокъ избранныхъ. Въ этомъ смыслѣ выдѣлялся домъ гр. Головиной. вмѣсто ежедневныхъ вечеровъ у нея собиралось небольшое общество, „вродѣ того, которое въ Парижѣ поддерживало старинныя традиции Версаля,— пишетъ А. Чарторижскій. Хозяйка дома остроумная, чувствительная, восторженная, обладаетъ талантами и любовью къ изящнымъ искусствамъ“.

Головина прекрасно рисовала, какъ художница; послѣ нея остались альбомы съ ея рисунками, портретами родныхъ и современниковъ, наброски стараго Парижа. Ея портретъ Потемкина считается знатоками едва ли не лучшимъ по сходству. Ея увлекала и музыка; она пѣла и дѣлала опыты композиціи, съ успѣхомъ выступала въ концертахъ при дворѣ съ романсами своего сочиненія, никогда не впадая въ претенціозный диллетантизмъ, говоритъ издатель ея записокъ. Изучая французскихъ писателей, она достигла легкости, ясности слога и отчасти ихъ остроумія. Впослѣдствіи графиня была извѣстна пріятностью разговора, острой шуткой, быстрой живостью возраженій...

Въ женщинахъ начинаютъ цѣнить „таланты“, arts d'agrement; музыкальность, хорошій голосъ, игра на арфѣ, клавесинѣ, сценической талантъ, наконецъ, литературный придавали женщинѣ большое обаяніе.

Сами женщины, особенно столичнаго общества, больше цѣнятъ и сами себя; чаще заключаются браки по любви, по личному выбору; юноши дѣлаютъ предложеніе лично дѣвицѣ, а не родителямъ; часто случается, что дѣвицы вовсе не спѣшатъ съ замужествомъ и даже не боятся судьбы старой дѣвы.

Первая любовь кн. Долгорукаго, 14-лѣтняя княжна Меншикова, „умная и ловкая“, съ перваго выѣзда имѣла шумный успѣхъ въ московскомъ свѣтѣ, и долго отъ души наслаждалась имъ, даже одна, оставшись сиротой; замужъ же вышла очень поздно,

и въ старости плѣняла живостью ума. Въ Петербургѣ князя плѣнила 30-лѣтняя княжна Щербатова, учившаяся въ Смольномъ. Ея дядя съ теткой держали открытый домъ; нестарая еще княгиня занимала гостей средняго возраста; молодежь вертѣлась около племянницы.—„Простота въ обращеніи, умная бесѣда, пристойное поведеніе, все было занимательно въ этомъ семействѣ“. Юный князь „вытвердивъ лучшія объясненія въ любви, какихъ только начитался въ Элоизахъ и прочихъ романахъ“, на колѣняхъ просилъ ея руки, клятвенно увѣряя въ вѣчной страсти. Княжна спокойно „велѣла мнѣ сѣсть, успокоиться и заставила себя выслушать. Долго она со мной говорила безъ жеманства и безъ жару о неравенствѣ лѣтъ, суетѣ страстныхъ чувствъ“,—такъ тонко отказала, увѣривъ въ своей искренней пріязни, что юноша не только не обидѣлся, но проникся къ дѣвицѣ большимъ уваженіемъ и теплой дружбой. Вліяніе эпохи чувствительности, произведенія Руссо и его нѣмецкихъ современниковъ сильно сказывались на отношеніяхъ Долгорукаго къ женщинамъ; онъ понималъ „любвную“ дружбу и очень цѣнилъ просто платоническую пріязнь съ интересными дѣвицами. Съ одной юной княжной сверстницей они очень сходились во вкусахъ; она была прекрасно воспитана, умна, разсудительна, съ большой выдержкой. Они вмѣстѣ читали, сообщали другъ другу свои познанія; играли роли изъ любимыхъ пьесъ, но съ глазу на глазъ, только для себя. Эта особа съ холодкомъ замужъ не выходила.

„Прекрасно образованная, молодая дѣвушка Вельяминова „вошла въ его сердце“, пишетъ князь. Въ ея семьѣ братья во всемъ отставали отъ сестеръ; она же сіяла, какъ звѣзда, дарованіями ума и сердца. Нехороша собой, она казалась лучше красавицъ выразительностью лица. Такого соединенія прелестей,—charmes, князь ни у кого не встрѣчалъ. Малый недостатокъ семьи не помѣшалъ ей пріобрѣсти тщательное „роскошное“ воспитаніе, знаніе нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ и „многихъ наукъ“. Отсутствіе чувственности только усиливало „чувство сердца“. Они нерѣдко спорили, но всегда умѣли на чемъ либо сойтись. Только первая жена Долгорукаго умѣла такъ владѣть его сердцемъ.

Особеннымъ вниманіемъ князя пользовались воспитанницы Смольнаго или тѣ дѣвицы, которыя приближались къ нимъ по воспитанію; онѣ болѣе другихъ отвѣчали запросамъ представителей свѣтской образованности. Въ его воспоминаніяхъ нерѣдко отражается очень разнообразная судьба Екатерининскихъ цитомецъ.

Занимала его бѣдная сиротка Львова, подъ именемъ „барышни“, проживавшая въ богатомъ домѣ Бороздиной и ея 3-хъ сыновей офицеровъ. Домъ былъ всегда полонъ веселящихся мужчинъ, игроковъ, танцоровъ, любителей домашнихъ спектаклей. Воспитанная „для общества“, съ „талантами“, т. е. съ умѣньемъ пѣть, декламировать, танцевать, держаться на сценѣ, Львова умѣла сдерживать окружающихъ ея барчуковъ и волокитъ. На нея возлагалось множество щекотливыхъ и утомительныхъ обязанностей въ этой домашне-клубной жизни: играть на сценѣ, (конечно, по французски), вести репетиціи, съѣздить, куда пошлютъ, зазывать и увеселять посѣтителей, даже завлекать, если требовала политика семьи; ради хлѣба насущнаго смольнянка врядъ ли могла отъ многого отказываться, и все она дѣлала весело, тактично съ природной сообразительностью. „Милая Львова! Гдѣ ты теперь?“—вспоминаетъ князь.

Въ любомъ сколько нибудь достаточномъ дворянскомъ домѣ крѣпостной Россіи можно было найти пріютившихся дѣвицъ и вдовъ изъ болѣе бѣдныхъ семей; очень юныя воспитывались съ дочерьми дома, постарше—просто проживали, помогая по хозяйству или пріему гостей. Воспитанницъ и бѣдныхъ „барышень“ пристраивали, выдавали замужъ, слишкомъ часто по своему произволу. Другого способа помощи бѣднымъ не знали въ пору натуральнаго хозяйства, какъ взять въ домъ, на готовые хлѣба.

Галерея Долгорукаго даетъ одинъ особенно яркій образъ дочери XVIII-го в.—свѣтской щеголихи—львицы; Нарышкина, урожденная Опочинаина, очерчена имъ немногими словами. Вполнѣ подготовленная для свѣтской жизни, умная, пригожая („мила“, какъ говорили карамзинисты) съ отличнымъ французскимъ языкомъ, прекрасная актриса на благородныхъ спектакляхъ, она на долго завороживала женолюбиваго князя. Ея легкомысленное

„откровенное“ поведение до и послѣ замужества должно бы, казалось, вызывать ревность, тревогу и недовѣріе ея многочисленных поклонниковъ, говоритъ авторъ; но она такъ искусно распредѣляла между ними свое время, что самые взыскательные оставались ею довольны; каждый зналъ, что его часы принадлежать именно ему. Умная дама такъ „сильно и хитро управляла душой“ князя, что удовлетвореніе пылкого обожателя было полное, и онъ до старости чтить ея память, благодарный за дарованное ею счастье.

Первая жена Долгорукаго, Евгенія Смирная, 4-лѣтней дѣвочкой изъ очень бѣдной дворянской семьи была помѣщена въ Смольный институтъ; оттуда вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими окончившими дѣвицами вел. княгиня Марія Федоровна взяла ее къ себѣ во дворецъ подъ надзоръ статсъ-дамы. Тамъ царила въ эту пору ея старшая подруга Е. Нелидова. Евгенія была только миловидна лицомъ, но очень граціозна, прекрасно плѣла, танцевала, особенно отличалась сценическимъ талантомъ, возбуждая общій восторгъ посѣтителей придворныхъ спектаклей; при этомъ она была очень тактична, смѣтлива, „благоразумна“. Князь-пестиметръ, самъ безъ средствъ, плѣнился изящной безприданницей и женился противъ воли родныхъ. За 15 лѣтъ брака, до самой своей смерти, Евгенія была божествомъ мужа; она умѣла прощать ему измѣны, очень цѣнила его любовь къ семьѣ, и всегда умѣла брать верхъ надъ всѣми предметами его увлеченій. Ясный умъ жены и ея увѣренность въ себѣ князь очень высоко ставилъ, и сравненіе съ Евгеніей являлось высшей похвалой женщины въ его устахъ. Его вторая жена, вдова Безобразова, тоже воспитывалась въ Смольномъ.

Несмотря на крайне тяжелыя свойства соціального строя общества, умственное развитіе женщинъ высшаго класса во 2-й половинѣ XVIII-го в. несомнѣнно дѣлало успѣхи. Маленькая кучка правителей и собственниковъ считала себя „народомъ“, призваннымъ служить представителемъ культурнаго государства, каждый свой шагъ для удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей, выпуску иностранныхъ книгъ, нѣсколькихъ картинъ, благородный спектакль—учитывая, какъ патріотическій

подвигъ на пользу просвѣщенія отечества. Но къ общественнымъ дѣламъ въ истинномъ смыслѣ, даже къ усовершенствованію дѣловой и служебной техники—проявлялось большое равнодушіе. Той же близорукостью, самоинѣніемъ, безразличіемъ къ государственно-общественному дѣлу заражались и женщины. Выдающаяся по уму и таланту Дашкова съ успѣхомъ приучала современниковъ считаться съ правомъ женщины на отвѣтственный постъ, но сама сохранила свойства чисто русской барыни выросшей на почвѣ крѣпостныхъ отношеній. Просвѣщенная и гордая графиня Головина не стѣснялась скакать въ лагерь къ Потемкину, чтобы добиться избавленія мужа отъ опасности полковой службы на войнѣ, и его дѣйствительно вернули домой—„къ женѣ, даже если онъ этого не захочетъ“, какъ записали въ приказѣ.

Увлекаясь французской литературой вѣка Руссо и Вольтера, инныя дамы принимали къ сердцу взятіе Бастилии и другія яркія событія первыхъ лѣтъ революціи, но легко смущались и скоро теряли вкусъ къ красивому свободомыслію. Среди представительницъ нашей аристократіи возникла въ эту пору особая склонность къ католицизму, очень усилившаяся въ началѣ XIX в.

Одновременно съ зарожденіемъ нашей общественной жизни начались и первыя выступленія русской женщины въ печати, и какъ разъ въ бурную пору дворянскаго веселья, которымъ до безумія увлекались женщины литературная работа, участіе въ журналахъ стало своего рода модой, почетнымъ украшеніемъ женщины, покровительствовалось самой императрицей-писательницей. Печатались даже переводы юныхъ великихъ княжъ.

Въ ту раннюю пору нашей литературы женщины ни съ кѣмъ не конкурировали, ни у кого не отбивали журнальных страницъ; пишущіе, особенно женщины, принадлежали къ одному и тому же дворянскому слою населенія, привилегированнымъ просвѣтителямъ отечества; привлекая женщинъ къ литературному труду, писатели и издатели проявляли все ту же заботу о просвѣщеніи отечества, которой гордились.

IX.

Въ XVIII-мъ в. помѣстная система исчезаетъ; помѣстья, обращаясь въ вотчины, становятся полною собственностью служилыхъ людей, которые сами постепенно освобождаются отъ обязательной службы, сплываясь въ сословіе привилегированныхъ обладателей земельной собственности и крѣпостного населенія. Помѣщики понемногу возвращаются въ свои имѣнья. Семьи и имущества землевладѣльцевъ не нуждаются въ былой напряженной дѣятельности женщинъ, какъ ихъ представительницъ; сами помѣщицы уже не являются предметомъ особыхъ заботъ правительства. Законъ даетъ женамъ и дочерямъ право на извѣстную долю наслѣдства послѣ мужа и отца, приблизительно въ томъ же размѣрѣ, какъ ихъ прожиточныя доли изъ помѣстной земли; только теперь доли наслѣдства становятся ихъ полною собственностью.

Теперь дворянамъ собственникамъ приходилось увеличивать и улучшать свои владѣнія внимательнымъ веденіемъ хозяйства, выгодными браками, приданымъ жены. Судьба дѣвушекъ по прежнему обезпечивалась приданымъ, зависѣвшимъ и теперь отъ воли родителей. Чтобы не дробить помѣстій, отцы предпочитали награждать дочерей, главнымъ образомъ, семьями крѣпостныхъ, которыя являлись основнымъ имуществомъ многихъ дворянокъ. Среди хозяйства мужа заботамъ помѣщицы предоставлялся домашній отдѣлъ, заготовка провизіи, холстъ, одежда и пр. Ей приходилось распоряжаться трудомъ рабовъ, стоя лицомъ къ лицу съ дворовыми, постоянно сталкиваясь съ самыми мрачными сторонами соціального порядка. Со временъ Екатерины II-й, со введеніемъ губернскихъ учреждений, когда повысились культурныя потребности, жизнь въ провинціи усложнилась и вздорожала, помѣщицы нерѣдко заводили цѣлыя мастерскія кружевъ, тканей и вышиванья, цѣлыя фабрики, конкурировавшія съ купеческими, полностью используя здѣсь трудъ своихъ крѣпостныхъ.

Мужчина-помѣщикъ исполнялъ гражданскія обязанности,

былъ правоспособнымъ гражданиномъ, насколько это допускалъ государственный строй. Женщина, особенно изъ мелко-помѣстнаго слоя, могла проявлять свою дѣятельность и самостоятельность только въ командованіи надъ крѣпостнымъ людомъ, въ постоянной борьбѣ съ ихъ чувствомъ самообороны, среди личныхъ столкновеній, мелкихъ уколовъ владѣльческой гордости. Въ постоянной зависимости то отъ родныхъ, то отъ мужа, только въ сферѣ владѣльческихъ отношеній чувствовала она себя силой и властью. Отсюда масса примѣровъ мелочной злобы, безцѣльной мстительной жестокости, отравлявшей горькое существованіе подданныхъ, наполнявшихъ помѣщичьи усадьбы. Страдая отъ произвола мужа, отъ послѣдствій подневольнаго или случайнаго брака, помѣщица дѣлалась первой помощницей крѣпостника въ расправахъ съ рабами, даже въ насиліяхъ надъ женщинами и дѣвушками, изливая на нихъ собственныя горькія обиды. Культурныя вѣянія медленно проникали въ глубины провинціальной жизни, долгіе годы отражаясь только на поверхности, въ обиходѣ модницъ, когда для особо торжественныхъ случаевъ отпирались парадныя гостинныя.

Въ первой половинѣ XVIII в. вліяніе помѣщицъ на хозяйство и ремесленныя работы крѣпостныхъ проявлялось еще слабо. Въ деревенскихъ усадьбахъ жили по старинной простотѣ; сами усадьбы сохраняли еще неприкосновенной старину XVII в. Только съ освобожденіемъ отъ обязательной службы дворяне вернулись въ родныя гнѣзда, привезли новыя потребности, для удовлетворенія которыхъ завели разныя улучшенія въ хозяйствѣ.

Въ западныхъ провинціяхъ, прилегавшихъ къ польскимъ и недавно завоеваннымъ нѣмецкимъ областямъ, быстрѣе сказывалось вліяніе Европы.

Старшая сестра мемуариста Болотова, жена состоятельнаго псковскаго помѣщика Неклюдова, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XVIII в. жила въ благоустроенномъ домѣ, поразившемъ своей отдѣлкой брата, пріѣхавшаго изъ Каширской глуши; чистая половина его держалась всегда готовой къ пріему гостей. Всѣ дворовые въ усадьбѣ были обучены ремесламъ лично самимъ хозяиномъ. Гости съѣзжались довольно часто; одинъ сосѣдъ при-

возилъ своихъ лакеевъ музыкантовъ. Молодежь танцевала менуэты и контрдансы. Старшіе мужчины и барыни играли въ карты и забавлялись напитками. Развеселившись, переходили къ національнымъ забавамъ; созывались деревенскіе пѣвцы и пѣвицы, заводили хороводы и пляски; тогда и старшіе гости бросали карты и присоединялись къ пляшущимъ. На смѣну танцамъ и картамъ устраивали охоты, рыбныя ловли. Въ ту пору здѣсь чаще сносились съ Петербургомъ; сюда заѣзжали столичные барыни, занимавшіяся свѣтской муштровкой мѣстныхъ недорослей.

Въ центральной Россіи тѣ же записки Болотова рисуютъ инныя картины. Старшіе родичи мемуариста не трогали своихъ жилищъ старинной постройки; ихъ низенькіе домики съ высокими крышами вросли въ землю. Въ одномъ изъ нихъ жила свой вѣкъ мать Болотова, вдова полковника. Большую часть ея дома, какъ, у крестьянъ занимали, сѣни и кладовыя. Изъ трехъ покоевъ большій, залъ, не имѣлъ топки, и наполнялся народомъ только по праздникамъ, когда приходилъ священникъ съ крестомъ. Единственнымъ жильемъ господъ служила угольная, съ огромной печью и кроватью, гдѣ постоянно лежала рано одряхлѣвшая барыня.

Третья комнатка служила одновременно дѣтской, дѣвичьей и лакейской; здѣсь въ юности жилъ мемуаристъ, отдѣленный перегородкой отъ дворовыхъ; перегородка—уже прогрессъ въ сельскомъ обиходѣ того времени. Гости, отставные сержанты и прапорщики петровской службы съ женами въ бострокахъ и русскихъ шушунахъ, съ платками на головахъ, пировали у нея дня по три и спали въ повалку въ томъ же тепломъ покоѣ. Такія же усадьбы находились и въ другихъ селеньяхъ, и большинство изъ нихъ еще пустовало.

Далѣе къ Волгѣ обстановка семейной и женской жизни носила болѣе первобытный характеръ. Въ Арзамасскомъ у. помѣщики жили въ горницахъ на высокихъ „подклѣтахъ“ съ волоковыми окошечками, (помѣщенія для кладовыхъ и для жилья дворовыхъ). Высокая лѣстница вела со двора въ верхнія сѣни, которыя дѣлили жилье на „черную“ кухню, и „бѣлую“ горницу,

единственный барскій покой, обыкновенно безъ перегородокъ. Здѣсь помѣщалась чета помѣщиковъ, ихъ дѣти разныхъ возрастовъ и приближенная прислуга. Члены господской семьи укладывались спать на печи и лавкахъ; дворовые спали въ повалку на полу.

Здѣсь же по зимамъ пировали гости, пріѣзжавшіе на семейные праздники. Богатый столъникъ, дядя мемуариста Данилова, довольствовался двумя такими горницами;—въ теплой жилъ зимой, въ другой—безъ печи—лѣтомъ.

Въ этомъ мало населенномъ земледѣльческомъ краѣ ковыльные степи еще широко раскидывались во всѣ стороны; хлѣба росли „буйные“; стада и табуны всюду находили кормъ. Несложныя потребности помѣщиковъ прекрасно обезпечивались; жизнь долго сохраняла черты старины. При обиліи продуктовъ, здѣсь, однако, страдали недостаткомъ наличныхъ денегъ, что очень затрудняло воспитаніе дѣтей даже для немногихъ семей, сознававшихъ важность знанія, хотя бы простой грамотности.

Сплошная безграмотность, дикая первобытность нравовъ поразили губернатора Державина и его жену, явившихся просвѣщать Тамбовскій край уже подъ конецъ царствованія Екатерины II-й.

Прежде эти восточныя области нерѣдко разорялись отъ мятежей и кочевниковъ, а въ XVIII-мъ и даже XIX в.в. онѣ страдали отъ разбойниковъ, спокойно разѣзжавшихъ отрядами въ 80, 100 человекъ. Разбойничали сами мѣстные помѣщики, нападая подчасъ даже на воеводскіе дома въ городахъ. Славилась разбойничьими похождениями инныя помѣщицы. Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XVIII вв. Кадомская помѣщица унтеръ-офицерша княгиня Енгальчева со своими дворовыми людьми, при участіи священника и дьячка своего села, дѣлала наѣзды на помѣщиковъ и даже на областныхъ чиновниковъ, избивала господъ, людей и крестьянъ брала въ плѣнъ, завладѣвала деньгами и цѣннымъ имуществомъ. Во времена Екатерины II-й славилась вдова коллежскаго регистратора Моисеева; днемъ и ночью, съ шайкой дворовыхъ, вооруженныхъ ружьями и дрекольемъ, тревожила она помѣщицъ усадьбы, выслѣживала, гдѣ собирались гости,

чтобы захватить побольше того, что могла дать семья неприхотливых обитателей сельской усадьбы.

Жизнь сытая, бездѣятельная, безъ возбуждающихъ интересовъ, порождала избытокъ силъ и энергіи, который прорывался въ дикомъ молодечествѣ, въ необузданныхъ порывахъ самовласти.

Послѣ петровскихъ постановленій относительно знакомства другъ съ другомъ брачующихся, молодые люди могли свободнѣй видаться, знакомиться, выбирать; но браки долго устраивались по старинѣ и зависѣли отъ благоусмотрѣнія родителей, для дочерей—вполнѣ, для сыновей—въ значительной степени. Въ городахъ играли огромную роль свахи; въ средѣ сельскаго дворянства сватали родные, рекомендовали жениховъ и невѣсты сослуживцы, товарищи, начальники. Серьезные родители искали для дѣтей „ровню“ по состоянію среди семей одинаковаго достатка и родовитости; охотно выбирали земляковъ своего уѣзда, потому что лучше знали ихъ, и потому, что земли жениха и невѣсты, находясь по близости, легче объединялись въ общее хозяйство.

О любви и взаимной склонности не заикались. Послѣ смотринъ, когда молодые люди впервые видѣли другъ друга, отъ нихъ добивались отвѣта,—находятъ ли они другъ друга „непротивными“. Самые разумные родители находили такой отвѣтъ вполнѣ достаточнымъ, чтобы начать формальное сватовство. Нерѣдко рѣшающую роль при выборѣ жениха или невѣсты играли памятные сны, гаданья. Женились часто очень рано, и еще раньше выходили замужъ. Отецъ писательницы Буниной женился 16-ти лѣтъ. Дѣвушекъ выдавали 14-ти, иногда 13-ти, даже 12-ти лѣтъ. Конечно, въ такомъ возрастѣ мудрено говорить о любви, о сердечной склонности.

Среди немногочисленнаго сельскаго сосѣдства выбора почти не было; едва въ деревенской глуши мелькало подходящее лицо, хорошая партія по состоянію и положенію для дѣвушки-ребенка, родные рѣшали, что случая нельзя выпускать изъ рукъ. Отцы въ чинахъ, съ хорошими связями въ администраціи не торопились со сватовствами, увѣренные, что судьба ихъ дочерей недурно устроится; охотно выжидали жениховъ, не требователь-

ныхъ по части приданого; чтобы не дробить помѣстій, отрѣзывая дочерямъ въ чужой родъ. Такимъ осторожнымъ родителемъ былъ полковникъ Болотовъ, отецъ мемуариста. Ему рекомендовали помѣщика съ хорошимъ достаткомъ, гарнизоннаго сержанта. Родня искала ему не богатую невѣсту, а дѣльную, домовитую дѣвушку изъ строгой семьи заслуженнаго лица. Бракъ счастливо устроился, и полковникъ позаботился о карьерѣ зятя. За Болотовой дали приданого, по сохранившейся описи, деньгами 300 р. и на 300 же платья: шлафрокъ объяринный зеленый на юбкѣ алой, 2-й шлафрокъ алый на юбкѣ голубой, полушлафрокъ желтый полуобъяринный на юбкѣ зеленой тронцеленовой. Всего 4 шлафрока и 3 полушлафрока; 5 корсетовъ (лифа на китовомъ усѣ) объяринныхъ и штофныхъ, 6 шитыхъ шапочекъ, лисья шуба; 2 пары соболей, 3 пары серегъ, однѣ съ алмазами, 2 кольца, 1 холостой дворовый, нянька-вдова, 3 горничныя дѣвушки. При начинавшихъ развиваться потребностяхъ въ дворянской средѣ такое приданое очень скромно, что признаетъ самъ мемуаристъ. Самого полковника въ молодости заботливо женилъ его отецъ на „ровнѣ“, единственной дочери и наслѣдницѣ своего сосѣда и пріятеля, Бакѣева. То была совсѣмъ простая женщина, повидимому, грамотная, умѣвшая писать „про себя“, подписывавшая свои дѣловые бумаги. Частые походы за полкомъ мужа, жизнь съ нимъ въ Лифляндіи среди нѣмцевъ мало повліяли на ея нравъ и обычаи; она любила жить по старинному въ глухой деревенькѣ, по возможности не разставаясь съ теплымъ покоемъ и постелью; подчинялась бойкому священнику-духовнику, умѣвшему ее запугивать. Любопытно, что черезъ 40 слишкомъ лѣтъ, въ началѣ царствованія Екатерины II, по такимъ же соображеніямъ, съ тѣмъ же благоразуміемъ ея единственный сынъ писатель женился на единственной дочери сосѣдки по уѣзду.

Женщины XVIII-го в., оставившія свои воспоминанія, очень скупы на описанія своихъ душевныхъ переживаній во время сватанья и свадьбы; поневолѣ приходится удовлетворяться записками мужчинъ; очень интересны искреннія изліяніями Болотова, подробно описавшаго свои попытки найти себѣ подходящую подругу жизни и соучастницу своихъ литературныхъ увлеченій.

Очень интеллигентный для своего времени, дѣятельный хозяинъ въ своихъ небольшихъ владѣніяхъ, 26-лѣтній Болотовъ считался завиднымъ женихомъ. Его отношеніе къ браку напоминало взгляды Татищева. Вопросъ „о персонѣ супруги“ казался ему важнѣйшимъ въ жизни; жена должна была раздѣлять его вкусы и умственныя потребности,—любить чтеніе и размышленіе, не бояться и нравоучительныхъ трактатовъ; по состоянію быть ему равной: „что бы мой былъ обѣдъ, а женинъ ужинъ“. Сельскій экономъ и философъ желалъ имѣть въ женѣ друга, „съ которымъ я могъ говорить о книгахъ и о ученыхъ дѣлахъ, и которой я могъ сообщить самыя чувствованія души моей, и отъ нея тѣмъ же самымъ пользоваться“. Требованія слишкомъ высокія, невыполнимыя въ провинціи его времени, когда приходилось искать невѣсту съ помощью свахъ и знакомиться на смотринахъ. Молодой человѣкъ не имѣлъ знакомыхъ дѣвицъ въ мало населенныхъ усадьбахъ уѣзда. Пришлось съ помощью посредниковъ ѣздить на смотрины. Въ домѣ родственника генерала писатель смотрѣлъ его подроставшую падчерицу. Дѣвица оказалась недурной лицомъ, но слишкомъ юной, и такого простого деревенскаго воспитанія; что женихъ сразу нашелъ ее неподходящей:—„все что-то находилъ въ ней несогласнымъ со своими мыслями и желаніями, и никакъ не могъ примѣниться къ ней мыслями“.

Расхвалили другую невѣсту; Болотовъ поѣхалъ въ домъ, гдѣ его давно педжидали и прочили за него дочку. Эта дѣвица оказалась недурной, но—„гораздо посидѣвшей и такой дородной“, что одинъ взглядъ на нее привелъ въ замѣшательство; къ тому же она „разрядилась впрахъ, нарумянилась и набѣлилась и казалась такой подражательницей московской свѣтской жизни, въ поступкахъ, разговорахъ и поведеніи такой вольной“, что моралистъ испугался, что дѣлать съ такой модницей въ деревнѣ? Послѣ трехъ опытовъ писатель прекратилъ смотрины, найдя свое положеніе искателя тяжелымъ и глупымъ. Однако, въ Москвѣ далъ себя свезти въ родовитую семью Палицыныхъ, гдѣ ему представили трехъ сестеръ невѣстъ, неподвижно, какъ куклы, сидѣвшихъ вдоль стѣны. Въ столицѣ модное воспитаніе ото-

мстило за себя; по справедливому замѣчанію Татищева—веселость нрава и живость обращенія дѣвушекъ болѣе всего привлекаетъ юношей; Болотовъ плѣнился бойкой, граціозной Бакѣвой, но благодаря ея холодности поборолъ увлеченіе и благоразумно обратился къ „запасной“ невѣстѣ, 12-лѣтней дѣвочкѣ, смущавшей его только своею юностью. Какъ „ровня“, она была самой подходящей; единственная дочь и наслѣдница, воспитанная матерью вдовой и теткой, разумными, скромными особами съ хорошимъ родствомъ, какъ семья Арцыбашева, автора „Повѣствованія о Россіи“. Деревеньки сироты находились близъ помѣстій Болотова. Мать и тетка тоже не хотѣли выпускать изъ рукъ хорошаго жениха. На смотринахъ въ обычномъ дамскомъ разговорѣ съ родственницей Болотова участвовала только тетка; молодая еще мать отъ волненія не могла говорить. Дѣвочка поразила писателя сходствомъ съ невѣстой, видѣнной недавно во снѣ; онъ внимательно всматривался, но при всемъ желаніи не могъ найти въ ней ничего плѣнительнаго; въ ея лицѣ и всемъ образѣ было такъ много дѣтскаго, что она „не могла вызвать въ немъ особаго чувствія“,—какъ взрослая дѣвица; она была высока ростомъ не по лѣтамъ и не представляла ничего непріятнаго, чѣмъ и приходилось довольствоваться; заговорить съ нею Болотовъ не рѣшился.

Сосѣдка-посредница сообщила, что женихъ очень понравился дамамъ, но отъ самой дѣвочки не могли добиться отвѣта, какъ находить жениха; она сконфуженно пряталась или начинала плакать, однако, не просила, чтобы прекратили сватанье и оставили ее въ покоѣ; значить женихъ ей—„не противень“, и она не прочь отъ замужества, рѣшили старшія, и, должны быть, были правы по условіямъ жизни своего времени. Чуть было не смутила дѣвочку другая сосѣдка, увѣрявшая, что Болотовъ все сидитъ за книгами и, должно быть, чернокнижникъ; невѣста плакала, пока ее не увѣрили, что это вздоръ.

По обоюдному соглашенію формальное сватовство и сговоръ отложили на годъ, когда невѣстѣ сравняется 13 лѣтъ. Писатель рѣшилъ, что юную, неиспорченную свѣтомъ и модами дѣвушку онъ сможетъ воспитать по своему, развить въ ней любовь къ чтенію,

и сталъ переводить для нея книги. Онъ сильно волновался, какой-то окажется суженая, однако, весь годъ не пытался поведаться и познакомиться съ невѣстой; должно быть, это считали неудобнымъ и страннымъ въ дворянскомъ обиходѣ; свободой обращенія пользовались только „щеголихи“.

Явившись на сговоръ, онъ чуть было не принялъ за невѣсту постороннюю барышню, и очень обрадовался, когда увидалъ нарѣченную выросшей и похорошѣвшей, теперь очень привлекательной; но и тутъ не сумѣлъ съ ней заговорить. Изрѣдка посѣщая невѣсту до свадьбы, Болотовъ не видѣлъ отъ нея ни ласки, ни пріязни. Такъ и не довелось ему испытать удовольствія, какое находятъ другіе женихи въ обществѣ взрослыхъ любезныхъ невѣстъ, пишетъ онъ въ запискахъ. Свадьбу сыграли скромно, однако, съ танцами, добывъ крѣпостныхъ музыкантовъ. По старинному обыкновению, отъ котораго Болотовъ не посмѣлъ отдѣлаться, какъ не осуждалъ его, жена-ребенокъ подверглась въ брачную ночь торжественнымъ поздравленіямъ отъ ожидавшихъ приглашенія въ спальню гостей. Не посмѣлъ онъ отмѣнить обычай и гораздо позже на свадьбахъ дочерей. 13-лѣтняя дѣвочка стала женщиной и точно нравственно захирѣла отъ слишкомъ ранняго перелома жизни. Она апатично относилась къ мужу, и ко всему, чѣмъ онъ старался занять и заинтересовать ее; въ молодыхъ годахъ ее ничто не занимало ни въ домѣ, ни въ хозяйствѣ. Это долго и глубоко огорчало мемуариста; большимъ утѣшеніемъ послужили ему живость и отзывчивость еще молодой тещи, которая стала для него пріятнымъ собесѣдникомъ и товарищемъ въ его работахъ и предпріятіяхъ.

Черезъ 1½ года съ большими опасностями для здоровья 14-лѣтняя жена стала матерью; были другія дѣти; съ 20-ти лѣтъ она долго хворала женскими болѣзнями и истерикой. Только въ зрѣлыхъ годахъ воля ея окрѣпла и она овладѣла своимъ положеніемъ старшей въ домѣ и стала совѣтницей мужа въ семейныхъ дѣлахъ. Обѣ, мать и дочь, отличались религіозностью на старинный ладъ; строго соблюдали всѣ посты, несмотря на протесты писателя; часто разѣзжали по богомольямъ. Такова судьба совсѣмъ простой деревенской дворянки, какихъ было

очень много, какую герой „Семейной хроники“, Степанъ Михайловичъ Аксаковъ, напрасно сулилъ своему сыну, чтобы отвлечь его отъ городской щеголихи Зубовой.

Иначе сложилась она у оригинальной и способной Анны Лабзиной, жены выдающагося вольтерьянца своего времени.

Ея отецъ, умирая, поручилъ маленькую дочь заботамъ на рѣдкость преданной и умной няни. Мать ея, очень болѣзненная, отличалась рѣдкой гуманностью. Ея величайшей отрадой были посѣщенія заключенныхъ по тюрьмамъ, раздача милостыни и утѣшеній, заботы о ссыльныхъ. Въ домѣ вокругъ дѣвочки всѣ работали на бѣдныхъ и заключенныхъ; мать сама лечила приходившихъ къ ней больныхъ, водила дѣвочку въ тюрьму, гдѣ всѣ кормились ея заботами, и тамъ перевязывала раны. Особенно много хлопотъ доставляло прибытіе прикованныхъ къ одной цѣпи или пруту каторжанъ.—„Ежели ты будешь въ состояніи дѣлать добро для бѣдныхъ и несчастныхъ, ты исполнишь законъ Христа!“—говорила она дочери, и дочь была свидѣтельницей глубокой преданности и почтенія, съ какими несчастные люди относились къ ея матери. Дѣвочку держали сурово и строго, на простой пищѣ, въ холодѣ, приучали къ труду, напоминая, что и она можетъ испытать бѣдность; росла она крѣпкой, здоровой, сильнѣе и подвижнѣе мальчика. Восторженную до мистицизма религіозность, она унаслѣдовала отъ обѣихъ воспитательницъ.

Удивительная мать-гуманистка проявила большую немилость къ дочери. Она сильно хворала, когда пріѣхалъ, окончивъ курсъ за границей любимый ученикъ ея мужа, ученый геологъ Карамышевъ, скоро достигшій извѣстности. Боясь оставить дочь одну на свѣтѣ безъ покровителя, больная, не предупредивъ дочери, дала за нее слово присвѣтававшемуся Карамышеву; она вѣрила ему въ память мужа. Ошеломленная дѣвочка пассивно слушала строгія наставленія, какъ отнынѣ должна во всемъ повиноваться мужу.

Карамышевъ оказался приверженцемъ грубаго сенсуализма, возводимаго имъ въ основной принципъ жизни. На глазахъ жены онъ открыто сожительствовавалъ со своей племянницей; дѣтски добродушное отношеніе его жертвы къ его

измѣнамъ доставляло развратнику особое наслажденіе. Онъ лишилъ ея вѣрной няни, не пускалъ къ умирающей матери; горе бѣдняковъ, оплакивавшихъ благодѣтельницу только раздражало умнаго и жестокаго ученаго. Скоро онъ началъ донимать жену, почему она не имѣетъ любовниковъ, самъ приводилъ къ ней поклонниковъ, а за рѣшительные отказы религіозной женщины колотилъ ее подъ сердитую руку. — „Нѣтъ грѣха и стыда въ томъ, что-бы въ жизни нашей веселиться, поучалъ ученый юную жену; ты все будешь моею милой, и я увѣренъ, что ты вѣчно меня любить будешь, а это только временное удовлетвореніе.“ — На ея протесты противъ грѣховности его жизни: онъ отвѣчалъ: „Какъ ты мила, когда начинаешь философствовать! Я тебя увѣряю, что ты называешь грѣхомъ то, что только есть наслажденіе натуральное, и я не подверженъ никакому отвѣту“. Самъ онъ пилъ и развратничалъ въ любой компаніи; дома пьяный иногда билъ жену, раздѣтую выгонялъ изъ дому. Къ счастью у нея не было дѣтей.

Въ Петербургѣ 16-лѣтняя Анна попала въ среду, благоприятную для умственнаго развитія женщины. Мужъ и жена Хераскова, оба писатели, очень полюбили ее и оказали на нее огромное вліяніе. Ея религіозность и нравственный закалъ только укрѣпились. Хорошія знакомства дали толчекъ ея дремавшимъ способностямъ. Она быстро научилась интересоваться литературой и занялась самообразованіемъ посредствомъ чтенія. Нравственная выдержка, кротость, энергія, а потомъ и начитанность привлекали къ ней вниманіе и симпатіи. Сама она особенно увлекалась сочиненіями мистиковъ XVIII-го в.

Второй мужъ ея, извѣстный писатель масонъ Лабзинъ, нашелъ въ ней страстную послѣдовательницу масонскихъ ученій и дѣятельную помощницу въ своихъ предпріятіяхъ и изданіяхъ. Женщины не принимались въ члены масонскихъ кружковъ, что не мѣшало Лабзиной энергично помогать организаціи ложъ; она умѣло содѣйствовала объединенію масоновъ, проповѣдывала, убѣждала, поддерживала духъ колеблющихся; помогала она мужу и въ созданіи „Сіонскаго Вѣстника“; сопровождала его подъ старость въ Сибирь, куда онъ былъ сосланъ за выходку про-

тивъ Аракчеева. Благодаря столичнымъ литературнымъ кружкамъ провинціалка Лабзина выросла умственно въ оригинально-интеллигентную вліятельную женщину.

Въ сельской глуши живыя и сильныя характеромъ женщины съ трудомъ выдѣлялись изъ общаго уровня, если богатство, власть, особый случай не помогали имъ. По „Семейной Хроникѣ“ С. Аксакова извѣстна жена другого вольтерьянца, Куроѣдова. Богатая наслѣдница, двоюродная сестра героя „Хроники“, до 14-ти лѣтъ росла на деревенскомъ привольи въ далекомъ Уфимскомъ краѣ. Новый небогатый сосѣдъ Куроѣдовъ обворожилъ всю округу любезностью, остроуміемъ, особенно дамъ и въ томъ числѣ родственницъ сироты; ее же подкупилъ дорогими куклами, шумными забавами и катаньями; и дѣвочка безъ вѣдома опекуна Аксакова оказалась съ нимъ обвѣнчанной. По образованію, начитанности въ просвѣтительной литературѣ вѣка Вольтера Куроѣдовъ былъ бы выдающимся явленіемъ въ русской провинціи. Авторъ краткихъ и малоизвѣстныхъ „Записокъ челоуѣка“ рассказываетъ, что встрѣчался съ молодымъ Куроѣдовымъ въ Пензѣ, и навсегда сохранилъ о немъ благодарную память, за то, что тотъ разбудилъ его мысль, открылъ цѣлый міръ идей, снабжая его книгами, научилъ думать надъ прочитаннымъ. Послѣ женитьбы богатство, власть надъ крѣпостными жены и раболѣпство администраціи вскружили Куроѣдову голову, а теорія наслажденій всѣми благами жизни—обратила его въ распутнаго крѣпостника. Онъ не развращалъ жены, какъ бѣднякъ Карамышевъ; ему, ея управляющему, врядъ ли была бы выгодна ея вольная жизнь; но не интересовался ея духовнымъ міромъ, не пытался развить ее, юную, умную и вполне ему преданную. Властный крѣпостникъ утратилъ вкусъ къ міру идей, который занималъ его, небогатаго чиновника. А жена, избавившись отъ мужа, осталась по старому избалованной помѣщицей съ суховатымъ умомъ, славившейся гостепріимствомъ, любительницей картъ. Куроѣдову совершенно затмѣваетъ въ „Хроникѣ“ блестящій образъ матери автора, М. Зубовой.

Незадолго до губернской реформы жизнь въ провинціи понемногу оживлялась; сосѣди иногда сѣзжались, веселились,—

даже въ глухихъ центральныхъ уѣздахъ; кое гдѣ появлялись оркестры крѣпостныхъ. На свадебныхъ праздникахъ Болотова играла музыка, и немного танцевали. Его часто посѣщали сосѣди и весело проводили время за разными забавами; а въ началѣ 70-хъ годовъ на Рождество и на Пасху не проходило дня, чтобы домъ не былъ полонъ гостей; играли въ старинныя русскія и иностранныя игры, иные танцевали, но танцевальныхъ вечеровъ еще не устраивали. Собирались только дворянскія семьи и молодежь; и среди женщинъ только дворянки, хотя бы неграмотныя, грубыя, совсѣмъ простыя женщины, однѣ признавались за приличное общество; — „будучи настоящими подъяческими женами и самыми охреянками не могли дѣлать имъ компаніи“ — говоритъ Болотовъ про женъ богородицкихъ канцеляристовъ, одно время единственныхъ сосѣдокъ его жены и тещи.

Съ введеніемъ новаго управленія жизнь быстро шагнула впередъ. Въ города на дворянскіе выборы собирались окрестные помѣщики разныхъ достатковъ, разныхъ культурныхъ ступеней съ женами и дочерьми, людей посмотришь, другіе и себя показать. Развлеченія, до того знакомыя только столицамъ, балы, маскарады, театральныя представленія перенесли въ губернскіе города и становились обычной принадлежностью дворянскаго быта. На дворянскихъ сѣздахъ жители уѣздной глуши входили въ соприкосновеніе съ высшими и даже столичными представителями сословія. Привычки и потребности жителей столицъ проникали въ глубь провинцій и разносились по скромнымъ усадьбамъ. Для ихъ удовлетворенія быстро измѣнялись жилища помѣщиковъ даже средней руки. Усадьбы перестраивались или сносились, уступая мѣсто новымъ свѣтлымъ домамъ съ террасами, балконами, вышками ради красивыхъ видовъ, о чемъ не помышляли въ старину. Свѣтлая гостиная или диванная дѣлалась необходимой принадлежностью порядочнаго дома. Ея главнымъ украшеніемъ, необходимыми участницами пріемовъ и собраний являлись женщины дворянской семьи.

Открытія намѣстничествъ расшевелили сонныя захолустья; раскошелившись, помѣщики везли семьи даже съ дѣтьми въ

городъ. Юное поколѣніе поражалось невиданными зрѣлищами; да и матери семействъ въ возрастѣ Болотовой удостаивались перваго выѣзда въ свѣтъ. Здѣсь набирались неотразимыхъ впечатлѣній, имѣвшихъ нерѣдко рѣшающее значеніе на воспитаніе молодыхъ поколѣній, на ихъ дальнѣйшую жизнь. Провинціалки разныхъ возрастовъ бросились учиться танцевать. Не танцующая дѣвица не имѣла мѣста въ губернскомъ свѣтѣ, рисковала спуститься до уровня невоспитанной деревенщины. Заботы о костюмахъ выросли до тревожныхъ размѣровъ, незнакомыхъ старинѣ. Губернаторши, жены предводителей, нерѣдко и другихъ губернскихъ чиновъ, въ иную пору лица неизвѣстныя и незамѣтныя, теперь, особенно, если вышли изъ Смольнаго, по справедливому замѣчанію современника, оказывались необходимыми членами губернской администраціи. Обѣ первыя дамы обязывались объединять общество; онѣ же являлись законодательницами моды и хорошаго тона. Страсть къ развлеченіямъ быстро охватывала провинціаловъ. Молодежь, дѣти, подъ впечатлѣніемъ видѣнныхъ въ городѣ представленій, принимались дома устраивать театры. Такъ было у Болотова; эта игра и декламация дѣтей заинтересовали его, и онъ принялся устраивать домашніе спектакли, имѣвшіе огромный успѣхъ среди сосѣдей. Его старшая дочь лѣтъ съ 13-ти считалась одной изъ лучшихъ танцорокъ въ губерніи. Увлеченіе танцами, страсть къ увеселеніямъ въ его семьѣ, какъ и въ другихъ, мирно умѣщалась рядомъ съ набожностью на старинный ладъ, постничествомъ и богомольями.

А все таки старинное разобщеніе половъ чувствовалось повсюду и очень сильно. Въ широкихъ кругахъ общества дѣвушки и въ 40-хъ г.г. XIX-го в. рѣдко могли сдѣлаться истинными членами общества; ихъ наряжали, торопливо бросали на руки кавалеровъ, поощряя танцевать до упаду; — но пляска кончена, и дѣвицы опять сидятъ какъ куколки по стѣнкамъ, стыдливо не подымая глазъ на мужчинъ, занимая бесѣдами другъ друга. Старыя понятія о скромности не мирились со свободнымъ обхожденіемъ дѣвушекъ съ мужчинами; самостоятельныя бесѣды, смѣлое обращеніе все еще считалось привилегіей щеголихъ. Только выдающіеся люди или живые просвѣщенные петиметры, какъ кн. Долгорукій

писатель, дорожили общеніемъ съ женщинами; да въ концѣ вѣка Екатерины новые люди, герои чувствительности, умѣли сбрасывать пути старины. Даже смѣшной сентименталистъ Шаликовъ негодовалъ на запуганность женской молодежи въ своемъ „Путешествіи по Малороссіи“:—сидитъ юная особа среди общества, какъ бы не слыша и не понимая; но стоитъ только разговорить ее, она оживится и проявитъ бойкое соображеніе, даже умъ.

И браки въ массѣ заключались по старинѣ смотринами и сватовствомъ безъ личнаго знакомства. Старшая дочь Болотова, танцовка, до 22-хъ лѣтъ не имѣла жениховъ; за нею подросли другія сестры, и она послѣ долгихъ колебаній, успокоившись на знаменательномъ снѣ, согласилась дать слово неприятному, почти незнакомому челоуку и „подала отцу руку“ въ знакъ того, что идетъ добровольно. Слѣдующихъ дочерей лучше воспитывали, но и самая красивая изъ нихъ смиренно ждала, когда колебавшійся претендентъ благоволитъ назначить сговоръ. Бывало, что на самый сговоръ женихъ присылалъ отказъ, раздумалъ жениться; и такой поступокъ не считался за особую обиду, а просто за житейскую неприятность.

Когда кто-то посватался къ сестрамъ, предоставляя родителямъ рѣшить, которую изъ нихъ выдать, у Болотовыхъ собрался семейный совѣтъ; а обѣ дѣвушки сидѣли рядомъ въ темной комнатѣ, „какъ оглашенныя“, съ волненіемъ ожидая рѣшенія своей участи. Выйдя къ нимъ, отецъ попробовалъ пошутить,— „а онѣ вставъ обѣ поцѣловали молча мою руку. Сцена сія была для меня самая трогательная и такая, что глаза мои смягчались слезой чувствительности“, пишетъ мемуаристъ.

Съ перенесеніемъ въ провинціи столичной культуры, появленіемъ институтокъ и пансіонерокъ въ обновленныхъ усадьбахъ завелись переводные и французскіе романы, собранія иностранныхъ и русскихъ авторовъ просвѣтительнаго вѣка; зазвучали клавикорды и арфы. Помѣщицкіи дочери изъ болѣе способныхъ получили матеріалъ для упражненія въ грамотѣ и французскомъ языкѣ. Литература сентиментальнаго направленія внушала новое пониманіе жизни чувства, болѣе полной и разнообразной съ новыми оттѣнками отношеній къ мужскому обществу. Измѣни-

лись и расширились понятія о скромности подъ вліяніемъ новаго литературнаго направленія и новаго воспитанія, научившихъ особенно цѣнить въ женщинахъ чувствительность, отзывчивость на впечатлѣнія. Среди веселящихся и богомольныхъ появлялись женщины съ дѣятельными умственными интересами, любившія бесѣдовать и даже спорить въ мужскомъ обществѣ. Дочь товарища Оренбургскаго намѣстника, М. Н. Зубова, мать автора „Семейной Хроники“, красавица, умная, съ пылкой душой, только съ 17-ти лѣтъ успѣвшая кое-чему поучиться съ учителями братьевъ, принимала весь городъ, вела дѣловую переписку больного отца, писала и говорила прекрасно, почти талантливо. Всѣ, кто появлялся въ краѣ изъ образованныхъ выдающихся людей того времени, посѣщали дѣвицу Зубову, переписывались съ нею, восхищались ея письмами. Страстная и впечатлительная, увлекавшаяся и увлекавшая, она блистала, какъ рѣдкій самородокъ; но, странно, невѣстой не считалась; должно быть, въ ту пору за Волгой интеллигентная женщина слишкомъ выдѣлялась изъ общаго уровня и не подходила къ обычной мѣркѣ жены помѣщика или провинціального чиновника. За то, удовольствовавшись скромнымъ Аксаковымъ, она рѣшила сама заняться умственнымъ развитіемъ мужа, что до сихъ поръ составляло привиллегію мужей по отношенію къ женамъ.

Выдающіеся люди очень цѣнили интеллигентныхъ женщинъ. Въ дикомъ Тамбовскомъ краѣ губернаторъ Державинъ со своей бойкой женой, собирая все мѣстное дворянство, задавались широкими просвѣтительными цѣлями. Устроивъ уроки танцевъ въ губернаторскомъ домѣ, они попутно пытались привлечь дамъ и дѣвицъ къ занятіямъ русской грамотой и словесностью; для дамъ болѣе просвѣщенныхъ, побывавшихъ въ столицахъ, заводили литературныя собранія, что бы побудить ихъ поработать самихъ на пользу словесности. На танцы съѣзжалось болѣе 150 дамъ; успѣхи другихъ уроковъ сомнительны. Но опытъ литературнаго салона въ Тамбовѣ принесъ свои плоды; нѣкоторыя посѣтительницы воодушевились, взялись за переводы и издали свои труды. Особенно отличилась Е. Нилова переводомъ философскаго романа „Графъ Вальмонъ или заблужденія разсудка“

въ 7-ми томахъ. Свѣтская дама долго и добросовѣстно боролась съ большими трудностями передачи замысловатыхъ французскихъ оборотовъ на нашъ бѣдный еще языкъ, но зато приобрѣла славу литератора. Съ отъѣздомъ Державиныхъ жизнь въ краѣ замерла, но тѣ, кому они привили вкусъ къ умственнымъ занятіямъ, остались вѣрными любви къ литературѣ.

Въ 90-хъ годахъ кн. Долгорукій нашелъ въ провинціи бѣе черезъ край веселье, мѣстами интересныя свѣтскія „круговеньги“, какъ онъ выражается и отмѣтилъ не мало достойныхъ вниманія дамъ и дѣвицъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ „увязъ“ въ обществѣ красивой барыни Прокудиной, которая блистала приемами въ богатѣйшихъ для провинціи палатахъ. Въ Пензѣ, гдѣ князь служилъ вице-губернаторомъ, нашелъ своего рода гетера, некрасивая, но плѣнительная, съ самыми „соблазнительными ухватками“. Она имѣла „хорошія поверхностныя познанія“, умъ достаточный для общежитія, была начитана по части романовъ и стиховъ. Отецъ ее баловалъ, но благодаря обычнымъ приемамъ сватовства, она оказалась замужемъ за пьянымъ и дикимъ человѣкомъ, который подъ пьяную руку сажалъ ее въ собачью конуру; и князю пришлось содѣйствовать ея освобожденію отъ мучителя.

Придворная смольнянка княгиня нашла себѣ пріятельницу и друга для семьи въ лицѣ скромной чиновницы, стоявшей по образованію „выше сферы своего мужа“, по выраженію записокъ. Пріятная собесѣдница, она въ свою очередь находила въ домѣ писателя нравственную поддержку своимъ духовнымъ потребностямъ. Любитель женскаго общества встрѣчалъ и дѣвицъ „отличнаго ума и дарованія“; одну изъ нихъ цѣнилъ за любовь къ горячимъ спорамъ. Въ сельской глуши его привела въ восторгъ и умиленіе дѣвица Кошкарева. Въ совсѣмъ простой семьѣ выросла дѣвушка съ удивительными способностями; зная только деревню, не выѣзжая даже въ Пензу, — „она сумѣла приобрести всѣ преимущества роскошнаго воспитанія“, прекрасно говорила и писала по-французски, хорошо играла на клавинохъ, отлично рисовала... Эти таланты — принадлежности женской интеллигентности „для свѣта“ того времени. Ближе къ

Москвѣ, во Владимірской губ., густо населенной усадьбами, встрѣчалось еще больше воспитанныхъ и любезныхъ женщинъ. Въ Шуѣ нашлась жена городничаго, „милая и пріятная дама во всѣхъ отношеніяхъ. Она не видала большого свѣта, но по природнымъ качествамъ и такту могла бы всюду представиться; она обладала прелестями кроткаго нрава и образованнаго ума“... Въ самомъ концѣ XVIII-го и въ первые годы XIX-го в. столичный щеголь радовался появленію въ провинціи немногихъ дамъ „пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ“; въ 40-хъ годахъ онѣ въ свою очередь сдѣлались предметомъ сатиры.

Еще ранѣе Вигеля князь познакомился съ оригиналкой Турчаниновой, которая изучала латинскій языкъ, въ Одессѣ и Москвѣ собирала у себя профессоровъ, интересовавшихся ея бесѣдой, и находилъ вполне естественнымъ въ женщинѣ интересъ къ знанію. Даже въ старосвѣтскихъ семьяхъ, какъ семья Степана Михайловича Аксакова, младшая дочь, не получившая никакого воспитанія, по словамъ ея племянника, очень любила читать, берегла каждый добытый романъ и книжку стиховъ; она очень любила природу и сады, и на своихъ излюбленныхъ мѣстахъ вырѣзывала на деревьяхъ цѣлыя стихотворенія. Литературные вкусы не мѣшали ей тщательно и упорно копить себѣ приданое; въ ея собственной огромной кладовой хранились сундуки бѣлья, ящики не портящейся провизіи, бочки колотого сахара и т. д.

Иныя любительницы чтенія заражались недовольствомъ окружающей жизнью, не мирились со случайными и неудачными браками и утѣшались мечтами. Мать Карамзина „не выпускала изъ рукъ романовъ“, по словамъ сына. Она тяготилась своей будничной жизнью, не искала общества и просиживала цѣлые дни въ глубокой задумчивости, развивъ въ себѣ — „удивительную склонность къ меланхоліи“. Вѣроятно, она не по своей волѣ вышла замужъ. Среди слѣдующаго поколѣнія женщинъ мемуаристъ Вигель встрѣчалъ настоящихъ героинь сентиментальныхъ романовъ. Дѣвица Ступишина отличалась „скромностью, любезностью, знала иностранные языки“, прекрасно говорила по-французски и „чуждалась общества подругъ“, какъ Татьяна. Она завела лю-

бовную переписку съ однимъ юношей, и въ мечтахъ переживала собственный романъ. Вигель имѣлъ случай читать ея письма, и сперва поразился красотой языка страсти, но скоро замѣтилъ, что они очень похожи на излюбленные страницы знаменитыхъ романовъ того времени. Другая дѣвица была тиха и скромна... но чтеніе французскихъ романовъ воспламенило ея воображеніе; она предалась чувству любви, которая не принесла ей радости;—она „прилѣпилась“ къ призракамъ, тѣшилась въ мечтахъ... Доходило до того, что молодые люди и женщины разыгрывали цѣлыя сцены любви со страницъ сентиментальныхъ романовъ, обмѣнивались страстными посланіями, даже пили капли крови другъ у друга.

Болотовъ только болѣлъ душой и волновался передъ печальной участью своихъ дочерей, выходившихъ замужъ за незнакомыхъ имъ людей изъ одной покорности Провидѣнію, наложившаго на нихъ повинность брака, а въ современной литературѣ уже чувствовалось вліяніе Руссо и слышались размышленія о свободной личности и свободѣ чувства. Въ 1779 г. В. Левшинъ писалъ въ своихъ оригинальныхъ „Утренникахъ Влюбленнаго“: Старики говорятъ: „мы женивались, не зная никакой страсти и изживали вѣкъ согласно... Возможно-ль, что встарину не было страстей?.. Да и какое сравненіе лѣтъ прошедшихъ со щастіемъ нынѣшнихъ?—Тогда жены были невольницы, а мужья—тираны, кои брали ихъ для должности ключника, и можетъ быть, почитали ихъ за нѣкое пріятное животное, могущее угождать нѣжнымъ чувствамъ“... Да и то много сказано: вѣдь они видѣли женъ только послѣ свадьбы.—„Буде жены любили тогда мужей, то по одному обычаю, а вѣрнѣе, по притворству, причиняемому ужасомъ неограниченной супружеской власти и тяжелой его руки“. Въ нашъ старинный словарь можно поставить вмѣсто „супругъ“ „господинъ или тиранъ; „вмѣсто—„жена“—„раба и мученица“... „Мы почитаемъ прелестный полъ въ его совершенствахъ, любимъ въ его пріятностяхъ, и, зная, что въ ихъ нѣжности находимъ облегченіе нашимъ горестямъ, покой въ нашихъ трудахъ и истинныхъ друзей къ блаженству нашей жизни, отдаемъ имъ полную власть надъ нашими сердцами, по справедливости ихъ одну достойную“. Авторъ такъ уважаетъ женщину и ея чувство,

что не допускаетъ мысли о ревности; если-бы жена ему изменила, рассуждаетъ онъ лѣтъ на 50 ранѣе знаменитаго „Жака“ Ж. Зандъ, онъ и тогда бы ее любилъ по прежнему;—только этимъ, думаетъ онъ, можно вернуть себѣ сердце измѣнницы.

Измѣнялось понемногу отношеніе къ женщинамъ; измѣнялись и онѣ сами. Къ началу XIX в. и въ провинціи въ средѣ уѣздныхъ барышень нарождалась читающая публика, готовая привѣтствовать самостоятельный ростъ русской литературы. Но эти успѣхи не могли удовлетворять представителей русскаго просвѣщенія; они требовали болѣе дѣятельнаго участія женщинъ въ общественной и умственной жизни страны.

Женская личность въ старой русской журналистикѣ¹⁾.

I.

Первый смѣльчакъ, попытавшійся выдѣлить интересы русскихъ женщинъ-читательницъ отъ запросовъ прочей читающей публики, былъ никто иной, какъ самъ энергичный просвѣтитель—филантропъ Н. И. Новиковъ. Исслѣдователи его многосторонней дѣятельности вовсе не интересовались первымъ въ Россіи журналомъ для женщинъ—„Модное ежемѣсячное изданіе или бібліотека для дамскаго туалета“²⁾ 1779—80 г. Очень тщательно и подробно изучались западные образцы нравоучительныхъ и сатирическихъ журналовъ Новикова, его отношеніе къ современному русскому обществу и къ жизни старыхъ поколѣній; но что натолкнуло его на мысль издавать журналъ для женщинъ, да еще модный,—на это не удалось найти указаній въ обширной литературѣ его издательской дѣятельности. А между тѣмъ, старый западъ заготовилъ не мало матеріала для чуткаго литературнаго дѣятеля; литература о женщинахъ, изданія, предназначенныя для женщинъ, накопились уже давно.

¹⁾ Журналъ Мин. Нар. просвѣщенія, 1912, № 7.

²⁾ Неустроевъ, „Розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ“, стр. 272-ая.

Еще въ средніе вѣка составленныя подъ вліяніемъ аскетовъ-проповѣдниковъ обличенія грѣховности дочерей Евы, литература— „о злыхъ женахъ“, грубая до цинизма сатиры на женщинъ вызвали нерѣдко среди книжниковъ обратное явленіе—панегирики женской добродѣтели, прославленіе женщины, какъ источника красоты и счастья на землѣ. На „Евангеліе для женщинъ“,—на „Хулу женщинъ“,—на „Сороку и женщину“ отвѣчали трактатомъ „О добродѣтели женщинъ“, поэтическимъ „Сказомъ о женщинахъ“¹⁾. Старые нравоучительные „Домострой“ запада отличаются отъ нашего памятника XVI-го в. болѣе развитымъ чувствомъ общественности, уваженіемъ къ человѣческой личности и лучшимъ отношеніемъ къ женщинѣ²⁾. „Хорошую женщину слѣдуетъ любить, служить ей и воздавать честь“—поучаетъ въ XIII-мъ вѣкѣ заточникъ изъ города Бари (Италія).—„Отецъ имѣетъ естественную власть надъ сыномъ, но не надъ женой... Природа женщины создана не на служеніе, а на иное... Между мужемъ и женой должно быть равенство“, писалъ монахъ-философъ Эгидій Колонна въ концѣ того же вѣка, доказывая, что умъ женщины нуждается въ развитіи и въ благородномъ наслажденіи.

Добрые католики, затронутые просвѣщеніемъ отцы и мужья давно блуждали среди споровъ объ умственныхъ способностяхъ и духовномъ вліяніи женщинъ, когда Возрожденіе освѣжило умы и дало рѣшительный толчекъ работѣ мысли. Охваченные массой разнообразныхъ впечатлѣній, образованные люди того времени объединяли всѣ силы духа, чтобы перерабатывать ихъ для созданія новой культурной жизни; и женщины вошли въ ихъ общества дѣятельными членами, желанными участницами литературныхъ бесѣдъ и наслажденія искусствомъ. Горячій интересъ къ внутренней жизни человѣка возбудилъ новый интересъ къ личности женщины, на первое время порывистый, съ рѣзкими диссонансами. Лирикъ Петрарка былъ страстнымъ приверженцемъ

¹⁾ Petit de Juleville, „Histoire de la langue et de la littérature franç. des origines à 1900“. P. 205.

²⁾ Некрасовъ, „Введеніе въ опытъ ист. литературы изслѣдованія о Домострой“, 1873.

холостой жизни, зло высмѣивалъ женщинъ и запугивалъ женатыхъ пріятелей, доказывая имъ, что болтовня съ женщинами—главная помѣха успѣху великихъ дѣлъ¹⁾; а между тѣмъ, воспоминанія о дорогомъ женскомъ образѣ служили ему неисчерпаемымъ источникомъ вдохновеній, совершившихъ огромную реформу въ литературномъ мірѣ.

Его другъ и современникъ, Бокаччіо много разъ осыпалъ женщинъ желчными сарказмами; однако, изящные женскіе образы, блещущіе тонкимъ умомъ и бойкой рѣчью, царятъ въ его произведеніяхъ, а знаменитый „Декамеронъ“ посвященъ читателямъ. Женская личность, ея особенности и вліяніе въ мірѣ очень занимали его, и на склонѣ лѣтъ онъ написалъ оригинальную работу—„О знаменитыхъ женщинахъ“ (De claris mulieribus), сборникъ краткихъ очерковъ жизни и дѣяній разныхъ героинь, дѣйствительно существовавшихъ и легендарныхъ.

Работа Бокаччіо имѣла успѣхъ; ее переводили на многіе европейскіе языки, подвергали вольнымъ передѣлкамъ, а главное—ей подражали: первый сборникъ свѣдѣній о выдающихся женщинахъ пополняли другіе писатели, часто монахи; духъ эпохи такъ увлекалъ, что забывались строгія сужденія св. отцовъ о женщинахъ, и носители рясы становились рыцарями женщинъ. Одно время женщинамъ льстили, ихъ захваливали,—этого требовалъ хорошій тонъ.

Блестящее участіе женщинъ въ умственной жизни многихъ поколѣній эпохи Возрожденія не измѣнило, однако, не улучшило ихъ правового положенія; а съ XVII-го вѣка наступило даже временное охлажденіе къ женской личности и ея судьбѣ... Что за причина такого страннаго явленія? Объясненіе одно: домашній бытъ за время Возрожденія почти не измѣнился, а условія этого быта были очень тяжелы для женщинъ, особенно для дѣвушекъ; какъ и въ средніе вѣка, послѣднія жили почти взаперти. Регламенты нѣкоторыхъ городовъ Италіи разрѣшали дѣвушкамъ выходить изъ дома только въ церковь, и то рано утромъ и подъ

¹⁾ Rodocanachi, „La femme italienne à l'époque de la Renaissance“ p. 54.

покрываломъ. Судьба дочерей вполне завистла отъ воли родителей: имъ выбирали мужей, ихъ отдавали противъ воли въ монастыри, если не желали отдѣлять приданого ¹⁾. Благодаря этой нездоровой обстановкѣ, получавшія блестящее классическое образованіе дѣвочки развивались рано, но рано и увядали ²⁾; ихъ организмы часто не переносили напряженной умственной работы въ душномъ затворѣ дома крѣпости, и многія рано умирали. Немногія ученые женщины доживали до полного расцвѣта своихъ способностей и развивали широкую просвѣтительную дѣятельность. Только въ XVIII-мъ вѣкѣ сказываются замѣтныя измѣненія бытовыхъ условий; но тутъ мы накануне зарожденія женскаго вопроса.

Англійскіе мыслители конца XVII-го и начала XVIII-го вѣка довольно жестки въ своихъ отзывахъ о женщинахъ. Но скоро интересъ къ нимъ возрождается и проглядываетъ въ развивающейся журналистикѣ. Отсутствіе подробной исторіи журнала въ Англіи очень затрудняетъ уясненіе вопроса; можно только догадываться, что новый толчекъ къ оживленію литературы о женщинѣ былъ данъ въ Англіи. Среди ея сатирическихъ журналовъ, вызвавшихъ массу подражаній, появлялись листки „Зрительницъ“, „Говоруній“ и т. п. Затѣмъ, едва въ 1731 г. возникъ весьма долговѣчный „Gentleman's Magazine“, какъ рядомъ съ нимъ появился прародитель женскихъ журналовъ—„Lady's Journal“. Что онъ изъ себя представлялъ и долго ли существовалъ—неизвѣстно. Французскій „Journal des dames“ появился значительно позже—въ 1759 г. ³⁾.

Онъ составлялся изъ тѣхъ же отдѣловъ беллетристики, біографій, отчетовъ о театрахъ и зрѣлищахъ, какіе съ тѣхъ поръ стали обычными для этого типа изданій. Его ожидала печальная

¹⁾ Rodonachi, p. 46, 49.

²⁾ Тоже, p. 31.

³⁾ Hatin „Histoire politique et littéraire de la Presse en France“, t. III, p. 216. Указанія на „Lady's Journal“ p. 222. Весной 1768 г. возникъ первый модный журналъ—„Courrier de la Mode et du bon Gout“. Въ курьезной статьѣ „Mémoires Secrets pour servir à la republique de l'etres“ Гриммъ предсказывалъ ему блестящую будущность. Hatin t. III, 222.

судьба: вмѣстѣ съ нѣкоторыми изданіями онъ попалъ въ свиту „Année littéraire“ Фрерона, грубо и рѣзко нападавшаго на Вольтера и всѣхъ энциклопедистовъ, что создало журналу дурную репутацію.

Въ эту пору, во второй половинѣ XVIII-го вѣка, литература о женщинахъ становится гораздо серьезнѣй и значительнѣй. Маленькій женскій журнальчикъ явился знаменіемъ времени, а, можетъ быть, и помогъ возбудить вниманіе къ духовной жизни женщинъ и ихъ труду. Въ 1769 г. вышли разомъ 5 томовъ „Histoire littéraire des femmes françaises“ (литературная исторія французскихъ женщинъ), въ формѣ писемъ—l'etres historiques et critiques. Въ предисловіи авторы общаются наглядно показать публикѣ, „что можетъ сдѣлать женщина въ области знаній и просвѣщенія, если сумѣетъ стать выше предразсудковъ, запрещающихъ ей обогащать свой умъ и совершенствовать свое мышленіе“.—Почти одновременно съ этимъ изданіемъ вышла въ свѣтъ и пользовалась извѣстностью книга Томаса:—„Опытъ о женщинахъ“ ¹⁾; послѣдующіе писатели часто ссылались на нее. Безансонская академія объявила премію за сочиненіе на тему:—„Какимъ образомъ воспитаніе женщинъ можетъ способствовать улучшенію человѣчества?“ Въ конкурсѣ участвовала начинающая писательница, дѣвица Манонъ Флипонъ, будущая г-жа Роланъ.—Трудъ англичанина Александерса „Исторія женскаго пола съ древности до текущихъ дней“ ²⁾ многими моложе „Опыта“.—„Ничто въ мірѣ такъ не привлекаетъ насъ, не проникаетъ такъ глубоко въ наше сознаніе“, говоритъ авторъ, какъ женскій полъ: „а между тѣмъ, мы не занимаемся предметомъ нашего обожанія. Судьба женщинъ истиннѣ изумительна: съ древнихъ временъ и почти повсюду онѣ угнетены нами, и именно потому, что мы ихъ любимъ“; и далѣе: „Свобода, независимость, всегда необходимыя человѣчеству,

¹⁾ Thomas, „Essai sur le caractère, les mœurs et esprit des femmes“, 1772 г.

²⁾ Въ публичной бібліотекѣ нѣмецкій переводъ 1780 г. Wilhelm Alexanders—„Geschichte des weiblichen Geschlechts von den frühesten Alterthum bis auf gegenwärtigen Zeiten“.

отсутствуют тамъ, гдѣ женщины не имѣютъ политическаго вліянія“... Въ Америкѣ, гдѣ женщины свободнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, люди очень независимы.

Въ Германіи въ 1788 г. Мейнерсъ, преподаватель въ Геттингенѣ, издалъ 1-й томъ своей обширной и основательной „Исторіи женскаго пола“¹⁾, третій томъ которой остановился на вѣкѣ Людовика XIV-го. Здѣсь названы всего нѣсколько образцовъ произведеній, подготовившихъ почву для пропаганды о равноправіи половъ Кондорсе и его послѣдователей и выступленія женщинъ съ требованіями гражданскихъ правъ для своего пола въ первые годы великой революціи. Съ другой стороны, въ умственную жизнь и литературу XVIII в. проникла новая цивилизующая и гуманизирующая сила—чувство. Рационалистическая оцѣнка человѣка, какъ носителя творческаго разума прежде всего, теряла подъ собой почву: весь душевный міръ человѣка становится важенъ и интересенъ въ его цѣломъ, а чувства и страсти играютъ огромную роль въ этомъ мірѣ. Въ противовѣсъ искусственной культурѣ городской жизни, условнымъ приличіямъ, прославляется простота, сельская жизнь среди природы, свобода личности и чувства отъ ига выдуманныхъ правилъ и порядковъ. Сказалось и вліяніе ученія Лейбница о безсознательныхъ или малыхъ представленіяхъ, которыми человѣку свойственно, хотя бы смутно, постигать міръ, чувствовать силу природы. Эти перцепціи, какъ называла ихъ психологія, въ XVIII в. отождествляли съ чувствительностью, которой придавали особое значеніе въ духовной дѣятельности человѣка.

Новыя вѣянія сильно измѣнили общія понятія и взгляды людей на ближнихъ, на себя, на социальныя отношенія. Личность человѣка стала цѣнна сама по себѣ безотносительно къ ея талантамъ и степени образованія; наростало внимательное и гуманное отношеніе къ слабымъ, угнетеннымъ и страдающимъ. Женщина, болѣе слабая, непосредственная и близкая къ природѣ, привлекаетъ къ себѣ особое вниманіе. Руссо своей „Новой Элоизой“ освятилъ права любви и любящихъ сердецъ, ру-

¹⁾ Meiners, „Geschichte des weiblichen Geschlechts“, 3 тома.

ководимыхъ добродѣтелью. Культъ чувства зародился собственно въ Англіи, но французскіе романы болѣе реалистическаго характера, какъ „Манонъ Леско“ и „Новая Элоиза“ появились въ Россіи ранѣе романовъ Ричардсона, и именно они вмѣстѣ съ новыми взглядами на образованіе и положеніе женщинъ могли повліять на Новикова и его сотрудниковъ, когда они пытались издавать третій по времени женскій журналъ въ мірѣ.

Изыскивая всѣ средства для возбужденія охоты къ чтенію среди русской публики, страстный труженикъ просвѣщенія пытался соблазнить щеголихъ извѣстіями о модахъ, и хотъ этой уловкой заставить ихъ взяться за русскую книжку. Въ эту пору (1779 г.) Новиковъ былъ уже вліятельнымъ членомъ масонскаго кружка и проникался идеями нравственнаго усовершенствованія рода человѣческаго, и ради этой цѣли нашелъ нужнымъ позаботиться о духовномъ развитіи женщинъ. Съ трогательною скромностью издатели „усерднѣйше посвящаютъ“ журналъ „прекрасному полу“, льстя себя надеждою, что хотъ „нѣсколько минутъ, можетъ быть иногда праздныхъ при туалетахъ нашихъ дамъ употребятся на прочтеніе листковъ нашихъ“¹⁾... отъ дамъ зависить сдѣлать наше изданіе моднымъ“. И въ самомъ дѣлѣ, только фантазія читательницъ могла его сдѣлать моднымъ, такъ какъ кромѣ одной модной картинки при каждомъ № въ „Модномъ“ ежемѣсячномъ изданіи ничто не напоминало о модахъ. Оно обще-литературнаго характера, съ замѣтной тенденціей просвѣщать путемъ легкаго чтенія. Первая часть каждаго № отводится стихотвореніямъ съ „Ироидой“ во главѣ, т. е. произведеніями съ героическимъ или міеологическимъ содержаніемъ; за нею слѣдуютъ идилліи, пѣсни, басни и т. д. Какъ силлабические переводы, такъ и самостоятельныя риемованныя пѣсенки очень плохи, хотя попадаются и стихи Сумарокова.

Гораздо интереснѣе второй отдѣлъ, беллетристическій, заботливо составляемый изъ отрывковъ, небольшихъ разсказовъ и повѣстей. Въ беллетристикѣ, за малыми исключеніями гос-

¹⁾ „Мод. Ежем. Изданіе“, 1779—1780 г., предисловіе. Въ Имп. Публ. Библ. имѣются экземпляры полный съ картинками и безъ картинокъ.

подстуетъ любовное содержаніе, часто въ духѣ знаменитой „Манонъ Леско“, съ намеками на здоровый реализмъ. Въ расположеніи неблагодарнаго, нехудожественнаго матеріала видны чистыя, благородныя руки издателей, людей XVIII в., готовыхъ открыто смотрѣть въ глаза пороку, смѣло касаться темныхъ сторонъ жизни и всюду прежде всего видѣть человѣка.

Въ первомъ въ нашей литературѣ журналѣ для женщинъ нѣтъ и слѣда ни лицемѣрной морали, ни слезливой сентиментальности; часто сказывается особый интересъ къ свободному чувству, къ искреннимъ увлеченіямъ, къ тѣмъ „страстямъ живымъ“, которыхъ съ такою настойчивой пылкостью искалъ Чацкий въ душѣ обожаемой московской барышни.

Среди стихотвореній любопытенъ только переводъ письма Элоизы ¹⁾ къ Абельяру. Здѣсь даже въ неуклюжихъ силлабическихъ стихахъ звучитъ мощный языкъ страсти и свободной мысли, рвущейся къ жизни и творчеству. Сердце ученой абатиссы полно тоски и жгучихъ воспоминаній:

—Безвинно я съ тобой входила въ разговоръ ²⁾
 Всѣ прелести тогда въ твоемъ лицѣ сіяли,
 Сладчайшія слова твои уста вѣщали,
 —Весѣдуя съ тобой, кто-бъ тронуться не могъ!
 —Но рано я почла любовь не за порокъ!..
 ...Я тщетными должна законы почитать,
 —Которы не любовь мнѣ стала бы давать!..
 ...Какое счастье, когда сердца возжены,
 —Цѣпями свободныя любви соединены!“

Ужасно было ея невольное постриженіе:

—„Устами хладными вѣщала я обѣтъ ³⁾,
 Свѣтильники тогда пускали блѣдный свѣтъ.
 Побѣду получить въ сомнѣньи небо было,
 И ангеловъ мое дѣянье удивило...“

¹⁾ „Мод. Ежемѣс. Изданіе“, ч. I, стр. 833. Переводъ эпистолы Попа, вѣроятно, сдѣланъ съ французскаго изданія въ полномъ собраніи его сочиненій 1754 г. и впервые напечатанъ очень неудачно въ 1755 г., какъ свидѣтельствуется примѣчаніе 83 отр.

²⁾ Мод. Еж. Изд., ч. I-я, стр. 85.

³⁾ Тамъ же, стр. 87.

Вступила, наконецъ, во храмъ противъ себя,
 —И видѣла не крестъ, я видѣла тебя“...

Страсть и Божество сокровенно соединяются въ моей душѣ, признается Элоиза.

—„Законы строгіе здѣсь страсти запрещаютъ,
 И нѣжность и любовь подъ игомъ сокрушаютъ.
 Однако, Абельяръ, пиши ко мнѣ, пиши ¹⁾,
 Соедини съ моей теску своей души“.

Подобный гимнъ свободной любви могъ бы сдѣлать честь радикальному журналу 60-хъ годовъ.

Не менѣе характерно для моднаго журнала дамы XVIII в. письмо Фрины ²⁾, еиванской гетеры къ мѣстному философу Ксенофону, въ грозныхъ филиппикахъ обличавшему ея безнравственность. Жрица свободной любви старается обличить ограниченность міровоззрѣнія философа ³⁾. „Повѣрь, что истинное сладострастіе не можетъ быть чуждо стыдливости. Повѣрь, что для собственной моей корысти я не въ состояніи унижать себя... но если люблю я веселіе, то равнымъ образомъ ненавижу распутство... порокъ ужасенъ мнѣ!“... Фрина описываетъ артистическія увеселенія, которыми наслаждаются на ея пріемахъ; ея посѣтители—„мужи и граждане“,—обязаны прежде всего должностямъ, дарованіямъ своимъ и обществу.—„Они почитаютъ меня для того, что не налагаю я на нихъ невольничества: они любятъ меня за то, что требованія мои не простираются далѣе ихъ желаній... Мудрый есть существо независимое отъ сего множества разнообразныхъ законовъ, вымышленныхъ и послѣдуемыхъ множествомъ невѣждъ. Домъ мой можетъ почтаться храмомъ, гдѣ царствуетъ сіе несравненное божество“ (т. е. вольность), „...Ты отказывалъ царямъ, призывавшимъ тебя; по счастью не имѣю я ни скипетра, ни короны, приди въ домъ мой“, говоритъ гордая своей свободой красавица Греціи, и убѣждаетъ мудреца примѣромъ Сократа, поучавшаго въ домѣ Аспазіи.

¹⁾ Тамъ же, стр. 85.

²⁾ Тамъ же, ч. II-я, стр. 186.

³⁾ Мод. Еж. Изд., ч. 2, стр. 186 и слѣд.

Любопытна далѣ небольшая повѣстуха, героиня которой, молодая особа, пять лѣтъ скрывала въ домѣ матери своего ребенка. Когда мать случайно открыла его убѣжище, дочь рассказала про свое увлеченіе, про постыдное бѣгство своего возлюбленного. Мать безъ малѣйшаго негодованія утѣшила ее, научила, какъ найти бѣжавшаго, уговорить его стыдиться своего малодушія. Молодые люди встрѣтились, сошлись, и все благополучно закончилось бракомъ ¹⁾.

Въ журналѣ имѣются повѣсти и съ политической окраской; таковы „Видѣніе Абу-Бекръ-Езера“ ²⁾ и „Ренси“ ³⁾, гдѣ критикуется государственный строй Японіи.

Самостоятельныхъ статей въ журналѣ крайне мало—развѣ двѣ, три. Въ примѣчаніи редація усиленно рекомендуетъ читательницамъ одну изъ нихъ, картинку общественной жизни подъ заглавіемъ:—„Московскія письма“ ⁴⁾.

Усилія Новикова и его сотрудниковъ не увѣнчались успѣхомъ: „Модное Ежемѣсячное Изданіе“ приобрѣло всего 58 подписчиковъ и среди нихъ не болѣе 9-ти женщинъ. Цѣль изданія не достигалась—оно не становилось моднымъ. Къ концу года стихотворный отдѣлъ сталъ однообразенъ; его заполняли переводомъ „Овидіевыхъ превращеній“, и въ слѣдующемъ 1780 г. изданіе прекратилось.—Таковъ былъ первый неудачный опытъ журнала для „прекраснаго пола“ ⁵⁾.

¹⁾ Мод. Ежем. Изданіе, т. 2-й, ч. 4-я, стр. 34.

²⁾ Тамъ же, ч. 1-я, стр. 59.

³⁾ Тамъ же, ч. 2-я, стр. 120.

⁴⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 2—3. Первое письмо „О любопытствѣ“ подчеркиваетъ огромное значеніе этого элемента въ человѣческомъ сознаніи. Авторъ, юный студентъ Строкинъ, задается цѣлью посѣщать спектакли, бѣга, всякія увеселенія и сборища, всюду за всѣмъ наблюдать—„ибо добродѣтельному нѣтъ нигдѣ стыда“—и сообщать свои впечатлѣнія:—„Учусь сочинять коротко, ясно, внятно и правильно, о чемъ наши многіе писатели и стихотворцы и думать еще не начинали. Боже, прости имъ согрѣшенія“.

⁵⁾ Черезъ 12 лѣтъ, въ апрѣлѣ 1791 г., преемникъ Новикова, новый арендаторъ университетской типографіи, Окорокъ приступилъ къ изданію ежемѣсячника „Магазинъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ

Но вліяніе новыхъ идей, увлеченіе правами чувства, сливавшимися съ правами самой человѣческой личности, только усиливалось, проникая въ среду писателей черезъ иностранную и переводную литературу и сказывалось въ масонскихъ изданіяхъ Новикова. Очень интересна глава „О любви“ въ I-ой части „Философическихъ сновъ“ ¹⁾. Путешественникъ подъ впечатлѣніемъ разсказа одной юной матери о ея бѣдствіяхъ, вызванныхъ безчеловѣчными преслѣдованіями родителей за бракъ вопреки ихъ запрещенію, видитъ во снѣ природу въ образѣ величественной женщины: въ магическомъ зеркалѣ она показываетъ ему, какъ весело, свободно и просто любили первобытные люди и умѣли быть счастливыми, и какъ жалки и нелѣпы представители современной культуры, лицемерно скрывающіе любовное пламя, говорящіе обиняками, объявившіе безчестными множество невинныхъ вещей и потребностей. Установивъ рядъ неравенствъ, они не допускаютъ свободного соединенія брачующихся, справляясь повсюду о состояніи и происхожденіи. Возбужденный сновидѣ-

новыхъ модъ съ присовокупленіемъ описанія образа жизни, публичныхъ увеселеній и времяпровожденій въ знатнѣйшихъ городахъ Европы, пріятныхъ анекдотовъ“ и т. д. См. Неустроевъ (Розысканія, стр. 799). Издатель не имѣлъ смѣлости обратиться къ одному прекрасному полу. Въ концѣ XVIII сами дамы еще не выдѣлялись исключительнымъ пристрастіемъ къ модамъ: щеголихи часто уступали пальму первенства щеголямъ, и издателямъ было необходимо считаться со вкусами сильнаго пола. На иллюстраціяхъ рядомъ съ дамами въ туалетахъ погибавшей Маріи Антуанеты франты во фракѣ Робеспьера, косынкѣ и сапожкахъ принца Валлійскаго, лакеи и кучера въ моднѣйшихъ ливреяхъ, экипажи, лошади въ сбруѣ новаго фасона. Извѣстія о модахъ и разныхъ туалетахъ получались изъ Парижа, Лондона, Берлина и др. большихъ городовъ, даже изъ Варшавы. Въ годы французской революціи модные журналы процвѣтали на западѣ, и потому русскій издатель имѣлъ выборъ для переводовъ. Въ „Магазинѣ“ помѣщались переводы изъ французскихъ и нѣмецкихъ изданій, сообщающіе свѣдѣнія о нравахъ и общественной жизни въ разныхъ странахъ, даже историческія справки о домашней обстановкѣ древнихъ народовъ. Статейки не чужды юмора и тенденцій морализировать. При обиліи занимательнаго чтенія, журналъ просуществовалъ всего мѣсяцевъ девять.

¹⁾ „Философическіе сны“, кн. I-я, стр. 63 до 120; переводъ съ фр. кн. И. Долгорукова.

ніемъ, путешественникъ пламенной рѣчью убѣждаетъ родителей признать бракъ юной четы. Подобными нравоучительными разсказами послѣдователи Руссо какъ будто пытались внести поправки къ его „Новой Элоизѣ“, героиня которой подчинилась съ разбитымъ сердцемъ требованію отца и отказалась отъ возлюбленнаго.

Тѣ же мотивы звучатъ и въ масонскихъ журналахъ Новикова. „Покоящійся Трудолюбецъ“ 1784 г., внушая читателямъ стремленіе къ самосознанію и нравственному самосовершенствованію, обращается къ женщинамъ съ горячимъ призывомъ всѣми своими дарованіями и прелестями содѣйствовать совершенствованію людей. „Похвала женскому полу“ ¹⁾ неизвѣстнаго автора (или переводчика) заявляетъ: „прелесть жизни, очарованіе дней, забвеніе несчастій,—всѣ пріятныя чувствованія и совершенная способность ихъ чувствовать, о женщины!.. всѣмъ симъ мы вамъ одолжены ²⁾... Но мы вамъ должны еще добродѣтелями... Мудрость опредѣляется своимъ благополучіемъ въ самомъ себѣ... но добродѣтель авторъ опредѣляетъ „своимъ благополучіемъ въ другихъ“... „И вы однѣ, о женщины, можете насъ научить что тамо должно его искать!.. Что бы мы были безъ васъ! Самственники, пожирающіе людей и алчные тигры“... „Нѣтъ добродѣтели, нѣтъ храбрости безъ чувствительности, а первый лучъ ея всегда проникаетъ въ душу изъ глазъ чувствительной матери“. Женщинъ восхваляютъ до небесъ, особенно тѣхъ, которыя развертываютъ всѣ заложенные въ нихъ дары природы. Но не всѣ женщины бываютъ тѣмъ, чѣмъ должны быть, и къ нимъ предъявляются требованія:—„не дѣлайтесь никогда наградою порокамъ. Вы, сокровища цѣлаго свѣта, цвѣты общества, не давайте никогда права подлѣйшимъ своимъ невольникамъ быть вашими повелителями!“ Увы, по грѣхамъ современной культуры, женщины не свободны въ любви.—„Ужасное смѣшеніе, страшное несогласіе, смѣшное варварское и тщетное предразсужденіе полагаетъ вамъ наипріятнѣйшее удовольствіе въ число пороковъ.

¹⁾ „Покоящ. Трудолюб.“ 1784, ч. I, стр. 151.

²⁾ Тамъ же, стр. 154 и слѣд.

Но не то безчестіе, что бы имѣть любовниковъ, но то, что бы имѣть хотя одного безчестнаго. Подлецъ, цѣлующій ваши руки, затмѣваетъ совсѣмъ ваши прелести... Увѣнчайте добродѣтели, дарованія и науки. Да будетъ названіе любовника священнѣйшимъ титуломъ честнаго человѣка... Дѣлайте героевъ и пріятныхъ людей: ибо тѣ и другіе, рѣдки,—и въ томъ вы сами виноваты! Будьте нѣжны, скромны,—привлекательны, веселы и просты,—общество будетъ прекраснымъ, а государство—процвѣтающимъ“.

Неумѣренно-льстивый тонъ обращенія къ женщинамъ не долженъ смущать читателя: онъ вполне отвѣчалъ духу старой литературы, отличавшейся склонностью къ славословіямъ, воспѣваньямъ и хвалебнымъ одамъ. Считалось нужнымъ сперва восхвалить, а затѣмъ внушать и требовать; къ этому тону прибѣгаетъ и сотрудникъ Новикова, желая повліять на читателей.

Въ другихъ журналахъ помѣщались переводы и пересказы изъ нѣмецкихъ и англійскихъ изслѣдованій о судьбѣ женщины. Таково „Письмо о женскомъ полѣ“ въ „Зеркалѣ Свѣта“ ¹⁾. „Во всѣхъ почти странахъ судьба женщинъ есть: страдать и жить въ порабощеніи! Даже въ культурной Европѣ, гдѣ передъ ними преклоняются, подъ личиною любезности пренебрегаютъ ими и ихъ способностями, не даютъ имъ серьезнаго воспитанія. Совсѣмъ не подготовленную къ семейнымъ обязанностямъ дѣвицу выдаютъ замужъ. Она клянется вѣчною вѣрностью человѣку, къ которому ничего не чувствуетъ, котораго даже ненавидитъ“, негодуетъ авторъ. „Кто осмѣлится противорѣчить, что женщины равныя съ нами, если не превосходнѣйшія дарованія имѣющія, равными силами одаренныя... назначены къ равнымъ съ нами подвигамъ, полу ихъ приличнымъ, и къ равному понесенію житейскаго бремени“.

Статьи „Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ ²⁾ защищаютъ женщинъ отъ сарказмовъ Монтеня и другихъ мыслителей XVII в.

¹⁾ „Зеркало Свѣта“, 1786 г., ч. 2-я, стр. 4-я.

²⁾ „Новыя Ежем. Сочиненія“, 1792 г., ч. I, XVII, стр. 26.

съ любопытными замѣчаніями, что женщины являются во всемъ свѣтѣ дѣйствующими лицами, и вмѣстѣ съ тѣмъ вынуждены скрывать въ себѣ множество чувствъ и мыслей.

Большія требованія къ умственному развитію женщинъ предъявляетъ „Разсужденіе о женщинахъ и о выгодахъ, которыя получили бы онѣ отъ упражненія въ наукахъ“ Гартига ¹⁾. „Обычай и люди“, читаемъ здѣсь, не даютъ женщинамъ просвѣщать свой разумъ... Приведа въ примѣръ женщинъ, отличившихся высотой образованія, авторъ кончаетъ патетическимъ воззваніемъ: „Матери, внушайте дочерямъ своимъ вкусъ къ наукамъ съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ. А вы, которыя преступили предѣлы, въ коихъ васъ содержали, вы, которыхъ число, къ сожалѣнію, весьма ограничено, не устрашайте усилій невѣжества“... ²⁾.

Многіе журналисты Новиковскаго времени высоко цѣнили вліяніе женщинъ, но они еще не умѣли говорить о женщинахъ, какъ личности; они обращались вообще, ко всему женскому полу, сами же женщины—современницы еще не имѣли въ ихъ представленіи опредѣленныхъ образовъ, индивидуальныхъ чертаній. Но ихъ обращенія къ женщинамъ важны уже тѣмъ, что показываютъ широкое пониманіе ихъ значенія и вліянія; въ нихъ особенно ярки призывы къ знанію и къ общественной дѣятельности; они мало останавливаются на работѣ женщинъ въ семьѣ. Хлопотливыя заботы о развитіи въ женщинахъ исключительно семейныхъ добродѣтелей возникаютъ въ болѣе позднюю пору съ началомъ реакціи 30-хъ гг. XIX вѣка.

Литература послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины II подчиняется мощному вліянію Карамзина; его новый легкій слогъ очень расширяетъ кругъ читателей, облегчая чтеніе, дѣлая книгу болѣе доступной для широкой публики, тѣмъ болѣе доступной, что писатели обращаются теперь не столько къ уму и знаніямъ, сколько къ сердцу и чувствамъ. Новой чувствительной и легкой литературѣ особенно нужна и желательна чувствительная читательница, способная впечатлительностью и отзывчивымъ серд-

¹⁾ „Чтенія для вкуса, разума и чувствованій“, 1793 г., ч. II, стр. 50 и слѣд.

²⁾ „Чтеніе для вкуса, разума и чув.“, ч. II, стр. 71.

цемъ способствовать расширенію области доступныхъ ей переработкѣ чувствъ, мечтаній, тонкихъ воспріятій и ощущеній. Первые журналы Карамзина и его послѣдователей примыкаютъ непосредственно къ угасшему издательству Новикова. Въ нихъ тоже воздаютъ хвалы женщинамъ, но въ иной окраскѣ съ новыми оттѣнками отношеній; новое поколѣніе писателей любитъ обращаться къ болѣе опредѣленнымъ женскимъ образамъ, къ женщинамъ-другу, блистающей не красотой внѣшности, а свойствами ума и сердца. Эти оттѣнки присущи эпохѣ чувствительности въ пору ея расцвѣта. „Московский Журналъ“ Карамзина привлекъ массу читательницъ, прославившись его „Путешествіемъ“ и повѣстями „Бѣдной Лизой“ и „Натальей“. Въ то время еще поклонникъ Руссо, Карамзинъ усердно распространялъ культъ „Новой Элоизы“. Здѣсь же появился переводъ „Похвалы Элизы Дрэперъ“ аб. Рейналя ¹⁾. Похвала несомнѣнно послужила образцомъ для чувствительныхъ обращеній новаго поколѣнія писателей и повліяла на воспитаніе новаго типа русскихъ женщинъ. Англичанка родомъ, Элиза Дрэперъ въ свое время имѣла вліяніе на Стерна, а Рейналь обязанъ ей многими вдохновеніями. Эта героиня чувствительности обладала сложной психикой, позволявшей ей отзываться на самыя разнообразныя настроенія своихъ знаменитыхъ друзей; въ ней замѣчалось рѣдкое соединеніе—„чувственного жара съ благопристойностью, которая обнаруживалась во всѣхъ ея движеніяхъ. Ваятель, изображая сладострастіе, взялъ бы за образецъ Элизу; живописецъ могъ бы въ ея образѣ изобразить невинность. Элиза прельщала всѣмъ, что бы она ни дѣлала, и возбуждала желаніе, но желаніе робкое и безмолвное. Одинъ только честный человѣкъ осмѣлился бы полюбить ее, но не отважился бы открыть ей любви своей“ ²⁾. Элиза имѣла умъ просвѣщенный, но никто не примѣчалъ ея искусства; оно только украшало природу и служило ей къ продленію очарованія, какъ бы извиняется авторъ передъ хулителями цивилизаціи. „Итакъ, Элиза прекрасна?“—„Нѣтъ, мила только“, отвѣчаетъ Рейналь.

¹⁾ „Моск. Журн.“. 1792, г., ч. VI, стр. 10.

²⁾ „Моск. Журн.“. 1792, ч. VI, стр. 15.

„Но не было красоты, которой бы она не помрачала, будучи единственной“— „Увидя въ первый разъ Элизу, я почувствовалъ нѣчто дотолѣ неизвѣстное мнѣ: для дружбы было сіе чувство слишкомъ пламенно, для любви—слишкомъ непорочно!“ Автору слышится голосъ покойной, во имя исторіи и славы призывающей его быть всегда защитникомъ челоуѣчества, истины, свободы“.— Онъ же клянется ей, что въ каждой написанной имъ строкѣ всегда узнають ея друга.

Въ подобныхъ произведеніяхъ русская публика впервые знакомится съ тѣми отношеніями мужчины къ женщинѣ, которыя сентименталисты называли „любовною дружбой“ (*amitiè amoureuse*) впервые освѣщается мощное вліяніе женской личности всею полнотою своей женственности, безъ отдѣльныхъ эффектовъ красоты, веселья, остроумія. Тутъ все въ гармоніи гибкой интеллектуальности, душевной отзывчивости и физической граціи. Элиза мила; терминъ и женскій образъ, къ которому онъ прилагался, составили эпоху въ жизни нашего общества. Черты подруги Рейналя отразятся впослѣдствіи въ духовномъ обликѣ многихъ русскихъ героинь.

Другой журналъ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“¹⁾ печаталъ не мало статей о женщинахъ и привлекъ много сотрудницъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ Хвостова и Урусова, получили извѣстность. I-й № начинается посвященіемъ: „Къ сердцу. Виновику дѣлъ благородныхъ“. Авторъ сентиментальнаго путешествія на „Ростовское озеро“²⁾, страстный поклонникъ „Новой Элоизы“— „прекраснѣйшей изъ всѣхъ существъ“, восторженно рассказываетъ, какъ онъ нашелъ сродную героинѣ Руссо душу въ одной воспитанной крестьянкѣ. Въ „Любовной картинкѣ“³⁾ кн. Сибирскаго молодая особа поучается передъ нѣжнѣйшей изъ картинъ: Амуръ показываетъ лежащей дѣвушкѣ

¹⁾ Издатель Подшиваловъ, судя по его примѣчаніямъ, предназначалъ журналъ для мало подготовленной публики, особенно для женщинъ. Произведенія сотрудницъ сопровождалось любезными примѣчаніями и выраженіями благодарности отъ редакціи.

²⁾ „Пріятн. и полезн. препров. врем.“. 1797 г., ч. 5, стр. 15.

³⁾ Тамъ же, 1798 г., ч. 10, стр. 225.

томикъ „Новой Элоизы“. В. Измайловъ возвращается къ средне-вѣковой Элоизѣ и восхищается пламенностью ея чувствъ къ Абеляру.

Много самостоятельныхъ прозаическихъ отрывковъ и стиховъ рисуютъ легкими штрихами образъ любезной, милой женщины, и всюду намекають на ея любовь къ „Музамъ“, къ просвѣщенію, Таково „Нѣчто о ней“¹⁾, особенно „Портретъ Темиры“²⁾ кн. П. И. Шаликова. Бездарный представитель крайностей сентиментализма, не знавшій мѣры въ слащавой слезливости, Шаликовъ сумѣлъ выдвинуться въ тяжелые годы царствованія Павла, и еще тогда въ чувствительныхъ стихахъ онъ обѣщалъ посвятить женщинамъ всю свою литературную карьеру, что отчасти и исполнилъ, часто оказывая имъ поистинѣ медвѣжьи услуги. Весьма неуклюже выхваляетъ онъ свою Темиру. „Она равномерно способна заняться серьезнымъ и забавнымъ. Ежели вамъ угодно, она будетъ разсуждать глубокомысленно: а ежели вы хотите, она будетъ шутить... какъ грація. Чѣмъ болѣе кто имѣетъ разума, тѣмъ болѣе найдетъ его въ ней“; она говоритъ только языкомъ сердца. Все, что ни скажетъ, что ни сдѣлаетъ, имѣетъ прелесть „любезнѣйшей простоты“.

Но ярче всего отношеніе къ женщинамъ людей своего поколѣнія рисуетъ самъ Карамзинъ въ „Посланіи къ женщинамъ“ въ сборникѣ „Аониды“³⁾. Значеніе женщинъ воспѣвается красивыми стихами, но монотонно и растянuto. Самъ авторъ приносить женщинамъ въ жертву все самое дорогое, ради нихъ берется за перо... „Что бѣ вы могли сказать:

Онъ, право миль, и вѣрно переводить
Все темное въ сердцахъ на ясный нашъ языкъ,
Слова для тонкихъ чувствъ находить...
Скажу вамъ, милыя (и чѣмъ другимъ начать)⁴⁾
Что вы родились свѣтъ моральный укрѣплять“.

¹⁾ Тамъ же, 1798 г., ч. 18, стр. 236.

²⁾ Тамъ же, 1798, ч. 20, стр. 262.

³⁾ „Аониды“, 1796 г., кн. I, стр. 218.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 227.

Любовь возвышает и облагораживает человека; кто пленяется женщиной, становится— „нѣженъ сердцемъ, добръ дѣлами“. Живущій для любви всегда преданъ счастьемъ ближнихъ, полонъ альтруистическихъ чувствъ. Пускай философы кричатъ, что должно жить безъ страстей; сдадимъ въ архивъ это ученье. Но, говорятъ многіе ¹⁾ нечестивцы, „часто страсть любви насъ къ горестямъ ведетъ!“ „Не часто—иногда“, даетъ отпоръ поэтъ.

Авторъ дивится остротѣ разумѣнія женщины, которую Лафатеръ называлъ „чувствомъ истины“ ²⁾. Мужчина съ трудомъ доискивается истины—

„Для насъ она живетъ въ тѣсахъ, въ вертепахъ темныхъ...

Для васъ же птичкою летаетъ на лугахъ

Махнете ей,—и вдругъ у васъ рукахъ“.

Восхваляется готовность женщинъ дѣлать добро и ихъ умѣнье занимать общество.

„Вы насъ во всемъ, во всемъ добрѣе,
Почти во всемъ умѣе“.

Слабости женщинъ не унижаютъ ихъ, какъ пятна не мѣшаютъ красотѣ луны, а луна—образъ женщины. Самъ авторъ всѣми своими успѣхами обязанъ женщинамъ. Онъ былъ ничѣмъ— „жалкимъ, никому невѣдомымъ сиротой“ ³⁾, но она—„дружбой и искренностью милой

„Утѣшила мой духъ унылый;
„Святой любовью своей—
Во мнѣ цвѣтъ жизни обновила“.

И дружбой этой женщины онъ дорожитъ больше славы и успѣховъ въ жизни.

„Что истина своей рукой
Напишетъ надъ его могилой?
Онъ любилъ: онъ нѣжной женщины
Нѣжнѣйшимъ другомъ былъ“.

¹⁾ Тамъ же, стр. 232.

²⁾ Тамъ же, стр. 237.

³⁾ „Аониды“, кн. I, стр. 248—9.

Такъ выражалось, правда, въ значительно приподнятомъ тонѣ настроеніе главарей сентиментализма, преобладающаго теченія въ обществѣ и литературѣ того времени. Оно объявляло женщинъ руководительницами чистоты и простоты естественной жизни, главными цѣнителями чувствительныхъ эмоцій писателей и просвѣтителей. Безъ участія такихъ цѣнителей становилось немыслимымъ дальнѣйшее развитіе литературы и самой культуры въ русскомъ обществѣ. На стихотворномъ „Посланіи“ замѣтенъ отпечатокъ вліянія „Похвалы Элизы“ и другихъ западныхъ образцовъ, но очевидно также и рѣзкое различіе между культурой и политической жизнью русскаго и западнаго общества: дружеская поддержка выдающихся женщинъ побуждала Рейналя и Кондорсе посвящать свои дни служенію человечеству, истинѣ и свободѣ. Въ Россіи, да еще павловской, писатели не питали такихъ дерзкихъ мыслей и тѣмъ менѣе могли говорить такимъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе и у насъ общеніе съ женщинами и ихъ усилившееся вліяніе уже въ самомъ началѣ XIX в. помогли литературнымъ дѣятелямъ вывести русскую литературу изъ того тупика, въ которомъ она слишкомъ долго вращалась въ XVIII вѣкѣ и положить начало болѣе здоровой и осмысленной общественной жизни.

II.

Нельзя сказать, чтобы въ послѣдніе годы эпохи Екатерины II много писали о женщинахъ; но то, что писали, было серьезно и значительно; оно показывало, что со временъ Новикова среди пишущихъ и читающихъ нарастали новыя потребности въ лучшей болѣе полной общественной жизни, въ болѣе гармоничныхъ отношеніяхъ представителей обоихъ половъ. О новомъ настроеніи общества, которое обнаружилось въ исходѣ XVIII вѣка, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ сентиментализма, говоритъ акад. Л. Майковъ въ біографіи Батюшкова ¹⁾.—Въ теченіе всего XVIII вѣка патріархальная суровость уживалась съ грубой рас-

¹⁾ Майковъ, Л. Н., Батюшковъ, его жизнь и сочиненія, изд. 2-е, стр. 25.

пущенностью, пока сентиментальное направленіе не противопоставило естественныхъ влеченій сердца холодной разсудочности житейскихъ отношеній и не обуздало до нѣкоторой степени распущенности нравовъ идеализаціей чувства. Отношенія къ женщинамъ стали пріобрѣтать иной характеръ—болѣе утонченный и въ то же время болѣе свободный, романическій, какъ его стали называть, потому что его главнымъ проводникомъ служила широко распространенная литература романовъ. При такихъ условіяхъ стала складываться салонная жизнь, въ которой могло быть отведено мѣсто изящнымъ удовольствіямъ и живой бесѣдѣ о предметѣ отвлеченнаго интереса.

Прекрасную характеристику сентиментальнаго направленія въ его крайнемъ теченіи даетъ акад. А. Веселовскій въ своемъ трудѣ о Жуковскомъ.—Любовь среди этого поколѣнія, заканчиваетъ онъ, переходя къ друзьямъ юности поэта, становится жалостливой, печалующейся, любящіе проливаютъ тихія слезы ¹⁾. Способность проливать слезы—мѣрило чувствительности благороднаго сердца...—Возникъ культъ мѣсяца,—божества цѣломудренныхъ душъ, блѣднаго, какъ боязливая, отринутая любовь. Дружба получила особенную цѣнность и очень разнообразные оттѣнки. „Намъ нуженъ другъ, чтобы мы сами себя нравились сами собою наслаждались“, говорилъ Юнгъ. Любовь къ переходнымъ ощущеніямъ, къ переливамъ красокъ, къ зарѣ и свѣтотѣнямъ создала особую любовную дружбу, *amitié amoureuse*; о ней размышляетъ г-жа Роланъ въ письмѣ къ своему поклоннику Боску:—„У тихой, святой дружбы есть стрѣлка, правящая въ сами... Прелестныя, но жестокія страсти выводятъ насъ изъ себя, чтобы въ послѣдствіи покинуть; но честность души и поступковъ, довѣріе прямого, чувствительнаго сердца, умеренность характера, разумно установившагося въ добрыхъ правилахъ, вотъ что упрочиваетъ связь, какимъ бы охлажденіямъ она не подвергалась“.

Этотъ особый видъ сложнаго, утонченнаго чувства способствовалъ очищенію атмосферы послѣ грубоватой и черствой рас-

¹⁾ А. Н. Веселовскій, В. А. Жуковскій, стр. 34 и слѣд.

пущенности нравовъ XVIII вѣка; новая форма чувствительно-дружескихъ отношеній вносила больше непринужденности и взаимнаго довѣрія въ совмѣстную общественную жизнь обоихъ половъ; она помогла способнымъ и чуткимъ русскимъ женщинамъ занять болѣе самостоятельное и вліятельное положеніе въ литературныхъ кружкахъ.

Интересна жизнь этихъ кружковъ молодежи на рубежѣ столѣтій. Среди друзей юноши Жуковского выдѣляются братья Тургеневы ¹⁾, сыновья пріятеля Новикова, члена его масонской директоріи. Самый талантливый изъ нихъ, Андрей Ивановичъ, служилъ при архивахъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ группой другихъ юношей, и своей обаятельной личностью замѣтно вліялъ на товарищей, даже на злоязычнаго Вигеля. Съ нимъ служили Блудовъ, Михаилъ Макаровъ, въ послѣдствіи издатель курьезнѣйшаго изъ дамскихъ журналовъ и сотрудникъ Шаликова. Молодежь росла въ годы господства Карамзинской поэзіи, когда съ улучшеніемъ языка, литература становилась болѣе легкой и доступной и вызвала развитіе встрѣчной потребности прежде всего въ легкой литературѣ, тѣмъ болѣе, что она обращалась исключительно къ чувству, воспѣвала природу и жизнь близкихъ къ ней людей. Дамы то увлекались „Новой Элоизой“ и др. произведеніями ранняго сентиментализма, полными жгучихъ страницъ, посвященныхъ могучей силѣ нѣжной страсти,—то мечтали съ „Кларисой“ Ричардсона или „Аглаей“ Карамзина въ рукахъ ²⁾.

Жуковскій былъ связанъ съ Андреемъ Тургеневымъ самой идеальной дружбой, какую культивировали на западѣ корифеи сентиментализма, а у насъ прославилъ Карамзинъ своимъ Агатомъ (Петровымъ), позже Батюшковъ съ Петинимъ. Они вмѣстѣ обдумываютъ темы своихъ работъ, обмѣниваются критическими мнѣніями, нападаютъ на нелѣпости Шаликова и оправдываютъ его въ минуты трогательнаго любованія луной и ручейками. У нихъ свой кружокъ, въ который входили Мерзляковъ,

¹⁾ В. А. Жуковскій, стр. 51 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 67.

Соковнины, Сулима и др. представители чувствительной Москвы. Въ часы мечтаній о счастья среди природы, о сельской жизни, мелькаль образъ ея немного въ туманѣ. Любовь у этихъ юношей оказывалась сложнымъ, не легко опредѣляемымъ чувствомъ, часто сливающимся съ *amitié amoureuse*.—„Женщины опредѣленно воспаляютъ насъ къ великимъ дѣламъ, къ труднѣйшимъ пожертвованіямъ“, пишетъ Андрей Тургеневъ.—Но это пламя, думаетъ Веселовскій, они сами вызвали воздѣйствіемъ своихъ чувствительныхъ душъ. Они придавали любви образовательную силу; они развивали женщинъ, читали съ ними и руководили ихъ чтеніемъ; въ основу всегда полагался Руссо, затѣмъ піетисты и т. д. до Карамзина. Женщины настраивались на тотъ же ладъ и по своему отвѣчали воспитателямъ, вызывая трогательное обожаніе.—„Воспитатели млѣли передъ своимъ же отраженнымъ свѣтомъ“, говоритъ Веселовскій, и немного преувеличиваетъ ¹⁾. Если это и замѣчалось въ самомъ началѣ эпохи, то отношенія скоро мѣнялись и уравнивались. Майковъ смотрѣль шире и спокойнѣе на эти отношенія; собравъ отзывы Батюшкова о значеніи женскаго общества, онъ посвятилъ нѣсколько страницъ своей книги—„вліянію женщинъ на словесность“ ²⁾.

Жуковскій руководилъ чтеніемъ Свѣчиной и одновременно немного увлекался Анной Соковниной, сестрой своихъ пріятелей, съ которой взапуски писалъ стихи. Андрей Тургеневъ шлетъ ему напоминаніе, что Анна—предметъ увлеченія его брата, Александра,—и ему, другу, не слѣдуетъ заводить флиртъ и тамъ, и тамъ. Но *amitié amoureuse* допускала значительную растяжимость чувствъ, и самъ Андрей, увлекаясь Екатериной Соковниной, велъ нѣжно-дружественную переписку съ дочерью Буниной. Послѣ объясненія съ Соковниной онъ, потрясенный, въ восторженномъ состояніи объявилъ друзьямъ, что только теперь вполнѣ понимаетъ Элоизу Руссо, Геро и Леандра. Андрей Тургеневъ—это Владиміръ Ленскій „съ душою прямо Геттингенской“, спра-

ведливо замѣчаетъ Веселовскій.—Талантливый юноша слушалъ лекціи въ Геттингенскомъ университетѣ и умеръ 22-хъ лѣтъ. Младшая Соковнина осталась вѣрна его памяти.

Батюшковъ, человекъ иного темперамента, вовсе несклонный къ англійскому сентиментализму, очень высоко цѣнилъ вліяніе и общество женщинъ. Въ дѣтствѣ онъ подчинялся обаянію жены своего воспитателя, Е. Ѳ. Муравьевой, по уму, дѣятельности и образованію вполнѣ достойной подруги М. Н. Муравьева, извѣстнаго куратора Московскаго университета. Подросткомъ онъ немного увлекался веселой остроумной Ниловой, умѣвшей занимать огромное общество въ своихъ гостиныхъ. Уже извѣстнымъ писателемъ Батюшковъ посылалъ свои произведенія Квашниной-Самариной, дорожилъ ея сужденіями, совѣтовался съ нею въ своихъ дѣлахъ ¹⁾. Онъ цѣнилъ въ Самаринѣ представительницу той свѣтской образованности, которой придавалъ большое значеніе для занимавшаго его прогресса литературы.—„Я думаю“, писалъ онъ Гнѣдичу: „что вечеръ, проведенный у Самаринѣ или съ умными людьми, наставитъ болѣе въ искусствѣ писать, чѣмъ чтеніе нашихъ варваровъ... Стихи твои будутъ читать женщины.... а съ ними худо говорить непонятнымъ языкомъ“... „Сей родъ словесности“, разсуждалъ онъ о легкой поэзіи:—безпрестанно напоминаетъ объ обществѣ; онъ образованъ изъ его явленій, странностей, предрасудковъ, и долженъ быть вѣрнымъ его зеркаломъ“.—Предшественникъ Пушкина яснѣе многихъ современниковъ опредѣлялъ тѣсную связь между ростомъ общественности и органическимъ развитіемъ литературы; онъ лучше разбирался во вліяніи женщинъ на то и другое явленіе. Но это не мѣшало ему очень зло высмѣивать плохенькихъ писательницъ своего времени вмѣстѣ съ ихъ вдохновителями и защитниками ²⁾. Совершенно такъ же относились къ женщинамъ ранніе герои Возрожденія.

И все-таки интересныя пріятельницы Батюшкова не типичны, какъ представительницы современныхъ имъ общественныхъ те-

¹⁾ Майковъ, Батюшковъ, его жизнь..., стр. 23.

²⁾ Батюшковъ, Сочиненія, т. I, XXXIV. „Видѣніе на берегахъ Леты“ и др.

¹⁾ В. А. Жуковскій, стр. 73.

²⁾ Майковъ, Батюшковъ, его жизнь..., стр. 24, 25.

чений; то были благополучныя московскія барыни и барышни, умныя, часто практичныя, какъ Квашнина Самарина, хорошо пользовавшаяся духомъ времени. Истинныя героини современности—это тѣ чувствительныя женщины, которыми увлекались Жуковский и его друзья, ученики Карамзинской школы; здѣсь, въ ихъ кружкахъ, очевиденъ духовный ростъ женской интеллигенціи съ тѣми индивидуальными особенностями, которыя ярко отразились въ литературныхъ и общественныхъ типахъ 20-хъ годовъ. Это—мечтательныя страдалницы, изящныя и воздушныя, легко поддающіяся сентиментальному воспитанію; онѣ—Сильфиды, Ундины, какъ говоритъ Вигель о Воейковой (урожд. Протасовой). Всѣ эти женщины, начиная со Свѣчиной, болѣе или менѣе несчастливы въ замужествѣ, но несокрушимо добродѣтельны въ кругу своихъ обязанностей,—вѣрныя подруги, милыя вдохновительницы своихъ интеллигентныхъ друзей. Свою задушевность и чувствительность онѣ изливаютъ въ письмахъ, которыя любили и умѣли писать, создавая изъ переписки интересные романы.

Идеалъ юныхъ литераторовъ тотчасъ воспринимается и пропагандируется журналистикой. Въ 1-мъ же №-рѣ знаменитаго „Вѣстника Европы“ Карамзина появляется статья — „Портретъ милой женщины“¹⁾. Авторъ, г. Л. описываетъ свою пріятельницу, отличающуюся привѣтливостью и нѣкоторымъ сходствомъ во вкусахъ съ нимъ самимъ. Оба любили стихи, хорошіе романы и подолгу читали ихъ вмѣстѣ. Она вовсе не отличалась красотой;—только добрый, чувствительный человѣкъ съ тонкой разборчивостью избралъ бы ее въ свои подруги. Умъ г-жи М. не столько блестящъ, сколько тонокъ и основателенъ, довольно живъ, пріятенъ и способенъ къ острому отвѣтамъ; все въ ней покрыто дымкой безпримѣрной скромности. Г-жа М. знаетъ лучшихъ французскихъ авторовъ и почерпнула изъ нихъ все, чѣмъ можетъ пользоваться пріятная въ обществѣ женщина (первое качество), добрая жена и нѣжная мать. Она не была авторомъ,—„но ея письма, украшенныя легкимъ слогомъ, исполненныя чув-

ствительности, философіи, могли бы занять мѣсто въ лучшихъ романахъ“. Ея первая добродѣтель—христіанская набожность, сообщившая ей покорность Провидѣнію, великодушную крѣпость въ печаляхъ и кроткое, снисходительное обращеніе со всѣми, особенно со слугами, которымъ она боится дать почувствовать ихъ рабство. Въ обществѣ г-жа М. никогда не оскорбитъ ничего самолюбія; всякому позволить быть довольнымъ самимъ собой. Ей не чуждо и кокетство; она любитъ тонкимъ образомъ обращать на себя вниманіе, отчего становится въ глазахъ всѣхъ еще милѣе и почтеннѣе. Она вышла замужъ не по своему выбору, а покоряясь обстоятельствамъ; нравы супруговъ оказались несходными; но г-жа М. сумѣла откинуть романическія мечтанія и пріучила себя видѣть въ мужѣ необходимаго товарища.

Такъ возникъ и укрѣплялся въ сознаніи перваго поколѣнія интеллигенціи XIX вѣка образъ „милы“, тонко обаятельной женщины, занесенный въ Россію „Новой Элоизой“ Руссо и „Похвалой Элизы“ аб. Рейналя, женщины—члена интеллигентнаго общества, отзывчивой подруги просвѣщеннаго человѣка. Даже некрасивая, она привлекательна, любезна, пріятна въ обществѣ. Еще въ цѣпяхъ стараго быта, безъ силъ и опыта для борьбы съ нимъ, она долго, среди невольнаго сожительства, стойкой волей и нравственной выдержкой сама выковываетъ себѣ осмысленную личную жизнь. 20 слишкомъ лѣтъ будетъ эволюционировать этотъ женскій типъ, отъ раннихъ пріятельницъ Жуковского до милѣйшей изъ милыхъ—Татьяны Лариной, родоначальницы яркихъ женскихъ образовъ, прославившихъ русскую беллетристику.

Въ другомъ тонѣ, напоминающемъ взыскательныя похвалы Новикова, обращается къ женщинамъ издатель „Московского Меркурія“, П. И. Макаровъ. Обѣщая въ предисловіи угождать главнымъ образомъ читательницамъ, онъ шлетъ имъ наставленія¹⁾: „Во Франціи женщины упражнялись въ литературѣ, и всѣ первоклассныя ученые стекались къ нимъ... Дома ихъ были

¹⁾ „Вѣст. Евр.“, 1802 г., № 1, стр. 55. Не самъ ли Карамзинъ скрывается за псевдонимомъ Л.?

¹⁾ „Московский Меркурій“, 1803 г. № 1-й. Смѣсь. Издателя Петра Ивановича Макарова нерѣдко смѣшивали съ однофамильцемъ, Михайломъ Николаевичемъ Макаровымъ.

лучшими школами вкуса и просвѣщенія. Если бы и наши дамы вздумали подражать сему примѣру, нѣтъ сомнѣнія, что и онѣ заставили бы всякаго учиться... Сколько предметовъ открылось бы для ихъ честолюбія... Онѣ могли бы перенести тронъ философіи (!) въ свои будуары“. Чтобы найти счастливую средину, гдѣ соединяются добродѣтель и любезность, женщинамъ необходимо просвѣщеніе. Француженки XIX вѣка посѣщаютъ лицеи, лекціи профессоровъ, музеумы, читаютъ, сочиняютъ. У насъ нѣтъ лицеевъ, музеевъ, дружескихъ ученыхъ собраній... Но все это было бы, если бы женщины захотѣли. Отъ ихъ вкуса, пылкаго воображенія и нѣжной души Макаровъ ожидаетъ новыхъ вдохновеній. „И почему не быть женщинѣ столь же ученой, сколько и мужчинѣ? Ужасны люди, которые думаютъ, что, приобрѣтая знанія, женщины теряютъ прелести своего пола“. Сообщивъ примѣры ученыхъ женщинъ, авторъ восклицаетъ: „И ваши имена запишутся въ вѣчность, и мы въ восторгѣ благодарности скажемъ:—женщины просвѣтили Россію!“

Сотрудники Меркурія вторили издателю. Кн. Шаликовъ въ „Путешествіи въ Малороссію“ скорбитъ о слабыхъ успѣхахъ просвѣщенія въ краѣ, особенно среди женщинъ ¹⁾. „Милая, прелестная Грація сидитъ безмолвною въ обществѣ. Но разговорите и развеселите ее и ея подругъ—увидите, что онѣ вовсе не обойдены дарами природы и при лучшемъ воспитаніи были бы любезны“. „Почтеніе къ женщинамъ весьма полезно“ ²⁾, заявляетъ другой сотрудникъ: „онѣ изъ самолюбія стараются оправдывать его своимъ поведеніемъ, а нравы ихъ дѣйствуютъ на участь всего человѣчества. Воспитатель можетъ обогатить память, украсить разумъ, но характеръ образуется единственно женщинами—въ цвѣтущее время юности“. „Меркурій“ готовъ все простить женщинамъ за любезность и пріятность въ обществѣ и съ восторгомъ печатаетъ панегирикъ Нинонѣ де Ланкло ³⁾, „славной француженкѣ, какой другой врядъ ли будетъ“, заслужившей безсмертіе одной любезностью. Дмитріевъ и карамзинисты протесто-

¹⁾ Тамъ же, № 9, стр. 171.

²⁾ Тамъ же, № 10, стр. 43.

³⁾ Тамъ же, № 6, стр. 160.

вали противъ подобныхъ статей въ духѣ сенсуализма XVIII вѣка и нашли, что поклоненіе женщинамъ у сотрудниковъ „Меркурія“ не освѣщалось уваженіемъ. Если настроенія лучшихъ представителей молодежи отражались въ журналахъ, то журналы, въ свою очередь, оказывали вліяніе на болѣе слабые, не самостоятельные элементы русскаго общества. Среди архивныхъ юношей, бывшихъ товарищей по службѣ Андрея Тургенева, находился Михаилъ Макаровъ, однофамилецъ издателя Меркурія; ограниченный, безъ искры таланта, онъ горѣлъ желаніемъ прославиться на литературномъ поприщѣ, если не въ кругу извѣстныхъ писателей, то хотя бы среди начинающихъ дамъ-диллетантокъ. Вмѣстѣ со своимъ другомъ Смирновымъ, онъ какъ бы проникся совѣтами „Моск. Меркурія“ заканчивать воспитаніе чувствительнаго сердца въ обществѣ милыхъ царицъ гостиныхъ. Образы руководительницъ парижскихъ салоновъ, особенно чарующій обликъ древней Аспазіи тревожилъ юное воображеніе. Оба друга рѣшили посвятить свое свободное время прославленію писательницъ м безъ отказа открыть всѣмъ женщинамъ страницы собственнаго журнала „Для Милыхъ“.

Возникъ курьезнѣйшій до карикатуры памятникъ одной изъ тенденцій того времени,—привлекать женщинъ къ литературнымъ салонамъ и литературной работѣ. Издателю было тогда не болѣе 17—18 лѣтъ. Журналъ продержался всего годъ (1804) и, странное дѣло, приобрѣлъ все-таки подписчиковъ. Кромѣ оригинальныхъ стишковъ сотрудниковъ, онъ заполнялся нескладными переводами, вольными до искаженія пересказами, весьма бойкими французскими повѣстухами, иногда передѣланными на русскіе нравы эротическими идилліями XVIII вѣка. Большая часть матеріала была какъ будто случайно выхвачена изъ дѣдовскаго или отцовскаго книжнаго шкафа и для чего-то водворена на страницы журнала. Идиллія „Побѣда надъ нимфами“ своимъ эротизмомъ особенно возмутила серьезную публику ¹⁾. Наивный пе-

¹⁾ Журналъ „Для Милыхъ“, въ 2-хъ томикахъ имѣется въ Публ. Библ. Въ „Чтеніяхъ“ Об-ва Ист. и Др. Росс., за 1905 г. юбилейная статья о журналѣ В. Покровскаго.

реводчикъ самъ признается, какъ, сидя въ кабинетѣ, въ долгій осенній вечеръ, „со скуки взялъ книгу, и со скуки началъ переводить французскую идиллію“¹⁾. Другой юноша тоже, вѣроятно, отъ скуки подсунилъ редакціи анекдоты изъ сборника „Gasconiana“; но тутъ²⁾, удары критики повліяли, и дѣло обошлось безъ скабрёзности. Петербургскій „Сѣверный Вѣстникъ“ счелъ долгомъ заступиться за стыдливость „милыхъ“ дамъ и усердно совѣтовалъ имъ не брать въ руки неприличнаго журнала³⁾. Въ Петербургѣ возмущались его порнографическими статьями. Но московскіе критики-земляки не любили обижать своихъ, и только смѣялись надъ нелѣпымъ изданіемъ и шалостями юношей.

Кромѣ случайныхъ сотрудницъ, Макаровъ имѣлъ и постоянныхъ,—переводчицу Аспазію Макарову и эмигрантокъ изъ славянскихъ земель, сестеръ Безнину и Труbesка. Обличенныя въ плагиатъ, который печатался, согласно обѣщанію издателей—не отказывать женщинамъ авторамъ, онѣ отбивались отъ нападковъ журналистовъ, и сами попытались завести отдѣлъ критики; Безнина писала безсвязные отзывы о статьяхъ „Вѣстника Европы“, и обѣ вмѣстѣ фельетонную болтовню на французскій ладъ⁴⁾. Во всякомъ случаѣ, это были первые опыты женщинъ-критиковъ въ Россіи. Журналъ „Для милыхъ“ прекратился вовсе не по недостатку подписчиковъ или невниманію публики. Въ своемъ прощальномъ обращеніи⁵⁾ къ читателямъ издатели сообщаютъ, что имѣли „благое намѣреніе чѣмъ-либо пожертвовать прекрасному полу“, но имъ слишкомъ надоѣло слушать пересуды; закрывая журналъ, они просятъ прощенія у „милыхъ“, если чѣмъ-либо оскорбили ихъ.

¹⁾ Тамъ же, кн. 1, стр. 96.

²⁾ Журналъ „Для Милыхъ“, 1804, № 7, стр. 34. Подписана М. Мак—въ, самъ издатель.

³⁾ „Сѣв. Вѣстникъ“, 1804 г., кн. 3, стр. 259.

⁴⁾ № 4, стр. 141 и № 6, стр. 358.

⁵⁾ Последній № подписанъ соиздателями: М—ъ (Макаровъ). К—ъ (?) Кн. Ш—ъ (кн. Шаликовъ), С—ъ (Смирновъ); кромѣ того въ журналѣ участвовали: Жеденевъ, Д***, Лавровъ, кн. Н. Кугушевъ, Илья Старинкевичъ, А. П. Бунина, Кн. Ел. Т—я, (Трубецкая или Труbesка), Алс—ръ Мел—новъ; прочіе подписались буквами.

Макаровъ какъ будто стыдился своего мальчишескаго опыта, но первая попытка издательства только подогрѣла его страсть къ литературѣ. Въ 1805 г. онъ пресерьезно готовилъ въ издательницы свою сотрудницу Е. Труbesка. Она намѣревалась издавать съ 1806 г. журналъ „Амуръ“, и могла слѣлаться первой по времени въ Россіи женщиной-издательницей¹⁾. Но эта странная особа имѣла неосторожность подписаться подъ публикаціями княжной Елизаветой Трубецкой. Московскіе князья Трубецкіе оскорбились за свою родственницу, подлинную княжну Елизавету, непричастную къ литературѣ, и пригрозили скандаломъ. Говорятъ, сестрамъ писательницамъ пришлось скрыться изъ Москвы; изданіе „Амура“ не состоялось. Макаровъ утѣшался участіемъ въ „Московскомъ Курьерѣ“, гдѣ усердно хвалилъ статьи женщинъ въ другихъ журналахъ. А въ 1806 году родились одновременно „Дамскій Журналъ“ неизвѣстнаго издателя и „Московский Зритель“ кн. Шаликова.

Веселый студентъ Жихаревъ²⁾, забавно рассказываетъ, какъ ему привезли только что оттиснутый проектъ новаго журнала.— „Это просто объяденье, что твой Шаликовъ!“—Изъ уваженія къ почтеннѣйшимъ русскимъ дамамъ, въ слѣдующемъ 1806 г., будетъ издаваться ежемѣсячное изданіе „Дамскій Журналъ“,... Главнымъ предметомъ будетъ нѣжная чувствительность, сопряженная съ моралью. Иногда помѣщаемы будутъ статьи о модахъ, переведенныя изъ иностранныхъ журналовъ. Критика и политика исключаются.

Вышло всего 3 или 4 №№, и журналъ угасъ, убитый равнодушіемъ публики. Немногіе библиофилы знаютъ его. Въ Москвѣ въ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ В. Покровскому недавно удалось найти три №№ „Дамскаго Журнала“ и переиздать ихъ къ столѣтію выхода, въ 1906 г. на средства Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ³⁾. Въ противоположность

¹⁾ Дмитріевъ, М. „Изъ запаса моей памяти“, и Вигель, „Воспоминанія“, 1-е изд., ч. III, стр. 138.

²⁾ „Записки Современника“, изд. 2-е, ч. I, 200.

³⁾ „Чтенія“, 1906 г. и отдѣльно. Въ интересномъ предисловіи издатель недостаточно выдѣляетъ элементъ дружбы въ статьяхъ Д. Ж.

изданію Макарова, журналъ отличается строго выдержаннымъ тономъ, чувствительно-идиллическимъ, даже буколическимъ. Пастухи и пастушки—его любимыя дѣйствующія лица. Главная тема стиховъ и прозы—дружба и любовь, или обѣ вмѣстѣ на грани *amitié amoureuse*. Любовь во всѣхъ ея перепетіяхъ завладѣваетъ личностью, поработачаетъ ее; пастушки только и дышатъ, что возлюбленными пастушками; въ ихъ отсутствіи они грустятъ и вянутъ. Дружба, укрощающая волненіе и пламя любви, даетъ личности свободу, внушаетъ альтруистическія чувства; любовь къ человѣчеству объединяетъ людей, вноситъ счастье въ міръ. Граціи и нимфы поютъ въ храмѣ, посвященномъ дружеству.

Явился нынѣ съ юнымъ годомъ ¹⁾,
Явился дружба, миръ, любовь!
И между смертнымъ родомъ
Не будетъ быстро литься кровь".
— „Повсюду вѣкъ златый явится,
Всѣ будутъ дружбу зрѣть одну“.

Пѣсенки въ томъ же нравственно-чувствительномъ духѣ.—„Надпись къ силуэту, на коемъ изображены два сердца“ ²⁾,

— Въ нихъ дружба воцарилась,
Любовь, ты удались“.

А другая поэтесса поетъ:

Дружба жаръ мой потушила,—
Ей я храмъ соорудила,
Для любви тамъ мѣста нѣтъ“.

Та же поэтесса, А... Н...ва, посвящаетъ дружбѣ и отрывокъ „Вечеръ“ ³⁾.—„Кажется всѣ ошущаютъ дружбу, всѣ со мною наслаждаются и вездѣ ходятъ парами... Теперь только я узнала счастье, теперь я узнала дары природы... Прежде плакала отъ грусти, теперь—отъ радости... Въ сердцѣ моемъ обитаетъ образъ милаго, прелестнаго друга моего, который вмѣстѣ со мной сокроется въ мрачной могилѣ“.

¹⁾ Тамъ же, № 1, стр. 1.

²⁾ „Дам. Журн.“, № 1, стр. 8.

³⁾ Тамъ же, № 1, стр. 9.

Эта поэтесса даетъ очень яркіе образцы *amitié amoureuse*. Вообще же любовь среди дѣйствующихъ лицъ цѣломудренна и непремѣнно ведетъ къ браку.

Изъ переписки чувствительныхъ друзей по поводу брака одного изъ нихъ узнаемъ о важнѣйшихъ качествахъ жены ¹⁾: „для свѣта, а особливо въ нынѣшній вѣкъ, нужно, что бы имѣла понятіе о наукахъ, а въ нѣкоторыхъ былъ и успѣхъ“. Нужно знать получше собственный языкъ; нуженъ и иностранный. Вообще отъ женщины требуется нѣкоторое образованіе. По цѣльности направленія журнальчикъ заслуживалъ въ свое время лучшей участи.

Дѣла „Московского Зрителя“ шли немного успѣшнѣе. Въ первыхъ книгахъ участвовали выдающіеся писатели, въ томъ числѣ Крыловъ, но со 2-й половины года журнальчикъ измельчалъ. Поклонникъ женщинъ, Шаликовъ, въ эту пору еще заставляетъ ихъ выслушивать осужденія.—Русскія женщины слишкомъ мало думаютъ о своей роли и своемъ значеніи въ общественной жизни. Отчего, напр., среди русскихъ нѣтъ меценатокъ? Почему подражаютъ француженкамъ во внѣшности, модахъ, но не подражаютъ ихъ преданной заботѣ о писателяхъ?... А русскія дамы пошумятъ восторженными похвалами, и скорехонько забудутъ автора и его книгу. Русскія дамы не понимаютъ важности духа общественности. Ихъ часто занимаютъ не общіе со знакомыми интересы, не сердечныя сношенія, съ ними связанныя, а исполненіе своихъ капризовъ; онѣ любезны съ расчетомъ, приглашаютъ гостей условно, требуя отъ нихъ услуги или одолженія. Дѣвицы же за пустяки, за противорѣчія охотно мстятъ грубымъ пренебреженіемъ. Маленькими біографіями ²⁾ дѣвицы Леспинасъ, Мен-тенонъ, самой великой Аспазіи, которая волнуетъ духъ даже почтенныхъ годами литераторовъ, русскимъ дамамъ напоминаютъ про огромное значеніе женщинъ, преданныхъ интересамъ общества.

¹⁾ Тамъ же, № 2, стр. 10 и 11.

²⁾ „Моск. Зритель“, 1806 г., № 1, стр. 22.

Въ „Зрителѣ“ находимъ два любопытныхъ для своего времени документа, къ сожалѣнію, единственныхъ въ своемъ родѣ,— два письма 1) сельскихъ жителей, стараго и молодого. Сельскій дворянинъ, отецъ семейства, проситъ издателя выслушать его жалобы и быть посредникомъ между нимъ и обществомъ, единственнымъ судьей въ его бѣдѣ, такъ какъ законъ не можетъ ему помочь. Дѣло въ томъ, что у дворянъ его губерніи появился странный обычай—жениться на своихъ челядинкахъ и крестьянкахъ. Къ чему теперь имъ, старымъ дворянамъ заботиться о воспитаніи дочерей, если образованныя дѣвицы осуждены на горькое одиночество? Сами же они, старики, лишены поддержки зятьевъ и утѣхи отъ внуковъ... А каково положеніе благовоспитанныхъ сестеръ и родственницъ, въ чью среду вводится бывшая рабыня? Каково воспитаніе дѣтей въ семьяхъ, гдѣ царитъ простолудинка?... Благородный отецъ такъ встревоженъ неравными браками, что грозитъ бѣдой всему государству, водвореніемъ варварства въ провинціяхъ.

Молодой сельскій житель отвѣчаетъ на его печалованье страстной отповѣдью въ духѣ Руссо.—„Мнѣ больно видѣть, что твари, подобныя вамъ и мнѣ, пишетъ онъ издателю, но лишены звучнаго имени, такъ презираются, что съ ихъ дочерьми стыдно вступать въ супружество“.—Защитнику добронравія слѣдовало бы обратить вниманіе на образованіе ума и сердца знатнаго потомства, тогда бы онъ сдѣлалъ нѣчто полезное, а онъ изливаетъ лицемѣрный гнѣвъ на женщинъ, не гордящихся предками... Всѣ должны памятовать естественную жизнь древнихъ людей, когда не знали неравенствъ; и теперь всѣ люди одинаково начинаютъ и кончаютъ жизнь, и теперь въ своихъ личныхъ дѣлахъ, какъ супружество, человѣкъ остается естественнымъ и слѣдуетъ внушеніямъ природы. Если его родственницы благовопитаны, онъ все это понимаютъ, ласково примутъ молодую женщину, свободную отъ узъ рабства, и помогутъ ей сдѣлаться хорошей матерью.—„Ахъ, она и въ невѣжествѣ своемъ сохранить сердце непорочное“, восклицаетъ чувствительный демократъ.—

1) „Московскій Зритель“, 1806 г., № 4 и № 6, стр. 25.

„Много ли, спросятъ, крестьянокъ съ добрыми сердцами? Смѣло говорю, столько же, сколько и дворянокъ!“—Дурной свѣтскій лоскъ—вовсе не воспитаніе. При ложномъ воспитаніи легко предпочесть крестьянку.—„Нѣжный родитель, укрась разумъ дочери, сдѣлай ее сострадательной къ несчастнымъ, снисходительной къ слабостямъ ближнихъ, внушай ей любовь къ человечеству болѣе, чѣмъ къ дворянству, и крестьянку не отбить у нея жениха!“

Въ русскомъ быту не разъ вспыхивало увлеченіе браками съ женщинами некультурнаго класса. Такое явленіе замѣчалось въ 60-хъ, отчасти 70-хъ гг.; тогда союзами съ болѣе непосредственными дѣтьми природы думали освѣжить семейный бытъ, даже обновить кровь потомства. Но можно ли считать напечатанныя Шаликовымъ письма отзвуками подобнаго же явленія въ началѣ XIX в., на это мудрено отвѣтить, такъ какъ намъ не удалось найти въ журналистикѣ того времени другихъ произведеній въ этомъ родѣ. Можетъ быть, издатель нашелъ полезнымъ напечатать эти письма въ виду ихъ поучительности, отвѣчающей цѣлямъ журнала.—Какъ ни плохъ журнальчикъ селадона-издателя, но на его страницахъ все-таки отражаются принципы либеральной морали того времени: стыдно разсчитывать на почетъ ради благородства предковъ; женщины же, чтобы нравиться, должны просвѣщать себя и блистать духовной красотой и своимъ влияніемъ содѣйствовать просвѣщенію общества.

Московскимъ журналамъ 1806 г. въ Петербургѣ вторилъ грубовато и безвкусно одинъ Остолоповъ въ своемъ ежемѣсячникѣ „Любитель словесности“ 1). Издатель общается иногда помѣщать извѣстія о модахъ, но не для того, чтобы понравиться прекрасному полу, не этимъ ищетъ онъ его благоволенія. Прося литераторовъ украшать изданіе своими произведеніями, онъ обращается особо къ писательницамъ:—„Мы знаемъ, что собственное сочиненіе женщины имѣетъ болѣе надъ нашимъ поломъ дѣйствія, нежели примѣрное произведеніе мужчины отъ того, что, читая первое, мы воображаемъ о самой сочинительницѣ,

1) „Любитель Словесности“. С.-Пб., 1806, № 1-й, предисловіе издателя.

переносимся мыслью въ кабинетъ ея, видимъ прекрасную, цѣлуемъ руку, изображающую намъ мысли ея и чувствованія, и сами стремимся подражать ей. Должны признаться, что мало еще имѣемъ авторовъ—женщинъ, однако имѣемъ, и твореніями ихъ можемъ похвалиться.“—Вообще же Петербургъ не могъ похвалиться щедростью на чувствительныя любезности по адресу женщинъ, и долго не имѣлъ журнала, предназначеннаго для читательницъ; за такими органами приходилось обращаться въ Москву. Тамъ неутомимый Шаликовъ съ 1808 г. снова выпускаетъ ежемѣсячникъ „Аглаю“, именемъ одной изъ Грацій привѣтствуя женщинъ-авторовъ.

Несмотря на большой балластъ скучныхъ и водянистыхъ статей, „Аглая“ имѣла успѣхъ и считалась лучшимъ журналомъ своего типа. Ее охотно читали въ провинціи. Иносказательныя и откровенныя любезности по адресу дамъ разсыпаны по всѣмъ страницамъ въ стихахъ и прозѣ, и всюду выдержанъ чувствительный немного жеманный стиль во вкусѣ невзыскательныхъ читателей того времени, но съ претензіей на интеллигентность. „Нисса или моя фантазія“ напр. ¹⁾—„Что такое красота?... Посмотрите на нее (Ниссу); послушайте ее!—Физиономія составляетъ ея красоту,—разговоръ—прелесть“.

„Къ NN“ ²⁾. Стихи въ альбомъ.—

„Но ты на сихъ богинь не мало не походишь;
„Ты къ сердцу ключъ другой находишь;
„Онъ въ чувствѣ, въ разумѣ и въ нѣжности твоей,
— Ключа сего названье—
„Любезность, скромность, дарованье“.

Въ статейкѣ „Цвѣточекъ для милаго“ ³⁾ Шаликовъ сравниваетъ „прекрасное“ и „милое“.—Первое замѣчается и провозглашается всѣми... „Милое“ замѣчается и цѣнится болѣе тихими сердцами, сохраняется ихъ чувствами... „Милый“ предметъ тотъ, котораго нѣжная обрисовка даже кажется намъ неправильною,

¹⁾ „Аглая“, 1808, № 6.

²⁾ Тамъ же, 1808 г., № 10, 34.

³⁾ Тамъ же, 1808, № 12, стр. 23.

но мы любимъ его, прилѣпляемся къ нему съ перваго взгляда... „Милое“—свѣто-тѣни; оно держитъ пріятное равновѣсіе между противоположными одно другому цвѣтами.—При видѣ „прекраснаго“—крикъ удивленія. При разсматриваніи „милаго“ чувства наши не смѣютъ явно обнаруживаться... Какъ мила, говорятъ украдкой отъ взыскательныхъ критиковъ... Правильный станъ, прелестное лицо не могутъ одни составить „милаго“, которое требуетъ при томъ качествъ душевныхъ.

Получившимъ нѣкоторую извѣстность писательницамъ приходилось тогда защищать женщинъ отъ укоровъ и насмѣшекъ почти тѣми же аргументами; какіе слышались въ 60-хъ годахъ, да повторялись и въ болѣе позднюю пору. Екатерина Пучкова ¹⁾ рассказываетъ, что въ одномъ кружкѣ очень одобряли ее замѣтку „О женщинахъ“ ²⁾. Только одинъ молодой человѣкъ рѣзко осуждалъ женщинъ, особенно за тщеславіе и корыстолюбіе, съ какими они выбираютъ мужей.—„И что такое ученая женщина, философка, женщина со вкусомъ? Чѣмъ разнятся онѣ отъ обыкновенныхъ женщинъ? Сіи просты, скучны и сварливы, а другія притворны, хитры и мстительны; вотъ плоды просвѣщенія!“—Читавшая замѣтку скромно выступила со своими возраженіями. Разсудокъ и просвѣщеніе равно нужны мужчинамъ и женщинамъ, особенно женщинамъ, потому что онѣ повелѣваютъ мужчинамъ, какъ говоритъ самъ хулитель, лучше же повиноваться просвѣщеннымъ людямъ, нежели невѣждамъ.—Что касается браковъ, то они, какъ извѣстно, устраиваются родителями, а дочери не повинны въ ихъ расчетахъ. Женщинамъ приходится заботиться о бѣдныхъ и слабыхъ; можетъ быть, самая близость къ безпомощнымъ побуждаетъ ихъ скрытничать и осторожно обходиться съ людьми. Если женщины бываютъ хитры, то вѣдь всѣ рабы, всѣ угнетенные поневолѣ становятся притворщиками и т. д.

Въ 1811 году, кѣмъ-то обиженный, Шаликовъ пріостановилъ изданіе „Аглаи“, а возобновивъ въ 1812 году, скоро прекратилъ изъ-за войны. Со своими чувствительными поученіями и дида-

¹⁾ Тамъ же, 1810, № 1-й, стр. 43.

²⁾ „Вѣстн. Евр.“, 1810, № 4-й.

рамбами прекрасному полу „Аглая“ оказалась своего рода заключительным аккордом господству чувствительных настроений. Еще 1810 году, приѣхавъ въ Москву, Батюшковъ¹⁾ захворалъ, и увѣрялъ друзей, что пострадалъ, главнымъ образомъ, отъ тяжелаго воздуха чувствительной Москвы, густого отъ воздыханій, туманнаго отъ слезной влаги, проливаемой современниками.—Но съ этихъ поръ чувствительность идетъ на убыль; журналы меньше заботятся о воспитаніи чувствительныхъ собесѣдницъ и подругъ.—Жуковский занимаетъ читателей своими балладами; среди изліяній освободившихся чувствъ начинаетъ ощущаться потребность въ освобожденіи фантазіи.

Вслѣдъ за стремленіемъ привлечь женщинъ къ общественной и литературной дѣятельности, понемногу проявлялся и интересъ къ вопросу о ихъ воспитаніи и школьномъ обученіи. Императрица Марія Феодоровна была его дѣятельной руководительницей, что побуждало администрацію способствовать учрежденію институтовъ и школъ въ столицахъ и провинціи. Народившіеся педагогическіе журналы относились съ нѣкоторымъ вниманіемъ къ воспитанію женщинъ.—„Патріотъ“²⁾ В. Измайлова вышелъ въ свѣтъ съ посвященіемъ императрицѣ Маріи. Руководящая статья о воспитаніи относилась съ особымъ почтеніемъ къ педагогическимъ сочиненіямъ выдающихся женщинъ—де Бомонтъ, Жанлисъ, м-ссъ Эджвортъ³⁾. „О какъ бы я желалъ присоединить воспитаніе женщинъ къ воспитанію мужчинъ!... Но нравы наши этого не терпятъ“⁴⁾, говоритъ ея авторъ; но рядомъ другой смотритъ на дѣло иначе. Современное воспитаніе крайне неосновательно, по его мнѣнію; оно внушаетъ молодежи духъ честолюбія, стремленіе къ славѣ, къ карьерѣ. Даже женщины, всегда болѣе близкія къ природѣ, и тѣ удалились отъ естественной простоты, отъ домашней жизни⁵⁾. Имъ слѣдуетъ помочь возвратиться къ ней, а для этого имъ непременно нуж-

но по сердцу выбирать мужа. Сотрудники „Патріота“ развивали мысли, особенно популярныя среди публицистовъ первой французской республики, когда женщинъ энергично отстраняли отъ непосредственнаго участія въ политической жизни. „Патріотъ“ занимается личностью женщины и ея ролью въ мірѣ; но его редація еще не имѣла установившагося взгляда на эту роль и часто сама себѣ противорѣчила¹⁾, не разбираясь въ различныхъ точкахъ зрѣнія. Въ библиографіи старательно отмѣчались сочиненія, предназначенныя для просвѣщенія женщинъ.

„Другъ Юношества“ масона Невзорова²⁾ тоже стоитъ за подготовленіе женщинъ къ тихой семейной жизни, но довольно широко понимаетъ эту задачу³⁾. Шаликовъ былъ сотрудникомъ журнала и писалъ исключительно о женщинахъ.

— „Другъ Просвѣщенія“⁴⁾, повидимому, очень цѣнилъ работы женщинъ сотрудницъ, но мало печаталъ о воспитаніи женщинъ, зато первый перевелъ извѣстную книгу Сегюра— „О правахъ и состояніи женщинъ“⁵⁾.

Несравненно интереснѣе и опредѣленнѣе взгляды на воспитаніе женщинъ редакціи литературно-политическаго журнала „Улей“ (изд. въ 1811 г.)⁶⁾. Она помѣщала много статей о Польшѣ и переводовъ съ польскаго языка, вообще многое въ журналѣ отзывается иной, не русской культурой. Одна изъ первыхъ статей „Прекрасный Польшъ“⁷⁾ руководствуется мнѣніемъ Сегюра что „наука знать людей, кажется, есть наука знать оба пола“. Не слѣдовало бы предпочитать одинъ полъ другому. Но философы думали (и насъ къ тому приучили), что, описывая мужчинъ, они описываютъ все человѣчество.

Особая глава каждого № посвящена вопросамъ просвѣщенія

1) „Патріотъ“, № 9, стр. 294 и слѣд. № 4, отд. III, 95.

2) Издавался съ 1808 по 1815 гг.

3) „Другъ Юн.“, 1808. № 5, стр. 9 и слѣд.

4) „Другъ Просвѣщенія“, изд. 1804—1806 гг.

5) Тамъ же. 1809, кн. 2 я, стр. 240 и слѣд.

6) Собираательница „Матеріаловъ для исторіи женскаго образованія въ Россіи“, Е. Лихачева, не видѣла этого журнала.

7) Тамъ же. ч. I-я, стр. 57.

1) А. Н. Веселовскій, Жуковский, стр. 46.

2) Издавался въ 1804 г. въ унив. типографіи у Любія, Гарія и Попова.

3) Тамъ же, № 1-й, отд. I ст. 10.

4) Тамъ же, № 1-й отд. I. стр. 18.

5) Тамъ же, стр. 24 и слѣд.

и школьной жизни съ отдѣломъ о женскомъ воспитаніи. Говоря о составленномъ гр. Чацкимъ ¹⁾ проектѣ училища для приготовления домашнихъ учительницъ или надзирательницъ для дѣтей, сотрудникъ „Улья“ развиваетъ его основную мысль; напрасны усилія правительствъ воспитать юношество, если они не обратятъ вниманія на женскій полъ,—женщины—половина рода человеческого, и имъ люди обязаны первоначальнымъ воспитаніемъ... Сознаемъ истину: мужчины будутъ всегда тѣмъ, говоря вообще, чѣмъ будутъ женщины; ихъ вліяніе очевидно, и необходимо направлять его. Оговариваясь любезностями по адресу покровительницы женскихъ школъ, императрицы, авторъ рѣшается критиковать самый принципъ школьнаго воспитанія женщинъ. Принося несчетныя пользы мужчинамъ, общественное (т. е. школьное) воспитаніе не можетъ быть приспособлено для женщинъ. Женщины созданы для дома; самоотверженная смѣлость выполнять добродѣтели (!) въ домашнемъ кругу—ихъ первѣйшая обязанность... Да, наконецъ, многіе родители, по условіямъ климата и дальнихъ разстояній не рѣшаются разставаться съ дочерьми... Система воспитанія женскаго пола въ Россіи совсѣмъ особая, ей нѣтъ примѣра въ другихъ странахъ, осторожно говоритъ противникъ нашего дѣйствительно своеобразнаго воспитанія женщинъ въ институтахъ, оторванныхъ отъ семьи и общества. Но эта система удовлетворяетъ только столицы; для воспитанія дочерей семействъ, живущихъ въ глуши провинцій, необходимы домашнія наставницы, которыя отвлекли бы дѣтей отъ иностранцевъ и частныхъ пансіоновъ ²⁾. Только русская наставница можетъ воспитать россиянку, и потому необходимы заведенія для подготовки такихъ наставницъ для всѣхъ классовъ населенія.

Что касается „учености“ ³⁾ женскаго пола, то обозрѣватель школьнаго отдѣла такъ размышляетъ: еще не рѣшенъ споръ, способны ли женщины къ наукамъ, и какой родъ учености наи-

¹⁾ Тамъ же, ч. I-я, стр. 215.

²⁾ Тамъ же, ч. I-я, стр. 218.

³⁾ Тамъ же, ч. 2-я, стр. 38.

болѣе приличенъ имъ. Были цѣлые вѣка, благопріятствовашіе прекрасному полу, были и противныя ему времена; къ послѣднимъ принадлежитъ и нашъ вѣкъ съ нѣкоторыми частными исключеніями. Оттого ли, что женщины имѣютъ меньше истиннаго воспитанія, или мы сами сдѣлались взыскательнѣе, а женщины возбудили нашу ревность (требовательность?), но только онѣ имѣютъ больше критиковъ, чѣмъ славителей... И эта строгость зависитъ не столько отъ превосходства дарованій мужчинъ, сколько отъ перемѣнъ въ нравахъ, отъ великихъ совершившихся событій. „А природа, можетъ быть, гораздо справедливѣе въ раздѣлѣ своихъ даровъ чадамъ обоего пола, нежели наши гражданскіе законы“. „Удивительно, почему прилагательное „ученый“ въ женскомъ родѣ щекотливо для уха мужчинъ?“ Для своего времени авторъ оригинально и твердо разбирается въ очень сложномъ вопросѣ: онъ вѣритъ въ умственныя способности женщинъ, и потому сторонникъ научнаго образованія способныхъ женщинъ; но правильное воспитаніе женской личности вообще онъ считаетъ возможнымъ только среди домашней, семейной обстановки. Однако, какъ чуткій, вдумчивый человѣкъ, авторъ прекрасно понимаетъ, что устои стараго быта потрясены до основанія политическими переворотами, а съ ихъ паденіемъ начинаетъ измѣняться положеніе женщинъ.

Письмо тещи къ зятю ¹⁾ „О воспитаніи дочерей“ тоже не одобряетъ общественнаго воспитанія для женщинъ. Дѣвушка вовсе не полезно расти и развиваться исключительно въ женской средѣ: она должна испытывать и закалять свою добродѣтель передъ мужчинами. Кромѣ того, авторъ замѣчаетъ сходство между принципами моднаго „вольнаго правленія“ и общественнымъ воспитаніемъ дѣтей; въ общественныхъ, (и свѣтскихъ, вѣроятно), школахъ всѣ понятія о власти, повиновеніи и обязанностяхъ связаны съ правилами и установленіями, а не съ лицами. Дѣвица въ школѣ пріучается къ повиновенію разуму и правиламъ справедливости; но что ей дѣлать, когда придется повиноваться одному мужу? Для чего привыкать къ по-

¹⁾ Тамъ же, ч. 4-я, стр. 265 и слѣд.

знанію правъ, когда всю жизнь придется зависѣть отъ чужой воли? Мужчина долженъ заблаговременно научиться знать—*чему* повиноваться, а женщина обязана знать—*кому* повинуются. Ей нужно давать поменьше правилъ, но побольше подробныхъ указаній, *какъ гдѣ* поступать. Для нея крайне опасно, даже не позволительно ждать уроковъ опыта,—она, не учась, должна сумѣть сразу поступать правильно; а этому могутъ научить только близкіе, семья.

Намекъ на своего рода отвлеченно-конституціонный укладъ въ организаціи школьнаго воспитанія очень любопытенъ: въ немъ какъ бы мелькаетъ предвидѣніе будущихъ переворотовъ въ нѣдрахъ русскаго общества: событія 60-хъ годовъ, бурное стремленіе русскихъ дѣвушекъ къ личной свободѣ, бѣгство отъ семей къ новымъ формамъ жизни—несомнѣнно отчасти связано съ раннимъ развитіемъ у насъ общественнаго воспитанія женщинъ, покровительствуемаго государствомъ. Интересно такъ же, что сто лѣтъ тому назадъ между тенденціями самого общества, особенно передовымъ его слоемъ и мнѣніями писателей-педагоговъ чувствовался нѣкоторый диссонансъ, какъ и въ позднѣйшую пору: общество искало въ женщинахъ дѣятельныхъ себѣ членовъ, сотрудницъ и руководительницъ въ организаціи общественной жизни; оно умилялось передъ чистой женственностью, но давало чувствовать, что особенно цѣнить въ женщинѣ—человѣка. Такъ думала и Екатерина II, воспитывая первыхъ институтокъ для общества; она хорошо знала, что говоритъ, возражая сатирику: „Въ свѣтѣ жить—не значить ничего не дѣлать“. Мы видѣли, какъ усердно журналистика начала XIX в., высоко цѣня ихъ семейныя добродѣтели, привлекала женщинъ къ общественной жизни и умственному труду. Нѣсколько иная мораль звучала въ педагогическихъ журналахъ: нужно помочь женщинамъ вернуться къ простой домашней жизни, для которой она создана; грѣшно развивать въ ней честолюбивыя мечты о блестящей карьерѣ въ обществѣ. Впослѣдствіи эти взгляды сослужили службу реакціи 30-хъ и 40-годовъ, когда правительственная система потребовала, чтобы женщины воспитывались благочестивыми семьянинками, свободными отъ общественныхъ

идеаловъ. Въ нѣкоторыхъ журналахъ, какъ „Дѣтскій Вѣстникъ“ 1815 г. признаки реакціи проявились довольно рано ¹⁾. Даже цѣльныя и яркія воззрѣнія, отразившіяся въ полонофильствующемъ „Ульѣ“, и тѣ, противъ воли авторовъ, оказались полезными системѣ 30-хъ годовъ, которая взялась за мудреную, неблагодарную задачу—новыми для Европы формами школьнаго воспитанія возстанавливать и укрѣплять старые устои быта и міропониманія; въ обособленной отъ семьи школѣ готовить не только религіозно-нравственныхъ, смиренныхъ женъ и матерей, но и практичныхъ хозяекъ.

III.

Съ упадкомъ чувствительныхъ настроеній, въ бурную пору Отечественной войны и въ примыкающіе къ ней годы въ общественномъ сознаніи и журналистикѣ стало смутно и туманно. Гигантская борьба глубоко до самыхъ нѣдръ всколыхнула Россію, видвинувъ много новыхъ политическихъ задачъ, тѣснѣ связала страну съ судьбой европейскаго запада. Но общественное сознаніе плохо разбиралось въ нахлынувшихъ на него вѣяніяхъ и запросахъ. Въ журналистикѣ замѣчалось удивительное смѣшеніе омертвѣвшей старины со слабыми попытками заговорить самостоятельнымъ языкомъ. Въ „Чтеніяхъ“ только что организовавшагося общества „Бесѣда любителей русскаго слова“, имѣвшемъ почетными членами трехъ писательницъ, печатались запоздавшіе пересказы „Опыта“ Томаса въ видѣ „Похвалы женамъ“ ²⁾. Въ передовомъ „Вѣстникѣ Европы“ ³⁾ нѣкая росіянка разбиваетъ недавніе кумиры, объявляя, что „Новая Элоиза“ даетъ опасные примѣры для неосторожнаго юношества; многія страницы романа возмущаютъ ее безстыдствомъ языка, откровенной грубостью въ изліяніи чувствъ, которыхъ не мо-

¹⁾ „Дѣтскій Вѣстникъ“, 1815, изд. въ Москвѣ. Интересны письма институтокъ-подругъ.

²⁾ Кн. VI, стр. 3 Ив. Захаровъ, „Похвала женамъ“.

³⁾ Вѣстн. Евр., 1814 г., ч. 2-я, май, стр. 36 и слѣд.

жетъ слышать невинность. Достается и знаменитой Клариссѣ Ричардсона, которую считают ничуть не нравственнѣе Юліи.

Рядомъ съ этимъ еще слышатся отзвуки увлеченій Макарова и его сотоварищей. Въ дѣловитомъ Петербургѣ въ 1815 г. вдругъ несвоевременно возникаетъ подобіе журнала „Для милыхъ“, — „Кабинетъ Аспазіи“ безъ имени издателя. 1-й № начинается большой хвалебной біографіей Аспазіи, идеала многихъ русскихъ мечтателей ¹⁾. Далѣе находимъ маленькія біографіи писательницъ и знаменитыхъ женщинъ съ XIII в. до кн. Дашковой; есть извѣстіе объ ученой китаянкѣ Пинъ-Юси-Пана. Свѣдѣнія о женщинахъ, писавшихъ о преимуществахъ своего пола, печатаются въ перемежку съ жизнеописаніями фаворитокъ, какъ Ла-Вальеръ. Этимъ матеріаломъ для чтенія редакция, несомнѣнно, имѣла благое намѣреніе возбудить дѣятельную энергію современницъ, но собирала его крайне безтолково, кое-какъ. Обзорѣватели всѣхъ большихъ журналовъ обрушились на убогое изданіе съ язвительной критикой ²⁾; хотя слышались и голоса защитниковъ, говорившихъ, что на страницахъ „Кабинета Аспазіи“ мелькаютъ кое-гдѣ „мысли и чувства“. Издатель обидѣлся и на 8-мъ № прекратилъ изданіе журнала.

Въ провинціи стремленіе дать женщинамъ литературное воспитаніе и привлечь ихъ къ писательству, повидимому, проявлялось болѣе серьезно. Оно замѣтно въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ первыхъ двухъ лѣтъ его существованія, прекрасномъ областномъ журналѣ ³⁾. Въ лицѣ Шумлянкой и Каменской онъ имѣлъ постоянныхъ переводчицъ и компиляторшъ философскихъ и популярно-научныхъ статей, и свою поэтессу Л. Кричевскую. Издатели выражали увѣренность, что примѣръ ихъ сотрудницъ возбудитъ и въ другихъ желаніе доставить удовольствіе читателямъ. „Обитатели нашего края увидятъ, что и Харьковъ по многимъ отношеніямъ замѣняетъ столичное воспитаніе“ ⁴⁾. Изда-

¹⁾ „Кабинетъ Аспазіи“, 1815 г.

²⁾ „Вѣстн. Евр.“, 1815 г., сент., 138.

³⁾ „Украин. Вѣст.“, издавался въ Харьковѣ съ 1816 года Филомафитскимъ, Гонорскимъ и Квиткой.

⁴⁾ „Украин. Вѣстн.“, 1816. стр. 53.

тели выдвинули симпатичныхъ писательницъ, чтобы привлечь южанокъ къ литературѣ и чтенію.

Вспоминая, какъ М. Н. Муравьевъ организовалъ въ Москвѣ кружокъ мелкихъ писателей, чтобы научить ихъ писать хорошимъ живымъ языкомъ, Гонорскій рассказываетъ, что то же самое устраивала редакция „Вѣстника“, сообщая выбирая статьи и исправляя языкъ сотрудниковъ ¹⁾. Всѣ указанныя имъ статьи подписаны женщинами. Очевидно, редакция обрабатывала дарованія сотрудницъ. Зато поэтесса Кричевская — подлинный самородокъ и очень скромная, — всегда съ извиненіями помѣщаетъ свои стихи; она не имѣла случая учиться „даже на мѣдныхъ деньги“, сама читала только стихи, и по навыку писала для тѣхъ, которые, не разбираясь въ стихосложеніи, „измѣряютъ одни мои чувства и говорятъ, что я пишу по ихъ сердцу“ ²⁾.

Журналъ съ уваженіемъ и искренней теплотой относится къ женщинамъ. Очень бойкая отація „Женская свобода“ протестуетъ противъ предрассудковъ, сковывающихъ женскую личность. Какъ китайская обувь, мнимая благопристойность сжимаетъ любезность обращенія прекраснаго пола. „Не мѣшайте чистому ключу извиваться по своему произволу... Стѣсненный ключъ въ водоемѣ — не та краса и чистота“. Живость въ женщинѣ то же, что душа въ тѣлѣ нашемъ. „Если бы бойкія, живыя женщины не тормозили мужчинъ, они бы задремали на пиру жизни“ ³⁾...

Вѣстникъ очень внимательно слѣдитъ за жизнью Харьковскаго института для дочерей бѣдныхъ дворянъ, помѣщаетъ рѣчи объ образованіи дѣвицъ, которое должно быть не иначе, какъ общественнымъ. Но на 3-мъ году изданія понемногу исчезаютъ со страницъ его статьи сотрудницъ и статьи о женщинахъ, и въ 1819-мъ году журналъ совсѣмъ не заботится о литературномъ воспитаніи малороссіянокъ ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, 1816 г., дек., 374, Смѣсь.

²⁾ Тамъ же, 1817, апрѣль, 134 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, 1816 г., Смѣсь, стр. 370.

⁴⁾ Съ этого года журналъ велъ одинъ Филомафитскій.

Хотя собранные нами из русской журналистики данные довольно отрывочны, они все-таки сообщают некоторые указания на то, как развивался интерес к женской личности среди затронутого культурой общества, как откликались сами женщины на голоса литераторов, призывавших их к просвещению, к деятельному участию в общественной жизни.

В XVIII-м вѣкѣ, какъ извѣстно, русская литература вращалась въ одномъ и томъ же заколдованномъ кругу, не развиваясь органически. Благодаря грубости, инертности общества, она не находила пищи въ источникахъ національной жизни и была вынуждена подражать, поработавшись иностранными образцами. Работы нѣсколькихъ писательницъ печатались въ самыхъ раннихъ журналахъ, но эти авторши принадлежали къ семьямъ писателей и издателей и работали подъ строгимъ руководствомъ; ихъ индивидуальности почти не проявлялись. При такомъ состояніи общества, обращенія Новикова и его сотрудниковъ въ свое время почти не находили отклика въ современницахъ.

Печать подражательности лежала и на карамзинской эпохѣ; но къ этому времени вѣковая работа подражателей и переводчиковъ накопила богатый матеріалъ литературныхъ темъ и переработокъ, и съ улучшеніемъ языка началось необходимое выясненіе и раздѣленіе основныхъ литературныхъ теченій,—что очень оживило работу мысли и подняло уровень литературной образованности.—Подъ впечатлѣніемъ бурныхъ событій французской революціи, наглядно воплотившей освободительныя идеи, прежде доносившіяся до Россіи въ очень туманныхъ очертаніяхъ, въ самомъ русскомъ обществѣ зародилась новая, скрытая притаившаяся работа. Дворянская интеллигенція со страстнымъ любопытствомъ прислушивалась къ событіямъ и втихомолку накапливала свѣдѣнія о народныхъ движеніяхъ и ихъ вождяхъ. Мысль работала и въ павловскія времена подъ покровомъ чувствительности и піэтизма. Грандіозными событіями интересовались и женщины послѣдняго поколѣнія XVIII-го в., увлекаясь „Новой Элоизой“, „Эмилемъ“ и ихъ безчисленными подражаніями, изошряя надъ ними свою чувствительность, вѣрнѣе—свою воспримчивость къ впечатлѣніемъ.

Теперь въ эпоху чувствительности обращенія къ высшимъ духовнымъ свойствамъ женщинъ находили подготовленную почву, имѣли успѣхъ, и даже сдѣлались на время общимъ мѣстомъ въ популярной литературѣ. Наиболѣе чуткія, впечатлительныя женщины примыкали, какъ дѣйствительные члены, къ передовымъ кружкамъ карамзинистовъ; другія умѣло пользовались духомъ времени и объединяли въ своихъ гостинныхъ видныхъ дѣятелей литературы и просвѣщенія. Чувствительные и требовательные просвѣтители восторженно вызвали къ жизни лучшія качества женскаго ума и сердца и, помогая литературному образованію пріятельницъ, давали импульсъ ихъ самостоятельной работѣ мысли ¹⁾.

Можно думать, что въ столицѣ было не мало литературныхъ кружковъ, а въ Москвѣ литературный свѣтъ удивлялся и даже обижался, если юная авторша выступала на литературное поприще, не считаясь ни съ однимъ изъ нихъ ²⁾. Новая внимательная читательница, поглощая легкую и идейную беллетристику, не чуждалась и научно-популярныхъ трактатовъ по самымъ животрепещущимъ вопросамъ того времени. О достоинствѣ произведеній, особенностяхъ авторовъ, идеяхъ мыслителей велись серьезныя живыя бесѣды въ кругу друзей; еще неопытныя въ жизни, но чуткія читательницы вдумчиво вслушивались въ ихъ рѣчи и учились судить собесѣдниковъ по ихъ литературнымъ взглядамъ. Благодаря своему литературному образованію, онѣ могли и сами критиковать ихъ и заставляли прислушиваться къ своимъ сужденіямъ.

Интимная литература начала XIX-го в. рисуетъ передъ нами не мало начитанныхъ вліятельныхъ собесѣдницъ Батюшкова Жуковского, кн. Вяземскаго и др. Извѣстенъ литературный пріемъ Пушкина: онъ давалъ своимъ любимымъ героинямъ въ руки книги изъ библиотекъ ихъ героевъ, и по отмѣткамъ на

¹⁾ Ничтожный сотрудникъ Макарова, Бланкъ, руководилъ первыми опытами поэтессы А. П. Буниной, получившей нѣкоторую извѣстность.

²⁾ „Дамскій Журн.“ 1830 г., т. II, № 51—52, стр. 117, отзывъ М. Макарова о юной беллетристкѣ М. Извѣковой.

полях заставлялъ судить объ умственной физіономіи возлюбленных¹⁾. Это несомнѣнно навѣяно знакомствомъ съ внутренней жизнью кружковъ.

По сильному вліянію на уровень развитія женщинъ эпоху чувствительности можно сравнить съ Возрожденіемъ. Общее сходство признаетъ и замѣчательный знатокъ послѣдняго, А. Н. Веселовскій. Русскихъ женщинъ призывали на общественную арену, содѣйствовали ихъ самообразованію, возбуждали въ нихъ вѣру въ свои силы. Онѣ скоро выросли духовно и сумѣли пріобрѣсти вліяніе на общество и культуру. Но, подобно героинямъ Возрожденія, онѣ должны были вращаться въ рамкахъ стараго быта и нерѣдко страдали отъ его путъ.

Въ столицахъ указанные нами журнальчики для дамъ являлись только знаменіемъ времени, отраженіемъ, часто утрированнымъ, общихъ мѣстъ, принятаго по отношенію къ женщинамъ тона. Но въ провинціи и они имѣли нѣкоторый авторитетъ и побуждали цѣнить дѣятельное участіе женщинъ въ общественной жизни.

Но уже въ первыя полтора, два десятилѣтія XIX-го в. русскія женщины замѣтно выросли умственно и нравственно и складывались въ дѣятельныхъ, интеллигентныхъ и сильныхъ сознаниемъ долга личностей. Прежнія чувствительныя любезности, слащавыя поощренія лишились всякаго смысла. Журналы „Для Милыхъ“ и „Аглаи“ стали анахронизмомъ; одинъ лишь Шаликовъ, 23 года служившій редакторомъ Московскихъ Вѣдомостей, попутно отводилъ душу изданіемъ „Дамскаго Журнала“; но это былъ сколокъ съ иностранныхъ модно-будуарныхъ листковъ безъ прежнихъ замысловъ. Сохранилось не мало отзывовъ о дѣятельныхъ, интересныхъ, даже обаятельныхъ женщинахъ, воспитавшихся духовно среди литературныхъ кружковъ эпохи чувствительности и въ свою очередь разливавшихъ вокругъ себя свѣтъ и тепло. В. В. Стасовъ помнилъ, какимъ вліяніемъ пользовалась во время его ранняго дѣтства А. М. Сухарева, одна изъ первыхъ предсѣдательницъ женскаго патріотическаго общества

¹⁾ Татьяна въ кабинетѣ Онѣгина, Лиза „Романа въ письмахъ“.

и тюремнаго комитета; рядомъ съ нею пользовалась извѣстностью Полторацкая, дочь собирателя древностей Хлѣбникова и устроителя образовательнаго музея, продолжавшая дѣло своего отца¹⁾.

Очень уважаемая Батюшковымъ Е. Г. Пушкина стояла на одномъ уровнѣ развитія со своими лучшими современниками. — А. А. Воейкова (урожд. Протасова) оказывала неотразимое вліяніе на посѣтителей своего салона. — „Свѣтлана Жуковскаго врядъ ли не лучше стиховъ его“, писалъ про нея А. И. Тургеневъ кн. П. Вяземскому въ 1820 г. „Теперь не она по Жуковскому мнѣ мила, но Жуковскій становится интереснѣе по ней. При ней можно отдохнуть отъ жизни и снова расцвѣсти душой. Большой свѣтъ не опалилъ ее своимъ тлетворнымъ дыханіемъ“... Про ее сестру, М. А. Мойеръ, предметъ нѣжнѣйшей любви Жуковскаго, восторженно отзывается даже злорѣчивый Вигель.

По сознанию нѣкоторыхъ современниковъ, юныя ученицы переросли учителей и ушли впередъ изъ тѣсныхъ рамокъ доступныхъ имъ поэтическихъ формъ. Женскія личности 20-хъ годовъ отливались въ яркія, цѣльныя индивидуальности, сильныя сознаниемъ нравственнаго долга и чувствомъ общности. Онѣ обновили общественную жизнь и помогли воспитанію новыхъ, уже національныхъ поэтовъ. Среди нихъ были первыя русскія общественныя дѣятельницы и первыя политическія подвижницы въ лицѣ женъ декабристовъ²⁾.

¹⁾ В. В. Стасовъ. „Воспоминанія о моей сестрѣ“.

²⁾ Вигель жалуется, что женщины болѣе, чѣмъ когда-либо руководятъ жизнью высшаго общества обѣихъ столицъ. Провинціальныя чиновницы и дворянки стараются подражать свѣтскимъ львицамъ. Уже въ началѣ Александровскаго времени дѣятельная губернаторша сдѣлалась необходимымъ лицомъ въ провинціальной администраціи. „Воспоминанія“ 2-ое изд., ч. II, стр. 123 и 208.

Марія Извъкова ¹⁾.

Знаете ли вы дѣвицу Марію Извъкову, читали ли вы романы дѣвицы Маріи Извъковой? Если нѣтъ, то бѣгите въ книжную лавку, попросите книгопродавца порыться въ его погребѣ и кладовыхъ,—этихъ книжныхъ кладбищахъ, и отыскать вамъ романы дѣвицы Маріи Извъковой, если ихъ еще не съѣли мыши, и прочтите ихъ какъ можно скорѣе... Каковы одни заглавія—такъ и дышутъ чистѣйшей нравственностью! А содержаніе еще лучше, еще нравственнѣе, хотя надо признаться—невообразимо скучно. Его составляютъ происшествія, въ которыхъ дѣйствуютъ лица безъ образовъ... Романы г-жи Извъковой кромѣ чистѣйшей нравственности проникнуты еще нѣжнѣйшей чувствительностью; и вѣроятно многихъ слезъ стоили они прекраснымъ читательницамъ того времени... Такъ отзывался Бѣлинскій въ 1843 г. о совершенно забытой въ его время писательницѣ. Однако, онъ выбралъ именно ее для своего очерка о женскомъ творчествѣ былыхъ временъ, написанномъ по поводу собранія сочиненій Зинаиды Р—вой (Елены Ганъ) ¹⁾. Обычная чуткость критика не обманула его: беллетристика-дилеттантка, Марія Евграфовна Извъкова, действительно, довольно любопытное явленіе для своего времени и своего общества.

Современники оставили очень мало свѣдѣній о ея жизни. Извъкова появилась въ Москвѣ около 1805 г. Въ обѣихъ столицахъ въ эту пору нарождалось много маленькихъ литературныхъ кружковъ; очень немногіе изъ нихъ сумѣли проявить замѣтное вліяніе въ общественной и культурной жизни, но всѣ они были въ свое время полезны и нужны, удовлетворяя потребности своихъ членовъ въ постоянномъ взаимномъ общеніи. Женщины принимали въ этихъ кружкахъ живое и дѣятельное участіе; роль ихъ становилась замѣтной и вліятельной. Въ Москвѣ

возникли журналы „для дамъ“; въ кружкахъ интересовались литературными опытами женщинъ. По словамъ одного изъ поклонниковъ женскаго творчества, М. Макарова ¹⁾, около 1805 г. въ Москвѣ заговорили, что дѣвица съ хорошимъ состояніемъ пріѣхала изъ провинціи въ столицу только для того, чтобы издавать романы, написанные во вкусъ г-жи Жанлисъ; послышались толки и пересуды.—„Дѣвица Извъкова не должна была спѣшить съ изданіемъ своихъ романовъ, замѣчаетъ тотъ же благосклонный современникъ; ей бы слѣдовало искать связей у двора литературнаго, и, шутки въ сторону,—просить совѣтовъ,—но желанія питомицы музъ были рѣшительны“... Очевидно, москвичи удивились, и даже немного обижались, что юная дебютантка выступила внѣ связей съ литературными кружками, упорная въ своей одинокой самостоятельной карьерѣ.

Извъкова пріѣхала въ Москву, вѣрнѣе, слѣдуетъ думать, была привезена матерью и родными, чтобы составить себѣ имя, блеснуть талантами. Ей было тогда не болѣе 15-ти, 16-ти лѣтъ. Въ одномъ изъ предисловій она сама заявляетъ, что писала первый романъ на 16-мъ году ²⁾. Кромѣ замѣтки Макарова, не сохранилось другихъ извѣстій о ея жизни въ Москвѣ. Но она, вѣроятно, являлась въ свѣтѣ, и родные не безъ гордости представляли ее какъ писательницу; а любопытное московское общество судило и рядило о ней, но суховато и не безъ ехидства,—вѣдь ее выдвигали безъ заискиваній передъ „свѣтомъ“.

Уже въ 1806-мъ году Извъкова выпустила свой первый романъ въ 4-хъ томахъ,—„отмѣнно длинный, нравоучительный и чинный“.—Тономъ полнымъ достоинства она посвятила его императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, почитая въ ея особѣ—„покровительницу наукъ, пекущуюся о просвѣщеніи нѣжнаго пола“.—Императрица отдала ей перстнемъ. Въ предисловіи она выражаетъ увѣренность, что публика окажетъ снисхожденіе первому труду

¹⁾ „Дамскій Жур.“, 1830 г. т. II. №№ 51—52 стр. 117.

²⁾ Кн. Голицынъ, „Словарь рус. писательницъ“, 122 стр., говоритъ, что Извъкова род. 12 фев. 1794 г. Не могла же она писать романы въ 11, 12-ть лѣтъ.

¹⁾ „Русская Старина“ 1911 г., кн. 6-я.

²⁾ Соч. изд. 1883 г., ч. 7-я, стр. 161-я.

новичка, извинить неопытность молодой дѣвушки, писавшей безъ руководства учителей по одной природной склонности къ литературѣ; ону выпустила его въ свѣтъ, только повинувшись волѣ матери и уважая просьбы родныхъ и друзей.—Оговорка вполне во вкусъ г-жи Жанлисъ, которая рѣзко осуждала бойкихъ дѣвицъ, способныхъ распространять свои мысли среди незнакомыхъ въ двухъ тысячахъ экземплярахъ и болѣе; дѣвицамъ не подобаетъ проявлять личную инициативу въ такомъ дѣлѣ; онѣ должны руководиться волею старшихъ. Въ семьѣ Извъковыхъ, повидимому, знали правила модной писательницы, и рука начитанной матери направляла авторскіе подвиги юной Маріи.

Первое произведеніе—„Эмилиа или печальныя слѣдствія безразсудной любви“¹⁾—по обилію эпизодовъ вмѣщаетъ нѣсколько романовъ; львиная доля страницъ отведена разсказамъ матерей, отторгнутыхъ злодѣями отъ семействъ, или похищенныхъ и найденныхъ дѣтей.

Всѣ герои необычайно добродѣтельны, особенно матери; послѣднія вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлы и дѣятельны въ непрерывной борьбѣ съ препятствіями. Какъ почти во всѣхъ произведеніяхъ Извъковой, мѣсто дѣйствія скрывается въ туманѣ; герои вращаются въ „нѣкіемъ царствѣ“, часто переносясь „за тридевять земель“, на необитаемые острова. Дочь придворнаго, Эмилиа, противъ воли родителей обвѣнчалась съ наслѣднымъ принцемъ, имѣла двоихъ дѣтей. Интересны тѣ моменты ихъ тайнаго сожителства, когда наслѣдникъ, перейдя на положеніе простаго смертнаго, началъ задумываться; полная искренность между супругами исчезла. Эмилиа почувствовала, что не имѣла права похищать у страны политическаго дѣятеля и хорошаго государя у народа. Принца-бѣглеца нашли, вернули въ столицу и женили на принцессѣ. Далѣе три тома наполнены необычными приключеніями Эмилии, ея матери, дѣтей, товарищей по несчастью и злодѣянiami ея отца. Отцы у Извъковой или тираны, или въ лучшемъ случаѣ легкомысленные люди. Наконецъ героиня умираетъ въ присутствіи принца, его признанной женой, а ея па-

¹⁾ Сочиненія М. Извъковой имѣются въ Имп. Пуб. Библіотекѣ.

сынокъ изъясняетъ даже готовность уступить права наслѣдованія ея сыну.

Даже современникъ Макаровъ¹⁾ видитъ въ этомъ романѣ только „портретную живопись“ съ иностранныхъ образцовъ, находя признаки нѣкоторой самостоятельности лишь въ послѣднемъ по времени трудѣ Извъковой. Но тутъ нѣтъ и живописи; незамѣтно даже работы молодой руки; это какая-то безудержная болтовня старой разсказчицы. Можно думать, что страстная мать усердно помогала дочери своей начитанностью въ модной беллетристикѣ.

Въ слѣдующемъ 1807 г. дѣвица Извъкова издала свою драму „Альфонсъ и Флорестина или счастливый оборотъ“. Сюжетъ тотъ же—приключенія молодой женщины, разлученной съ мужемъ его отцомъ-злодѣемъ.

Самая форма изложенія мѣшаетъ развитію старческой болтовни, и стиль письма становится моложе. Здѣсь интересна субретка, говорящая въ духѣ сентиментальнаго демократизма французскихъ комедій конца XVIII-го вѣка²⁾:

„Вы думаете, графъ, что мы, бѣдныя твари, рождены единственно для вашихъ услугъ, и что даже мысли наши ограничиваются только нашей должностью. Конечно, мы большою частью должны молчать, но замѣчать и чувствовать—никто не властенъ отнять у насъ этого права!“ и т. д. Ея госпожа, съ своей стороны, проявляетъ сознательное отношеніе къ тяжелому положенію дѣвушекъ въ обществѣ, даже красивыхъ и богатыхъ; вниманіе, почетъ, любезности поклонниковъ не вознаграждаютъ ихъ за душевныя муки, порождаемыя строгимъ осужденіемъ каждаго ихъ смѣлаго поступка, каждаго неосторожности, которое производитъ взыскательный свѣтъ; юноши не имѣютъ и понятія о нравственныхъ искусствахъ, выпадающихъ на долю дѣвицъ³⁾.

Послѣ 1807-го года семья Извъковыхъ перебралась въ Петербургъ. Тамъ въ 1809 году Марья Евграфовна выпустила вто-

¹⁾ „Дамскій Жур.“, 1830 г. т. II, то же.

²⁾ „Альфонсъ и Флорестина“, д. II-ое, стр. 42.

³⁾ То же, стр. 61.

рой большой романъ въ трехъ томикахъ—„Торжествующая добродѣтель надъ коварствомъ и злобою“.—Въ предисловіи она благодаритъ публику за лестныя похвалы своему первому опыту; онѣ побудили ее вновь приняться за работу и представить трогательныя картины страждущей невинности, дабы утвердить въ сердцахъ читателей правила добронравія. О! какъ бы ей хотѣлось быть полезной! Это желаніе и любовь къ отечеству защищаютъ ее отъ „ядовитыхъ стрѣлъ критики“. Героиня романа,—„будучи воспитана въ уединеніи и имѣя свободное сердце... безъ принужденія послѣдовала волѣ отца своего и приняла супруга отъ руки его“. Но скоро сердце заговорило; она влюбилась въ одного изъ своихъ поклонниковъ, но сохранила самую нѣжную любовь и преданность къ своему мужу;—новое и довольно интересное положеніе къ сочиненіи дѣвицы-дилеттантки начала XIX-го вѣка! Въ этомъ романѣ всѣ женщины необыкновенно смѣлы и полны инициативы, затмѣвая своей энергіей мужчинъ. Героиня, переодѣтая въ платье мужа, выходитъ вмѣсто него на дуэль, чтобы спасти мужа и жениха сестры отъ опасности и спасаетъ обоихъ ¹⁾).

Въ томъ же году вышло лучшее изъ произведеній Извѣковой—„Милена или рѣдкій примѣръ великодушія“,—романъ, разумно умѣстившійся въ одномъ томикѣ. Впервые дѣйствіе происходитъ въ Россіи, въ губернскомъ городѣ. Кое гдѣ мелькаютъ даже попытки нарисовать обстановку, отвѣчающую душевному настроенію героевъ. Романъ посвященъ „наидостойнѣшей матери“, отдавшей жизнь и силы воспитанію дочери—автора; все предисловіе—панегирикъ этой добродѣтельной воспитательницы.—Милена получила ложное извѣстіе о гибели своего жениха, и въ состояніи скорбнаго безразличія вышла за другого искателя, легкомысленнаго, капризнаго мота. У ней уже есть сынъ, когда она встрѣчаетъ Виктора, перваго жениха. Разгорается тяжелая душевная драма. Мужъ и его родные мучаютъ, запираютъ Милену; но Викторъ всюду находитъ ее. Она старается успокоить

¹⁾ „Торжество добродѣтели“, т. I-й, стр. 92.

себя тѣмъ, что мать, имѣющая прелестнаго ребенка, не можетъ быть несчастной, но чувство все-таки рвется наружу:—„О Викторъ! тщетно бы я старалась себя обманывать; ты знаешь, что я люблю тебя; ты первый обратилъ мое вниманіе, ты далъ мнѣ почувствовать, что я имѣю сердце, и признаюсь, что почла бы за первое счастье быть тобою любимой, если бы могла желать того безъ угрызенія совѣсти. Викторъ, я люблю тебя, люблю больше всего на свѣтѣ, но честь и Миловзоръ (ея сынъ) мнѣ драгоценнѣе и самого тебя“ ¹⁾).

Когда мужъ оказался двоеженцемъ и попалъ въ тюрьму, Милена великодушно спасаетъ его, заявивъ, что ея измѣна оттолкнула отъ нея мужа; она боялась, какъ бы безчестіе отца не отразилось на судьбѣ сына. Послѣ смерти мужа ея самообвиненіе открылось, и весь судъ единодушно преклонился передъ ея нравственнымъ величіемъ. Она упорно желала постричься, но Виктору удалось спасти жизнь ея ребенку, и она согласилась выйти за него.

„Милена“ очень интересна для своего времени, какъ показатель нарастанія нѣкотораго, еще слишкомъ индивидуальнаго гражданского сознанія на почвѣ сентиментальныхъ настроеній; въ романѣ проявились намеки на душевный строй слѣдующаго поколѣнія русскихъ женщинъ, среди котораго Пушкинъ нашель ту,—„съ которой образованъ Татьяна милый идеалъ“. На 20 лѣтъ ранѣе въ многословномъ, устарѣломъ стилѣ Милена произноситъ знаменитое:—„я васъ люблю,—къ чему лукавить!“... А современницы Татьяны, жены декабристовъ, идутъ спасать мужей и возлюбленныхъ цѣною своихъ жизней, гражданскихъ правъ и репутаций... Вообще, женщины этихъ поколѣній уже съ трудомъ выносятъ тягость стараго патріархальнаго быта; въ романахъ Извѣковой одна любовь матерей создаетъ и поддерживаетъ семейный очагъ, а не власть отцовъ, избалованныхъ и испорченныхъ огромными общественными привилегіями.

Послѣ „Милены“ Марія Извѣкова ничего не печатала; она вскорѣ вышла замужъ. Лишилась ли она руководства своей ма-

¹⁾ „Милена“, стр. 135.

тери, или ея литературная дѣятельность встрѣтилась съ противоѣдѣствіемъ мужа и новый семьи? На счетъ этого можно строить какія угодно догадки; но послѣ энергичной 4 лѣтней работы она вдругъ умолкла, едва начавъ самостоятельно развиваться. Впрочемъ, для себя она продолжала работать въ тиши своихъ покоевъ: послѣ нея осталось много рукописныхъ сочиненій; что съ ними произошло—пока неизвѣстно; а жаль,—они могли бы сохранить не мало любопытнаго матеріала для исторіи русскаго общества ея времени.—Марія Евграфовна скончалась 15-го января 1830 г., женой дѣйств. ст. сов. Николая Ѳеодоровича Бедряги.

Что сказать о литературномъ достоинствѣ произведеній Извѣковой! Несомнѣнно, согласиться съ Бѣлинскимъ: они невыносимо скучны для публики его времени, неудобочитаемы и nepостижимо наивны, но они отвѣчали вкусами широкой публики своего времени, и русскія читательницы, поглощавшія ихъ, ничуть не отставали отъ представительницъ просвѣщеннаго запада. Подобные романы читались во Франціи нарасхватъ.—Слѣдуетъ отодвинуть въ сторону сочиненія г-жи Сталь и Шатобріана, чтобы составить себѣ отчетливое представленіе о литературѣ которой зачитывались во время 1-й имперіи, говорить извѣстный изслѣдователь французской словесности ¹⁾. Тогда царили романы, состоявшіе изъ цѣпи невѣроятныхъ приключеній, сентиментальныхъ изліяній говорунговъ и говоруній, туманныхъ образовъ безъ малѣйшихъ признаковъ индивидуальности, вращающихся въ неопредѣленныхъ пространствахъ безъ намека на мѣстный колоритъ. Можно думать, что ихъ писали для подростковъ и очень молодыхъ женщинъ, но ими зачитывался самъ Наполеонъ I-й. Авторами этихъ романовъ были преимущественно женщины—г-жи Коттэнъ, Жанлисъ, Суза и др. и братья Дюкре-Дюмениль. По ихъ стопамъ пыталась идти наивная Марія Извѣкова.

¹⁾ „Hist. de la langue et de la littér. franc“. Pétit de Julléville. VII p. 138.

Двѣ писательницы начала XIX вѣка ¹⁾.

Новиковъ и другіе издатели усердно привлекали женщинъ къ литературному труду, считая ихъ участіе въ едва зарождавшейся русской литературѣ очень важнымъ для развитія въ обществѣ просвѣщенія и любви къ чтенію; и страницы журналовъ конца XVIII-го вѣка уже пестрѣли именами сотрудницъ; издатели наперерывъ восхваляли ихъ; статьи и стихотворенія женщинъ-авторовъ сопровождались любезными примѣчаніями съ комплиментами и благодарностью отъ редакціи. Одно время въ нѣкоторыхъ кружкахъ столичнаго общества, занятія литературой считались для женщины какъ-бы признакомъ хорошаго тона; наряду съ произведеніями сотрудницъ зрѣлыхъ лѣтъ, издавались упражненія 13—14-лѣтнихъ дѣвочекъ, и дѣтскій лепетъ въ печати оправдывался, какъ заслуживающее поощренія раннее проявленіе любви къ отечественной словесности и стремленіе послужить ея скорѣйшему развитію. На выступленія женщинъ на литературномъ поприщѣ часто оказывали большое вліяніе ихъ семьи, поощряемые похвальными рѣчами современныхъ авторитетовъ, любившихъ указывать на распространеніе просвѣщенія внутри семей, какъ на важный признакъ духовнаго прогресса въ странѣ. Родные охотно эксплуатировали легко увлекавшихся дѣвочекъ, развивали въ нихъ экзальтированную чувствительность въ духѣ того времени и ихъ литературными опытами привлекали къ себѣ лестное вниманіе общества, а иногда пріобрѣтали и матеріальную пользу.

Сумароковъ первый деспотически распоряжался произведеніями своей дочери, не смѣвшей выбрать темы безъ его разрѣшенія. Анна Алексѣевна Волкова, членъ Державинской „Бесѣды любителей русскаго слова“, съ дѣтства была чтицей своего слѣпота, и рано начала складывать стихи, подражая прочитанному; почти дѣвочкой поднесла хвалебную оду великому князю

¹⁾ Докладъ, читанный въ Историческомъ общ. при СПб-мъ ун-тѣ въ мартѣ 1913 г.

Павлу Петровичу, и въ награду получала пенсію для отца. Тронутый добродѣтелью новой Антигоны, Шишковъ взялъ подъ свое покровительство всю дальнѣйшую дѣятельность Волковой. Здѣсь вліяли семейныя несчастья; но дѣвочку Поспѣлову наталкивало на то же самое, повидимому, одно тщеславіе ея родныхъ; 13 лѣтъ отъ роду она тоже послала оду Императору Павлу, и получила отъ него алмазный перстень, что произвело сенсацию чуть не на всю Москву. Вслѣдъ затѣмъ родственники издали два тома ея произведеній въ стихахъ и прозѣ, художественной прозѣ, какъ тогда любили говорить. Сочиненія 14—15-лѣтней Поспѣловой поражаютъ уже не экзальтированной чувствительностью, а обиліемъ мрачныхъ размышленій о бренности всего земного и величіи смерти. Въ 19—20 лѣтъ она писала драмы для развлечения своихъ родныхъ, а къ 21 году скончалась отъ чахотки. Иныя семьи спѣшили записать дѣвочку въ литераторы, какъ малолѣтнихъ сыновей въ гвардію.—Немного позже, семья же выдвинула въ литературный свѣтъ 16-лѣтнюю беллетристку, Марію Извѣкову, на чьи сентиментальные романы, какъ на знаменіе времени, обратилъ свое вниманіе Бѣлинскій; съ замужествомъ и переходомъ во власть новой семьи она уже не выступала въ печати, пряча свои творенія въ столѣ и шкапахъ.—„Я никогда не завишу отъ себя!“—обычный припѣвъ русскихъ дѣвушекъ интеллигентныхъ семей, звучащій въ перепискѣ женщинъ кружка юноши Жуковского, и въ женскихъ письмахъ семьи Бакуниныхъ, новаго поколѣнія 40-хъ годовъ.

Въ началѣ XIX вѣка насчитывалось, пожалуй, не мало женскихъ авторскихъ именъ, но благодаря случайности, женскихъ выступленій,—вольному и невольному диллетантизму большого числа пишущихъ женщинъ, не легко до сихъ поръ говорить о значеніи и вліяніи писательницъ въ раннюю пору нашей литературы. Даже современникъ Гречъ, въ своемъ „Опытѣ краткой исторіи русской литературы“ 1822 г. называетъ только трехъ писательницъ—Императрицу Екатерину II, кн. Дашкову и Анну Петровну Бунину; обѣ первыя пользовались совершенно исключительнымъ положеніемъ въ странѣ, и онъ справедливо оставляетъ ихъ въ сторонѣ; Бунина же, по его словамъ,—„зани-

маетъ отличное мѣсто среди писателей и первое между писательницами“; но о другихъ писательницахъ онъ умалчиваетъ. Въ настоящее время ихъ имена, и даже имя Буниной изрѣдка встрѣчаются въ ученыхъ примѣчаніяхъ филологовъ, да кое-гдѣ въ большихъ энциклопедическихъ словаряхъ, гдѣ составители мелкихъ біографій просто повторяютъ факты изъ жизни забытыхъ литературныхъ дамъ по свидѣтельствамъ современниковъ, проявляя полное незнакомство съ ихъ литературными работами. Тоже можно сказать и про немногія популярныя біографіи старинныхъ писательницъ; авторы трактуютъ своихъ героинь, какъ „выдающихся“ женщинъ, совсѣмъ не считаясь съ ихъ литературной фізіономіей.

Правда, наши раннія авторши были лишены того „чувства личной свободы“, которое, по мѣткому опредѣленію А. П. Чехова, необходимо пишущему даже при наличности таланта, чтобы выработаться въ настоящаго писателя; но ихъ личности очень интересны, какъ общественныя явленія, даже независимо отъ литературныхъ заслугъ; какъ дѣятельные члены литературныхъ кружковъ, просвѣщенные собесѣдницы гостинныхъ, онѣ оказывали несомнѣнное и сильное вліяніе на общественную жизнь, на развитіе истиннаго чувства общности, на духовный складъ писателей и вмѣстѣ съ этимъ на литературу.

Что касается нашей первой героини, Буниной, то она дѣйствительно выдѣляется довольно яркой фирурой на общемъ фонѣ пишущихъ дамъ по упорной трудоспособности и самостоятельности, съ которой она распоряжалась своей жизнью и трудомъ.—Въ 1812 г., ровно сто лѣтъ тому назадъ, вышли въ свѣтъ второй и послѣдній томикъ собранія стиховъ „Неопытная Муза“ и „Первые Опыты въ прозѣ“ ея поклонницы и послѣдовательницы Екатерины Наумовны Пучковой. Обѣ авторши могутъ поспорить въ скромности; обѣ усиленно извиняются передъ публикой, что дерзаютъ выступать съ изданіями своихъ сочиненій. Пучкова въ предисловіи называетъ свою книжечку „опытомъ своей неопытности“; если-бы не ея любовь къ словесности, она бы побоялась навести скуку на читателей. Оговорившись нѣсколько жеманнымъ заглавіемъ своего сборника, Бунина снова извиняется

и оговаривается въ примѣчаніяхъ и предисловіяхъ къ отдѣльнымъ произведеніямъ. Подъ красивой виньеткой I-го тома, выпущеннаго въ 1809 г. находимъ подпись: „муза спасла меня отъ потопленья“. Скромности оговорокъ въ обращеніяхъ къ публикѣ требовалъ хорошій тонъ того времени, изысканный и вычурный, отъ женщинъ кромѣ того—двойственность отношеній къ нимъ: съ одной стороны, издатели и критики льстивыми любезностями побуждали ихъ смѣлѣй и громче подымать голосъ въ печати, съ другой—авторитетные представители общественнаго мнѣнія, даже Державинъ, покровитель писательницъ, твердили имъ, что „тихость и смиреніе суть первыя достоинства, истинныя превосходства женщины“, т. е. та робкая принужденная связанность личности, которую называли встарину скромностью.

Въ 1812 г. собранія произведеній женскаго творчества были еще дѣломъ необычнымъ въ литературномъ свѣтѣ; но нашимъ героинямъ врядъ ли стоило особенно конфузиться за свои творенія,—они были знакомы читателямъ по журналамъ и уже оцѣнены критикой. Въ эту пору Бунина могла быть спокойна за судьбу своего сборника: значительная часть публики знала ее, какъ прославленную многими критиками „десятую музу“, „Россійскую Сафо“ и „Сѣверную Коринну“; она пользовалась покровительствомъ высокихъ особъ, участвовала въ Державинской „Бесѣдѣ“, а главарь другой литературной школы, Карамзинъ, аттестовалъ ее похвальнымъ отзывомъ: „ни одна женщина не писала у насъ такъ сильно“. Правда, самый опасный новаторъ утопилъ было ее въ Летѣ своимъ шуточнымъ стихотвореніемъ („Видѣніе на берегахъ Леты“), вмѣстѣ съ прочими—„рускими повивальными Сафами“, и кн. Шаликовымъ, но въ 1811 г. спохватился, прочитавъ ея поэму „О щастіи“; онъ простилъ ей отсутствіе требуемой темой философіи, „предмета слишкомъ важнаго для дамъ“, за поэтическія достоинства 3-ей пѣсни, конецъ которой прелестенъ, и отшучивается въ другомъ тонѣ: „Стихи текутъ сами собой, картина въ цѣломъ выдержана,—краски живы и нѣжны. Позвольте, милостивая государыня, имѣть счастье поцѣловать вашу руку, Клянусь Фебомъ и Шишковымъ, что вы имѣете дарованіе!“

При недюжинныхъ способностяхъ Бунина не диллетантка, какъ многія „Сафы“ ея времени; она много работала, и дѣйствительно сдѣлала свою карьеру литературой, жила работой пера, ходя далеко не въ современномъ смыслѣ слова. Ея біографія очень любопытна, и крайне жаль, что автобіографическія матеріалы, оставленныя ею роднымъ, не были, или не могли быть ими использованы. А. П. Бунина родилась 3-го января 1774 г., младшимъ ребенкомъ въ семьѣ рязанскаго помѣщика Бунина (однофамильца семьи Жуковского); разница лѣтъ между нею и старшими сестрами была такова, что она оказалась впоследствии чуть ли не сверстницей своихъ старшихъ племянниковъ. Семья Буниныхъ была велика, родство многочисленно, и писательница всегда насчитывала довольно много племянниковъ. Мать умерла, когда А. П. было всего годъ съ небольшимъ. Дѣвочекъ не рѣшились оставить у молодого еще вдовца, (онъ женился 16 лѣтъ); ихъ взяла на воспитаніе тетка, Усова. У нея и росла А. П., научилась грамотѣ и первымъ правиламъ ариѳметики; впоследствии она подолгу гащивала у замужней сестры. Дѣвицы жили въ деревнѣ, скучали, пересчитывали собранныя старшимъ поколѣніемъ книги, коротали время за пальцами, плетеньемъ кружевъ, а для удовлетворенія духовныхъ запросовъ, плели, кто могъ, стихи. Объ этомъ времени Бунина рассказываетъ въ одномъ шуточномъ стихотвореніи:

— „Займемся-жъ чѣмънибудь... да чѣмъ! Вотъ та бѣда!—

— „Здѣсь пальцы, и съ канвой!“—„Нѣтъ, нѣтъ, глазамъ накладно“...

— Такъ книжками, вотъ шкапъ!—Лишь шагъ сюда!—

— Отъ нихъ ужъ въ головѣ, ей-ей, туманно.—

— Ну, вотъ чернильница! „Прекрасно! Точно такъ!...

— Пускай о кровлю дождь стучитъ, дробится,

— Пускай на стекла снѣгъ ложится,

— И въ полдни спустится сумракъ,

— Иль вѣтръ одинъ спѣшитъ другимъ на встрѣчу.—

— Съ перомъ въ рукахъ, авось, того я не примѣчу.

— Но, что же мнѣ писать,—и что возьму за цѣль?—

— Труды смѣшны, когда имъ нѣтъ предмета“...—

Перебираются разныя темы сообща съ присутствующими; каждый предлагаетъ свою. „Диктуютъ всѣ...“

— Куражъ, терпѣннѣе строить города!

— Однако, что-то не клеится“...

Кто-то намекаетъ ей... возьми, что познакомѣй, попростѣе...

— „Начни-ка ты съ себя, себя извѣдай, потомъ и проповѣдай“...

И дѣвушка пишетъ: „Мой портретъ, списанный на досугѣ, въ осенніе вѣтры для пріятелей“, вышедшій въ свѣтъ значительно позже. Свою стихотворную болтовню на 14 страницахъ Бунина заканчиваетъ отъ лица недовольнаго читателя:—„Сочти-ка, сколько насажала!“

— „А проку нѣтъ, все дрянъ“...

— „Такихъ стиховъ не мало мы читали“...

Французскому разговору и танцамъ Бунина могла научиться только въ Москвѣ, куда по временамъ наѣзжала вмѣстѣ съ родными. Сестры ея рано обзавелись семьями; одна скоро овдовѣла, а поэтесса упорно не выходила замужъ, хотя обладала наружностью по меньшей мѣрѣ интересной и миловидной; одинъ изъ ея младшихъ племянниковъ, знавшій ее, когда ей было полъ сорокъ лѣтъ, свидѣтельствуешь, что и тогда А. П. была замѣчательно хорошенькой; при небольшомъ ростѣ ея движенія отличались граціей; немного продолговатое лицо съ очень живыми, блестящими глазами, сіяло бѣлизной и румянцемъ. Благодаря своему племяннику, Б. К. Бланку, она познакомилась въ Москвѣ съ писателями, И. И. Дмитріевымъ, Шаликовымъ и крайними карамзинистами, и подъ ихъ руководствомъ начала заниматься литературой. Лѣтъ 24—25 ей удалось видѣть свои произведенія въ печати; поэтому критики, отмѣчая, что стиль ея мѣстами тяжеловатъ, приписываютъ этотъ недостатокъ тому, что она слишкомъ поздно принялась за литературный трудъ. Библиографамъ извѣстно только одно изъ ея раннихъ произведений—прозаическій отрывокъ „Любовь“ (Иппокрена 1799 г. ¹⁾). Для

¹⁾ Макаровъ въ „Дамскомъ Журналѣ“ 1830 г., № 20-й приписываетъ его Аннѣ Жуковой.

автора-дѣвицы того времени оно отличается довольно смѣлымъ обращеніемъ со скользкой темой. Впрочемъ, по нѣкоторымъ намекамъ въ ея позднѣйшихъ сочиненіяхъ и по письму при завѣщаніи, можно думать, что писательница переживала въ эти годы какую-то сердечную драму. Въ указанномъ отрывкѣ и въ повѣсти, изданной въ книжкѣ „Сельскихъ вечеровъ“, чувствуется что-то личное, автобиографическое. Оба произведенія не вошли въ собраніе сочиненій Буниной, да и критика умалчивала о нихъ. Было же какое нибудь горе, побудившее говорить, что „муза спасла отъ потопленья“ нашу поэтессу.

Получивъ послѣ смерти отца на руки оставленный ей маленький капиталецъ, она рѣшилась самостоятельно распорядиться своей судьбой. Въ 1802 г. ея зять, Семеновъ, собрался везти своихъ сыновей учиться въ Петербургъ; Анна Петровна удивила его настойчивой просьбой—взять ее съ собой, ссылаясь на желаніе повидать брата моряка, вернушагося изъ дальняго плаванія. Потомъ онъ еще болѣе удивился, когда молодая дѣвушка рѣшительно заявила, что не вернется къ роднымъ ни въ Москву, ни въ деревню. Она поселилась со степенной женщиной прислугой въ собственной маленькой квартиркѣ на Васильевскомъ островѣ. Тутъ въ уединеніи Бунина провела года два за усиленной работой, занимаясь подъ руководствомъ хорошихъ и дорогихъ учителей тремя иностранными языками, нѣкоторыми необходимыми учебными предметами и русской словесностью съ П. Соколовымъ, (бывшимъ одно время секретаремъ Академіи Наукъ). Подготовившись, она съ тѣмъ же усердіемъ принялась писать, и съ 1805—6 г.г. стихи ея печатались въ московскихъ журналахъ. Между тѣмъ, ученье и петербургская жизнь поглотили ея капиталецъ, а гонорары тогда не могли пропитать. А. П. обратилась со своими произведеніями къ обѣимъ императрицамъ, и получила отъ нихъ пенсію, какъ одинокая, талантливая сирота.

По другой версіи Бунина поселилась сперва у своихъ родственниковъ Ахвердовыхъ. Генералъ Ахвердовъ состоялъ „кавалеромъ“ при дворѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны и младшихъ великихъ князей. Находя ея средства ничтожными, онъ посовѣ-

товаль А. П. обратиться за помощью къ Императрицѣ-матери. Въмѣсто прошенія дѣвушка написала трогательные стихи, вродѣ оды, произвела впечатлѣніе и получила денежную помощь. Впрочемъ, одно не исключаетъ другого. Всѣ знакомые помнили, что она училась, жила и писала въ своей скромной квартиркѣ на Островѣ. Близость же съ Ахвердовымъ помогла ей проникнуть ко двору и войти въ кружокъ Державина.

Нужно отдать ей справедливость, она не изливалась въ хвалебныхъ одахъ, не низкопоклонничала; вынужденная питаться литературнымъ трудомъ, она въ то время не имѣла другого выхода, какъ добиваться наградъ свѣще; но то, что она подносила—были, дѣйствительно, литературныя и даже дѣловитыя произведенія. А ея современникъ, кн. И. Долгорукій, губернаторъ, чиновное лицо, обижался, что его жену императрицы не награждали за поднесеніе кошельковъ своей работы! Съ родными же и частными лицами князь-писатель былъ щепетилень въ денежныхъ дѣлахъ. Таково было отношеніе къ казнѣ государства и государей!

Вообще Бунина была умна, сообразительна и очень тактична. Живя въ Петербургѣ, она сумѣла занять свое довольно самостоятельное положеніе между героями чувствительности, московскими карамзинистами, и представителями стараго Державинскаго толка. Изъ женщинъ писательницъ она одна состояла сотрудницей „Драматическаго Вѣстника“ 1808 г.

Свои мелкія произведенія она посылала въ московскіе журналы; сама же чтеніемъ и упражненіемъ въ переводахъ готовилась съ достоинствомъ участвовать въ литературныхъ собесѣдованіяхъ у Державина и Шишкова; сочиненія покрупнѣе, стоившія ей труда и подготовки, она берегла для отдѣльныхъ изданій съ посвященіями и для Державинской „Бесѣды“.

Въ 1808 г. Бунина выпустила сокращенный переводъ съ французскаго „Правиль поэзіи“ Бате съ приложеніемъ необходимыхъ свѣдѣній о русскомъ стихосложеніи, довольно серьезная работа для женщины ея времени. Книга посвящена Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и предназначена „для дѣвицъ“, вѣроятно, для покровительствуемыхъ ею институтокъ. Въ предисловіи Бунина

объясняетъ, почему нашла полезнымъ перевести и дополнить Бате для соотечественниковъ, и въ заключеніе обращается къ женщинамъ: „она желала дать имъ занятія въ часы, свободные отъ домашнихъ трудовъ и туалета,—слишкомъ почту себя вознагражденною. если сія книга будетъ посредницею между вами и музами, доставя вамъ способъ къ союзу съ сими нѣжными усладительницами нашихъ горестей“.

Въ 1809 г. она издала первый томикъ „Неопытной Музы“, поднесенный, какъ говорятъ, императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и доставившій автору новую маленькую пенсію. Въ 1811 г. вышло подъ-рядъ нѣсколько произведеній: „Спасеніе Фивъ“, повѣсть въ прозѣ, опять съ посвященіемъ молодой императрицѣ; нѣчто невѣроятно сухое, совершенно устарѣвшее для начала XIX вѣка. Она вошла въ книгу подъ заглавіемъ „Сельскіе Вечера“, рядомъ съ гораздо болѣе интересной повѣстью о несчастной судьбѣ смѣлой молодой дѣвицы, страстно влюбленной въ отказавшагося отъ нея юношу и умершей отъ любви. Этотъ единственный опытъ писательницы въ беллетристическомъ родѣ написанъ искренне, довольно живо и мѣстами напоминаетъ романтической стиль повѣстей 20-хъ и 30-хъ годовъ. Книга посвящена П. П. Бунину, „кроткому помѣщику и доброму брату“; его семью поэтесса какъ бы увеселяетъ своими рассказами. Въ этомъ же году вышло дидактическое стихотвореніе „О щастіи“ въ 4-хъ пѣсняхъ, которому удалось примирить Батюшкова съ Россійскою Сафо.—И въ эту-же пору Бунина готовила для „Бесѣды“ поэму въ стихахъ „Паденіе Фаэтона“, вполне соответствовавшую вкусу Шишкова и Державина. Какъ усердная посѣтельница ихъ литературнаго кружка и общепризнанная поэтесса, она была избрана въ почетные члены новаго литературнаго Общества „Бесѣды любителей русскаго слова“, одновременно со старушкой Урусовой и М. Волковой,—большой почетъ для женщины. Собранія общества обставлялись необыкновенно торжественно, въ большомъ, красивомъ залѣ дома Державина, внѣшнимъ убранствомъ котораго завѣдывалъ самъ великій театраль, кн. Шаховской. Члены и почетнѣйшіе гости размѣщались вокругъ столовъ посрединѣ залы, а для публики были устроены въ три

яруса мѣста вдоль стѣнъ. Для большаго блеска въ честь литературы установился обычай, что дамы являлись на собранія въ бальныхъ платьяхъ, а мужчины въ мундирахъ и орденахъ. Засѣдавшую среди ареопага литературныхъ и чиновныхъ знаменитостей Бунину видѣлъ весь столичный beau monde и проникался почтеніемъ къ писательницѣ, достигшей такого славнаго поста.

Въ 1812 г. появился 2-й томикъ сборника „Неопытная Муза“, куда не вошли „Сельскіе Вечера“, ни „Счастье“. Многое въ сборникѣ указываетъ на стѣснительныя условія, въ которыхъ жили и работали наши раннія писательницы. Передъ нами очень мало стихотвореній, гдѣ поэтесса вполне отдавалась бы настроенію; Бунина всегда сдерживается, куда-то оглядывается, точно присѣдаетъ передъ кѣмъ-то; искренніе порывы спѣшить обратить въ шутку. Она—одинокая дѣвица, она—извѣстна двору, членъ знаменитой „Бесѣды“, что особенно обязываетъ ее сочинять нѣчто отиѣнно серьезное, высоконравственное и поучительное; а вмѣстѣ съ тѣмъ ей необходимо занимать читателей, въдь она живетъ литературой,—и вотъ, она постоянно лавируетъ между неудобствами и опасностями; едва почувствуетъ, что увлеклась,—готово примѣчаніе съ оговоркой и совѣтомъ, какъ понимать ея шутки, или совѣтъ смотрѣть на легкомысленные стихи, какъ на бѣлыя страницы. А передъ болѣе серьезными произведеніями она извиняется, что при своей неопытности взялась за отвѣтственную тему; но часто въ скромныхъ оговоркахъ сквозитъ сознаніе ненужности этихъ присѣданій, даже затаенная насмѣшка.

Очень цѣльно по настроенію, одобренное всѣми критиками стихотвореніе—„Тѣмъ, которые предлагали мнѣ писать гимны“.

„Отвсюду бѣдствомъ утѣшенна,
Могу-ль воспѣть Творца міровъ?
Изъ дерзновенныхъ скорби словъ
Была бы пѣснь та соплетенна...
Отвсюду бѣдствомъ утѣшенна—

она не можетъ воспѣвать ни величія земного, ни счастья.

Стихотвореніе „При встрѣчѣ весны“ отражаетъ порывы души къ иному, лучшему міру,—„Сердце“ сжатое тоскою, рвется вдаль на край суеты.

Тамъ, гдѣ слабому сильнѣйшій
Не счисляетъ своихъ правъ—
Не гремятъ гдѣ пѣши рабства
И не брызжутъ слезы—кровь.
Гдѣ не носятъ съ видомъ ласки
Въ сердцѣ ядъ—въ глазахъ любовь“.

Интересна „Пѣснь свободѣ“, писанная къ NN по случаю даннаго на сіе имѣ повода“.

— „Оплоть противу злыхъ гоненій,
Стражъ мира, знанія, забавъ,
Вождь къ славѣ, мать изобрѣтеній...
Твой гимнъ—спокойствіе народа“...

Подъ сѣнью свободы все процвѣтаетъ; свободный трудъ всегда благословенъ. Про себя же поэтесса говоритъ:

„Мрачныхъ стѣнъ своихъ темничныхъ,
Въ которыхъ ты (свобода) одна со мной
На свѣтлу не смѣню неволю,
И блескомъ злата и честей
Не соблазну души своей.
Безъ ропота на скудную долю,
Въ убожествѣ глаза смежу...
Тебя мнѣ Богъ далъ въ соблюденіе
Моихъ скудельныхъ малыхъ силъ“...

Но прославленіе столь опаснаго оплота общаго блага требуетъ оговорки, и вотъ, въ концѣ—неожиданный аккордъ:

— „Тобой (свободой) въ благое Царь правленіе
Меня закономъ огради“.

Примѣчаніе поясняетъ, что авторъ въ этихъ словахъ имѣлъ въ виду указъ о вольности дворянства, приписывая его Екатеринѣ II.

Прочувствовано и сильно по настроенію стихотвореніе „Майская прогулка болящей“, рисующее разнообразныя впечатлѣнія страдавшей души. Но и въ немъ современники уже отмѣчали устарѣлость языка Буниной.

Изъ за утрированной скромности проглядываетъ глубокое увлечение литературной карьерой, своей самостоятельностью; „ее взяли музы“ въ свою власть, и она, слабая женщина, вышла на борьбу, на завоеваніе себѣ мѣста среди литературныхъ дѣятелей. Въ „Пекинскомъ Ристалищѣ“ она приводитъ на состязанье въ бѣгъ молодую китайку на слабыхъ, крошечныхъ ножкахъ и размышляетъ; „Къ чему въ краю намъ (женщинамъ) царства

„Искать того, что внутрь находится домовъ?

...То, видно, праздная, иль сирая была“...

Китайка съ трудомъ пробѣжала дѣтскій кругъ ристалища и, сконфуженная, ждала насмѣшекъ, но почтенные судьи единодушно аплодировали ей: они сумѣли оцѣнить энергію при слабыхъ силахъ...

Миръ судить въ насъ дѣла и подвиговъ лишь единый,
Знатокъ ихъ мѣряетъ со способомъ и силой“.

Е. Пучкова выбрала эти слова эпиграфомъ для своихъ „Опытовъ“.

Въ своемъ отношеніи къ общей долѣ женщинъ, руководимая музами поэтесса какъ бы отдаетъ дань традиціямъ: женщина—существо подвластное и должна искать счастья въ семьѣ. Она пишетъ не безъ скрытой ироніи „Въ альбомѣ 13 л. племянницъ“, совѣты несогласные съ тѣмъ, что сама проводила въ жизни:

— „Ты женщина,—учись бытъ съ юности покорна,
Въ желаньяхъ неупорна,—
Упорство женщинѣ порокъ,
Упорство ей къ напасти!
Надъ нами всюду власти!
Всегда мы подъ рукой...“

Но у Буниной имѣется въ запасѣ и другой тонъ относительно женщинъ, довольно ясно выраженный въ одномъ изъ ея лучшихъ стихотвореній „Разговоръ между мною и женщинами“:

Женщины. Сестрица душенька, какая радость намъ!
Ты стихотворица! На оды притчи, сказки
Различны у тебя готовы краски,
И, вѣрно, ближе ты по сердцу къ похваламъ,
Мужчины-жъ, милая... Ахъ Боже упаси!
Языкъ,—какъ острый ножъ.“ —

Однако, изъ разговора выяснилось, что стихотворица воспѣваетъ природу, подвиги героевъ, труды людей, а женщинъ не касается. Женщины возмущены, „что она пустилася хвалить мужчинъ“,

Какъ будто бы похвалъ ихъ стоитъ полъ одинъ!

Измѣнница, сама размысли зрѣло,

Твое ли это дѣло?

Иль нѣтъ у нихъ хвалителей своихъ?

Иль добродѣтелей въ насъ меньше, чѣмъ у нихъ?“—

Все правда, милыя, вы ихъ не ниже,—но ахъ!

Мужчины, а не вы, присутствуютъ въ судахъ,

При авторскихъ вѣнкахъ,

И слава, авторска у нихъ въ рукахъ,

А всякій самъ себя невольно ближе.“

Внизу примѣчаніе: Да простится мнѣ шутка сія изъ снисхожденія къ веселонравнымъ музамъ и т. д.

...Любопытно, что уже во времена Буниной у насъ намѣчалась своеобразная черта психологіи многихъ писательницъ,—двойственность отношенія къ коллизіи между положеніемъ не-многихъ выдающихся женщинъ, смѣло и открыто бросающимъ свои мнѣнія публикѣ и обязательной для женской массы подчиненностью сильному полу и установленнымъ обычаямъ. Наша героиня разрѣшаетъ вопросъ очень просто, съ напускнымъ добродушіемъ; но на Западѣ, гдѣ выдѣлялось много женскихъ талантовъ, раздвоеніе сказывалось рѣзче;—плодовитая г-жа Жанлисъ, выпустившая до сотни томовъ своихъ сочиненій,—называла отталкивающий наглостью въ молодой дѣвушкѣ стремленіе,—„распространять свои мысли въ 2000 экземплярахъ“. Позже то же самое замѣчается и у насъ въ Россіи; благочестивая и преданная старымъ традиціямъ Кохановская (Соханская) долго сомнѣвалась, подобаешь ли ей, женщинѣ, существу, свѣше ограниченному въ способностямъ, печатать свои произведенія, и успокоила себя тѣмъ, что среди толпы сѣрыхъ кошекъ можетъ же родиться одна трехцвѣтная. А ея современница Хвоцинская, хотя и чужда такихъ выводовъ, относилась холодно и недовѣрчиво къ женскому движенію 60-хъ годовъ. Недаромъ авторъ знаменитой „Логики“ Д. С. Милль дивился психологіи англійскихъ

писательницъ и говорилъ, что литературный классъ женщинъ пренебрежительно отрешивается отъ притязаній на расширеніе правъ женщинъ, не умѣя ставить общее дѣло выше собственнаго положенія въ обществѣ.

Пониженное положеніе женщинъ, ихъ зависимость отъ воли и сужденій мужчинъ, судя по немногимъ сохранившимся даннымъ, глубоко возмущали Бунину; рѣзко критикуя въ мужчинахъ „самовластныхъ господъ“, она сравнивала ихъ съ помѣщиками рабочевладельцами.

Въ семьѣ академика Грота хранится альбомчикъ писательницы со стихами и размышленіями ея друзей. Замѣчаніе Шаликова: „Всего похвальнѣе въ женщинѣ кротость, въ мужчинѣ—справедливость“, вызвало рядъ размышленій писательницы о положеніи женщины:

„Кротость въ женщинѣ бываетъ двоякая: одна есть драгоценнѣйшій ея монистъ, другая безславіе. Унижая себя, теряетъ она главное и единственное пола своего преимущество“.

— „Мужчинамъ не противна бываетъ сія двоякая женщинъ кротость. Пользуясь ею, покушаются они на все и дѣлаются самовластными господами. Помѣщику не бываетъ противно имѣть многихъ слугъ. Чѣмъ ихъ болѣе, тѣмъ болѣе для него и выгоды; но спросимъ у сихъ слугъ, не пожелаютъ ли они сдѣлать нѣкотораго съ помѣщикомъ своимъ условія“. Слѣдующія ея размышленія, говоритъ К. Гротъ, тщательно зачернены, (вѣроятно, мужской рукой), и слѣдующія странички совсѣмъ вырѣзаны. Зачеркнутое оказалось возможнымъ восстановить: „Мужчинамъ еще полезнѣе двоякая кротость тѣхъ женщинъ, которыя пробѣгаютъ одно съ ними поприще“.

— „Стихотворецъ охотнѣе осыпаетъ похвалами женщину-писательницу, нежели своего сотоварища; ибо онъ привыкъ о себѣ думать, что знаетъ больше, чѣмъ она. Онъ готовъ расточать ей похвалы, самая даже неумѣренная“.

— „Мадригалы нравятся женщинамъ легкомысленнымъ. Та, которая привыкла разсуждать, желаетъ только, что бы съ нею достойно обходились. Не хвали ее, но не приноси въ жертву своей гордости; она станетъ больше тебя любить, нежели какъ

по своему вѣдѣнію ты вдругъ то начнешь осыпать ее неумѣстными хвалами, то унижать неумѣстнымъ господствомъ“.

Очень развитое чувство собственного достоинства даже въ блестящіе годы ея извѣстности, (записи относятся къ 1810 г.), не позволяло ей мириться съ обычнымъ отношеніемъ къ женщинамъ, какъ къ ребенку, какъ къ существу низшему. Она всегда чуткимъ ухомъ сквозь гулъ похвалъ и восхваленій, слышала фальшь недомолвки и рассчитанную снисходительность, особенно обидную со стороны собратій по перу. Этой чуткостью къ пониженности женщинъ, протестами противъ ихъ покорности Бунина заражала и своихъ пріятельницъ; ея вліяніе на Пучкову вполне очевидно.

Несомнѣнно, что среди представительницъ перваго поколѣнія XIX в. уже кое гдѣ зарождался мятежный духъ, гораздо ранѣе романовъ Ж. Зандъ подготовившій дорогу Еленѣ Ганъ и другимъ менѣе значительнымъ выразительницамъ нарождающаго самосознанія русскихъ женщинъ.

Среди произведеній Буниной встрѣчаются и басни, нѣсколько растянутыя, безъ мѣткой краткости; двѣ изъ нихъ отмѣчены, какъ удостоившіяся представленія Россійской Академіи. Отъ эротическихъ же темъ она, повидимому, совершенно отказалась. Далѣе, въ предисловіи къ стихотворному переводу пѣсни „L'art poétique“ Буало, Бунина утверждаетъ, что и не мечтала состязаться съ трудомъ такого писателя, какъ графъ Хвостовъ; между тѣмъ несомнѣнно, что общее недовольство переводомъ Буало гр. Хвостовымъ поощрило ее взяться за эту работу.

Первое изданіе „Неопытной Музы“ заканчивается поэмой „Паденіе Фаэтона“ съ интереснымъ, мѣстами забавнымъ предисловіемъ, свидѣтельствующимъ объ умѣ и тактѣ Буниной. По ея увѣренію, это первое стихотвореніе, сочиненное ею безъ совѣта съ просвѣщенными наставниками, не подвергнутое ихъ предварительной критикѣ; скороспѣлое и неисправленное, „оно соблюло всѣ данныя ему мною погрѣшности“.

Предсѣдатель 4-го разряда общества „Бесѣда“, Захаровъ очень торопилъ писательницу поскорѣе представить свой трудъ къ опредѣленному дню засѣданія. Тогда Бунину особенно плѣ-

нял великолѣпный разсказъ Овидія о Фаэтонѣ, и вотъ, сознавая всю опасность состязанія съ такимъ образомъ, она выбрала эту тему для своей поэмы; „пускай даже предается оно (произведение) забвенію, лишь бы словесность русская сдѣлала выгодное себѣ приращеніе“.—Но Захаровъ очень сократилъ поэму, собственноручно передѣлалъ много стиховъ „за вялость и неблагородство слова“, какъ слышалъ авторъ. Въ этомъ видѣ поэма была прочитана И. А. Крыловымъ на засѣданіи и напечатана въ „Чтеніяхъ“ общества. Бунина „слушала и читала собственное произведение пріятно преобразившимся“, но внутренно, конечно, горѣла негодованіемъ, и немедленно издала его сама въ первоначальномъ видѣ, съ извиненіями и оговорками, чтобы не разсердить сочленовъ. „Большого труда, большого надъ собою усилія стоило мнѣ отречься отъ тѣхъ ученыхъ поправокъ и прекрасныхъ стиховъ, коими Фаэтонъ мой быть украшенъ при чтеніи. Знаю, сколь много теряю, представляя его въ первобытномъ грубомъ состояніи; но присвоивать себѣ чужое благоразуміе почитаю хищничествомъ. Да и можно ли безъ упрековъ совѣсти захватывать имущество подъ предлогомъ, что оно красиво и выгодно?“ ...Далѣе Бунина дѣльно и твердо критикуетъ поправки Захарова, проявляя вдумчивость и начитанность въ отстаиваніи своего пониманія мифа и своихъ оборотовъ рѣчи.

Въ 1819—21 г.г. произведенія Россійской Сафо издавались уже Россійской Академіей въ трехъ томикахъ, подъ заглавіемъ „Собраніе стихотвореній“ Анны Буниной. Сюда вошли поэма „О щастіи“ и патріотическіе гимны и оды, воспѣвавшіе побѣды русскіихъ въ 1813—15 г. г. и величіе Александра I-го.

Въ это время она уже получала пенсію въ 2.000 рублей. По новымъ извѣстіямъ, Александръ I подписалъ указъ о пенсіи за границей въ 1813 г. Послѣ ея смерти эту пенсію раздѣлили между ея племянницами.

Въ этомъ же году ея имя, единственное изъ женскихъ, появляется въ маленькомъ сборникѣ „Карманная бібліотека Аонидъ“, изд. Георгіевскаго, на ряду съ именами извѣстнѣйшихъ писателей того времени, (среди нихъ еще нѣтъ А. Пушкина). Кромѣ двухъ стихотвореній имѣются ея размышленія въ отдѣлѣ „апофтегмъ“; одно изъ нихъ полно житейской мудрости:

— „Не опускайся внизъ—и не вносишься вверхъ,
Держись средины;—
Не ослабляй бразды на мигъ единый,
И окомъ бодрственнымъ гляди всегда впередъ.
Наука сей другой замѣны нѣтъ!“

Расцвѣтъ литературной дѣятельности Буниной обнимаетъ 1806—1815 г. г.; въ эту пору она наслаждалась всѣмъ, что могли дать ей успѣхи, свобода, обширныя знакомства въ литературномъ мірѣ и большомъ свѣтѣ столицы. Начитанная, съ выработаннымъ даромъ рѣчи, она умѣла царить въ гостиной и за столомъ, являясь почетной гостьей въ домахъ высшей аристократіи; изрѣдка представлялась она и ко двору. Сама же жила довольно скромно на свои пенсіи, (хотя и часто страдала безденежьемъ, вынужденная помогать многочисленной роднѣ), но принимала литературныхъ друзей. Родня, особенно изъ гвардейской и учащейся молодежи, толпилась у нея. Передъ нею преклонялись, совѣтовались съ нею, пользовались ея протекціей. Племянникъ Семеновъ, писавшій комедіи и оперы, всегда читалъ ей свои произведенія. Писательница умѣла вліять на эту буйную военную молодежь аракчеевскаго времени, сдерживать грубые выходки, особенно издѣвательства надъ младшими. Кадетъ Стоговъ, тоже родственникъ, вспоминаетъ въ своихъ запискахъ, какъ его защищала знаменитая тетенька отъ нападковъ щеголеватыхъ офицеровъ; ея внушеній стѣснялись, зная, что съ ней трудно спорить. Ея серьезная дѣловитость, самостоятельность и литературная извѣстность импонировали всѣмъ, и въ годы своей славы она много читала и чему нибудь всегда училась.

О вліяніи Буниной на современницъ говоритъ Милоновъ въ посвященныхъ ей стихахъ:

— „Иль дѣва юная свободкою безцѣнной,
Счастливою душой страстямъ непрілѣпленной,
Не вѣдая тоски семейственныхъ заботъ,
Ни сердцу тягостныхъ неволею работъ,
Вступая сверетницъ въ кругъ, весельемъ оживленный,
Поетъ своей души и радость и покой.—
— Пускай счастливая она обворожаетъ

И ту, что въ цвѣтъ дней, и ту, что отцвѣтаетъ,
 Поетъ незлобіе и прелесть юныхъ лѣтъ,
 И въ свой подругъ своихъ влечетъ завѣтный слѣдъ.
 — ...Оставля для другихъ въ ихъ долѣ униженной,
 Даръ скорбный по стезѣмъ идти обыкновенной,
 Ты новою стезею со славою теки“...

Умѣла Бунина и веселиться, не отказываясь отъ участія въ шумныхъ и бурныхъ компаніяхъ, гдѣ какъ будто примирялась съ увлеченіями мужской молодежи. Ея братъ, морякъ И. П. Бунинъ, холостой весельчакъ и *bon vivant*, славился способностью забавлять и оживлять всякое общество. Писательница выступала въ роли хозяйки на его вечеринкахъ и концертахъ; неизвѣстно, коробило ли ее весьма вольное поведеніе членовъ „тайнаго общества кавалеровъ пробки“, устроеннаго веселымъ морячкомъ въ подраженіе литературнымъ и тайнымъ кружкамъ того времени. По словамъ того же Стогова, члены его являлись на собранія съ пробками въ петлицѣ скюртука. Мужчины садились между дамъ и пѣли пѣсню, сочиненную, кажется, гротескнымъ Бунинымъ: „Поклонись сосѣдъ сосѣду,—сосѣдъ любитъ пить вино.—Обними сосѣдъ сосѣда,—сосѣдъ любитъ пить вино“ и т. д.

Что касается интимной, сердечной жизни писательницы, то о ней біографическія данныя умалчиваютъ; эта сторона скрывается въ туманѣ; только сама она въ письмѣ при завѣщаніи проговаривается, что пережила не мало увлеченій, да письма Державина намекаютъ на ея отношенія къ И. И. Дмитріеву. Въ 1804 г. по поводу слуховъ о его женитьбѣ, друзья недоумѣвали—на комъ? На Буниной или Н. Плюсковой? А въ 1808 г. Державинъ шутливо сообщаетъ Дмитріеву:—„Съ А. П. Буниной мы иногда видимся и бесѣдуемъ о васъ; и какъ она застѣнчива и скромна, то всякій разъ при имени вашемъ заикается и дрожитъ:—это, я думаю, оттого, что столь нѣжнаго и пріятнаго стихотворца нельзя иначе вспомнить“. Вотъ все, что извѣстно о романѣ забытой героини своего времени, имя которой, по словамъ Цебриковой,—„повторялось бабушками нашими съ такимъ благоговѣніемъ, съ какимъ самыя пламенныя поклонницы Тургенева и Некрасова не произносили ихъ именъ“.

Послѣ 1812 г. писательницу постигла тяжелая болѣзнь, вначалѣ, вѣроятно, нервная; въ 1821 г. у нея опредѣлился ракъ въ груди. Лучшіе врачи двора не могли помочь ей. Императрица Марія Ѳеодоровна устроила ей поѣздку за границу для леченія. Больную поэтессу напутствовали пожеланіями въ стихахъ и прозѣ Пучкова, Шаликовъ и другіе поклонники. Свои впечатлѣнія отъ путешествія она живо и интересно описывала въ письмахъ къ роднымъ и друзьямъ. Двухлѣтнее пребываніе въ Англіи и еще на какихъ то водахъ плохо помогало, а по возвращеніи въ Россію болѣзнь продолжала понемногу развиваться. Говорятъ, что больная чувствовала себя хорошо только въ присутствіи Е. Ф. Татариновой, ясновидящей мистическихъ собраній въ Инженерномъ Замкѣ, и даже, будто бы, издали чувствовала ея приближеніе къ дому. Но и въ 20-хъ годахъ, часто страдая, Бунина не отказывалась отъ литературныхъ занятій, иногда писала стихи, переводила; послѣ нея остался переводъ проповѣдей Бера, начатый по совѣту императрицы Елизаветы Алексѣевны. Послѣдніе 5 лѣтъ ея жизни были уже однимъ томленіемъ; она провела ихъ съ семьей двоюроднаго племянника Д. Бунина, то въ Москвѣ, то на Кавказскихъ водахъ, то въ деревнѣ, гдѣ и скончалась въ декабрѣ 1829 г.

Она оставила письма, завѣщаніе и записки, которыя приказала Д. М. Бунину по прочтеніи передать племяннику Семенову. Судя по отрывку изъ завѣщанія, напечатанному въ „Дамскомъ Журналѣ“ 1830 г., она не пощадила себя въ воспоминаніяхъ, сообщая подробности своихъ увлеченій и ошибокъ. Родные, повидиму, желали ихъ напечатать, но не рѣшались; посылали ихъ кн. Шаликову,—и тотъ нашелъ возможнымъ помѣстить только письмо Буниной и начало завѣщанія. Что смущало Буниныхъ и даже такого страстнаго издателя дамскихъ произведеній, какъ редакторъ „Дамскаго Журнала“,—неизвѣстно пока. Можетъ быть въ запискахъ задѣвалось много лицъ; или, можетъ быть, въ нихъ отразились тѣ же протесты противъ женской доли, изъ за которыхъ изрѣзали и перепачкали странички ея завѣтнаго альбомчика? Тогда утрата документа особенно печальна.

Жаль, что остались неизданными и письма изъ за-границы,—

у насъ очень мало свѣдѣній о впечатлѣніяхъ тѣхъ немногихъ женщинъ стараго времени, которымъ доводилось путешествовать.

Такова была лучшая представительница мыслящихъ женщинъ средняго круга въ началѣ XIX-го вѣка. Бѣдная дворянка, она самостоятельно пробивала себѣ дорогу и добывала средства къ жизни. При социальныхъ порядкахъ ея времени, широкій, свободный размахъ личной жизни, доставившій извѣстность и придавшій столько блеска біографіямъ гр. Головиной, Свѣчиной, кн. З. Волконской, былъ недоступенъ для дѣвицы Буниной; но для людей XX-го вѣка эти условія должны придавать тѣмъ больше интереса и значительности положенію сотрудницъ въ дѣятельности кружковъ русской интеллигенціи прошлыхъ лѣтъ. Если принять свидѣтельство И. В. Кирѣевскаго, что новыя женщины 30-хъ годовъ выгодно отличаются отъ своихъ предшественницъ тѣмъ, что не удовлетворяются бойкой салонной бесѣдой, искусствомъ вертѣть понятіями и низать узорныя фразы, а приобрѣтаютъ собственный образъ мыслей,—что въ ихъ любезномъ разговорѣ скрывается не перелетная мысль, а настоящее мнѣніе, то на переходныхъ ступенькахъ этого подъема духовной женской личности найдемъ устойчивую работницу на избранномъ пути и твердую защитницу своихъ темъ и своего образа мыслей—А. П. Бунину.

Екатерина Наумовна Пучкова—типичная диллетантка, писала недолго и немного, выступивъ въ печати подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Буниной, ея рѣдкой самостоятельности и начитанности. Лѣтъ съ 16-ти (род. въ 1792 г.) Пучкова начала помѣщать свои разсужденія въ прозѣ: „О чтеніи“, „О женщинахъ“ и др. въ „Вѣстникѣ Европы“ Каченовскаго, „Аглаѣ“ кн. Шаликова. Послѣ 1812 г. появилось всего нѣсколько стихотвореній ея въ „Сынѣ Отечества“ и „Дамскомъ Журналѣ“. Въ своемъ маленькомъ сборникѣ „Первые опыты въ прозѣ“, кромѣ двухъ повѣстусшекъ совершенно бездарныхъ и не интересныхъ, она перепечатала разсужденія на серьезныя темы, мѣстами страдающія наивной претензіей на начитанность. Если Бунина заслужила укоры женщинъ, что не занималась ихъ судьбой, то Пучкова, какъ бы стремится исправить недочетъ; она пишетъ преимущественно для женщинъ, желаетъ быть имъ полезной, просвѣтитъ ихъ, преподаетъ имъ совѣты тономъ матери, или опытной старшей сестры.

Въ небольшой статейкѣ „Нужны ли женщинамъ науки?“ (В. Евр. 1811 г.), она отвѣчаетъ на вопросъ утвердительно, и приводитъ въ защиту своего мнѣнія аргументы, ставшіе общимъ мѣстомъ въ XIX вѣкѣ: можетъ ли женщина, не имѣющая никакихъ познаній, быть надежной подругой образованнаго юноши? Мать, первая наставница дѣтей, должна обо всемъ имѣть достаточное понятіе и т. д. Въ другой статейкѣ она воспроизводитъ довольно бойко споръ, возбужденный чтеніемъ первой статьи въ кружкѣ 10 лицъ, гдѣ преобладали мужчины. Всѣ присутствующіе хвалили умственные и душевныя способности женщинъ и признавали серьезное образованіе необходимымъ для нихъ. Только одинъ юноша неожиданно рѣшился утверждать, что женщины притворны, тщеславны, корыстолюбивы; ихъ вліяніе портитъ мужчинъ. „И что такое ученая женщина, философка, женщина со вкусомъ? Чѣмъ разнятся онѣ отъ обыкновенныхъ женщинъ? Сіи просты, скучны и сварливы, а другія притворны, хитры и мстительны. Вотъ плоды просвѣщенія!“

Присутствующіе примолкли, смущенные рѣзкостью хулителя женщинъ. Только одна молодая дѣвушка, читавшая статью Пучковой (очевидно—самъ авторъ), спокойно и твердо возразила ему, пользуясь его же заявленіемъ, что женщины управляютъ мужчинами,—не лучше ли повиноваться людямъ образованнымъ, нежели невѣждамъ? Вѣдь матери обрзаютъ духъ будущихъ людей; старцы, утомленные жизнью, ищутъ отрады и утѣшенія въ обществѣ женщинъ. Женщины—покровительницы, „наставницы, непремѣнныя спутницы ваши“ во всякое время жизни... „Вы говорите, мужчины оттого порочны, что женщины управляютъ ими. Неужели женщины рождаются порочными, а мужчины добродѣтельными? Вы этого ничѣмъ доказать не можете! Природа, какъ нѣжная мать, всѣхъ равно надѣляетъ своими дарами. Мужчины лучше насъ пользуются ими,—виноваты ли мы въ томъ? Ихъ наставляютъ въ твердости духа... обогащаютъ познаніями... „А у насъ отнимаютъ всѣ способы къ приобрѣтенію свѣдѣній; можно сказать, что съ первю каплею молока поселяютъ въ насъ обо всемъ ложныя понятія и притворство“. „Напрасно зовете насъ хитрыми и притворными“... Къ симъ искусствамъ

мы прибѣгаемъ противъ воли. Рабы и люди угнетенные поневолѣ дѣлаются хитрецами и притворщиками... Тѣ же давно намъ знакомыя рѣчи 60-хъ годовъ. Умственное движеніе начала XIX-го вѣка задѣвъ и женщинъ, породило въ нихъ настроенія, напоминающія эту болѣе позднюю эпоху. Въ заключеніе спора юноша смирился и просилъ извиненія за свою рѣзкость.

Статьей „О чтеніи“ Пучкова возражаетъ матерямъ, которыя думаютъ, что чтеніе книгъ не только излишне для дѣвицъ, но даже вредно. Конечно, встрѣчаются и дурныя книги, но благо-разумные родители слѣдятъ за чтеніемъ дѣтей. Въ „Письмахъ къ пріятельницѣ“ писательница радуется, что ихъ общій другъ, нѣкая Милена, оставила, наконецъ, „иноземныхъ краснобаевъ и принялась за „Несторовъ Лѣтописецъ“. Теперь она убѣждается въ высокіхъ достоинствахъ русской словесности; она восхищается женщинами-сочинительницами... Но отчего умная Милена сама не пишетъ? Неужели боится ненавистниковъ женскаго ума, которые запрещаютъ женщинамъ заниматься науками!“

Къ заботамъ Пучковой о просвѣщеніи женщинъ и расширеніи ихъ умственной дѣятельности присоединяется новая задача—борьба съ увлеченіями иностранной литературой и восхваленіе своей родной, даже славянской. Въ письмѣ „О словесности русской“ обѣ задачи сплетаются. Умная хозяйка гостиной объединяетъ посѣтителей бесѣдой о словесности. Нѣкій старецъ, (вѣроятно Шишковъ), перечисляетъ огромные успѣхи русскихъ въ просвѣщеніи; не бѣда, что ихъ первыми наставниками были иностранцы; вѣдь и римляне учились у грековъ и гречанокъ; затѣмъ сводитъ рѣчь на значеніе писательницъ въ обществѣ. Всюду рѣдки піиты, подобные дѣвицѣ Буниной; родись она на западѣ—ее бы увѣнчали въ Капитоліи. Превозносили и другихъ русскихъ поэтессъ.

Откуда взялся тонъ феминистки въ юной барышнѣ начала XIX-го вѣка, такъ легкомысленно игравшей опаснымъ знаменемъ синяго чулка? Біографія ея неизвѣстна, и пока нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ. До 1812 г. она жила въ Москвѣ, дружила съ Коченовскимъ и Шаликовымъ; тамъ же изданы ея „Опыты“; можетъ быть, не безъ ихъ вліянія. Несомнѣнно, на ней отра-

зилось направленіе московскихъ журналовъ, преклонявшихся передъ „милыми“ просвѣщенными и чувствительными женщинами; окрыляли ее успѣхи Буниной, смѣлая выступленія въ печати юной Извѣковой и общее вниманіе къ писательницамъ; вдохновляли толки и споры, возбуждаемые сочиненіями женщинъ; но какъ это часто случается, ученица ушла въ сторону отъ учителей, измѣнила „милому“ женскому образу сентименталистовъ и заговорила языкомъ наставницъ 60-хъ годовъ. Пучкова искренне и горячо поклонялась Буниной, и съ 17 лѣтъ училась говорить женщинамъ о женщинахъ. Готовые образы поученій доброй совѣтчицы она могла найти въ статьяхъ обоихъ журналовъ—Макаровыхъ, прославлявшихъ женское творчество, въ переводахъ книгъ Томаса и Сегюра. Въ Петербургѣ вліяніе Шишкова внушило ей довольно поверхностное почтеніе къ родной старинѣ.

Судя по ея перепискѣ съ кн. Шаликовымъ, С. Глинкой и Каченовскимъ, напечатанной въ „Дамскомъ Вѣстникѣ“ 30-хъ годовъ, Пучкова въ Петербургѣ дружила съ кружкомъ В. И. Козлова, увлекавшимся славянщиной;—друзья приглашались къ нему на „сонмище“, гдѣ стихотворица именовалась „дѣвой пѣснопѣвицей“, а прозаикъ Пучкова—„дѣвой словесницей“.

Послѣ своихъ „Опытовъ“ словесница написала нѣсколько стихотвореній, а затѣмъ совсѣмъ забросила писательство. На сожалѣнія и укоры Шаликова она отвѣчала, что чѣмъ-то очень озабочена, такъ что даже письмо оканчиваетъ второпяхъ, стоя; все ея время уходитъ на посѣщенія и приемы друзей и т. п.

Послѣ писемъ въ „Дамскомъ Журналѣ“ о ней надолго замолчали въ литературѣ. Въ 1847 г. Бѣлевичъ посвятилъ ей странички двѣ въ своей статьѣ о русскихъ писательницахъ XIX-го вѣка (Московск. Городск. Листокъ 1847 г., № 144) съ довольно ироническими отзывами о ея произведеніяхъ.

Она жила до преклонныхъ лѣтъ въ Петербургѣ, пережила женское движеніе 60-хъ годовъ; что думала о немъ ранняя феминистка, да и думала ли что либо въ годы старости и болѣзни—нѣизвѣстно. Она скончалась 26 апрѣля 1887 года въ домѣ Гильдебранта № 11-й на Литейной, послѣ долговременной и

тяжкой болѣзни, о чемъ извѣщала знакомыхъ въ „Голосѣ“ № 115 Е. О. Черткова.

Женскіе типы Пушкина.

(Вѣстникъ Европы, 1911, кн. 6-я).

Въ прошломъ году въ засѣданіи одного ученаго общества былъ прочитанъ докладъ о новыхъ открытіяхъ въ рукописяхъ Пушкина. Докладчикъ обратилъ особое вниманіе на его женскіе типы и назвалъ поэта первымъ феминистомъ въ Россіи. Терминъ, думается намъ, врядъ-ли подходящий. Выдвигалъ женщинъ на первый планъ и Карамзинъ, въ своихъ повѣстяхъ „Бѣдная Лиза“ и „Наталья, боярская дочь“. „Вы насъ во всемъ, во всемъ добрѣе, почти во всемъ умнѣе“—восклисалъ онъ въ „Посланіи женщинамъ“, требуя, чтобы на его могилѣ стояла эпитафія: „Онъ любилъ; онъ нѣжной женщины нѣжнѣйшимъ другомъ былъ!“ Въ пору своей журнальной дѣятельности Карамзинъ усердно привлекалъ женщинъ къ занятію литературой. Однако, болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы кто-либо рѣшился назвать знаменитаго историка феминистомъ. Нельзя отрицать, однако, что женскіе типы Пушкина—очень любопытное явленіе въ нашей литературѣ. Они поражаютъ удивительнымъ разнообразіемъ, какимъ впослѣдствіи могъ похвалиться развѣ пѣвецъ расцвѣтающей дѣвичьей души—Тургеневъ. Татьяна, мельничиха-русалка, Маша Миронова, Земфира и благородная черкешенка, Полина и героини мелкихъ эскизовъ—огромный матеріалъ, еще ожидающій изслѣдователей.

Но что же питало мечты поэта, когда онъ творилъ эти образы? Уловлялъ ли онъ живыя черты современницъ, или литературное наслѣдіе доставляло ему готовый запасъ формъ и красокъ, чтобы создавать картины изъ небогатой дѣйствительности, доступной глазу? Вѣроятно и то, и другое; все стучалось въ одну душу.

Еще со временъ Новикова, основавшаго литературный журналъ для женщинъ („Модное ежемѣсячное изданіе“) и помѣстившаго пламенную „Похвалу женскому полу“ въ журналъ „По-

ходящійся Трудолюбецъ“, русскіе писатели горячо призывали женщинъ къ культурной и литературной работѣ. И женщины по-немногу откликались на призывы. Въ столицахъ возникали литературные кружки, гдѣ женщины получали право гражданства; ими много занимались, цѣнили ихъ духовное вліяніе. Къ началу XIX-го вѣка выдавался кружокъ чувствительныхъ карамзинистовъ, съ юношей Жуковскимъ и братьями Тургеневыми во главѣ. Члены его культивировали нѣжную дружбу съ литературно-образованными дамами, какъ Свѣчина, сестры Соковнины, Протасова. Въ другомъ кружкѣ Бланкъ съ друзьями руководилъ самообразованіемъ и литературными опытами А. Буниной. Ежегодно появлялись ультра-сентиментальные журнальчики для женщинъ. Далеко не сентиментальный Батюшковъ, вращаясь въ салонахъ иного характера, научился придавать огромное развивающее значеніе обществу умныхъ, здравомыслящихъ женщинъ, и его біографу Л. Майкову пришлось посвятить нѣсколько страницъ своего труда „вліянію женщинъ на русскую литературу“.

Съ легкой руки поклонниковъ Руссо у сентименталистовъ выработался свой женскій идеалъ—не блестящей царицы салона, не ослѣпительной красавицы, а тонко-изящной, миловидной женщины, одухотворенной и интеллигентной. „Она мила только,—говорится въ статейкѣ аббата Рейналя, переведенной въ одномъ изъ карамзинскихъ журналовъ,—но не было красоты, которой бы она не помрачила, будучи единственной!“ Этотъ идеалъ отразился въ „Портретѣ милой женщины“, въ 1-мъ № карамзинскаго „Вѣстника Европы“. Черезъ 8 лѣтъ въ журналѣ „Аглая“ читаемъ: „Правильный станъ, прелестное лицо не могутъ еще составить „милаго“, которое требуетъ притомъ качествъ душевныхъ“.

Быть русскаго общества еще не измѣнился, судьба дочерей еще всецѣло зависѣла отъ воли родителей; но второе поколѣніе женщинъ XIX-го в. сильно отличается отъ перваго. По признанію иныхъ современниковъ (напр., кн. П. Вяземскаго), ученицы переросли своихъ воспитателей и вышли изъ тѣсныхъ рамокъ доступныхъ имъ литературныхъ формъ. „Милыя“ героини сентименталистовъ, со слезами на глазахъ и нѣжнымъ дружествомъ въ очахъ, отошли въ прошлое. Женскія личности 20-хъ годовъ

отливались въ яркія, цѣльныя индивидуальности, обаятельныя для близкихъ, сильныя сознаниемъ нравственнаго долга и чувствомъ общественности. Среди нихъ появились царицы интеллигентныхъ кружковъ, первыя піонерки женской общественной дѣятельности, расчищавшія путь своимъ преемницамъ 50-хъ и 60-хъ годовъ; были, наконецъ, и политическія подвижницы, въ лицѣ женъ декабристовъ. Женщины съ новымъ, болѣе сложнымъ душевнымъ миромъ воспитали и новыхъ поэтовъ... „О ты, съ которой образованъ Татьяны милый идеалъ!“—такъ обращался къ одной изъ нихъ Пушкинъ.

Русскія женщины значительно двинулись впередъ; но не могли отставать отъ нихъ и мужчины. Общественное движеніе александровскаго времени замѣчалось во всѣхъ доступныхъ культурѣ слояхъ русскаго общества; почему же Пушкинъ обратилъ особое вниманіе на женщинъ?

Недавно французъ, авторъ очерковъ о французскомъ романѣ, очень кстати напомнилъ нѣкоторыя положенія одного изъ мыслителей начала XVIII-го в., Лейбница: человекъ самъ по себѣ маленькій міръ, микрокосмосъ, и онъ самъ это смутно сознаетъ; смутно—потому что одинъ человекъ не можетъ имѣть яснаго понятія обо всемъ на свѣтѣ, о цѣломъ мірѣ. Человекъ постигаетъ міръ только безсознательными „малыми представленіями“, туманными, колеблющимися. Въ его душѣ, этомъ маленькомъ центрѣ міровой жизни, могутъ сливаться всѣ лучи внѣшняго міра. Когда наше сознание приближается къ одному лучу, чтобы изучить его, оно удаляется отъ всѣхъ остальныхъ. Необходимо стоять въ центрѣ, чтобы безсознательно воспринимать всѣ лучи. Эти малые представленія—ничто иное, какъ отраженіе жизни предметовъ внѣшняго міра въ душѣ человека. Ясныя идеи, опредѣленные понятія—одни и тѣ же у множества лицъ; смутныя представленія, ихъ окраска и свойства принадлежать исключительно одной индивидуальности. Изъ нихъ складывается личный характеръ человека, особенности его душевной жизни.

Въ XVIII-мъ вѣкѣ безсознательнымъ представленіямъ придавали огромное значеніе. Мысль Лейбница способствовала научному развитію психологіи, а писателямъ помогла побѣдить

устарѣвшее литературное направленіе и открыть новые пути творчества. Литературные дѣятели обратили „малыя представленія“ въ чувствительность, въ „шестое“ чувство, по выраженію Бернардена де-С.-Пьера. Духовный міръ Руссо слагался изъ этихъ представленій; онъ жилъ и наслаждался отраженіями красоты внѣшней природы. Такимъ же духовнымъ міромъ онъ надѣлилъ свой женскій идеалъ—Юлію „Новой Элоизы“, идеализируя ея умѣнье радовать окружающихъ, вліять на ихъ настроеніе незамѣтнымъ измѣненіемъ въ одеждѣ или прическѣ (*philosophie du chiffon*, какъ говорятъ французы). Несомнѣнно, что душѣ женщинъ той поры было особенно свойственно переполняться малыми представленіями; подобно Руссо, онѣ умѣли помѣщать много души въ ощущенія, много сердца—въ идеи. Женщина, въ чьей душѣ, какъ въ микрокосмосѣ Лейбница, переплетались всѣ лучи внѣшняго міра, могла доставить богатый матеріалъ для творчества, особенно въ раннюю пору нашей бѣдной, односторонней общественной жизни. Вотъ почему, можетъ быть, богатая фантазія Пушкина такъ охотно сосредоточивалась на созданіи женскихъ образовъ. Ихъ устами онъ любилъ бросать крылатыя словечки и рѣзкіе приговоры; вспомнимъ „москвича въ Гарольдовомъ плащѣ“—Татьяны, „обезьянъ просвѣщенія“—Полины („Рославлевъ“).

Подобно героинямъ перваго поколѣнія XIX-го вѣка, воспитаннаго эпохой чувствительности, Татьяна—мечтательница; она развивалась чтеніемъ романовъ и общеніемъ съ природой; она всегда проста и естественна; ей душно въ тискахъ стараго быта, гдѣ она одинока. Да и вольной душѣ Пушкина не нужны слишкомъ покорныя, смиренныя дочери, и онъ рано выводитъ свою любимую героиню на самостоятельный путь. Съ первой вспышкой страсти „боязливая лань“ смѣло беретъ на свою отвѣтственность первый шагъ къ сближенію съ героемъ. Она не можетъ быть виновной въ томъ,

„Что—отъ небесъ одарена
Воображеніемъ мятежнымъ,
Умомъ и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцемъ пламеннымъ и вѣжнымъ“.

Ея любовь отвергнута; она не ропщетъ, какъ не роптали и героини чувствительности. Случайное, невольное замужество ввело ее въ большой свѣтъ; какъ Свѣтлану—А. А. Воейкову,—онъ „не опалилъ ее“ (слова А. Тургенева). Затаивъ въ себѣ сознание „постылой жизни мишуры“, Татьяна умно и твердо вошла въ роль царицы гостиныхъ и представительницы домашняго очага. Съ этой минуты работа предшественниковъ болѣе замѣтна въ творествѣ Пушкина. Психологія замужней женщины гораздо доступнѣе пониманію заурядныхъ людей, нежели душевный міръ дѣвушки, и предшественники Пушкина до нѣкоторой степени справлялись съ нею. Почти всѣ пріятельницы Жуковского и его друзей юности выходили замужъ не по любви, переживали немало горя (Свѣчина, Воейкова, М. Мойеръ); всѣ оставались несокрушимо добродѣтельны, принаровляясь къ семейнымъ и общественнымъ обязанностямъ. Героиня „Портрета милой женщины“ тоже переносила безрадостную жизнь, но „сумѣла откинуть романическія мечтанія и пріучила себя видѣть въ мужъ необходимаго товарища“. Очень интересная и типичная для первыхъ годовъ XIX-го в. писательница Извѣкова, написавшая нѣсколько увѣсистыхъ романовъ съ необычайно добродѣтельными и вмѣстѣ съ тѣмъ энергичными и дѣятельными героинями, влагаетъ съ уста одной изъ нихъ слѣдующія слова: „О Викторъ! Тщетно бы я старалась тебя обманывать: ты знаешь, что я люблю тебя; ты первый обратилъ мое вниманіе, ты далъ мнѣ почувствовать, что я имѣю сердце, и признаюсь, что почла бы за первое счастье быть тобою любимой, если бы могла желать сего безъ угрызенія совѣсти. Викторъ, я люблю тебя, люблю больше всего на свѣтѣ. Но честь и Миловзоръ (сынъ ея) мнѣ драгоцѣннѣе и самого тебя“. Среди старомоднаго многословія здѣсь слышится та же душевная надломленность, которая звучитъ такъ полно, изящно и трагично въ трехъ строкахъ Пушкина:

— „Я васъ люблю (зачѣмъ лукавить?),

Но я другому отдана

И буду вѣкъ ему вѣрна“.—

эффектное появленіе Татьяны на балу во всемъ обаяніи изящества и граціи, когда она, „безпечной прелестью мила“, вызы-

ваетъ всеобщее почтительное вниманіе, имѣло прецеденты въ литературѣ со временъ Руссо. Его Юлія плѣняла всѣхъ измѣнчивостью фیزیономіи; ея настроенія отражались въ своеобразныхъ морщинкахъ, которыя, нарушая строгую правильность очертаній, придавали особую очаровательную индивидуальность ея лицу. „Милыя“ женщины карамзинистовъ не обладали красотой, иногда бывали просто некрасивы, какъ Протасова-Мойеръ, героиня личнаго романа Жуковского; но во всемъ ея существѣ, голосѣ, взглядѣ было „нѣчто неизъяснимо-обворожительное“, и даже Ф. Ф. Вигель готовъ былъ въ умиленіи склонить передъ нею колѣна. Авторъ „Портрета“ особенно цѣнитъ ту особенность своей героини, что грубый, нечувствительный человѣкъ могъ даже не замѣтить ея. Очевидно, и въ ней отсутствовало то „vulgar“, которое презиралъ Пушкинъ.

Слѣдуетъ думать, что среди новаго поколѣнія женщинъ Пушкинъ видѣлъ свою женщину съ покрываломъ (*donna velata* Рафаэля) и преобразилъ ее въ милѣйшую изъ милыхъ, единственной въ своемъ родѣ духовной красоты. Грубая, подготовленная исторіей канва у Пушкина приблизительно та же, что и у подражателей западнымъ сентименталистамъ; но онъ вплелъ въ нее чудный художественный рисунокъ изъ малыхъ представленій—отраженныхъ лучей новаго національнаго колорита, создавшихъ новую русскую личность, первую въ блестящей галлерей женскихъ типовъ, прославившихъ нашу литературу.

Очень характерна для творчества Пушкина фабула „Капитанской дочки“, съ ея энергичными и самостоятельными женщинами, заброшенными въ глухія и опасныя заволжскія степи. Какъ ни значительна сама по себѣ эпопея Пугачевщины, но безъ этихъ героинь, выносящихъ на своихъ плечахъ и горе, и радость, было бы немыслимо созданіе образцоваго историческаго романа. Первое лицо въ крѣпости—мужественная и находчивая Василиса Егоровна, попечительная и умѣлая хозяйка. Ея инициатива выступаетъ во всѣхъ административныхъ распоряженіяхъ. Ея старикъ-капитанъ умѣетъ только съ беззавѣтной смѣлостью выступать противъ непріятеля; въ военномъ дѣлѣ онъ ничего не смыслитъ, что капитанша ставитъ ему на видъ, давая окрики,

если ее не призывают на офицерскія совѣщанія. При этомъ она строгая исполнительница всего семейнаго обряда, на жизнь и смерть вѣрная подруга мужа. Пушкинъ проникновеніемъ таланта обрисовалъ въ ней исторически сложившійся типъ жены стариннаго служилаго человѣка, которая на опасной позиціи, при мужѣ и безъ мужа, умѣла распоряжаться и хозяйствомъ, и обороной отъ врага. Столбцы архивныхъ старыхъ дѣлъ хранятъ немало біографій такихъ сотничихъ и капитаншъ.

Дочь капитанши духомъ въ мать, но слабѣе нервами. Она скромна и тиха, покорна бытовому укладу: родительское благословеніе для нея первое условіе брака, и безъ него нѣтъ счастья. Но разъ волею судьбы и согласіемъ старшихъ она признана подругой любимаго человѣка, она сразу вырастаетъ въ отважную, полную инициативы и сознанія долга женщину. Она умнѣе и тактичнѣе матери, и умѣло спасаетъ жениха отъ военнаго суда. Даже прислуга ея, Палашка, и та въ своемъ родѣ дѣлецъ: командуетъ надъ урядникомъ и его казаками. Еслибы современники настойчиво допрашивали Пушкина, почему, строго говоря, не Пугачевъ и не юный офицерикъ—герои его повѣсти, а скромная дѣвица Миронова, онъ, вѣроятно, нетерпѣливо отвѣтилъ бы: „Я не могъ иначе сдѣлать!“

Въ мелкихъ беллетристическихъ отрывкахъ сохранились эскизы болѣе сложныхъ женскихъ натуръ, протестующихъ противъ гнетущихъ свѣтскихъ обычаевъ, чуткихъ до нервности къ тяжелымъ условіямъ общественной жизни. Пушкинъ набрасывалъ ихъ около 1831 г., до выхода „Дубровскаго“ и значительно ранѣе окончанія „Капитанской дочки“. Но эскизы остались эскизами, можетъ-быть именно потому, что сложная психологія задуманныхъ типовъ труднѣе поддавалась обработкѣ.

Сирота-безприданница Лиза, героиня „Романа въ письмахъ“, воспитанная богатой родственницей въ Петербургѣ, тяжело страдала отъ сознанія, какъ унижительно ея положеніе среди чужой роскоши, какъ обидны стараніе подругъ не отличаться отъ нея нарядами. Ей казалось, что ее унижаетъ даже ухаживанье свѣтскаго богача, и она скрылась въ бѣдную усадьбу бабушки. Оттуда на сообщаетъ петербургской пріятельницѣ, что вполне счаст-

лива, оказавшись, наконецъ, у себя дома хозяйкой. У деревенскихъ сосѣдей она нашла довольно много книгъ; она замѣчаетъ, что въ провинціи больше занимаются русской литературой, чѣмъ въ столицѣ. Теперь она поняла, почему Вяземскій и Пушкинъ такъ цѣнятъ уѣздныхъ барышень: это ихъ настоящая публика. Перечитавъ много старыхъ романовъ, Лиза пишетъ: „Какая ужасная разница между идеалами бабушекъ и внучекъ!“ А между тѣмъ роль женщинъ не измѣняется, старыя героини все еще похожи на новыхъ... „можетъ быть потому, что способы нравиться въ мужчинѣ зависятъ отъ моды, отъ минутнаго вліянія, [а въ женщинахъ они основаны на чувствѣ и природѣ, которыя вѣчны“. Таково, несомнѣнно, мнѣніе самого Пушкина.

Богатый поклонникъ Лизы тоже не заурядный человѣкъ. Онъ тоже цѣнитель дѣятельной жизни въ деревнѣ, гдѣ еще болѣе увлекается Лизой... „Эта тихая, благородная стройность въ обращеніи — главная прелесть высшаго петербургскаго общества, а между тѣмъ, что-то женское, снисходительное, добродородное (какъ говорить ея бабушка). Въ ея сужденіяхъ нѣтъ ничего рѣзкаго, жесткаго. Она не морщится передъ впечатлѣніями... Эту „добродородность“ очень цѣнили въ своихъ героиняхъ наши старые родовитые писатели, а Тургеневъ умѣло смягчилъ ея порывистость своей землевольки, Маріанны.

Но Лиза еще близка къ Татьянѣ. Съ княжной Полиной въ отрывкѣ „Рославлевъ“ поэтъ значительно шагнулъ впередъ, и авторъ доклада о рукописяхъ Пушкина заслуживаетъ глубокой благодарности за особое вниманіе къ этой личности. Полина — несомнѣнная представительница новѣйшаго типа „внучекъ“, замѣченнаго Лизой, хотя Пушкинъ нашелъ нужнымъ отодвинуть ее назадъ, къ 1811—1812 гг. Разсказъ ведется отъ лица остроумной московской барышни, напоминающей корреспондентку Лизы. Она умно объясняетъ пристрастіе своихъ современницъ къ иностранной литературѣ. На русскомъ языкѣ нечего было читать кромѣ стиховъ, но не всѣ же любили ихъ; женщины нуждались и въ серьезномъ чтеніи; но — „мы не видимъ даже переводовъ лучшихъ произведеній, а если и видимъ, то воля ваша, я все таки предпочитаю оригиналы“. Полина хорошо

знаетъ французскую литературу, начиная съ Монтескье, но съ трудомъ читаетъ русскую печать, что не мѣшаетъ ей быть искренней, страстной патріоткой. Ее возмущаютъ некультурность и общественная неразвитость современниковъ, унижавшія ихъ передъ иностранцами. Оригинальна и интересна сцена на обѣдѣ, который ея отецъ давалъ г-жѣ Сталь. Москвичи наслаждаются искусствомъ княжескаго повара и не знаютъ, что дѣлать съ знаменитой гостьей; большинство не имѣетъ понятія о томъ, кто она, въ чемъ ея слава и значеніе; иные признаются, что считали ее шпионкой Наполеона. Полина сгораетъ со стыда и тутъ же за обѣдомъ изливаетъ свои чувства подругѣ: знаменитая женщина привыкла къ увлекательному разговору—а здѣсь ни одной мысли, ни одного замѣчательнаго слова... Она со скуки бросаетъ двусмысленный каламбуръ, и эти „обезьяны просвѣщенія“ радостно подобрали его, чтобы разносить по Москвѣ.

Въ этой филиппикѣ слышится благородный гнѣвъ женщины-Чацкаго. Какъ Чацкій, Полина скучаетъ среди московскихъ болтливыхъ гостиныхъ, утѣшаясь остроуміемъ любимой подружки. Въ 1812 г. Полину до боли раздражаетъ показной патріотизмъ свѣтскаго люда. Сама она читаетъ только политическія извѣстія, думаетъ только о грозныхъ событіяхъ; а на замѣчаніе подружки, что война—не женское дѣло, отвѣчаетъ жгучимъ негодованіемъ. „Нѣтъ, я знаю, какое вліяніе женщина можетъ имѣть на мнѣніе общественное. Я не признаю униженія, на которое присуждаютъ насъ. Посмотри на т-те Сталь,—Наполеонъ считался съ нею, какъ съ непріятельскою силою“. Ей и въ другихъ особенно нравится искренность и рѣзкая прямота; женихъ раздражаетъ ее своимъ приноравливаніемъ къ женскому пониманію. Полина съ подругою думаютъ, что такое отношеніе „неумѣстно вообще, а въ Россіи глупо, потому что русскія женщины болѣе мужчинъ образованы и больше читаютъ“. Даже такіе слова Пушкина все таки не даютъ права называть его феминистомъ; тоже самое мелькало у Карамзина и его послѣдователей, даже у Новикова.

Пересмотръ черновыхъ тетрадей Пушкина выяснилъ смыслъ неразобранныхъ строкъ. Оказывается, что у Полины вспыхнуло

стремленіе идти въ непріятельскій лагерь и убить Наполеона, ради спасенія Россіи; но то былъ лишь минутный порывъ; ее скоро отговорили.

Вѣренъ ли въ дѣйствительности такой женскій образъ? Вполнѣ возможно, что подъ вліяніемъ французской литературы инымъ романическимъ головкамъ грезился подвигъ Шарлотты Корде. Въ романахъ Извѣковой, правда—лишенныхъ политическаго оттѣнка, героини всегда готовы на подвиги; одна изъ нихъ, переодѣтая въ мужское платье, выступаетъ даже вмѣсто мужа на дуэли. Говорили, что Волкова, извѣстная московская патріотка, авторъ интересныхъ писемъ о 1812-мъ годѣ, могла послужить для Пушкина прототипомъ Полины. Издательница этихъ писемъ въ переводѣ съ французскаго называется Волкову женщиной-Чацкимъ за бойкія сужденія о современникахъ. Но Волкова, при большомъ умѣ и здоровомъ смыслѣ, глубоко предана старомосковскимъ традиціямъ она необыкновенно набожна во всемъ, видитъ промыслъ Божій и неизмѣнно ему покорна. Къ французскимъ мыслителямъ и писателямъ, особенно къ г-жѣ Сталь, она относится съ презрѣніемъ и отвращеніемъ—а Полина благоговѣла передъ ними. Волкова судила только о лицахъ, плакала главнымъ образомъ объ участи Москвы, а не о жалкомъ состояніи русскаго общества. Героиня Пушкина одарена силой благороднаго негодованія и нервной чуткостью; она не переноситъ пошлости и пламенно протестуетъ противъ униженія людей. Это—боевая натура, способная на подвиги, отзывающаяся на запросы времени.

Такая женщина была нужна Пушкину, когда онъ, можетъ быть и безсознательно, остановился на крупнѣйшемъ явленіи своего времени—на толчкѣ, который колоссальная борьба народовъ несомнѣнно дала развитію національной культуры. Именно на женщинахъ, далекихъ отъ служебной рутины и обязательныхъ официальныхъ сношеній, думавшихъ и говорившихъ на иностранныхъ языкахъ, онъ могъ яснѣе указать таившіеся подъ налетомъ чужой культуры порывы къ индивидуальной самобытности, способность путемъ наблюденій надъ жизнью другихъ народовъ придти къ пониманію своего родного. Г-жа Сталь сказала

Полинъ: народъ, который сто лѣтъ тому назадъ сумѣлъ отстоять свою бороду, отстоять въ наше время и свою голову; а съ нею—могла прибавить Полина—и право на собственную духовную жизнь.

Лиза и Полина—эскизы родоначальницъ будущей русской интеллигенціи; но не изъ увлеченія женской личностью задумывали ихъ Пушкинъ, а потому, что его творческой мысли удобнѣе было отъ этихъ маленькихъ центровъ духовной работы охватывать внутреннюю жизнь русскаго общества. Татьяна и ея няня, Василиса Егоровна съ дочерью, Лиза и Полина тонкими сливающимися лучами отражали въ себѣ краски русской природы, особенности окружавшаго ихъ внѣшняго міра.

X.

Абенсуръ, историкъ феминизма во Франціи 30-хъ и 40-хъ гг., сравнивая его различныя теченія отъ социалистическаго сенъсимонистокъ до скромныхъ проповѣдницъ нравственнаго усовершенствованія женщинъ, находитъ въ нихъ нѣкоторыя общія черты: всѣ феминистки были увѣрены, что женщины, если имъ удастся достигнуть равноправія, останутся вѣрны своей исконной миссіи—быть вдохновительницами мужчинъ, утѣшительницами скорбящихъ, цѣлительницами униженныхъ и страдающихъ; онѣ сумѣютъ настолько улучшить условія труда, что устранять ужасы бѣдности, отмѣнять жестокія кары, прекратятъ войны и установятъ всеобщее братство людей. Съ менѣе героическими, болѣе реальными, но красивыми чертами, женскій идеалъ этотъ отражался въ литературѣ и поэзіи, особенно въ обаятельной „Consuelo“ романа Ж. Зандъ, чаровницѣ, однимъ своимъ присутствіемъ просвѣщающей мятежныя и помраченныя души, пробуждающей высшія, благородныя чувства.

Въ Россіи идеальныя Consuelo со сложной психологіей и большимъ богатствомъ душевныхъ силъ появились avant la lettre въ 20-хъ годахъ,—то были жены декабристовъ, чья жизнь подарила яркую страницу исторіи нашего общества XIX вѣка.

Послѣ колоссальной борьбы съ Наполеономъ замѣчалось смутное состояніе умовъ, какой то разбродъ среди мыслящей

части русскаго общества; слишкомъ еще чуждо оно было пониманію сложныхъ и затяжныхъ политическихъ коллизій. И все-таки огромнымъ вѣсомъ и вліяніемъ пользовались среди него группы героевъ военной поры и ихъ молодыхъ учениковъ, воспитавшихся на освободительныхъ идеяхъ, вынесенныхъ съ запада за время борьбы народовъ. Дочери, родственницы героевъ росли и развивались подъ вліяніемъ цѣлаго поколѣнія людей, привыкшихъ просто и беззаветно жертвовать собой ради долга, ради родины. И старшее поколѣніе женщинъ, ихъ матери вышли изъ тяжкихъ потрясеній съ окрѣпшимъ нравственнымъ закаломъ и пробуждающимся міропониманіемъ. Не принимая участія въ тайныхъ обществахъ, женская молодежь часто мелькомъ схватывала отрывочныя свѣдѣнія о томъ, что занимало ихъ близкихъ, ихъ друзей. Юная жена декабриста Фонвизина знала программу тайнаго общества и убѣжденія мужа. Сестра кн. С. Волконскаго, повидимому, была посвящена въ тайныя заботы брата. Когда же катастрофа разразилась, среди женщинъ, даже избалованныхъ роскошью представительницъ высшаго общества, проявилось много инициативы, выдержки и рѣшительности жить и дѣйствовать на свой личный страхъ.

Цвѣтъ арміи и столичной молодежи исчезъ изъ русскаго общества. Лишенными правъ каторжниками дѣятелей 14-го декабря отправили въ тюрьмы далекой, безотрадной Сибири, Сибири старыхъ временъ, чтобы тамъ въ тяжкомъ искупленіи своихъ винъ, доживать вѣкъ въ полномъ забвеніи. Самая память о дерзкихъ бунтовщикахъ должна была исчезнуть съ ихъ гражданской смертью, чтобы имена и дѣла ихъ погибли для потомства. Растерянное и запуганное общество молчало; въ странѣ наступило какое то гробовое затишье. Одна маленькая группа женщинъ разстроила расчеты власти; она добилась возможности послѣдовать къ каторжнымъ тюрьмамъ за мужьями и женихами; она вернула нѣсколькимъ декабристамъ семейную жизнь, а съ нею всѣмъ имъ отчасти и гражданскую, установила постоянныя сношенія съ родиной, освѣтила и укрѣпила память о событіи и дѣятеляхъ 14-го декабря. Русскія Консуэло выполнили задачу, которую сенъсимонистки возлагали на освобо-

жденныхъ женщинъ: вышли на борьбу съ суровыми карами въ защиту личности отъ подавляющихъ строгостей и произвола. Заставить власть признать человѣческія права тѣхъ, въ комъ рѣшили раздавить всѣ духовныя и тѣлесныя силы—нелегкій подвигъ. Онѣ помогли единенію заключенныхъ и униженныхъ ради удовлетворенія духовныхъ потребностей и улучшенія условій жизни, ради общей борьбы съ гнетомъ администраціи; постоянно напоминая русскому обществу о судьбѣ борцовъ за политическую свободу, онѣ какъ бы продолжали дѣло мужей. То не былъ порывъ одной личной привязанности, чувства супружескаго долга; появленіе женъ декабристовъ въ Сибири—гражданскій подвигъ, выраженіе сочувствія людямъ, сумѣвшимъ пожертвовать за убѣжденія, притаившагося въ глубинѣ сознанія многихъ современниковъ. И образы этихъ женщинъ оставили яркій слѣдъ въ памяти русскаго общества.

— „Спасибо женщинамъ: онѣ дадутъ нѣсколько прекрасныхъ строкъ нашей исторіи, писалъ поэтъ кн. Вяземскій; въ нихъ точно была видна не экзальтація фанатизма, а какая-то чистая безмятежная покорность мученичества, которая не думаетъ о славѣ, а увлекается, поглощается однимъ чувствомъ тихимъ, но всеобъемлющимъ, всеодолевающимъ“... Ихъ было десять, искупившихъ тяжелое молчаніе общества. Не всѣ оставили записки, письма, которыя отражали ихъ жизнь, ихъ душевную драму; но и то, что сохранилось, восстанавливаетъ передъ нами оригинальныя, сильныя и нѣжныя женскія личности, воспитанныя бурными годами начала XIX вѣка.

Грандіозна и обаятельна кн. М. Волконская, дочь генерала Раевского, героя наполеоновскихъ войнъ, того генерала, который вышелъ противъ артиллерійскаго огня съ двумя мальчиками сыновьями, когда его солдаты дрогнули передъ непріателемъ, а на Бородинскомъ полѣ командовалъ грознымъ редутомъ (*la fatale redoute*), подъ которымъ погибли массы французовъ. Семья Раевскихъ поддерживала тѣсныя сношенія съ лучшимъ передовымъ обществомъ того времени; ею былъ обласканъ Пушкинъ въ тяжелыя минуты ссылки на югъ. Марья Николаевна, любимица отца, получила хорошее литературное образованіе, была подго-

товлена къ серьезному чтенію, и въ Сибири она много читала по исторіи и литературѣ; она очень любила музыку, прекрасно пѣла. Высокая, стройная, съ горящими глазами, съ граціозными движеніями, она еще дѣвочкой-подросткомъ поражала пылкой жаждой жизни, притаившейся силой духа. Пушкинъ увлекся ею и, не найдя отвѣта съ ея стороны, долго хранилъ нѣжное чувство къ ней. Ей посвящена „Полтава“; про нея говорятъ стихи: „Ея плѣнительныя очи—яснѣе дня, чернѣе ночи“. Другой поклонникъ, графъ Олизаръ, писалъ, что обязанъ любви къ Маріи Раевской пробужденіемъ высшихъ стремленій, вдохновленныхъ сердечнымъ чувствомъ; она освѣтила его жизненный путь, какъ Беатриче Данте. Ею увлекся боевой товарищъ отца, герой 45 сраженій, кн. Сергѣй Волконскій, генераль лѣтъ на 20 старше ея. Онъ сознавалъ, что тяжкимъ опытомъ жизни, исключительнымъ положеніемъ и лѣтами—онъ не герой романа юнаго существа; къ тому же онъ предупредилъ Раевскихъ, знакомыхъ съ его политическими убѣжденіями, что и за высшее личное счастье не откажется отъ участія въ тайномъ обществѣ. Онъ страшился отказа и заранѣе приготовился скрыться, исчезнуть изъ Россіи среди новыхъ опасностей боевой жизни на Кавказѣ.

Не по любви, а по волѣ отца и въ силу сознанія, что такимъ героямъ не отказываютъ, Марія Николаевна вышла—„за достойнѣйшаго, благороднѣйшаго изъ людей“, какъ говоритъ въ „Запискахъ“ дѣтямъ, признаваясь, какъ тяжело и горько было разставанье съ родными, словно сквозь подвѣчный вуаль ей смутно видѣлась ожидавшая ея судьба. Въ первый годъ брака молодая мало видѣла мужа, отчасти по своей болѣзни, отчасти потому, что онъ отдавалъ много времени тайному обществу, не открывая женѣ своихъ заботъ. Тотчасъ послѣ тяжелыхъ родовъ, среди опасной болѣзни, какъ громъ обрушились на нее аресты мужа, братьевъ, дяди, зятя. Отъ княгини тщательно скрывали участь мужа, заключеннаго въ крѣпости; но она добилась правды,—все поняла и оцѣнила; разомъ выросла ея несокрушимая энергія; она вся загорѣлась сочувствіемъ и сознаніемъ нравственнаго долга. Позже она говорила дѣтямъ: „кто жертвуетъ

жизнью за убѣжденія, тотъ не можетъ не заслуживать сочувствія современниковъ, тотъ истинно любитъ родину, а судъ надъ чистымъ порывомъ патріотизма можетъ произнести только потомство“. Она безповоротно рѣшила ѣхать къ мужу, оторвавшись отъ сына и родныхъ. Въ Москвѣ Марья Николаевна, съ еще не потухнувшей жаждой жизни—ей только минуло 20 лѣтъ—прощалась съ міромъ культуры и красоты, который воспиталъ ее.

Веневитиновъ оставилъ проникновенное, глубокопрочувствованное описаніе своихъ впечатлѣній отъ встрѣчи съ нею. „Прискорбно на нее смотрѣть и вмѣстѣ завидно. Есть блаженство и въ самомъ несчастіи! Она видитъ въ себѣ божество, ангела-хранителя и утѣшителя двухъ существъ, для которыхъ она теперь одна осталась и все въ мірѣ... Она теперь будетъ жить въ мірѣ, созданномъ ею самой. Во вдохновеніи своемъ она сама избрала свою судьбу и безъ страха глядитъ въ будущее... Я желалъ въ то время, чтобы всѣ добрые стали счастливыми. А собственное впечатлѣніе сего вечера старался увѣковѣчить въ себѣ самомъ. Но подобныя движенія души и безъ того не пропадутъ“. Такъ глубоко и благотворно вліяли на современниковъ встрѣчи съ добровольными изгнанницами, уходившими въ иной невѣдомый міръ, гдѣ живутъ высшимъ напряженіемъ воли, идеальными порывами мысли и чувства.

Хозяйка-поэтесса напутствовала Марью Николаевну стихотвореніемъ въ прозѣ. „О ты, вошедшая отдохнуть ко мнѣ!, Мой взоръ еще видитъ тебя: твой высокій станъ встаетъ передо мною, какъ высокая мысль, и твои красивыя движенія какъ будто сливаются въ мелодію, которую древніе приписывали звѣздамъ небеснымъ... Я слышала твои пѣсни: онѣ еще звучатъ, онѣ никогда не смолкнутъ,—твои рѣчи, твоя молодость, твой взоръ имѣютъ звуки раздающіеся въ будущемъ... Окружи себя всю гармоніей, дыши ею, пой, пой всегда... развѣ жизнь твоя не гимнъ?“—Предсказаніе исполнилось; эти звуки раздались въ будущемъ, волнуютъ души, и слышатся намъ громче прежняго.

Высокая мысль въ образѣ обаятельной женщины засвѣтилась надъ шахтами и каторжной тюрьмой и оживила „гордое

терпѣніе“ въ душахъ людей 14-го декабря, Поразительна картина перваго свиданія Волконской съ мужемъ. Самъ начальникъ Благодатскаго рудника сопровождалъ ее въ тюрьму и подвелъ ее къ низенькой дверцѣ, черезъ которую влѣзали въ клѣтку въ стѣнѣ; тамъ въ узкомъ застѣнкѣ, безъ свѣта и воздуха одинъ надъ другимъ содержались два Рюриковича и одинъ Гедиминовичъ. Въ открытой дверкѣ показался, гремя цѣпами, герой 45 сраженій. Пораженная ужаснымъ видомъ заключенныхъ, не ожидавшая видѣть ихъ въ оковахъ, княгиня бросилась на колѣни передъ мужемъ и поцѣловала его кандалы. Начальникъ, говорившій каторжникамъ „ты“, остоленбѣлъ отъ изумленія передъ порывомъ восторженнаго почтенія; ему впервые дали понять, кто тѣ, кого онъ стережетъ.—Борьба съ униженіемъ изгнанниковъ, обреченныхъ на двойное наказаніе—каторги и тюрьмы началась.

Декабристы были лишены права переписки и не имѣли своихъ денегъ. Тотчасъ по приѣздѣ Волконская и Трубецкая, а за ними и позже приѣхавшія женщины занялись корреспонденціей заключенныхъ съ родными; получали и хранили ихъ деньги, сами готовили имъ улучшенную пищу. шили бѣлье, снабжали одеждой и уголовныхъ, въ которыхъ нашли преданныхъ почитателей и друзей. Цѣлыми днями дежурили онѣ у массивной ограды тюрьмы, чтобы бесѣдовать съ заключенными обо всемъ, что могло ихъ интересовать, сообщать новости. Онѣ помогали выписывать книги и матеріалы для занятій; и непрерывно, шагъ за шагомъ отвоевывали у высшей и низшей администраціи облегченія и права для заключенныхъ. Особенной энергіей въ преслѣдованіи намѣченныхъ цѣлей отличалась кн. Волконская; „то была истинно боевая натура“, говорили про нея декабристы. Мы должны быть готовы импонировать, внушать, требовать, и потому не можемъ распускаться, говорила Волконская. Одѣтая и причесанная, какъ столичная дама, она всегда на сторожѣ, какъ бы на службѣ. Она строго и гордо обращалась съ сибирскимъ начальствомъ, а передъ мужемъ и его друзьями демонстративно становилась на колѣни, когда приходилось напоминать имъ о „гордомъ терпѣніи“, чтобы избѣжать лишнихъ

объяснений и репрессий; уголовные и бѣглые относились къ ней, какъ къ матери.

На долю этой группы женщинъ выпала историческая миссія—обратить забытые каторжные остроги и глухіе поселки Сибири въ своего рода маленькіе культурные центры, гдѣ поддерживались сношенія съ русской интеллигенціей, и сберегать для молодой Россіи завѣты ея первыхъ политическихъ борцовъ. Сложная задача требовала много личныхъ данныхъ, импонирующаго величія и большой душевной энергіи. Въ этой роли скромныя и даже малозамѣтныя женщины выросли духомъ, и ихъ свѣтлыя личности слились съ величіемъ событія.

Изъ всѣхъ подругъ по несчастью Волконская особенно понимала и цѣнила А. Муравьеву, пользовавшуюся особой симпатіей всѣхъ окружающихъ. Необыкновенно нѣжная натура, съ пламеннымъ сердцемъ и высокимъ благородствомъ души, она восторженно преклонялась передъ своимъ мужемъ, довольно холоднымъ, всегда углубленнымъ въ свои мысли Никитой Муравьевымъ; но въ Россіи она оставила дѣтей, и ея нѣжное, чуткое сердце разрывалось между страстными привязанностями: къ жертвѣ долга, для котораго она должна жертвовать чувствами матери—и къ далекимъ покинутымъ дѣтямъ. Хрупкая натура не выдержала, она зачахла и рано умерла, оставивъ маленькую дочку-сибирячку, и вызвавъ взрывъ скорби во всѣхъ изгнанникахъ; каждая изъ подругъ думала, — что ждетъ безъ меня моихъ дѣтей?

Трубецкая отличалась необыкновенной добротой, участливостью ко всѣмъ бѣдствіямъ и страданіямъ ближнихъ.—„Каташа примирилась со всѣмъ, говорила кн. Волконская; она была воспитана въ великолѣпномъ дворцѣ Лавалы въ Петербургѣ, гдѣ ходила по мраморнымъ плитамъ Нерона, прибрѣтеннымъ ея матерью въ Римѣ; она все испытала, но продолжала любить общество.. отличалась пріятнымъ, легкимъ характеромъ“...

Юный офицеръ баронъ Розень, одинъ изъ лучшихъ фронтовиковъ гвардіи, очень цѣнимый великими князьями, въ началѣ 1825 г. влюбился въ племянницу извѣстнаго архивиста Малиновскаго, хорошенькую, граціозную дѣвушку, плѣнившую его

женственной прелестью: — „Какъ лань лѣсная боязлива“, писалъ онъ о невѣстѣ. Позже онъ признавался, что совсѣмъ не замѣчалъ ея духовныхъ силъ; только въ Сибири, когда поселился среди лучшаго общества Россіи, онъ понялъ, что жена умомъ и образованіемъ выше его. Товарищи помогли ему умственно развиться, и молодая чета достигла такого полного духовнаго единенія, что въ старости по возвращеніи въ Россію считала свою жизнь въ Сибири временемъ высокаго душевнаго счастья.

Уже пожилой, на пятомъ десяткѣ Ентальцевой пришлось приспособляться къ тюрьмамъ и ссылкѣ. Очень умная, она поражала своей начитанностью:—„она прочла все, что было написано на русскомъ языкѣ“, говорила Волконская, очень цѣнившая ея бесѣду. Она тоже боготворила своего пожилого и довольно мрачнаго мужа, заслуженнаго полковника. Но онъ скоро проявилъ признаки тяжелаго умственнаго разстройства и долго мучилъ жену своими выходками, пока не скончался въ тихомъ помѣшательствѣ.

Нѣсколько особнякомъ стояла оригинальная и сильная личность Натальи Дмитріевны Фонвизиной. Единственная дочь костромскаго предводителя дворянства Апухтина, она росла въ деревнѣ въ своеобразной средѣ провинціального дворянства, гдѣ литературное образованіе, нѣкоторая европейская воспитанность легко и просто совмѣщалась съ простонародной набожностью и старинными русскими привычками. Очень набожная, ея мать охотно принимала всякихъ странницъ и странниковъ. Дѣвочка очень любила ихъ бесѣды, увлекалась ихъ фантастическими легендами про аскетическіе подвиги святыхъ, и на всю жизнь заразилась склонность къ мистическимъ экстазамъ, подобно своей землячкѣ Катеринѣ Островскаго. Въ ней уживались сочувствіе идеямъ передовыхъ умовъ александровскаго времени съ традиціями прошлаго, даже народными суевѣріями, и надо всѣмъ царилла неукротимая страстность, до самоуничтоженія, исключавшая компромиссы и осторожность. „Все или ничего“, могло бы быть ея девизомъ съ раннихъ лѣтъ.

Есть указанія, довольно смутныя, о неудачномъ романѣ юной

Апухтиной о томъ, что она, смѣлая и искренняя, вышла навстрѣчу чувствамъ поклонника, который грубо оттолкнулъ ее раскрывшуюся душу, а впослѣдствіи пытался ухаживать за нею, молодой генеральшей.

Среди людей 20 хъ годовъ высказывалось мнѣніе, что жена декабриста Фонвизина послужила Пушкину прототипомъ Татьяны. Можетъ быть, оно зародилось въ кружкѣ ея позднѣйшихъ друзей декабристовъ. Пущина и Бобрищева-Пушкина, которымъ она писала подъ именемъ Тани. Пламенная мистическая религіозность наряду съ холодностью къ общественной жизни одно время загли въ ней стремленіе уйти въ монастырь. 15-тилѣтняя дѣвушка такъ подчинила своему вліянію сельскаго священника, лицо всегда зависимое отъ помѣщика, что онъ помогъ бѣгству дочери барина-предводителя; самъ обрѣзалъ ей волосы, одѣлъ въ подрясникъ своего сына и отпустилъ въ ближайшую женскую обитель. Романическая барышня въ образѣ Алеши Карамазова исчезла изъ родного гнѣзда. Ее, конечно, скоро нашли и убѣдили вернуться. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Наталья Дмитріевна сдѣлалась невѣстой своего двоюроднаго дяди, 40-лѣтняго генерала Фонвизина. Убѣжденія суроваго, пожилого декабриста нашли отзывъ въ ея юной душѣ, но не своимъ, политическимъ содержаніемъ, а этической стороною, готовностью жертвовать собой за вѣрность своимъ идеаламъ, во имя нравственнаго долга; за эту готовность она глубоко уважала мужа. — „Какъ сладостна для меня мысль, что я буду вполнѣ раздѣлять твою участь. Повѣришь ли, что она украшаетъ мое существованіе!“ — писала она ему.

Страстная вѣра поддерживала ее въ ея несчастіи: ребенокъ, родившійся въ Сибири, скоро умеръ; оба сына, оставленные въ Россіи, росли неудачниками и умерли въ юности. Душевная драма осиротѣвшей матери достигала по временамъ такого напряженія, что въ мистическомъ экстазѣ она видѣла сыновей, бесѣдовала съ ними, сообщалась съ родными въ Россіи.

Начитанностью въ богословской литературѣ и церковныхъ вопросахъ, она умѣла вліять на духовенство; всюду, гдѣ ей довелось жить, она проповѣдывала грѣховность поборовъ съ пасты,

распущеннаго поведенія: сибирскія монахини ѣздили къ ней за наставленіями. Ея духовникъ въ Tobольскѣ во всемъ совѣщался съ нею, и такъ сблизился съ декабристами, даже съ нерелигіознымъ Якушкинымъ, что принималъ дѣятельное участіе въ ихъ школѣ.

Супруги Фонвизины вернулись въ Россію раньше общей амнистіи; декабристъ вскорѣ скончался; Наталья Дмитріевна тосковала одна; порядки жизни и настроеніе общества на родинѣ тяготили ее. Она погрузилась въ сельское хозяйство и устройство крестьянъ своихъ и мужнихъ имѣній; крестьяне цѣнили и понимали ея чисто русскую натуру, вѣрили ей, обожали ее. Когда въ одинъ изъ своихъ экстазовъ она уѣхала тайно въ монастырь, крестьяне заволновались, подозревая недоброе; неужто нашу барыню опять въ Сибирь увезли? — Утѣшалась Фонвизина только письмами друзьямъ въ Ялуторовскъ. — Въ письмахъ къ Пущину воображаемая 14-лѣтняя Таня — двойникъ старѣющей вдовы; пылкая дѣвочка врывается непрошенной въ разговоры, говоритъ устами Натальи Дмитріевны, пишетъ ея перомъ, всѣхъ молодитъ и оживляетъ. Письма Тани, — крикъ сильной, богатой и страстной натуры, перенесшей самыя тяжкія испытанія, какія могли выпасть на долю женщины въ положеніи и возрастѣ Фонвизиной, не смилившейся несчастнымъ материнствомъ среди замужества, основаннаго на высоко настроенныхъ чувствахъ уваженія авторитета, теплой дружбы къ старшему и нѣжной безпредѣльной преданности, своего рода служенія идеалу. Теперь жажда живой дѣятельной любви молодила старѣющую женщину, придавала новую горячность ея отношеніемъ къ людямъ, возраждала юношескія порывы въ тѣхъ, къ кому прикасалась. Вѣчно — женственное, юношески-неумѣренное, высоко-человѣчное сливалось и перепутывалось въ настроеніи свободной, широкой души и ярко, почти художественно запечатлѣлось на страницахъ сохранившейся переписки.

Послѣ амнистіи въ 1856 г. Фонвизина — Таня и молодой духомъ, но больной, старый Пущинъ, встрѣтились, и бракъ былъ заключенъ. Другъ Пушкина на закатѣ жизни пережилъ трогательный романъ, оставившій литературѣ прекрасный памятникъ русскаго романтизма.

Въ душную пору реакціи 30-хъ и 40-хъ годовъ вліяніе женщинъ замѣтно усиливалось; именно въ эти десятилѣтія духовная личность женщины начала раскрѣпощаться. Передъ дамами свѣта преклонялись, прислушивались къ ихъ мнѣніямъ. Настроенія столичнаго общества отразились въ запискахъ поэта-аристократа кн. Вяземскаго, полныхъ почтительнаго вниманія и интереса къ выдающимся современницамъ. Казалось, мужская интеллигенція стремилась хотя теперь вознаградить русскихъ женщинъ за бывшее пренебреженіе, исправить ошибку исторіи, лишившую ихъ красиваго вѣка рыцарства. Умная женщина, тактичная, живая, безъ труда могла собрать вокругъ себя маленькій дворъ и устроить родъ салона. Наши чиновныя дамы, какъ княгиня Ливень, и знатныя эмигрантки устраивали блестящіе космополитическіе салоны въ столицахъ Запада, и захудалая французская аристократія съ завистью слѣдила за успѣхами русскихъ героинь въ международномъ мірѣ.

Кн. Ливень, жена русскаго посла въ Лондонѣ и пріятельница Меттерниха, царила среди дипломатовъ. Свѣчина, принявъ католичество, создала въ Парижѣ очень вліятельный салонъ писателей и философовъ религіознаго направленія. — Рано покинувшая знаменитаго мужа, кн. Багратіонъ окружила себя въ Парижѣ всѣмъ, что только находила въ немъ изысканно-свѣтскаго, артистически изящнаго.

Въ Петербургѣ приковывали вниманіе свѣтскаго общества оригинальные, на рѣдкость изящные женскіе образы. Кн. Гагарина, *princesse nocturne*, блистала среди феерической обстановки художественнаго отеля на Милліонной и дачи на островахъ. У нея всегда собирались очень поздно и засиживались до утра. Посѣтители не могли забыть этихъ собраній, тихой бесѣды надъ зелеными берегами Невки въ прозрачные весеннія ночи. Въ Москвѣ царила Марья Дмитріевна Офросимова, обязанная всеобщимъ уваженіемъ и даже несомнѣнной властью въ административныхъ кругахъ не знатности своей и высотъ положенія, а ясности ума, неподкупной прямоотъ и смѣлой искренности въ отношеніяхъ къ людямъ безъ различія чиновъ и званій. Москов-

ское дворянство гордилось энергичной умницей, своей Марьей Дмитріевной и прозывало ее Марфой Посадницей.

Въ Петербургѣ нѣсколько позже, но уже на поприщѣ опредѣленной и яркой общественной дѣятельности пользовалась огромнымъ вліяніемъ сенаторша Агафоклея Марковна Сухарева изъ рода Полторацкихъ. Предсѣдательница женскаго попечительства о тюрьмахъ и петербургскаго патріотическаго общества, она отличалась совершенно мужской энергіей и инициативой; хорошая семьянинка, она умѣла проводить дни въ неугомонной дѣятельности на пользу сиротъ, учащихся, заключенныхъ, притѣсняемыхъ; она считалась ими несокрушимымъ гранитомъ, на который всегда можно опереться; она обладала талантомъ привлекать капиталы, созидать и укрѣплять, все видѣть своими глазами, всюду поспѣвать. Она имѣла огромныя связи во всѣхъ слояхъ общества; и всюду со всѣми одинаково обращалась, смѣло прямо и правдиво. Ее очень уважалъ императоръ Николай I-й, говорятъ, иногда даже служался.

При дворѣ въ эту же пору во фрейлинскихъ комнатахъ блистала красотой и бойкой рѣчью А. О. Россетъ, потомъ Смирнова, сибиряка вокругъ себя литературный салонъ и представителей двора и свѣта; она умѣла оказывать вліяніе на умы писателей; Гоголь, какъ преданный другъ, испытывалъ его до самой смерти.

Литературные салоны, собиравшіеся вокругъ умныхъ, начитанныхъ свѣтскихъ женщинъ, оказались особенно вліятельными въ Москвѣ. Они удовлетворяли сложившейся въ обществѣ потребности въ свободномъ обмѣнѣ мыслей въ своемъ интимномъ кругу. Самымъ раннимъ салономъ являлись собранія у кн. Зинаиды Волконской, писательницы и музыкантши своего времени; къ ней съѣзжалось, впрочемъ, очень разнохарактерное общество; вся свѣтская Москва. Княгиня рано уѣхала въ Римъ и приняла католичество. Послѣ ея отъѣзда получали вліяніе собранія у Левашевой, несравненно болѣе серьезнаго направленія. Ей, какъ другу, Чаадаевъ посвятилъ свои знаменитыя „Письма“. Къ ней съѣзжалось все литературное общество не только Москвы, но и Петербурга; бывали Пушкинъ, Жуковскій, Языковъ.

Собирались у Елагиной, матери славянофиловъ Кирѣевскихъ; у красавицы Свербеевой; мать большой семьи, съ отзывчивымъ, мягкимъ сердцемъ и чуткимъ умомъ, она писала Гоголю критическія замѣчанія на его „Переписку съ друзьями“ и поддерживала духъ и выдвигала милыхъ одинокихъ бѣдняковъ, въ родѣ Е. М. Поповой, мемуаристки, учительницы маленькихъ Свербеевыхъ.

Рыцарское поклоненіе женщинамъ сохранилось только въ Россіи, любезно говариваль одинъ французъ. Кн. Вяземскій съ негодованіемъ бросаль окрики по адресу представителей нарождающейся демократіи 50-хъ гг. — „Браните насъ, мужчинъ, работниковъ, но не смѣйте касаться нашихъ барынь! Вашему грубому демократическому уму не понять ихъ!“

Въ московскихъ салонахъ 40-хъ годовъ гремѣли бурные споры по общественнымъ, политическимъ и литературнымъ вопросамъ между западниками и славянофилами; здѣсь бывали Герценъ и Грановскій; послѣдній нерѣдко читаль лекціи въ частныхъ гостиныхъ. Посѣтительницы этихъ салоновъ, онѣ же слушательницы публичныхъ лекцій Грановскаго и Шевырева, инья сами писательницы, какъ Каролина Павлова, считались сливками женской интеллигенціи Москвы; а рядовыя москвички величали ихъ „учеными“ дамами. На жену Герцена, неохотно посѣщавшую знаменитые салоны, смотрѣли съ удивленіемъ и нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

Въ Петербургѣ даже изящную Россетъ-Смирнову называли кое гдѣ „bas-bleu“. Особенно доставалось молодымъ дѣвушкамъ любившимъ почитать книгу и газету; ихъ тотчасъ рядили въ „bas-bleu“. Самъ любезный кн. Вяземскій, разбираясь въ женскихъ характерахъ, еще любилъ термины „наши сине-и-красночuloчницы“.

Женщинъ съ серьезнымъ образованіемъ, большими знаніями, а главное съ умѣньемъ владѣть ими было еще такъ мало, что хорошо извѣстна только одна. Рѣдкой по образованію и дѣятельности личностью была мать писательницы Елены Ганъ, Е. Фаддѣева, урожденная кн. Долгорукая. Она воспитывалась и прожила до 25 лѣтъ у бабушки-француженки въ Кіевской деревнѣ;

подъ вліяніемъ очень умной сосѣдки Дзялынской, рано прониклась интересомъ къ различнымъ отраслямъ знаній: занималась ботаникой, настѣжками, географіей, исторіей, археологіей, собирала коллекціи, прекрасно рисовала, дѣлала чертежи. Выйдя замужъ по страстной любви за бѣдняка-чиновника моложе себя, она превосходно вела большое хозяйство, сама воспитывала и учила дѣтей, занималась изящными до художественности рукодѣліями и рядомъ съ этимъ продолжала вести свои работы по естествознанію и археологіи. Фаддѣева говорила на 5 языкахъ. переписывалась съ членами Лондонскаго Географическаго Общества и извѣстными учеными, сообщала свѣдѣнія о своихъ коллекціяхъ и работахъ. Географы вспоминають о ней, какъ объ ученой особѣ. Англичанка-путешественница лэди Стэнгопъ рассказывала, что встрѣтилась въ Россіи съ такой ученой женщиной, которая прославилась бы въ Европѣ, если бы не имѣла несчастья жить на берегахъ Волги, гдѣ мало кто можетъ понять ее и никто не въ состояніи оцѣнить. Часть ея коллекцій хранится въ Кавказскомъ музеѣ. Ея дѣти, воспитанные въ провинціи, получили заслуженную извѣстность, но ихъ время болѣе благоприятствовало выдающимся людямъ.

Большинство женщинъ росло и равивалось внѣ школы и даже въ несогласіи съ общимъ духомъ воспитанія въ институтахъ и частныхъ пансіонахъ. Религія играла важную роль въ ихъ міровоззрѣніи; она понималась ими глубже прежняго, больше продумывалась; наиболѣе интеллигентныя умѣли соединять ее съ вліяніемъ новыхъ общественныхъ идей и даже нѣмецкой философіи, которая царила въ умахъ братьевъ, мужей и ихъ кружковыхъ друзей. На иныхъ женщинъ восторженная религіозность налагала отпечатокъ романтической мечтательности, даже мистической экзальтаціи, какъ на Наташу Герценъ до замужества, какъ на одну изъ сестеръ Бакунина. Съ каждымъ десятилѣтіемъ духовный міръ русскихъ женщинъ замѣтно усложнялся, впитываль въ себя новые элементы мысли и культуры. Усиливалось и опредѣлялось ихъ вліяніе въ семьѣ и въ средѣ близкихъ. Духовная личность женщины заставляла задумываться надъ собой новыя поколѣнія молодежи; ея представители, каждый

сообразно темпераменту и способностямъ, приспособлялся къ атмосферѣ душевныхъ и умственныхъ запросовъ, которыя ихъ охватывали въ кругахъ просвѣщенныхъ женщинъ. Юноши и дѣвушки съ жуткимъ интересомъ всматривались другъ въ друга, смутно чувствуя, что намѣчается какія-то новыя мѣрки, которыя они еще не умѣютъ прилагать другъ къ другу.

Въ 1833 г. И. Кирѣвскій писалъ, что у женщинъ, правда, еще немногихъ, появилось настоящее мнѣніе, а не однѣ „перелетныя мысли“. Даже среди веселья и увлеченья танцами новая болѣе развитая молодежь заботилась о занимательныхъ темахъ для разговора во время кадрили и мазурки... Теперь можно видѣть женщинъ за чтеніемъ такихъ книгъ, которыя прежде считались бы доступными только ученымъ. Не памятью схватываютъ, чтобы слегка пускать въ оборотъ въ гостиной, а размышленіемъ и чтеніемъ набираются женщины мыслей,—продолжаетъ Кирѣвскій.—Прежде плясали безъ памяти, теперь на самыхъ блистательныхъ собраніяхъ то тамъ, то здѣсь замѣтна задумчивость. Одни видѣли въ этомъ пресыщенность, скуку, другіе видѣли модную разочарованность, но нашъ авторъ въ этой скукѣ замѣчаетъ нѣчто болѣе глубокое, потребность чего-то лучшаго, „жизни теплѣе, живѣе, умнѣе, однимъ словомъ, просвѣщенія. Это болѣзненное ощущеніе духа, болѣзнь мыслящей души. Кажется, вотъ женщины, которыхъ природа сдѣлала для свѣта, но и въ нихъ замѣтно это страданіе, но это болѣзнь къ росту, чистилище ума для перехода въ міръ лучшій“.

Подруги и родственницы юной Апухтиной, будущей жены декабриста Фонвизина, воспитанныя на литературѣ поры чувствительности и романтизма, увлекались сердечными изліяніями въ письмахъ; мотивъ разочарованности и осужденіе „свѣта“—самая громкая нота этихъ изліяній. Юныя корреспондентки распространялись про обманутыя надежды, обличали бездушіе свѣта, мечтали о тихомъ уединеніи. „Пріятное одиночество, близость друзей, ученіе, чтеніе, искусства—вотъ рай земной“. Свѣтъ и его требованія вызываютъ въ нихъ пренебреженіе. „Наряжаться, прихорашиваться, чтобы скучать—вотъ брошенные деньги!“ — „О, мой ангелъ, достойный ангелъ! Свѣтъ не имѣетъ для меня

ничего привлекательнаго: я разочарована!“ И такъ цѣлыми страницами; настроенія, достойныя любимыхъ героевъ Лермонтова.

Странными экзотическими цвѣтками росли эти мыслящія женщины среди семейнаго деспотизма, городского веселья, въ деревняхъ среди массовой дикости и тупости, рядомъ съ помѣщичьей жестокостью и развратомъ. Даже просвѣщенный домъ Бакуниныхъ былъ полонъ проживающихъ кліентовъ, всегда вторившихъ родителямъ противъ дѣтей. Страданія, болѣзни души героинь 30-хъ годовъ имѣли свои глубокія причины.

Надъ мыслящею женскою молодежью тяготѣла безграничная родительская власть, не щадившая и сыновей; съ замужествомъ къ ней присоединялись или отчасти смѣняли ее прерогативы мужей; уже замѣчались признаки зарождающейся борьбы дочерей съ деспотизмомъ даже уважаемыхъ родителей, съ правами любимыхъ мужей. Здѣсь сказывалось общее вліяніе освободительныхъ идей начала вѣка, отчасти отзвуки нѣмецкой философіи, увлекавшей мужскую молодежь; нѣсколько позже проявило свою силу неотразимое обаяніе романовъ Ж. Зандъ.

Въ большой семьѣ Бакуниныхъ родители могли считаться по своему передовыми людьми; они благоговѣли передъ памятью героевъ 14-го декабря; дочерямъ они дали лучшее по тому времени образованіе, но все въ ихъ домѣ подчинялось священнымъ прерогативамъ родительской власти; все многочисленное потомство разныхъ возрастовъ сплотилось подъ знаменемъ открыто протестовавшего противъ родительскаго деспотизма старшаго брата Михаила, будущаго революціонера, тогда яраго гегеліанца, друга Бѣлинскаго и Станкевича. Подъ вліяніемъ брата четыре сестры понемногу прониклись возвышающими личность человѣка нравственными принципами нѣмецкой философіи, сознательно укрѣпляя и освѣщая ими свою глубокую религіозность, доходившую у старшей сестры до мистической экзальтаціи. Атмосфера утонченной духовности сообщала особую притягательную силу ихъ обществу. Постоянное общеніе и обмѣнъ мыслей съ сестрами поддерживали энергію Михаила, покинуваго отчій домъ. Одинокій бѣднякъ Бѣлинскій, привезенный имъ въ деревню въ общество се-

стеръ, былъ весь охваченъ „атмосферой нравственной гармоніи“. Вопросы о томъ, что такое любовь, каково назначеніе женщины остро и повелительно овладѣли его душой. Безнадежная любовь къ Александрѣ Бакуниной оставила яркій слѣдъ въ его жизни, и при одномъ воспоминаніи о ней онъ чувствовалъ „вѣяніе рая“. Станкевичъ одно время увлекался другой сестрой. „Любовь,—говорилъ онъ,—это высшій и лучшій способъ чувствовать единеніе съ міромъ“.

Старшая сестра языкомъ излюбленной братомъ философіи приглашаетъ младшихъ братьевъ-мальчиковъ подняться духомъ на высоту, съ которой невозможно „паденіе“ (про унижительность этого „паденія“ часто говорилъ Бѣлинскій съ друзьями). „Я предвижу,—продолжаетъ она,—что намъ придется много бороться. Мнѣнія нашихъ родителей очень часто расходятся съ нашими. Мы должны взаимно поддерживать другъ друга въ этомъ столкновеніи нашихъ взглядовъ, нашей религіи съ родительской властью“.

Бракъ для этихъ дѣвушекъ, остро чуткихъ и зараженныхъ анализомъ, дѣло очень трудное и сложное. Ихъ запросы очень высоки и нравственные мѣрки строги, благодаря общенію съ лучшей молодежью своего времени, знакомствомъ съ ея духовными интересами, серьезному чтенію; изъ бесѣды гегеліанцевъ дѣвушки поняли, что такое абсолютная жизнь, единство человека съ Богомъ; онѣ допускаютъ возможность воспитаніемъ обратить человека въ Бога и спасти его отъ ужасовъ „паденія“. Одна изъ Бакуниныхъ, ради успокоенія родителей, вышла по-старинному за незнакомаго человека, но какъ только замѣтила, что мужъ не имѣетъ ничего общаго съ ея духовными интересами, ушла отъ него съ ребенкомъ въ родительскій домъ. Началась драма: борьба съ родителями, непризнающими развода и съ жалостью къ мужу, несчастному, униженному. Для нея бракъ безъ любви — профанация брака; это „паденіе“ женщины, среди котораго нельзя воспитывать ребенка. Она уже чужда старыхъ религіозныхъ понятій, которыя помогаютъ ко всему приспособляться; въ ней уже борьба за эмансипацію женской личности. Среди перепетій борьбы Варвара Бакунина занята

чтеніемъ философовъ и романтиковъ, Жанъ-Поль Рихтеромъ, Новалисомъ, музыкой, пѣніемъ; сама сочиняетъ мелодіи. Она добилась возможности уѣхать на время за границу, чтобы тамъ, провѣривъ свои чувства къ мужу, окончательно рѣшить свою судьбу; отъ родителей она взяла немного денегъ, остальное рассчитывала заработать литературнымъ трудомъ. Тогда литература могла уже доставлять заработокъ женщинѣ; времена измѣнились. Но такія рѣшенія были еще чѣмъ-то героическимъ для представительницы барской среды, и Бѣлинскій преклоняется передъ молодой женщиной, энергично выбивающейся изъ „паденія“. „Съ прежнимъ фанатизмомъ мы могли бы быть жертвами родителей и жертвами чистыми,—пишетъ Варвара,—но, сознавая всю безнравственность требованій родителей, мы въ нашей покорности волѣ ихъ стали бы сами безнравственны“.

Героини чувствительности начала XIX в. мирились съ ролью страдающихъ жертвъ воли родителей и сожительства съ нелюбимыми мужьями; ихъ поддерживали правила вѣры, а своего мнѣнія еще не было. Въ героинѣ 30 хъ годовъ глубокая вѣра сливалась съ работой мысли и чувствомъ собственного достоинства. „Я не могу принять мнѣнія, которое предписываетъ женѣ жертвовать для счастья мужа и своими вкусами, и своими взглядами, и всѣмъ, что есть ея нравственная жизнь и ея физическое существованіе. Это мнѣніе слишкомъ противорѣчитъ моимъ принципамъ и самой религіи, какъ я ее понимаю“.

Умы женщинъ пробуждались для новой болѣе самостоятельной работы; сердца ихъ загорались порывами къ личной свободѣ, къ полному пользованію своими духовными силами. Напряженностью своей душевной жизни такія женщины заражали мужчинъ своего круга; тѣ благоговѣли передъ ними, но еще не понимали новой женской психологіи, такъ она необычна, загадочна; не понималъ даже пытливый, проницательный умъ Бѣлинскаго. „Она и онъ (Александра Бакунина съ сестрами) возбуждали всѣ силы моего духа, открыли самому мнѣ все богатство моей природы, привели въ движеніе тайные сокровенные родники заключенной во мнѣ безконечной силы, безконечной любви и заставили ихъ бить и разливаться безконечными волнами“.

Она и онъ открыли глазамъ моимъ таинство жизни, просвѣтили, освятили храмъ духа моего“...—исповѣдуется Бѣлинскій въ огромномъ письмѣ Мишелю Бакунину, и сознается, что многое въ сестрахъ смущаетъ его. Братъ ввелъ ихъ въ царство мысли, царство, доступное только „сильнымъ душой“, а не женщинамъ съ ихъ „простыми“ чувствами. И вдругъ онъ въ спорахъ о прекрасномъ, о музыкѣ вздыхаетъ: „что я знаю? Надо все знать не чувствомъ, а мыслью!“ „Дѣвушка, такая глубокая, доступная всему изящному, — ужасается Бѣлинскій,—вдругъ отказывается отъ своей сущности,—богатаго чувства, и ради какой-то мысли, которая не будетъ ея удѣломъ, если она не промѣняетъ своего значенія прекраснаго, небеснаго созданія на значеніе „femme savante!“ Ему еще понятно, если отстаивая высказанную мысль, она прибавитъ: „такъ говоритъ Мишель“. Женщинамъ свойственно знать, считать за истину то, что говоритъ любимый мужчина; такое знаніе не портитъ ея глубокой непосредственности, а только краситъ ее. Любовь такой женщины удовлетворила бы его; любовь же „основанная на сознательномъ пониманіи любимаго субъекта есть порожденіе логическихъ хитросплетеній и самолюбивыхъ, эгоистическихъ потребностей“. Недовольный своимъ другомъ, Бакунинъ показалъ письмо сестрамъ; низкая оцѣнка женскаго ума въ устахъ такого выдающагося человѣка поразила и огорчила ихъ. Александра рѣшилась написать Бѣлинскому. Мягко, дружески нѣжно она прикасается къ его чувству къ ней и кончаетъ: „Душно, тяжело стало мнѣ, когда я прочла границы, опредѣленія, въ которыя вы заключаете женщину. Развѣ мы не свободныя существа, развѣ мы не достойны къ соединенію, слитію съ вѣчнымъ духомъ, развѣ мы должны умирать, страдать всю жизнь нашу?.. Нѣтъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, только чувство, просвѣтленное мыслью, миритъ съ жизнью, даетъ намъ то спокойствіе, ту гармонію, которыя проявляются въ движеніяхъ, словахъ, дѣйствіяхъ, которыя просвѣтляютъ всѣ минуты жизни и дѣлаютъ то легко, что прежде казалось невозможнымъ, невыносимымъ... Но, — скорбно заключаетъ дѣвушка,—развѣ женщина можетъ говорить изъ глубины сердца человѣку, который не вѣритъ самому святому ея назна-

ченію, самымъ святымъ минутамъ ея жизни. Онъ проводитъ черту вокругъ нея, и страшно, страшно угрожаетъ той, которая преступитъ эту черту“. Письмо не было отослано, и Бѣлинскій такъ и не узналъ, какъ отнеслись Бакунины къ его взглядамъ на женщину, взглядамъ 1838 г.; съ переездомъ въ Петербургъ онъ радикально измѣнилъ ихъ и сдѣлался однимъ изъ раннихъ защитниковъ эмансипаціи женщинъ.

Сестры Бакунины, какъ слишкомъ ранніе цвѣтки, не испытали полного расцвѣта; жизнь не улыбнулась имъ: онъ рано завяли. Только одной ихъ близкой родственницѣ удалось съ блескомъ участвовать въ первомъ выступленіи русскихъ женщинъ на поприщѣ общественнаго служенія: она была лучшей сестрой милосердія въ Крыму на поляхъ битвъ и самой энергичной, беззавѣтно преданной дѣлу руководительницей госпитальной службы. Пироговъ съ особымъ уваженіемъ вспоминалъ о ней, какъ о выдающейся по способностямъ и энергіи женщинѣ.

Настроенія и душевныя переживанія сестеръ Бакуниныхъ находили свое отраженіе въ современной имъ литературѣ.

Едва русская литература выступила на самостоятельный путь, національные писатели, черпая вдохновеніе изъ родной жизни и природы, творили подъ сильнымъ вліяніемъ своихъ современницъ. Женщины сознавали это вліяніе и серьезнѣй и строже относились къ себѣ и своей роли въ обществѣ и семьѣ. Къ „паденіямъ“ своего человѣческаго достоинства стали чувствительны и женщины, близкія къ дѣятелямъ 40-хъ годовъ. Имъ было не чуждо понятіе гегельянцевъ о „становящемся“, въ противоположность „сущему“, о своемъ участіи въ вѣчно движущемся міровомъ процессѣ. Значеніе писательницъ въ пушкинскій и гоголевскій періодъ нашей литературы очень повысилось; появились выдающіяся и вліятельныя беллетристики и поэтессы. Писательницы взяли въ свои руки литературу для дѣтей, выдвинули на очередь женскій вопросъ и заинтересовали имъ читающую публику. Онъ зародился у насъ довольно самостоятельно въ сознаніи мыслящихъ русскихъ женщинъ. Особенности положенія женщинъ, стѣсненія, налагаемая на нихъ обычаемъ и мнѣніемъ „свѣта“ занимали еще Бунину, Пучкову съ

ихъ почитательницами; а романы Ж. Зандъ съ ихъ увлекательными фабулами и великолѣпнымъ стилемъ придали смѣлости и научили умѣнью развивать мысли и выражать ихъ.

Особенно много сдѣлала для этого вопроса въ 30-хъ и 40-хъ годахъ беллетристка Елена Ганъ (Зинаида Р—ва), дочь высокообразованной Фаддѣевой. Благодаря болѣзни матери (параличу, приковавшему ее на долгіе годы къ постели), дѣвочкѣ пришлось учиться самостоятельно, главнымъ образомъ хорошимъ чтеніемъ. Она рано начала писать стихами и прозой; но, очень строгая въ своихъ литературныхъ вкусахъ, она долго уничтожала все написанное. 16 лѣтъ Е. Ганъ вышла замужъ за офицера изъ образцовой нѣмецкой семьи, окончившаго пажескій корпусъ. Люди съ такимъ образовательнымъ цензомъ рѣдко встрѣчались въ провинціи, и дѣвушка поторопилась замужествомъ, рассчитывая найти въ мужѣ просвѣщеннаго друга, старшаго товарища въ своихъ умственныхъ интересахъ. Она жестоко ошиблась: капитанъ Ганъ среди неряшливой полковой жизни растерялъ свои знанія, утратилъ даже свѣтскій лоскъ, и умъ свой проявлялъ только въ язвительныхъ выходкахъ и насмѣшкахъ надъ вкусами и литературнымъ трудомъ жены. Тягота семейной жизни сыграла большую роль въ ранней смерти писательницы.

— „Всѣ повѣсти этой даровитой писательницы проникнуты однимъ страстнымъ чувствомъ, одной живой идеей, однимъ могучимъ созерцаніемъ, не дающимъ покоя автору и тревожно его наполняющимъ“,—писалъ Бѣлинскій; эта живая идея—глубокая скорбь объ общественномъ униженіи женщины и энергичный протестъ противъ этого униженія. Источника вдохновеній Е. Ганъ нельзя искать въ одномъ вліяніи Ж. Зандъ. Конечно, наша писательница читала въ ранніе годы ея романы „Индіану“, „Лелію“, „Жака“, но ея настроенія, ея страстное сочувствіе женской долѣ зародились ранѣе, чѣмъ „Индіана“ и „Лелія“ попали ей въ руки; она многое слышала отъ матери; недаромъ въ первомъ же романѣ она отмѣчаетъ мать героини, которая—„считала непреложными условія женскаго быта за выдумки, годныя только для толпы“. Къ тому же она расходилась съ Ж. Зандъ въ пониманіи любви, не допуская полной свободы

чувства; она понимала любовь только въ бракѣ, вообще же, по ея мнѣнію, любовь не можетъ заполнять жизни женщины.— „Теперь женщина рождается для того, — писала беллетристка, — чтобы, нравиться, прельщать, увеселять досуги мужчинъ, — радиться, плясать, владычествовать въ обществѣ, а на дѣлѣ быть бумажнымъ царькомъ, которому паяцъ кланяется передъ публикой и котораго онъ бросаетъ въ темный уголъ наединѣ... Право, иногда кажется, что міръ Божій созданъ для однихъ мужчинъ; имъ открыта вселенная со всѣми таинствами; для нихъ, и слава, и искусства, и познанія, для нихъ свобода и всѣ радости жизни. Женщину отъ колыбели сковываютъ цѣпями приличія, опутываютъ ужаснымъ, — что скажетъ свѣтъ! — „Сестра по таланту и по душѣ этимъ великимъ поэтамъ, которымъ ты поклоняешься, ты никогда не сравнишься долею съ ними, — говоритъ наставникъ юной поэтессы въ повѣсти „Напрасный даръ“. — Мужчины, какъ огромны ваши преимущества, какъ благословенны ваши права! Вамъ открыты всѣ пути искусства, наукъ, поэзіи, славы... Немного терпѣнья, труда, непоколебимой воли, и вы можете всего достигнуть; тогда какъ женщина, равная вамъ талантами и высоко превосходящая васъ сердцемъ, должна прозябать въ пустынѣ, въ неизвѣстности, далеко отъ свѣта и всѣхъ великихъ образцовъ, всѣхъ средствъ къ ученью, которыхъ такъ жаждетъ душа ея, оттого только, что она женщина! Къ чему же ты такъ щедро одарила ее, природа? На что даешь ей умъ, способности, таланты и это постиженіе всего возвышеннаго, и это живое сочувствіе съ прекраснымъ. Но, правда, вѣдь не природа заслоняетъ женщинѣ предназначенный ей свыше путь! Люди, законы общества, условія... сильнѣйшіе установили свои права!“ Эта страница изъ послѣдняго произведенія Е. Ганъ, повѣствующаго о трагической судьбѣ талантливой дѣвушки-поэтессы, особенно ярко отражаетъ основное настроеніе писательницы.

Полны ѣдкаго юмора тѣ страницы повѣсти „Идеаль“, гдѣ Е. Ганъ описываетъ появленіе въ уѣздномъ городкѣ писательницы изъ офицерскихъ женъ. — „Что? капитанша или поручица писательница? Да это вздоръ! Этого нѣтъ и быть не можетъ! возра-

жаютъ мнѣ многіе и многіе. — Правда, писала Жанлисъ, такъ она была придворная графиня! Писала Сталь, такъ отецъ ея былъ министромъ; обѣ получили высокое образованіе, но капитанша!... Судятъ о несчастной самымъ удивительнымъ образомъ, въ нее всюду впадаютъ глазами; хозяйки гостиныхъ экспонируютъ ее, какъ змѣю въ одѣялѣ. Отъ нея ждутъ книжныхъ рѣчей, поражающихъ мыслей, кафедральнаго голоса, чего то особеннаго въ поступи, и даже латинскихъ фразъ въ смѣси съ еврейскимъ языкомъ, потому что женщина-писательница, по общепринятому мнѣнію, не можетъ не быть ученой и педанткой, а почему такъ, не могу доложить. — Эта роль „ярмарочнаго уродъ“, „змѣи въ одѣялѣ“ особенно тяжела для женщины, нуждающейся какъ всѣ женщины въ дружеской ласкѣ, въ пріятномъ интимномъ общеніи.

Не смотря на блестящіе успѣхи въ литературѣ, на лестную извѣстность, тяжелыя личныя переживанія внушаютъ Е. Ганъ страхъ за женщину, которой выпадаетъ почетный удѣлъ жить умственной жизнью: такъ трудно ей — „найти духовную поддержку, взаимное пониманіе, ласку; истоскуется она сердцемъ“. — Писательницу не удовлетворяетъ малое вліяніе женскаго ума. — „Умъ женщины, какъ огонекъ далекаго маяка, блещетъ, но не разсѣиваетъ окружающаго мрака; а если жизнь обвѣваетъ ее холодомъ, то не головѣ согрѣтъ ея сердце“.

Казалось бы, лучшее предназначеніе для духовныхъ силъ женщины — семья. Не величайшее ли счастье — жить одною жизнью съ любимыми существами? Но это только кажется. Даже въ семьѣ многое обманчиво и призрачно; и тутъ женщину подстерегаетъ холодъ одиночества; ужасно „жить сиротой, въ однообразіи, ничѣмъ не нарушаемомъ, въ туманѣ, сквозь который не можетъ пробиться ни пучъ солнца, никакой росы утренней“. — Приниженность женской личности чувствуется одинаково во всѣхъ сферахъ жизни, и нѣтъ удовлетворенія ни чуткой душѣ, ни высоко-развитому уму талантливой женщины. Е. Ганъ умерла всего 28 л. отъ роду въ 1842 г.

Матеріалъ для исторіи русскаго общества 30-хъ и 40-хъ гг. громаденъ и все разрастается; значеніе женщинъ въ эту эпоху

настолько велико и личности ихъ такъ интересны, что вопросъ о ихъ роли и вліяніи давно заслуживаетъ особой монографіи. Въ своемъ непритязательномъ очеркѣ я могу только отмѣтить нѣкоторые женскіе типы, подготовляющіе наблюдателя къ переходу во 2-ую половину XIX в., къ бурнымъ 60-мъ годамъ.

Къ ихъ числу принадлежатъ женщины, окружавшія Герцена въ различные періоды его жизни. Среди нихъ поражаетъ сложной и тонкой психологіей и глубиной душевныхъ переживаній жена Герцена, Наталья Александровна Захарыина. Дочь его дяди, одного изъ Яковлевыхъ, и крѣпостной, она была взята на воспитаніе теткой кн. Хованской, обратившей милостивое вниманіе на дѣвочку съ огромными, трогательно-ясными глазами. Наташа росла подъ надзоромъ экономки въ строгости, безъ малѣйшей ласки, сжимаясь передъ суровыми внушеніями — благоговѣть передъ благодѣтельницей. Дѣвочка хотѣла бѣжать изъ тисковъ благодѣній, но не удачно. — „Сжала сердце, и жила“, молча, тихо, безъ улыбки, углубленная въ себя, и въ ней росло недо-вѣріе къ людямъ, къ ихъ участию, отчужденность отъ нихъ. Ея душевной жизнью заинтересовался только дьяконъ, учившій ее грамотѣ и Закону Божію; самъ мистикъ, онъ развилъ ея религіозность до экстаза и мистической мечтательности. Дѣвочка уносила въ міръ грезъ, ночью видѣла Христа. Въ 14 лѣтъ ее сдѣлали барышней, наняли ей гувернантку для языковъ, но она осталась тихой и задумчивой по прежнему. Она смягчалась только ласками молоденькой родственницы, и тогда шептала: „Умремте, Татьяна Петровна“. — Да съ робкой нѣжностью любовалась она шумнымъ избалованнымъ подросткомъ потомъ студентомъ, Сашей Герценомъ, и напряженное, глубокое чувство овладѣвало ея душой, первое, единственное въ ея одиночествѣ.

Во время преслѣдованій студентовъ, потомъ ареста Герцена, Наташа выступила съ горячимъ сочувствіемъ и плѣнила его ясностью мысли, чистотой своего религіознаго міровоззрѣнія. Въ перепискѣ съ высланнымъ Герценомъ отразился ея духовный міръ одинокой дѣвушки; пылкое чувство прорывалось сквозь мистическое настроеніе и восторженный піэтизмъ. Нравственная чистота завлекла страстно впечатлительнаго Герцена, и они

женихъ съ невѣстой. Письма Натали—стихотворенія въ прозѣ, полныя лирической красоты.—„Часто вечеромъ сажу на берегу одна, и думы несутся къ тебѣ, несутся толпой, какъ жаворонки улетаютъ въ зеленые края“,—начинается одно письмо. „...Ангель мой, забыла писать. Гдѣ я сажу, оттуда не видно ничего кромѣ неба и чуть, чуть краевъ кровель домовъ. Наши куда то уѣхали, передо мною твой портретъ. Что предприметъ человѣчество, чтобы выразить любовь? Эта мысль такъ заняла меня, я положила перо, черты твои слились съ небомъ, съ солнцемъ... забудь, забудь хоть на минуту все и представь себѣ, вообрази... но какъ же назвать это, не умѣю выразить, Александръ, и слова такого нѣтъ... но все равно, какъ ни скажу, ты поймешь меня! и такъ все забудь, никуда не смотри, кромѣ вотъ на небо, на солнце... что прекраснѣе ихъ въ природѣ? Вообрази теперь какъ черты твои, изображенныя карандашемъ на бумагѣ, отдѣляются... свѣтлѣютъ, горятъ... горятъ огнемъ святой любви; о, какъ горятъ, сливаются съ голубымъ свѣтомъ, съ огненными лучами... и вотъ, ты—небо, ты—солнце, солнце и небо—твой образъ!“... Въ сущности Герценъ и Натали, люди разныхъ темпераментовъ, съ различнымъ складомъ ума, мало понимали другъ друга. Но женщина, однообразно и напряженно настроенная, вся охваченная единымъ чувствомъ, оказалась сильнѣе мужчины, какъ вѣрно отмѣтилъ Милуковъ въ своей извѣстной статьѣ, и ея вліяніе сперва торжествовало. Но прошли годъ, другой брака, и противоположности сказались. Герценъ весь кипѣлъ общественными и политическими интересами. Натали, часто больная, съ маленькими дѣтьми опять въ своемъ особомъ мірѣ; она не любила литературныхъ салоновъ и „ученыхъ дамъ“. Ея демократизмъ былъ искреннѣе и глубже, чѣмъ у мужа.—Какое мѣщанство! вознегодовалъ Герценъ наткнувшись на лоскутки дѣтскихъ платьевъ.—„Мѣщанство—стыдиться работы, тихо возразила жена.—Неужели предосудительно, что жена твоя сама работаетъ на твоего ребенка?“

И вдругъ измѣна мужа, мимолетная связь съ горничной тутъ же, въ домѣ. Натали заболѣла отъ потрясенія; „паденіе“ ея идеала чувствовалось тяжелѣе собственнаго паденія. Герценъ

мучился раскаяніемъ, но не понималъ такого трагизма. Она же, утративъ вѣру въ мужа, снова „сжала сердце“ и замкнулась въ себя. Религіозныя настроенія давно покинули ее.

За границей то же недовѣріе къ людямъ, выросшее въ ней, въ дочери крѣпостной, оскорбляемой всей обстановкой крѣпостного быта. Среди событій 1848 г. Натали писала: „Невыносимо броженіе, котораго результатъ будетъ черезъ нѣсколько вѣковъ: существо мое слишкомъ слабо для этихъ соображеній“.—Шумныя рѣчи, заговоры, сходки для нея—мышиная бѣготня. Революція, мятежи, „республика и публика“, примелькались, опоштилились;—liberté, égalité, fraternité—все тѣ же насилія, фанатизмъ, какъ въ первые вѣка христіанства. Жизнь всегда въ толпѣ, на народѣ, благодаря политическимъ связямъ мужа, бывала ей мучительна. Вліяніе и роль Герцена, его жгучія, талантливныя рѣчи подавляли и томили Натали; она уходила въ тѣнь; возвращались ощущенія дѣтства, жизни чужой, подъ ферулой сильнѣйшаго. Къ 30-ти годамъ ей мучительно захотѣлось своей жизни, своей воли. Она съ жаромъ поддерживала духъ Тучковой, сходящейся съ женатымъ Огаревымъ. „Оскорбительно предоставлять жизни сдѣлать изъ себя, что она захочетъ или что ей случится; я бы хотѣла сдѣлать изъ жизни твоей, что ты захочешь... Наконецъ, какъ человѣкъ, ты не имѣешь права уничтожить себя оттого, что окружающіе не удовлетворяютъ тебя. Что тебѣ до нихъ? Развѣ ты не ты“.

Она сама переживала такой же бурный кризисъ; ее охватила „вторая молодость“, которая ярче, реальнѣе и богаче первой. „...Хочу жить, жить своей жизнью, жить, насколько во мнѣ жизни“. Вскорѣ затѣмъ Натали уѣхала отъ мужа съ потомъ Гервегомъ;—открыто проявила свою волю къ жизни. Подробности этого эпизода изъ біографіи А. Герцена пока неизвѣстны; касающіяся его главы „Былого и Думъ“ не опубликованы. Но извѣстно, что въ слѣдующемъ 1851 г. онъ выѣхалъ въ Туринъ встрѣчать возвращавшуюся къ нему жену. Съ первыхъ словъ они поняли другъ друга и весело пошли подъ руку въ отель, гдѣ проговорили до утра. Они встрѣтились теперь, какъ равные, товарищи-ветераны, „закаленные въ бою жизни,

испытавшіе не только свою силу, но и свою слабость, говорилъ Герценъ. „По ужасу и тупой боли еще яснѣе разглядѣли мы, какъ мы неразнимчато срослись годами, обстоятельствами, чужбиной, дѣтьми... Вновь отправляясь въ путь, мы, не считаясь, раздѣлили печальную ношу прошлаго“. Оба были готовы „для возмужалаго отстоявшагося счастья“. Натали вернулась вся прежняя пылкая, нѣжная любовь къ мужу. Ихъ новое счастье длилось не долго: весной слѣдующаго года Натали скончалась.

Такъ разрѣшалась проблема новаго брака, скажемъ словами П. Милюкова, вырабатывался союзъ, основанный не на „надменномъ покровительствѣ мужчины“ и не на „уклончивомъ молчаніи“ женщины. Но сознательная постановка ея стоила такихъ тяжкихъ страданій, что правъ былъ Герценъ, обращаясь къ потомству: „Поймутъ ли, оцѣнятъ ли грядущіе люди весь ужасъ, всю трагическую сторону нашего существованія? А между тѣмъ, наши страданія—почка, изъ котораго разовьется ихъ счастье“. ...Даже въ томъ неширокомъ кругу, въ который умѣщала свою жизнь Натали Герценъ, у женщинъ возникли новые запросы, потребность собственными руками разрывать мучительные узлы, опутывавшіе ихъ жизнь; и эти запросы заставили задумываться надъ проблемой брака.

Въ дѣтствѣ и юности Герцена играла роль подруга иного склада, тоже родственница. Татьяна Кучина часто гостила въ домѣ его отца Яковлева. 15-ти лѣтъ, окончивъ пансіонъ, она занималась съ 13-лѣтнимъ Сашей русскими предметами у студента Протопопова, длинноволосаго и растрепаннаго, но восторженнаго романтика, поклонника Шиллера; онъ научилъ подростка благоговѣть передъ Пушкинымъ, Грибоѣдовымъ, Рылѣвымъ, и самъ восторгался талантливыми сочиненіями Герцена; училась хорошо писать и дѣвочка, будущая литературная работница. Оба ученика научились мыслить и говорить съ романтическимъ пафосомъ. Появились на сцену энциклопедисты XVIII-го в., права человѣка и гражданина, французская революція. Полную новыхъ впечатлѣній Кучину вызвала въ Корчеву молодая мачиха: отецъ ея разорился и уѣхалъ; энергичная жена, смольнянка съ шифромъ, чтобы воспитать своего ребенка и поддержать существованіе

множества дворовыхъ, населявшихъ большой домъ, открыла въ немъ пансіонъ. Сама она превосходно преподавала языки; падчерицъ поручила русскій языкъ и предметы.

Все, что далъ Протопоповъ, было приложено къ дѣлу.

„Провинціальная жизнь мнѣ сдѣлалась чуждой, писала Кучина въ воспоминаніяхъ. Пользуясь своей обязанностью, я рѣшила почти нигдѣ не бывать и весь нравственный интересъ свой сосредоточить на занятіяхъ съ ученицами и перепискѣ съ Сашей... Я создала себѣ жизнь отдѣльную, не похожую ни на что, меня окружавшее“.

Она занимала дѣвочекъ хорошими стихами, баснями, рассказывала о великихъ гражданскихъ подвигахъ героевъ древности по Анахарсису, дополняя своимъ воображеніемъ; пускалась даже въ объясненіе философскихъ системъ. Географія изучалась путешествіями. „Въ этой путаницѣ чувствовалась жизнь, добавляетъ она, и какъ то все шло впрокъ“. Увлеченныя ученицы захотѣли быть сильными тѣломъ и твердыми духомъ, какъ спартанки, отказались отъ чая и лакомствъ, отъ ссоръ и плача; ходили босикомъ, обливались холодной водой, чтобы закалиться. Кучина учила ихъ танцовать, играть на фортепіано, устраивала балеты и спектакли для своего и ихъ удовольствія.

На праздникахъ и вакансіи она видѣла уѣздное общество и запомнила любопытные типы. Въ одной семьѣ нѣсколько бойкихъ, очень умненькихъ дочерей не выносили стѣснительныхъ условій, въ которыхъ жили тогда дѣвушки, и сумѣли добиться свободы, полагая, что „независимая жизнь уравниваетъ положеніе женщины съ независимымъ положеніемъ мужчины“. Однѣ разѣзжали онѣ по сосѣдямъ, вопреки требованіямъ приличій того времени, скакали верхомъ на бѣговыхъ дрожкахъ, правили тройками, съ мужчинами говорили смѣло, по-товарищески. Въ другомъ домѣ одна милая, умная дѣвушка упорно стремилась уравнивать себя съ мужчинами, усваивала ихъ костюмъ и манеры; ходила въ мужскомъ халатѣ, курила трубку, стригла волосы; вечеромъ надѣвала фуражку и садилась верхомъ на дрожки... „Эта удалъ, это ребяческое подражаніе мужчинѣ, это исканіе чего-то уже содержало въ себѣ зародышъ протеста противъ

отживающего порядка вещей", думала Пассекъ-Кучина. Среди свѣтскаго общества выдѣлялись вакханки, открыто и намѣренно подражавшія кутежамъ мужчинъ;—къ сожалѣнію, трудно сказать, сколько было сознательнаго въ этихъ порывахъ, и насколько могла сказываться въ нихъ просто распушенность „по вольности дворянской“. Несомнѣнно, однако, что многихъ тяготила безсодержательность и замкнутость существованія дѣвушекъ, не находившихъ нормальнаго выхода накопившимся духовнымъ силамъ. Года черезъ два, съ грустью разставшись съ ученицами, Кучина опять оказалась у Яковлева. И снова она единственный товарищъ Герцена до его поступленія въ университетъ; снова уроки и чтеніе вмѣстѣ, но лучше всего ихъ бесѣды. „Незамѣтно надвигались сумерки—любимое время дня мое и Саши,—и разговоръ становился душевнѣй. Что за свѣтлыя, что за прекрасныя минуты проводили мы тогда! Жизнь раскидывалась передъ нами лучезарно. Это доля юношескаго возраста. Мы вѣрили во все!“ Кругомъ царилъ однообразный до одури, всѣмъ тираннически навязанный порядокъ барской жизни, тяжкая атмосфера самодурства, утонченнаго издѣвательства надъ людьми, злобныхъ выходокъ мнимо-больного старика, отца Герцена. „Утомительное однообразіе охватывавшей насъ среды какъ бы не смѣло касаться насъ; окруженные ею, мы жили своей отдѣльной жизнью; она развивалась изъ этого отжившаго міра, какъ свѣжій цвѣтокъ въ пустынѣ“, записала мемуаристка. Такова сила здоровыхъ культурныхъ вѣяній; проникая въ среду затхлаго застоя, они помогаютъ росту молодыхъ особей, готовыхъ обновить ее. Позже молодая дѣвушка съ восторгомъ жила интересами кружка студентовъ, друзей Герцена, одного изъ тѣхъ кружковъ, которые впоследствии разбились на славянофиловъ и западниковъ. Здѣсь она нашла мужа въ лицѣ молодого ученаго Вадима Пассека, кандидата въ профессора. При участіи молодежи устроилась поэтично трогательная свадьба, а послѣ нея пирушка юныхъ друзей. Пассекъ вывелъ къ товарищамъ молодую жену; ее встрѣтили громомъ поздравленій; бокалы съ трескомъ полетѣли къ ея ногамъ. Татьяна подняла свой бокалъ: „За дружбу“, восторженно отвѣтила она и бросила его на полъ;

взрывъ восторга вспыхнулъ вокругъ. Такъ вступила она въ новое для женщины положеніе товарища-друга студентовъ и жены-друга молодого ученаго. Но тяжелыя испытанія подстерегали ее; нелегкая, полная труда и заботъ жизнь ожидала молодую женщину. Университетская исторія, аресты друзей лишили мужа ожидаемой кафедры. Пришлось жить литературой и маленькимъ хуторомъ. Пассекъ рано умеръ; его вдова собрала его сочиненія, находила способы издавать ихъ; хозяйничала, воспитала дѣтей, и къ старости сама взялась за литературную работу, долго до самой смерти издавая журналъ для дѣтей.

Съ новыми узаконеніями 1834 г. о правахъ домашнихъ наставницъ улучшилось положеніе русскихъ учительницъ. Возросла спросъ на женскій преподавательскій трудъ, чему способствовало увеличеніе числа женскихъ учебныхъ заведеній. Дѣвушки, окончившія пансіонъ или институтъ, часто не мирились съ унижительнымъ существованіемъ барышень-нахлѣбницъ изъ милости въ состоятельныхъ домахъ, и предпочитали поступать въ гувернантки, классныя дамы и учительницы. Даже инныя матери семействъ не чуждались труда внѣ дома. Такъ умная и дѣятельная мать Л. Шелгуновой, г-жа Михаэлисъ, пополняла средства семьи хорошо оплачиваемыми уроками музыки и сотрудничала въ газетахъ; и дочь ея, въ сущности, не нуждаясь въ заработкѣ, съ 16-ти лѣтъ брала платные переводы.

Помѣщикъ Цѣвловскій, отецъ Водовозовой, готовилъ дочерей къ самостоятельной жизни, и старшая дочь послѣ его смерти (1848 г.) много помогала семьѣ, хорошо зарабатывая уроками въ пансіонѣ. Казалось, уже намѣчался вопросъ о правѣ на трудъ даже женщинъ привилегированнаго класса.

Къ 50 гг. самая идея равенства половъ (не „равноправія“) замѣтно проникала въ сознаніе лучшихъ людей времени. Г-жа Михаэлисъ, по свидѣтельству Шелгунова, отстаивала ее въ своей семьѣ. Юноша Чернышевскій глубоко проникся ею и развилъ ее въ существенную часть своего міровоззрѣнія. Надъ нею задумывались историкъ Шульгинъ и медикъ Пироговъ.

На разсужденія своей невесты о равенствѣ мужа и жены Шелгуновъ отвѣтилъ, что идея равенства привилась ей отъ ма-

тери, но не вытекает изъ требованій ея сердца. Жизнь супруговъ должна быть основана на товариществѣ. „Вы хотите, чтобы мужъ подчинялся женѣ по закону равенства и по убѣжденію, что жена лучше сумѣетъ управлять супружескимъ счастьемъ, а я подчиняюсь своей женѣ, какъ существо, сознающее свою силу и крѣпость, которое отказывается отъ этихъ правъ, потому что хочетъ находиться подъ вліяніемъ любви“... И все-таки молодые Шелгуновы устроились по новому: въ скромной квартирѣ въ Самарѣ мужъ и жена имѣли отдѣльныя комнаты съ одной общей, гдѣ принимались общіе посѣтители, какъ у героевъ „Что дѣлать?“

Чернышевскій шелъ гораздо дальше въ своихъ взглядахъ на права женщины, жены. „Надъ падшей не смѣйся никогда“. „Какъ бы ни пала женщина, дайте ей только лучъ солнца золотой, и она заблестаетъ снова“,—любилъ онъ говорить. Отъ себя онъ требовалъ полной чистоты до женитьбы: „ты первая, которую я обнимаю, первая которую я люблю!“—Онъ мечталъ жениться надѣвущейся развитой, доброй и несчастной, (чтобы имѣть счастье спасти ее).—„Я буду покорнѣйшимъ слугою своей жены, только покорнѣйшимъ олугою“, едва ли не первыя слова, которые онъ сказалъ избранницѣ; и позже пояснилъ ихъ: „По моимъ понятіямъ женщина занимаетъ недостойное мѣсто въ семействѣ. Меня возмущаетъ всякое неравенство. Женщина должна быть равна мужчинѣ. Но когда палка была долго искривлена въ одну сторону, то, чтобы выпрямить ее, должно много перегнуть ее на другую сторону. Такъ и теперь: женщины поставлены ниже мужчинъ. Всякій порядочный человѣкъ обязанъ, по моимъ понятіямъ, ставить свою жену выше себя: этотъ временный перевѣсъ необходимъ для будущаго равенства“.—На измѣну жены онъ смотрѣлъ глазами. „Жака“ Ж. Зандъ.—„На будущее никто не имѣетъ права требовать обязательствъ. Сердцемъ нельзя распоряжаться... Если моя жена полюбитъ другого, я скажу ей только: когда тебѣ, другъ мой, покажется лучше воротиться ко мнѣ, пожалуйста, возвращайся, не стѣсняясь нисколько“.

За годъ до женитьбы Чернышевскаго Герценъ уже выполнилъ это обѣщаніе на практикѣ. Но герой 40-хъ годовъ „вы-

страдалъ“ вмѣстѣ съ женой заданную ему жизнью задачу обновленія старыхъ отношеній мужа и жены. Герой 60-хъ годовъ, совершенно неискушенный опытомъ, смѣло поднимаетъ знамя принципа и несетъ его черезъ головы живущихъ и страдающихъ.

Иные люди, иные пѣсни.

XI.

За послѣдніе 25 лѣтъ революціонные перевороты, широкія демократическія реформы въ представительномъ строѣ большихъ цивилизованныхъ государствъ часто сопровождались вспышками женскаго движенія; отчасти заражаясь, отчасти пользуясь возбужденіемъ обществъ, женщины добивались расширенія сферы своихъ правъ до полного равноправія половъ включительно. Такъ было во Франціи въ концѣ XVIII-го в., въ 1830, 1848 гг., въ Соединенныхъ Штатахъ Америки во время освобожденія негровъ: въ Англіи женское движеніе усилилось со времени реформы избирательнаго права. Первымъ рѣшительнымъ толчкомъ къ проявленію феминизма среди русскихъ женщинъ послужила отмѣна крѣпостного права. Долго и довольно упорно опорочивали самобытность женскаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ, обличая его въ грубомъ и безсмысленномъ подражаніи героинямъ Ж. Зандъ, ея послѣдовательницамъ и ея друзьямъ социалистамъ.—Если всмотрѣться въ постепенное измѣненіе отношеній къ женщинѣ въ русскомъ обществѣ XIX в., въ условія быта, при которыхъ совершалась реформа и въ ея непосредственныя послѣдствія, то возникаетъ убѣжденіе, что и безъ вліянія западнаго феминизма наши женщины пережили бы свой первый эмансипаціонный порывъ, хотя бы и съ иными оттѣнками мыслей, съ менѣе ясно выраженными запросами за недостаткомъ готовыхъ образцовъ и примѣровъ.

Интересъ къ судьбѣ приниженной женской личности можетъ загораться самъ собой; какъ будто гдѣ-то въ темныхъ глубинахъ мужской психологіи незамѣтно таится до поры до времени потребность

въ лучшихъ формахъ общенія съ подругами. Дома, въ семьѣ женщины могли вѣками держать на положеніи безправныхъ слугъ хозяйства и тамперамента, закрывая имъ всякую публичную дѣятельность. Но люди прежде всего существа общественныя, а приниженыя и порабощенныя не могутъ удовлетворить стремленія къ разумному, духовно радующему общенію съ себѣ подобными; и вотъ оказывается необходимой хотя бы фикція, иллюзія равноправія въ обращеніи съ обходительными и занимательными представительницами другого пола, чтобы пріятно провести время, отдохнуть душой и занять умъ. Древніе греки, запирая женъ въ гетерей, наслаждались обществомъ литературно-образованныхъ гетеръ, поэтессъ и пѣвицъ; въ глухую пору средневѣковья дамы являлись царицами турнировъ и состязаній пѣвцовъ. Даже на востокѣ потребность въ гармоничныхъ отношеніяхъ половъ одно время побѣждала опасныя поученія Магомета, и мусульманскій міръ далъ первые примѣры литературныхъ салоновъ, собиравшихся вокругъ остроумныхъ, интересныхъ дамъ. Не только наши свѣтскія собранія, но деревенскія посидѣлки, и тѣ нуждаются въ такой иллюзіи, въ условномъ признаніи равноправія половъ, иначе была-бы невозможна общественная жизнь, а безъ нея немислимъ прогрессъ; все замерло бы въ застывшихъ формахъ быта, какъ у народовъ востока.

Въ могучихъ народныхъ движеніяхъ, когда всѣ силы направляются на борьбу, когда необходима солидарность общественныхъ массъ, женщины появляются въ средѣ борцовъ, какъ необходимые товарищи; условную фикцію равноправія смѣняетъ опредѣленный призывъ женщинъ къ участию въ общемъ дѣлѣ; проявляются заботы о просвѣщеніи и подготовкѣ женщинъ, имъ льстятъ, имъ много общаются. Такая потребность въ единомышленницахъ вспыхнула у насъ въ 60-хъ годахъ; одни, какъ Пироговъ, готовили изъ женщинъ дѣятельницъ для просвѣщенія и перевоспитанія общества; другіе искали въ нихъ товарищей для борьбы съ устарѣлымъ укладомъ жизни на правахъ равенства и братства. Тѣ и другіе считали реформу неосуществимой безъ участія женщинъ.

Политическія событія 50-хъ гг. и слѣдовавшее за ними обще-

ственное возбужденіе застали женщинъ уже подготовленными къ неизбѣжнымъ переломамъ въ ихъ бытѣ. Число женщинъ, занятыхъ интеллигентнымъ трудомъ очень выросло, росло и сознание въ недостаточности образованія, которымъ довольствовались прежде въ дворянскихъ семьяхъ. Замѣчались уже признаки неизбѣжнаго перехода къ личному труду; женщины волновались и жаловались, что ихъ ни къ чему не готовили, что онѣ ничего не знаютъ и должны энергично взяться за свое образованіе. Чуткія и горячія душой личности радовались великой реформы, сознательно и безсознательно готовились къ общественной дѣятельности, къ заботамъ о судьбѣ женщинъ. Намѣчались и лидеры женскаго движенія; рядомъ съ кружкомъ Трубикиной, Стасовой, Филосовой выделялись Конради, Корсини, отчасти Шелгунова и др.

Французскій феминизмъ 30 и 40-хъ годовъ, а позже проповѣдь Милля имѣли несомнѣнное вліяніе на женщинъ 60-хъ годовъ. Романами Ж. Зандъ зачитывалась и женская и мужская молодежь 40-хъ годовъ. Когда цензура не пропускала произведеній иностранныхъ социалистовъ, русскіе читатели хватались за романы, отражавшіе ученіе П. Леру, Кабэ, Консидерана, и упивались отзвуками социалистическихъ доктринъ. Проф. Бестужевъ-Рюминъ, первый руководитель петербургскихъ женскихъ курсовъ, всю жизнь хранилъ студенческія тетради, полныя выписокъ изъ Ж. Зандъ. Чернышевскій часто говорилъ со своей невѣстой языкомъ „Жака“, отрицавшаго старый семейный строй. На М. Михайлова и Шелгуновыхъ оказалъ сильное вліяніе, когда они жили въ Парижѣ, кружокъ ярыхъ феминистовъ съ Женни де-Эриккуръ во главѣ. Французская литература, особенно по социальнымъ вопросамъ очень помогла русскимъ женщинамъ разобраться въ своемъ положеніи и своихъ интересахъ, а обществу — уяснить себѣ смыслъ и содержаніе народившагося женскаго вопроса.

Новѣйшій изслѣдователь феминизма во Франціи 30-хъ и 40-хъ годовъ отмѣчаетъ въ немъ три основныхъ теченія: группа сенсимонистокъ и ихъ послѣдовательницъ связывала равноправіе женщинъ съ коренной реформой, социальнаго строя, ожидая

отъ женщинъ разрѣшенія проблемъ бѣдности и улучшенія условій труда; представительницы среднего теченія стремились къ немедленному улучшенію правового положенія женщинъ, посылали петиціи въ палату депутатовъ и въ правительственныя вѣдомства, требуя возстановленія развода, права голоса въ избирательныхъ комиссіяхъ, доступа въ торговыя палаты и т. д. Третье теченіе только отчасти примыкало къ феминизму; его представительницы нерѣдко полемизировали съ сенсимонистками и равноправками; онѣ проповѣдывали необходимость нравственного усовершенствованія женщинъ, расширенія ихъ умственного кругозора, чтобы сдѣлать изъ нихъ болѣе достойныхъ женъ, матерей и воспитательницъ. Всѣ группы сходились на необходимости поднять уровень образованія женщинъ и на томъ, что женщины должны всегда сохранять особенности своей женственности.

У насъ въ женскомъ движеніи 60-хъ годовъ тоже замѣтны различныя теченія, но они плохо поддаются определенной классификаціи; да и самъ русскій феминизмъ того времени труднѣе, чѣмъ на Западѣ, выдѣлить изъ общихъ эмансипаціонныхъ теченій эпохи реформъ, благодаря отсутствію политической свободы въ странѣ. Средняя группа феминистокъ съ ея борьбой за публичныя и политическія права женщинъ не находила себѣ мѣста въ русскомъ обществѣ; ей не съ кѣмъ было считаться, не было гражданъ законодателей, къ кому обратиться съ запросами.—Къ правамъ женственности наши радикалы-эмансипаторы относились рѣзко отрицательно.—Въ женщинѣ не должно быть ничего женскаго кромѣ пола, писалъ М. Михайловъ:—„да не будетъ въ ней не мужское, или женское, а чисто человѣческое“.

Особую яркость и остроту женскому движенію придавала отмѣна крѣпостного права, оставившая бѣдныхъ дворянокъ безъ средствъ къ существованію, а недавнихъ властныхъ помѣщицъ—безъ занятій и почетнаго положенія. Длиннымъ рядомъ поколѣній онѣ привыкли владѣть людьми и ихъ трудомъ не какъ временныя хозяйки по личному уговору, а какъ милостивыя или немилостивыя государыни своими подданными.—Разомъ исчезли преро-

гативы ихъ вліянія; ихъ дѣятельность утратила прежнее значеніе, у многихъ сошла на нѣтъ.—Если, оставивъ въ сторонѣ крѣпостницъ изуверокъ, не мирившихся со свободой холопей, войдемъ въ положеніе лучшихъ представительницъ сословія, подготовившихся къ неизбежному событію, даже признававшихъ его важность и значеніе для всѣхъ, то возникаетъ вопросъ: причѣмъ остались онѣ, особенно живыя, дѣятельныя натуры? Мужчины ихъ круга и прежде служили, и теперь стали служить гораздо больше и усерднѣе, а ихъ женамъ и дочерямъ, лишенныхъ домашнихъ заботъ и широкаго вліянія, что имъ дѣлать? У нихъ не было ни привычки, ни желанія, а главное—необходимости собственно-ручно вести свое хозяйство, какъ нѣмки и француженки средней руки: дешевая прислуга въ то время въ изобиліи приходила изъ деревень предлагать имъ свои услуги; этотъ трудъ въ антигигиеничной, некультурной обстановкѣ нашихъ жилищъ, въ суровомъ климатѣ былъ очень тяжелъ, да и не соответствовалъ потребностямъ нашей женской интеллигенціи. Куда же дѣвать молодыя силы? Чѣмъ занять пробудившуюся пытливость ума? Служба, уроки, литература могли занять очень немногихъ; въ заработкахъ нуждалась дворянская бѣдность. Понятно, что властитель думъ молодого поколѣнія, авторъ „Что дѣлать?“ не могъ не остановиться на этомъ неотложномъ вопросѣ.—Женщины съ увлеченіемъ примыкали къ кружкамъ, гдѣ разрабатывалось определенное отношеніе къ политическимъ и социальнымъ вопросамъ, гдѣ призывали къ дѣятельности на пользу просвѣщенія народа и реформъ его быта; шли на всякое живое дѣло, искали себѣ мѣста и определенной роли въ общественной жизни, добивались средствъ къ серьезному образованію. Обиліе незанятыхъ женщинъ очень содѣйствовало успѣху новыхъ идей и теорій.

Къ 50-мъ годамъ очень замѣтна эволюція взглядовъ на женщину, предвозвѣстникомъ которой былъ Бѣлинскій 2-й половины своей литературной дѣятельности, когда онъ являлся страстнымъ защитникомъ правъ женской личности; зарождалась новая оцѣнка ея. Особенности положенія женщины волновали умы мужчинъ, особенно низкій уровень ея образованія. На порогъ новой эпохи женщины впервые проявили уди-

вительную дѣловую энергію въ лицѣ первыхъ сестеръ милосердія на театрѣ Восточной войны. Ихъ общину основала вел. княгиня Елена Павловна, давно задумывавшаяся надъ улучшеніемъ образованія женщинъ сообразно съ ихъ значеніемъ въ обществѣ.

— „Полагаю, что прибытіе сестеръ на театръ войны, говорила она доктору Пирогову, лучшее средство вызвать вниманіе и сочувствіе къ женщинамъ; какъ со стороны общественнаго мнѣнія, такъ и со стороны правительства“.

И Пироговъ изъ этого перваго опыта вынесъ убѣжденіе, что если женщина—„получить надлежащее образованіе и воспитаніе, она можетъ такъ же хорошо устроить свою научную художественную и общественную культурность, какъ и мужчина“.

Новое отношеніе къ женской личности отражалось въ литературѣ и журналистикѣ; съ новымъ царствованіемъ въ нихъ оживленно и шумно выясняется „женскій вопросъ“ при дѣятельномъ участіи самихъ женщинъ.

Требованіе новыхъ формъ воспитанія и образованія предъявляются непрерывно, все тверже и рѣшительнѣй. Вопросъ о реформѣ образованія женщинъ теперь вытекаетъ изъ необходимости общей реформы воспитанія. Заговорили о духовномъ мірѣ ребенка, о самостоятельной работѣ его ума, которой вмѣстѣ со смѣлостью отнюдь нельзя убивать въ немъ. Подразумѣвалось, что нельзя убивать ихъ и въ дѣвочкахъ. Тутъ же касались и воспитанія женщинъ;—„это предметъ чрезвычайной важности“, писалъ Бемъ (Морской Сборникъ 1856, № 1-й), впрочемъ, ограничивая дѣятельность женщинъ одною семьей.

Журналъ просилъ читателей сообщать замѣчанія на его статью. Заинтересованная публика уже отвѣчала рядомъ соображеній и замѣчаній, когда лѣтомъ того же года въ Морскомъ Сборникѣ появилась знаменитая статья Пирогова „Запросы Жизни“. Мысли его были такъ новы, а широкая постановка вопроса о воспитаніи такъ захватывала, что статью читали всюду нарасхватъ. Пироговъ предлагалъ русскимъ людямъ вникнуть въ свою жизнь, постичь свое назначеніе и призваніе. Воспитаніемъ нужно готовить людей. Прежде всего

родители и воспитатели не имѣютъ права распоряжаться будущностью дѣтей, предназначая ихъ къ специальности по своему выбору. Человѣка съ дѣтства необходимо готовить къ неизбѣжной, ожидающей его въ жизни борьбѣ. А для участія въ ней необходимо имѣть притязанія на умъ и чувство.—Каждый, онъ или она долженъ представить себѣ, что принадлежитъ къ имѣющимъ это притязаніе.

Слово она употребляется нѣсколько разъ въ программѣ борьбы; отсюда слѣдуетъ что и дѣвочки должны развиваться свободно и всесторонне, не стѣсняясь „предназначеніемъ“, и готовиться къ борьбѣ; но авторъ не выдерживаетъ цѣльности своего положенія, и „предназначеніе“ сохраняетъ свою силу надъ женщиной. Чтобы находить сочувствіе и поддержку въ семьѣ, мужчина ищетъ въ женѣ сотрудницу въ борьбѣ за идеалъ. Но горе ему „если спокойная, безпечная въ кругу семьи жена будетъ смотрѣть съ безмысленной улыбкой идиота на вашу завѣтную борьбу!“—если она не пойдетъ далѣе заботъ о матеріальныхъ улучшеніяхъ, не осуществитъ основной мысли при воспитаніи дѣтей. Въдѣ современное воспитаніе калѣчитъ душу женщины, а современное общество мертвитъ ее, усыпляетъ ее для вышнихъ впечатлѣній, уничтожаетъ возможность понять, образовать себя, обращаетъ въ куклу. А между тѣмъ въ воспитаніи женщины заключается воспитаніе всего человѣчества, а потому оно первое требуетъ реформъ; иначе женщина сама распорядится собой, а это пугаетъ Пирогова. „Черезъ щели изорванныхъ кулисъ показнаго воспитанія“ она начинаетъ видѣть то, что отъ нея бережно скрывали. Мудрено ли, что ей тогда приходитъ на мысль попробовать самой, какъ ходятъ люди. Эмансипація вотъ эта мысль. Паденіе—вотъ первый шагъ. Пусть многое останется ей неизвѣстнымъ она должна гордиться тѣмъ, что многого не узнаетъ. Не всякій врачъ; не всякій долженъ безъ нужды смотрѣть на язвы общества.—„Однако раннее развитіе мышленія и воли для женщины столько же нужны, какъ и для мужчины“... Что бы быть сопутницей въ борьбѣ, ей нужно знать искусство понимать, нужна самостоятельная воля, что бы избирать, что бы имѣть ясную и свѣтлую идею о цѣли воспитанія дѣтей.

Если женскіе педанты, толкуя объ эмансипаціи, разумѣютъ одно воспитаніе женщинъ, онѣ правы. Если же онѣ разумѣютъ эмансипацію общественныхъ правъ женщины, то онѣ сами не знаютъ, чего хотятъ... Женщины и такъ уже эмансипированы, да еще можетъ быть болѣе, нежели мужчины, хотя и не могутъ быть чиновниками, министрами... Онѣ связываютъ общество, украшаютъ его... Только близорукіе, матеріалисты и невѣжды видятъ въ женщинѣ существо подвластное, ниже себя. Ухаживая за колыбелью челоуѣка, его дѣтствомъ, воспитывая, давая ему первоначальное направленіе, женщина кладетъ краеугольный камень жизни общества...

Возбудивъ зажигательный, опасный вопросъ о неизбежной борьбѣ, ожидающей женщину на ея жизненномъ пути, о необходимости и для нея отстаивать идеалы свои и своихъ близкихъ, хотя бы только сотрудницей мужчины борца, Пироговъ ввелъ реальныя задачи ея жизни-борьбы въ старую колею одной семейной жизни. Его проникательный умъ рано предвидѣлъ какой тяжелый путь борьбы ожидаетъ русскихъ женщинъ, замѣчалъ первые эмансипаціонныя порывы, но самъ мыслитель какъ будто скрывалъ отъ себя слѣдствія того, что видѣлъ, боялся ихъ, какъ и многіе его современники, боялся самостоятельности женщинъ: тогда, до паденія крѣпостного права Пироговъ какъ будто не представлялъ себѣ, что многимъ женщинамъ придется жить своимъ трудомъ.—«Не положеніе женщины въ обществѣ, но воспитаніе ея, въ которомъ заключается воспитаніе всего челоуѣчества, вотъ, что требуетъ перемѣны», заключительный аккордъ статьи.

Статья появилась какъ разъ во время и зажгла души читателей. Въ массѣ общества начиналось мощное прогрессивное движеніе. Громко заговорили о себѣ и женщины, и первая же статья „Жалоба женщины“ при всей своей наивности и нѣкоторой сентиментальности тона, выходитъ изъ рамокъ вопроса о семьѣ и воспитаніи.—„Мальчикъ знаетъ для чего онъ родится: онъ долженъ превратиться или въ чиновника, или въ офицера, въ каретнаго мастера... А женщина, что такое женщина? Въ ней съ дѣтства убиваютъ все, что создаетъ личность“. Счастлива

та, которой судьба подскажетъ самой дорыться до смысла своего существованія, заставитъ идти впередъ, бороться съ окружающими предрассудками. Женщину учатъ только нравиться, а каковъ ея удѣлъ, когда она перестаетъ нравиться? Никто не учитъ ее быть хорошей матерью, и совсѣмъ не думаютъ о томъ, что ей дѣлать безъ кормильца. Важно, чтобы исторія научила будущую женщину, каково было положеніе женщины въ обществѣ, какое она могла имѣть значеніе и вліяніе. Вообще же нужно попробовать вести мальчика и дѣвочку одинаково; развивая умъ дѣвочки, вы не лишите ея женственности. Авторъ умоляетъ помочь женщинамъ въ тяжелой борьбѣ съ жизнью.

Въ разныхъ журналахъ женщины вторили „Жалобѣ“, выражали ей сочувствіе; особенно настойчиво указывали на судьбу женщины, которую ожидаетъ трудъ и тяжелая возня съ хозяйствомъ бѣдной семьи. Даже въ славянофильской „Русской Бесѣдѣ“ г-жа Д. скорбѣла о пустотѣ и суетности всего того, „чему мы, женщины, учились“. На это г-жа Бурнашева отвѣтила смѣлой статьей въ „Вѣстникѣ Воспитанія“: „Мы сами, женщины, виноваты“, въ которой указывала, что несчастье женщинъ въ томъ, что онѣ не только не дополняютъ самостоятельно того, чему ихъ учили, но еще слишкомъ быстро позабываютъ и то, что имъ успѣли дать за годы ученія. Это „великодушное“ признаніе, какъ выразилась редакція, оговариваясь въ примѣчаніи, что не раздѣляетъ мрачнаго настроенія автора, вызвало въ свою очередь замѣчанія и протесты.

Нѣкая Х—ва помѣстила въ томъ же журналѣ рядъ „Писемъ къ русскимъ женщинамъ“, гдѣ указывала, какими мѣрами можно повысить ихъ умственное развитіе, предостерегая, что женщинѣ не слѣдуетъ быть ученой. Умственные силы женщины не должны развиваться въ ущербъ способностямъ души: это нарушаетъ гармонію женскаго характера. Женщинамъ слѣдуетъ предоставить участіе въ общественныхъ дѣлахъ, „конечно не непосредственно“, а предоставить имъ „высшее право нравственной оцѣнки событій и лицъ“.—Мысль заработала на разные лады, ища отвѣты на мучительные „запросы“, которые предъявляла женщинамъ заманчивая и суровая жизнь.

Съ 1857 г. появились статьи первой въ Россіи писательницы по экономическимъ вопросамъ, Вернадской, выдающейся, слишкомъ рано умершей женщины (29 лѣтъ). Она горячо ратовала за расширеніе сферы труда для женщинъ, какъ первую задачу времени.—Въ образованномъ обществѣ потребности многочисленны, говорила она въ статьѣ „Свобода выбора труда“. Нельзя заставлять людей исполнять только одни виды труда, а такъ дѣлаютъ съ женщиной... Цивилизація уменьшаетъ значеніе физической силы, а въ умственномъ отношеніи мужчины и женщины равны; слѣдовательно цивилизація дѣлаетъ доступными для женщинъ большее число отраслей труда... Нельзя же изъ всякой женщины дѣлать хозяйку и воспитательницу; у людей разныя способности... но не бойтесь за семью: признайте женщину человекомъ, и она не покинетъ семьи.

Въ статьѣ „Женскій трудъ“ Вернадская высказывается рѣшительно. Она негодуетъ на единственную перспективу, представляющуюся дѣвушкамъ выходить безъ любви замужъ; винить она и самихъ женщинъ; если бы онѣ работали, зарабатывали свое пропитаніе, мужчины были бы съ ними осторожны. Въ простонародьи всѣ работаютъ, и дѣло идетъ равнѣе. Кухарки, горничныя независимѣе барынь... Если женщинъ не берутъ въ чиновники, то торговля, фабричное дѣло, сельское хозяйство, литература, наука, преподаваніе, медицина, художества, сцена, музыка, ремесла—доступны женщинамъ... Имъ необходимо готовиться, развивать свои способности;—женщинамъ платятъ дешево, потому что онѣ менѣе подготовлены.

Сильныя демократическія настроенія, стремленія сблизиться съ трудовымъ людемъ, исканіе полезнаго труда, охватившее тогда молодежь, ярко отражались въ статьяхъ Вернадской. „Почему нельзя быть цвѣточницей, портнихой, развѣ это унижительно?“ У насъ женщины какъ будто стыдятся труда... мужчины же гордятся работой за деньги. Конечно, теперь женщинъ, рѣшившейся жить своимъ трудомъ, часто придется бороться съ общественнымъ мнѣніемъ. Въ статьѣ „Назначеніе женщины“, негодуя на легкомысленное отношеніе къ дѣвушкамъ, у которыхъ одна обязанность—быть авантюристами, она съ жаромъ восклицаетъ: „Mesdames, пе-

рестаньте быть дѣтьми; попробуйте стать на свои собственныя ноги, жить своимъ умомъ, работать своими руками; учитесь, думайте, трудитесь, какъ мужчины, и вы будете такъ же независимы или, по крайней мѣрѣ, въ меньшей зависимости отъ своихъ тирановъ, чѣмъ теперь“. Такъ говорила замѣчательная женщина еще до отмены крѣпостного права. Вотъ важная дѣла на первый случай,—читаемъ далѣе: дѣвушка можетъ готовиться воспитывать младшихъ, изучать медицину и лечить женщинъ; изучать сельское хозяйство. Послѣдній вопросъ очень занималъ экономистовъ ввиду предстоящаго переворота и перехода къ вольнонаемному труду.

Въ 1859 г. возникъ любопытный для того времени журналъ „Наука, искусства и литературы для дѣвицъ“—„Разсвѣтъ“. Очень интересна вступительная статья отъ редакціи: „Геній образованія опять царитъ надъ русскою землею... русскій народъ самъ спѣшитъ по новому пути. На „разсвѣтъ“ новаго дня геній подлетаетъ и къ спящей русской женщинѣ и будитъ ее, указывая на тотъ путь, по которому она должна идти, чтобы сдѣлаться гражданкой и готовиться къ новому долгу—быть воспитательницей новаго возрождающагося поколѣнія. Продолжителемъ былъ ея сонъ. И теперь, когда вокругъ нея все проснулось, она еще не можетъ опомниться, и съ недоумѣніемъ слушаетъ, когда ей говорятъ, что женщина должна быть гражданкой. „Мое назначеніе быть матерью, женой и хозяйкой въ домѣ мужа“, говоритъ русская женщина. „И гражданкой въ своемъ отечествѣ, повторяетъ ей современное общество, т. е. женщина должна вникнуть въ современныя идеи, сочувствовать имъ и, по возможности, принимать участіе въ общемъ движеніи впередъ“. Она должна, приобрѣтая знанія, передавать ихъ молодымъ поколѣніямъ. Вообще, задача „Разсвѣта“—возбудить сочувствіе молодыхъ читательницъ къ современнымъ идеямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказать, что эти идеи вполне согласуются съ духомъ христіанства. А руководящая статья 1-го № 1860 г. говоритъ, что общество ожидаетъ, что женщины помогутъ ему исцѣлить раны, происшедшія отъ старой рутины, помогутъ мужчинамъ бороться съ застарѣлыми нечестными привычками.

Сказываются новые взгляды и въ статьѣ, трактующей о необходимости юридическихъ познаній для женщинъ; онѣ должны имѣть понятіе о наукѣ, толкующей о правахъ и обязанностяхъ чловѣка, какъ члена гражданскаго общества.

Слѣдуетъ отмѣтить, что даже люди еще болѣе умѣренные, можно сказать, правые по своему времени, преклоняясь передъ величіемъ женщинъ-матерей, ихъ исконнымъ назначеніемъ, иначе смотрѣли на семью и положеніе женщинъ, когда справлялись съ фактами. Критикъ журнала „Свѣточъ“ смотритъ очень недовѣрчиво на современныя настроенія женщинъ; только немногія изъ нихъ, думаетъ, онъ скорѣе исключенія, и то смутно, понимаютъ начала иной жизни. Обыкновенно, разъ форма, наложенная общественными условіями нарушается, женщина оказывается ничѣмъ не огражденной, безъ силъ руководить себя, и жизнь ея представляетъ только рядъ противорѣчій.

Всѣ рисуютъ благотворное значеніе матери въ семейномъ воспитаніи. „Мы убѣждены, говоритъ критикъ, что мать не будетъ имѣть должнаго значенія для дѣтей, для семейства, если женщина, вообще, не явится съ такимъ же значеніемъ для общества“. „Мы думаемъ, что женщина имѣетъ большее значеніе для чловѣка, чѣмъ мать для сына“. Авторъ не раздѣляетъ увлеченіе теоріями воспитанія. „Мы никакъ не можемъ представить себѣ воспитаніе цѣлью, а жизнь общественную только его послѣдствіемъ“, но не развиваетъ своей мысли.

Высказались женщины въ печати, нѣкоторыя приступили уже къ планомѣрной общественной дѣятельности, когда въ „Современникѣ“ раздался голосъ публициста и поэта М. Михайлова. Его статьи о женщинахъ, посвященныя Л. Шелгуновой, начинаются знаменательнымъ яркимъ эпиграфомъ „Coupez le câble“ (Разрубите якорный канатъ). „Въ какой мѣрѣ зависитъ благоденствіе общества отъ уравнинія правъ мужчины и женщины? Какъ можетъ совершиться это уравниеніе? Что служить ему помѣхой въ современныхъ понятіяхъ и нравахъ? Какъ должна сложиться семья, чтобы стать дѣйствительнымъ залогомъ прочныхъ успѣховъ общества, а не задержкою ихъ, какою она является большею частью въ наше время?“ Вотъ вопросы, которые онъ

старался выяснитъ, пишетъ Михайловъ. Тогда, подобно многимъ, онъ какъ бы считалъ семью основой общества, ячейкой, изъ которой оно выросло. Это мнѣніе не выдержало критики антропологовъ. Но онъ вполне правъ, когда, указывая на необходимость реформы семьи, утверждалъ, что она породила идею эмансипаціи женщины. Первые шаги общества въ сторону этой эмансипаціи онъ считаетъ однимъ изъ самыхъ важныхъ характеристическихъ явленій своего вѣка. Уже большая свобода, данная женщинамъ въ новыхъ европейскихъ обществахъ, вывела европейцевъ изъ жалкаго прозябанія, въ которыхъ чахнутъ народы востока.

Михайловъ ясно видитъ крайности женскаго движенія, — отрицаніе самой семьи, признаки распущенности даже и на западѣ, — но это временныя, наносныя явленія. Онъ страстно негодуетъ на сильные умы вѣка, работающіе для свободы, которые, однако, не допускаютъ и мысли о равноправіи половъ; особенно гнѣвно критикуетъ онъ Прудона. Что касается брака, то онъ не можетъ устанавливаться на одномъ половомъ влеченіи и дѣторожденіи; разумное сожитіе должно пережить это чувство, такъ какъ оба родителя обязаны воспитывать дѣтей, передать свой опытъ молодому поколѣнію, указать ему путь къ совершенствованію. Жизнь женщины не должна приноситься въ жертву короткому времени дѣторожденія.

Въ заключеніе авторъ требуетъ одинаковаго воспитанія и образованія женщинъ и мужчинъ, а для женщинъ — доступа ко всѣмъ родамъ дѣятельности. Онъ высказалъ намѣреніе въ близкомъ будущемъ болѣе полно и широко обработать свои взгляды и написать исторію женскаго элемента въ чловѣчествѣ. Вскорѣ затѣмъ Михайловъ писалъ о книгѣ Милля, о женщинахъ въ университетѣ; но послѣдовавшее политическое дѣло, ссылка и каторга не дали ему выполнить намѣченныхъ широкихъ плановъ. Черезъ десять лѣтъ однако Шашковъ взялся за изслѣдованіе судебъ женщинъ. Для начала XX-го вѣка мысли Михайлова не новы; но въ 60-хъ годахъ его дѣльныя и умныя статьи, очень послѣдовательно и необыкновенно убѣдительно развивавшія идеи женской эмансипаціи, согрѣтыя жаромъ глубокой искренней убѣжденности, произвели огромное впечатлѣніе. Онъ внесъ въ оборотъ

мыслей своего времени все, что могло быть внесено въ среду общества, лишеннаго политической свободы, но уже затронутого движеніемъ въ пользу освобожденія женщинъ отъ старыхъ путъ. Широта взглядовъ, опредѣленность постановки женскаго вопроса дала русскимъ читателямъ средства для уясненія себѣ своихъ стремленій и догадокъ и надолго вооружила готовыми лозунгами для освободительной работы.

Параллельно съ нею шла спѣшная работа и внутри общества и въ административныхъ кругахъ. Возникли женскія училища вѣдомства имп. Маріи; скоро обратившіяся въ гимназіи; повѣяло новымъ духомъ и въ институтахъ, и даже въ твердынь строгого женскаго воспитанія—въ Смольномъ. Пылкій и талантливый педагогъ Ушинскій, съ одобренія императрицы Маріи Александровны, проводилъ коренную реформу воспитанія и программъ преподаванія. Отношенія къ воспитанницамъ круто измѣнились; барышни обращались въ серьезно-учащуюся и развивающуюся молодежь, будущихъ гражданокъ, призываемыхъ къ дѣятельной интеллектуальной жизни. Напряженное состояніе умовъ, вызванное крупнымъ переворотомъ, достигло высшей точки въ дни реформы 19-го февраля. Послѣ молебна въ день обнародованія манифеста Ушинскій въ яркой талантливой рѣчи обрисовалъ вѣковыя бѣдствія крѣпостныхъ и привольную, веселую жизнь помѣщиковъ, считавшихъ трудъ для себя позоромъ, угнетавшихъ и разорявшихъ народъ. Въ обращеніи къ воспитанницамъ онъ говорилъ, что актъ освобожденія крестьянъ налагаетъ и на нихъ, какъ на всѣхъ представителей образованнаго класса,—обязанность уплатить освобожденнымъ хотя ничтожную часть нашего долга. За наше образованіе, за возможность жить безбѣдно, за блага, прибрѣтенныя на счетъ вѣкового рабства массъ, чтобы искупить тяжелый грѣхъ многихъ поколѣній, мы должны отдать всѣ свои силы на просвѣщеніе народа. Съ этого момента всѣ обязаны нести въ народъ свой трудъ, энергію, таланты; а на русскихъ женщинъ наступившая эпоха освобожденія налагаетъ еще особую обязанность—раскрѣпоститься отъ предрасудковъ, спеціально тяготящихся надъ ними. Чтобы служить наставницей молодымъ поколѣніямъ, нужно очень много; поэтому, женщинамъ

необходимо, какъ и мужчинамъ, высшее образованіе. „Вы обязаны проникнуться стремленіемъ къ завоеванію права на высшее образованіе, сдѣлать его цѣлью своей жизни, вдохнуть это стремленіе въ сердца вашихъ сестеръ, и добиваться достиженія этой цѣли до тѣхъ поръ, пока двери университетовъ, академій и высшихъ школъ не распахнутся передъ вами такъ же гостепріимно, какъ и передъ мужчинами“. Не говоря уже о призывѣ женщинъ къ борьбѣ за право на образованіе, врядъ ли гдѣ такъ пламенно прозвучалъ новый демократическій лозунгъ 60 и 70 гг. объ уплатѣ долга народу.

Интересъ къ женской личности, ея воспитанію, ея психологій проникъ и въ кабинеты ученыхъ; появились работы Буслаева, Тихонравова, Иловайскаго о судьбахъ женщинъ въ старой Руси, ученые и популярныя біографіи женщинъ. Буслаевъ даже поступилъ инспекторомъ по учебной части во второстепенный московскій институтъ, а своимъ преподаваніемъ исторіи русской словесности увлекалъ дѣвушекъ, побуждалъ къ научнымъ занятіямъ.

ХП.

Съ 1856 г. по всей Россіи точно повѣяло свѣжимъ духомъ. Еще фактически ничто не измѣнялось; о неизбежности реформъ только говорили и спорили; еще масса крѣпостныхъ жила по старому только въ страстномъ ожиданіи свободы, а уже современникъ могъ писать о русскомъ обществѣ 1858 года: „Вы рискуете теперь, пріѣхавъ въ Россію, не узнать ее. По внѣшности все кажется то же, но вы чувствуете внутреннее обновленіе во всемъ, вы чувствуете что начинается новая эра. Со всѣхъ сторонъ идеи и свѣтлые взгляды вытѣсняють мало-по-малу старую рутину, которая прежде, и даже во время войны не стѣснялась ничѣмъ“...

Подъ натискомъ новыхъ идей составлялись планы просвѣтительныхъ обществъ, экономическихъ трудовыхъ организацій.

Молодежь, женщины, и даже пожилые люди старались выр-

ваться изъ подъ гнета устарѣлыхъ взглядовъ, предразсудковъ и общественныхъ отношеній; особенно возмущали сословныя перегородки и привиллегіи, и какъ бы на зло имъ всѣ заражались пылкимъ чувствомъ общественности, стремленіемъ помогать ближнимъ, особенно обездоленному низшему классу. Очень измѣнилось студенчество даже въ провинціи; прежде державшаяся особнякомъ, учащаяся ея молодежь теперь проникала повсюду, стремясь объединяться и объединять, учить, просвѣщать, пропагандировать. Въ Петербургѣ радостное возбужденіе разливалось шире и чувствовалось ярче, чѣмъ гдѣ-либо.

„...Въ русскомъ обществѣ царило такое громадное оживленіе, писалъ В. Стасовъ, такая жажда дѣятельности, что каждый человѣкъ, дѣлавшій что-нибудь полезное и хорошее для другихъ, не останавливался на одномъ какомъ-нибудь дѣлѣ и только. Нѣтъ, и младъ, и старъ, всякій изъ дѣйствующихъ былъ у насъ наполненъ такой энергіей!.. Мужчины послѣ службы, а женщины послѣ хозяйства находили время и охоту дѣлать еще много важнаго, по ихъ мнѣнію—такъ каждому казалось, и слава Богу, что казалось. Что влюбленному всегда кажется? Кажется, что онъ ни говори своей возлюбленной, что ни дѣла!..—все мало. Такъ было съ русскими людьми въ 60-хъ гг.... „Они всѣ были точно влюбленные, точно женихи и невѣсты, у которыхъ кровь кипитъ, а виски бьются, и глаза горятъ. Никому не сидѣлось на мѣстѣ. Метались всѣ они словно въ любовномъ чаду, поднимались всѣ ихъ силы и устремлялись на чудныя мысли, рѣчи и дѣла.“—Таково было настроеніе во время недолгаго процвѣтанія воскресныхъ школъ,—этого огромнаго движенія образованныхъ и имущихъ на помощь темнымъ массамъ.

Воспламенился жаждой дѣятельности и близкій Стасову женскій кружокъ изъ лицъ, уже подготовленныхъ къ новому положенію женщинъ.

Въ 1855 г. поселилась въ Петербургѣ 20-тилѣтняя М. В. Трубникова, дочь декабриста Ивашева. Сиротство и печальное дѣтство развили въ ней впечатлительность и отзывчивость; большой дѣятельный умъ при горячемъ сердцѣ очень рано побудили ее къ умственному труду. Въ домѣ тетки, кн. Хованской, она училась

вмѣстѣ съ ея сыновьями у ученаго нѣмца-учителя; потомъ пристрастилась къ серьезному чтенію, и изумительно много читала на главныхъ европейскихъ языкахъ, особенно внимательно слѣдила за работами по социологіи, что сильно отразилось на характерѣ ея дѣятельности. Рано заинтересовала ее литература по женскому вопросу. Молодая женщина переписывалась съ Женни д'Эрикуръ и Миллемъ. Сама она много работала, писала въ изданіяхъ мужа и газетахъ. Бокругъ нея собирались видные представители литературы и науки, Кавелинъ, Серно-Соловьевичи. Личность Трубниковой производила неотразимое впечатлѣніе и на многихъ имѣла рѣшающее вліяніе; съ людьми ей симпатичными она сходилась очень быстро и энергично принималась обдумывать съ ними какое-нибудь дѣло. Едва познакомившись она пригласила „на-завтра“ Н. В. Стасову. Въ этотъ день гостя застала у нея А. П. Философову, Н. А. Бѣлозерскую, В. Ивашеву и еще нѣкоторыхъ лицъ. Обмѣнялись мыслями о тяжеломъ положеніи бѣднѣйшихъ петербургскихъ труженицъ, набросали проектъ устава об-ва дешевыхъ квартиръ и немедленно намѣтили планъ дѣйствій.

Въ горячемъ стремленіи улучшить условія жизни и труда женщинъ сказывались отзвуки женскаго движенія 1848 во Франціи съ его мастерскими и ассоціаціями. Быстро и энергично было поставлено на ноги общество дешевыхъ квартиръ. При квартирахъ пришлось устраивать школы для дѣтей, которыхъ тогда негдѣ было учить. Ознакомившись съ бытомъ трудящихся въ жилищахъ и черезъ воскресныя школы, гдѣ работали члены кружка, они рѣшили нужнымъ позаботиться о ихъ заработкахъ. Въ 1861 г. кружокъ Трубниковой объединилъ группы лицъ, разныхъ направленій для организаціи на широкихъ началахъ „Общества женскаго труда“.

Широкіе круги общества относились съ огромнымъ сочувствіемъ къ начинанію, находя, что потребность въ немъ давно назрѣла, а послѣ реформъ еще разовьется. Предполагалось, что заботы организаціи должны распространяться на всѣ отрасли женскаго труда,—отъ интеллигентныхъ профессій до ремесла и службы.

Скоро, однако, всѣ почувствовали, что элементы, организующіе

общество слишком разнообразно, чтобы сплотиться в нечто прочное, одушевленное стремлением к выполнению одних и тех же взятых на себя задач. Представительницы лѣваго „нигилистическаго“, какъ тогда говорили, направленія высказывали недовольство руководствомъ сплотившихся дѣятельницъ кружка, которыя примирялись съ необходимостью идти къ прогрессу выполнениемъ неотложныхъ общественныхъ дѣлъ, служениемъ тѣмъ новымъ идеямъ, которыя можно немедленно проводить на практикѣ. Н. А. Вѣлозерская въ коротенькой автобіографіи, написанной передъ кончиной подчеркиваетъ основную черту, раздѣлявшую оба направленія. — „Давно живу я на свѣтѣ, но не встрѣчала, ни до этого, ни послѣ равныхъ имъ по энергіи, готовности служить дѣлу до самоотверженія... Трубниковой и Стасовой обязана я многимъ. Онѣ отвлекли меня отъ безпочвеннаго горячаго увлеченія широкими общественными задачами и идеалами, и убѣдили меня приняться за общественную дѣятельность. Благодаря имъ, я приняла участіе въ возникшемъ обществѣ переводчицъ, а затѣмъ, въ учрежденіе высшихъ женскихъ курсовъ... и т. д. „Нигилисткамъ“ и „постепеновкамъ“ не удавалось сговориться; между тѣмъ администрація соглашалась утвердить уставъ общества труда только подъ условіемъ обязательнаго главенства графини Ростовцевой и А. П. Философовой. Въ результатѣ разногласій открытіе общества не могло состояться.

Несмотря на разныя неудачи, идеи ассоціаціи, мѣры къ улучшенію условій труда завладѣли умами членовъ кружка Трубниковой; ихъ старались воплотить въ артеляхъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ вообще возникало много артелей мужскихъ и женскихъ. Члены кружка устраивали артели швей, башмачницъ; всѣмъ кружкомъ устроили вмѣстѣ артель переводчицъ, которымъ раздавали книги по частямъ для переводовъ, сообща издавая ихъ; рисунки, всѣ работы по изданію старались выполнять руками женщинъ, выискивая способныхъ труженицъ и выдвигая ихъ на дорогу. Сложилась крѣпкая группа неутомимыхъ дѣятельницъ, убѣжденных въ необходимости неотложной помощи нуждамъ женщинъ всюду, гдѣ частная инициатива могла это сдѣ-

лать. Позже этотъ кружокъ взялъ на себя организацію первыхъ женскихъ курсовъ и сыгралъ огромную роль въ исторіи высшаго женскаго образованія въ Россію, да и вообще въ исторіи просвѣщенія. Своей сплоченностью, энергіей, дѣловитостью, беззаветной преданностью своему дѣлу этотъ кружокъ, какъ благой примѣръ, наглядно показалъ, чего можетъ достигать дѣятельность женщинъ заставилъ серьезно и съ уваженіемъ относиться къ ней.

Первый порывъ женщинъ къ высшему образованію направился тѣмъ же естественнымъ путемъ, какъ и на западѣ, — къ университетамъ. Наши университеты, лишеныя самостоятельности и устойчивыхъ навыковъ въ самоуправленіи, въ дни общественныхъ движеній легко поддаются чужимъ настроеніямъ и быстро теряютъ обычный порядокъ. Осенью 1859 г. администрація СПб. университета какъ бы рѣшилась въ видѣ опыта допустить женщинъ къ слушанію лекцій. Къ изумленію слушателей проф. Кавелина ректоръ Плетневъ, современникъ Пушкина и кн. Вяземскаго, представитель поколѣнія 20 и 30-хъ г.г., которое славилось рыцарскимъ отношеніемъ къ женщинамъ, вошелъ въ аудиторію подъ руку съ молоденькой, скромно одѣтой дѣвушкой (Н. Корсини) и любезно усадилъ ее въ кресло. Это повторилось и въ ближайшіе дни; потомъ дѣвушка входила съ Кавелинымъ, затѣмъ одна, и садилась уже на скамьи со студентами; посѣщала она лекціи и другихъ профессоровъ юристовъ; къ ней привыкли. Вскорѣ появились въ унив-тѣ А. Влюммеръ, М. Богданова, Е. Корсини, М. Бокова (Сѣченова), за ними многія другія; и въ началѣ 1860 г. у лучшихъ лекторовъ-профессоровъ женщинъ нерѣдко собиралось больше, чѣмъ студентовъ. Потомъ какъ то само собой, безъ постановленій и разрѣшеній университета открылся для всѣхъ; приходили на лекціи офицеры, чиновники, учителя, литераторы, иной сановникъ съ семействомъ. Но общество и печать интересовались только положеніемъ и занятіями женщинъ въ университетѣ. Собственно очень немногія изъ нихъ проходили курсъ факультета; масса больше слушала интересныя лекціи. Изъ профессоровъ горячимъ защитникомъ равноправія женщинъ былъ Кавелинъ. Къ нему примыкали Спасовичъ, Утинъ, Стасюлевичъ, еще нѣкоторые. Костомаровъ предлагалъ даже

ради общей пользы переформировать университетъ въ общедоступный College de France.

Несомнѣнно, говорить очевидецъ Л. Пантелеевъ, большинство профессоровъ не „особенно“ сочувственно смотрѣло на стремленіе женщинъ къ высшему образованію. Клмыковъ находилъ, что преподаваніе истинной науки несовмѣстимо съ присутствіемъ женщинъ въ университетѣ. Проф. Куторга подчеркивалъ въ лекціяхъ щекотливыя для женщинъ подробности. То же замѣчали на лекціяхъ нѣкоторыхъ естественниковъ. Въ Москвѣ женщинамъ совсѣмъ не удалось проникнуть въ университетъ. Двѣ дѣвушки черезъ своего отца ходатайствовали у попечителя разрѣшенія посѣщать лекціи, и получили было разрѣшеніе, но попечитель спохватился и рѣзко, даже съ угрозами студенту, брату дѣвушекъ, запретилъ имъ входить въ университетъ. Въ Казани попечитель, какъ говорятъ, благосклонно отзывался о допущеніи женщинъ въ храмъ науки; студенты усиленно проповѣдывали среди дѣвицъ важность высшаго образованія, но не одна не поддавалась ихъ пропагандѣ и не пыталась проникнуть на лекціи. Ходили слухи, что въ Кіевѣ въ 1860 г. женщинъ видѣли въ университетскихъ аудиторіяхъ. Въ Харьковѣ же были даже изданы правила для посѣтительницъ университета. Вообще до сихъ поръ собрано очень мало свѣдѣній объ этомъ важномъ эпизодѣ женскаго движенія.

Л. Пантелеевъ не беретса опредѣлить отношенія студентовъ къ посѣтительницамъ университетскихъ лекцій, — ужъ слишкомъ быстра была смѣна настроеній среди молодежи. Еще въ 1858 г. попойки, посѣщенія веселыхъ залъ были въ большомъ ходу, а въ 1861 г. все это уже казалось давно минувшимъ. студенчество захвачено массой общественныхъ вопросовъ и сливалось съ обывательскимъ кругомъ, на который само сильно вліяло; и въ этой эволюціи сказалось въ свою очередь цивилизующее вліяніе общеній съ интеллигентными женщинами. Но вотъ разразились пожары, испугавшіе администрацію, закрылись воскресныя школы, начались аресты, волненія студентовъ. Университетъ закрыли надолго, а съ открытіемъ уже не допускали въ его стѣны женщинъ. Серьезно занимавшіяся естественницы перебрались

въ медицинскую академію, гдѣ ихъ присутствіе терпѣли еще съ десятокъ лѣтъ. Три женщины добились степени доктора медицины.

Университетская исторія 1861—2 г. особенно тяжело отразилась на судьбѣ высшаго женскаго образованія. Женщинъ достаточно подготовленныхъ, чтобы серьезно учиться въ университетѣ, было мало, наперечетъ, по свидѣтельству самого М. Михайлова; онѣ никому не могли помѣшать; ничего не мѣняли въ теченіи университетской жизни; случайные посѣтители обоего пола, конечно, отхлынули очень скоро или легко были удалены. Своимъ запрещеніемъ министерство поступило вопреки практикѣ, намѣтившейся на западѣ. Высшее женское образованіе пошло у насъ своимъ, совершенно своеобразнымъ путемъ съ открытіемъ высшихъ курсовъ, постепенно завлекая въ ихъ стѣны тысячи и десятки тысячъ женщинъ. А пока до ихъ открытія, массѣ женщинъ пришлось учиться приватно, кое какъ и кое-чему, по частнымъ квартирамъ; болѣе счастливыя, подготовившись, уѣзжали за границу.

Порывъ къ знанію охватилъ все общество, не однихъ женщинъ; учились всюду, гдѣ могли раздобыть знанія, могли пристроиться съ работой. Тогда на каждого болѣе знающаго возлагали нравственную обязанность учить менѣе знающихъ. Всѣ старались учить неграмотныхъ, отъ профессоровъ и литераторовъ до учениковъ и ученицъ среднихъ школъ. Почти въ каждую семью, захваченную духомъ времени, приходили учиться грамотѣ дѣти, подростки, даже взрослые изъ подваловъ, угловъ, лавочекъ; съ ними занимались члены семьи въ свободное время, чаще женщины, какъ неслужація, болѣе свободныя. Горячій интересъ къ воскреснымъ школамъ принялъ въ свое время характеръ особаго общественнаго движенія. Въ немъ сказался первый самый чистый порывъ интеллигенціи и обезпеченнаго класса къ сближенію и взаимному пониманію съ обездоленной бѣднотой. Юноши, молодые дѣвушки и женщины, только что захваченныя освободительными вѣяніями, несли въ эти классы все лучшее, что загорѣлось въ ихъ душахъ. Альтруистическій порывъ смягчалъ жесткость исключительной вѣры въ силу разума и неопровержимость общихъ принциповъ, смѣни-

шей романтической настроенія 40-хъ г.г. Соціальныя неурядицы, экономическія бѣдствія, разладъ семейныхъ и общественныхъ отношеній, всѣ эти сложныя и запутанныя послѣдствія историческаго прошлаго, считали возможнымъ, говорить современница, быстро исправить, если за борьбу съ ними дружно возьмутся очень умные и образованные люди. Уму придавали всесильное, всеобъемлющее значеніе. Воровство, взяточничество, подлость приписывали глупости, неразвитости ума, невѣжеству; умный человѣкъ долженъ понимать, что все это невыгодно ему самому. Во имя разума легко отбрасывались семейныя и общественныя традиции, навязывавшія почитаніе авторитетовъ. Благородство, добрую душу, развитую совѣсть, сердечную деликатность считали результатомъ развитыхъ умственныхъ способностей и разумнаго эгоизма. Сложность человѣческой психологіи забывали, не желали вникать въ нее; не затрудняли себя мощнымъ вліяніемъ жизни чувствъ; эту область старались подчинять требованіямъ разума, личной и общественной пользы.

Въ основу образованія полагались реальныя, опытыя знанія, изученіе природы; ими надѣялись совершить рядъ переворотовъ въ жизни человѣчества. Очень цѣнились популярныя книги по всѣмъ отраслямъ естествознанія, и каждый сколько-нибудь развитой человѣкъ обязанъ былъ знакомиться съ ними. Опытныя науки считали лучшимъ орудіемъ для борьбы съ суевѣріями и предрасудками народной массы. — Профессора и педагоги читали лекціи въ публичныхъ залахъ, по частнымъ квартирамъ; студенты-естественники имѣли массу работы съ группами жаждущихъ знаній. Интеллигентные хозяева считали долгомъ уступать, если могли, комнаты для устройства демонстративныхъ уроковъ, маленькихъ лабораторій, и въ нихъ толпами являлись мужчины и женщины анатомировать животныхъ, заниматься съ микроскопомъ.

Опытныя знанія тиранически господствовали надъ гуманистическими, надъ другими запросами духа. Крайніе приверженцы утилитаризма высмѣивали любовь къ поэзіи, музыкѣ; съ личными склонностями, врожденными способностями почти не считались. Русскому обществу удалось тогда впервые сплотиться;

оно съ увлеченіемъ проповѣдывало солидарность, и нарождались фанатики „принциповъ“, которые навязывали всѣмъ и каждому одинъ и тотъ же циклъ знаній. Музыкантши, талантливыя пѣвицы, дѣвушки со сценическимъ дарованіемъ, какъ загипнотизированныя брели на уроки анатоміи, и плакали отъ отвращенія къ препаратамъ. Бывали случаи нервныхъ и психическихъ заболѣваній, потому что насилованное сознаніе не справлялось съ чуждымъ ему дѣломъ и отказывалось работать. Дѣвочкамъ не полагалось давать куколь изъ опасенія, что наряжанье ихъ пріучаетъ къ кокетству и любви къ тряпкамъ. Частенько маленькія дѣвочки отводили душу возней съ обрубками, которымъ прислуга намалевывала лица. — „Зинка, говори, какъ движется желѣзная дорога (?) безъ лошадокъ?“ „Объясни, изъ чего это сдѣлано?“ — приставала любящая тетка, пріятельница Е. Водозовой, къ 5-ти лѣтней племянницѣ. — „А чѣмъ ты будешь, когда вырастешь?“ — „Буду учить бѣдныхъ дѣтокъ; они ничего не знаютъ, а я имъ все расскажу“...

Фанатизмъ и деспотизмъ крайнихъ шестидесятниковъ нерѣдко объясняли привычками крѣпостной поры, отъ которыхъ не успѣли отдѣлаться, неприспособленностью къ самостоятельному мышленію и критическому анализу, что дѣлало ихъ жертвами настроенія момента. Это отчасти правда; но нужно сознаться, что тутъ сказывался главнымъ образомъ элементъ революціонизма, расшатавшій въ 60-хъ гг., вмѣстѣ со старымъ соціальнымъ строемъ жизни, слабые устои воспитанія, навыки общественныхъ отношеній, а главное — мирную эволюцію идей.

— „Революція есть упрощеніе,“ говоритъ государственный дѣятель современной Англіи, Дж. Морлей, въ своей біографіи Кромвеля; и онъ несомнѣнно правъ. Въ годы колебаній старыхъ порядковъ на безпомощные, неспособные самостоятельно ориентироваться въ соціальныхъ вопросахъ общественные круги, на зеленую молодежь мощно и зажигательно дѣйствуютъ сжатые обобщенія, упрощенныя теоріи, немногія простыя положенія, которыя легко усвоить и запомнить, а по ихъ отвлеченности и расплывчатости удобно прилагать ко всѣмъ случаямъ жизни. Анализъ и вдумчивая критика задерживаютъ порывы, заставляютъ личность

болѣе сосредоточиваться въ себѣ; удобопонятныя, готовыя, многообщающія теоріи манятъ и толкаютъ въ заманчивую даль, возбуждаютъ дремавшія силы, („создаютъ настроенія“, какъ говорили у насъ въ 1904—5 гг.), и дѣятельный духъ.—Кажущаяся простота и ясность лозунговъ тѣмъ и сильна надъ людскою психологіей, что зажигаетъ фанатическую вѣру въ нихъ, преданность имъ, связываетъ и объединяетъ вѣрующихъ единомышленниковъ и отталкиваетъ отъ тупицъ и вредныхъ злодѣевъ, которые, по мнѣнію пропагандистовъ, не понимаютъ или дерзко не хотятъ понять простыхъ и великихъ истинъ, ведущихъ человечество къ свѣту и счастью. Въ горячіе дни общественнаго подъема съ упрощенными теоріями трудно спорить людямъ другого лагеря, и потому зрѣлые опытные дѣятели ради общественной солидарности въ борьбѣ за реформы часто мирятся съ крайностями движенія.

Каждый, юный и пожилой, думали тогда, обязанъ дѣлиться съ ближними, знакомыми и незнакомыми всѣмъ, что зналъ самъ или слышалъ; чувство солидарности и общественнаго долга увлекало толпы. Масса нахлынувшихъ вопросовъ требовали разъясненія и обмѣна мыслей. Возникали разнообразные кружки, гдѣ собирались люди самыхъ разнообразныхъ слоевъ отъ разночинцевъ до свѣтскихъ дамъ; знакомые и незнакомые приносили на вечеринки закуски, булки, хлѣбъ... Первое время царило полное взаимное довѣріе. На собесѣдованіяхъ рассказывали, что у кого наболѣло; занимало недавно пережитое и еще переживаемое; съ горечью и негодованіемъ возмущеннаго молодого чувства описывали гнетъ старинной семьи, грубое вмѣшательство въ самые дорогие уголки интимной жизни безправнаго юнаго существа, безобразныя ссоры и дразги въ родныхъ гнѣздахъ, распущенность, развратъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ,—все то, чѣмъ роняли авторитетъ старшихъ, что надрывало и калѣчило души и организмы младшихъ. „Вотъ почему мы должны вести борьбу противъ тираніи семьи; вотъ почему въ насъ зародились отрицаніе авторитетовъ нашихъ отцовъ или полный индефферентизмъ къ нимъ“, кричали сочувствовавшіе; крѣпло стремленіе порывать семейныя цѣпи и радикально измѣнить законы и обычаи въ пользу свободной личности.

Самые безправные члены семьи, женщины, испытывали двойной гнетъ родительской и супружеской власти и общественныхъ предрасудковъ, и вопросъ объ освобожденіи женской личности быстро выдвинулся и сталъ въ ряды неотложныхъ вопросовъ. Женщина должна завоевать себѣ неприкосновенность личной жизни и, какъ равноправный членъ, наряду съ мужчинами вступить въ обновленное общество. Она должна трудиться, имѣть заработокъ и достичь такой самостоятельности, чтобы никогда не пожалѣть, что она родилась женщиной.

Стремленіе сблизиться съ народомъ и вести трудовую полезную жизнь породило принципъ опрощенія всего ея обихода, начиная съ внѣшности дѣятеля; самый простой костюмъ, но свѣдѣтельствующій о нѣкоторомъ вниманіи къ изяществу, даже къ аккуратности, осуждался, высмѣивался бойкими лидерами молодежи, и очень упорно даже въ обиходѣ лицъ, ими уважаемыхъ и вліятельныхъ. Женскіе наряды, всегда болѣе пестрые и разнообразныя, отнимавшіе больше времени, подвергались особенно рѣзкой критикѣ, и въ силу этого болѣе рѣзкой реформѣ. Простое черное или темное платье съ бѣлымъ воротничкомъ и рукавчиками—полный нарядъ женщины 60-хъ гг.; къ этому подстриженные волосы, нерѣдко очки-консервы, придававшія серьезность слишкомъ юнымъ лицамъ, „скрывавшія блескъ и игру женскихъ глазъ“, жаловались представители умѣреннаго направленія. Кокетство считали одно время смертнымъ грѣхомъ, глупѣйшимъ порожденіемъ крѣпостнаго права; его бичевали Чернышевскій и М. Михайловъ. Значеніе этого проявленія сложной эмоціональной жизни, свойственной всему животному міру, не занимало людей 60-хъ годовъ.

— Ты должна знать, что въ молодомъ поколѣніи выработано два непоколебимыхъ принципа: человѣкъ долженъ имѣть только то, безъ чего онъ не можетъ обойтись, обязанъ сокращать свои потребности до минимума, безъ котораго можетъ пострадать организмъ, внушала представительница одного кружка юной Водовозовой. Простотой жизни современный человѣкъ долженъ стараться напоминать простой народъ... Онъ тогда будетъ довѣрчивѣе относиться къ намъ. Деньги должно употреблять не на прихоти, а на нужды народа, на его просвѣщеніе.

Наряду съ простотой и однообразіемъ внѣшняго вида проводилась и простота отношеній между знакомыми и незнакомыми, между мужчинами и женщинами; устанавливалось прямое товарищеское обращеніе, безъ свѣтской уклончивости; не стѣсняясь, не дожидаясь вопроса, высказывали другъ другу въ глаза свои мнѣнія и заключенія. Осторожность, мягкая тактичность и деликатность исчезли изъ обихода самыхъ яркихъ кружковъ той поры. Бурная пора наложила особенно яркій отпечатокъ на женщинъ, на весь ихъ обликъ, на поведеніе и манеры, на образъ мыслей и занятія. Съ утра интеллигентная женщина, даже семейная, приступала къ общественному дѣлу или службѣ, если имѣла счастье найти работу на 15, 20, много 25 р. въ мѣсяцъ. По пути она отводила дѣтей въ домъ, гдѣ особая воспитательница занималась съ ними вмѣстѣ съ дѣтьми другихъ матерей. То были зародыши дѣтскихъ садовъ, которые возникли нѣсколько позже. Сама мать уходила въ контору, магазинъ, или на платные уроки. Вернувшись, она учила грамотѣ прислугу, дѣтей дворниковъ, сосѣдской бѣдности или сама отправлялась на лекцію, урокъ анатоміи или физиологіи; нерѣдко на совѣщаніе по поводу новой организациі возникающаго общества. Позже вечеромъ ее ожидали на выборъ собранія кружковъ и вечеринки; на первыхъ обсуждались литературныя новинки, злобы дня, вопросы социальнаго и политическаго характера. На вечеринкахъ-фиксъ умѣли соединять интересныя бесѣды съ шумнымъ весельемъ. А въ 60-ые годы умѣли повеселиться. „Никогда не встрѣчала я позже такого разудалаго веселья, не слыхала такого звонкаго смѣха!“—пишетъ Е. Водовозова; и это весьма естественно: осуществлялась огромная реформа; открывались великія надежды на блестящее будущее; ожидалось, что потокъ гуманныхъ и демократическихъ идей снесетъ безъ остатка грязныя пережитки былого; радужныя мечты окрыляли всѣхъ... энергичная дѣятельность шла объ руку съ бурнымъ весельемъ. Жилось чрезвычайно интересно“.

На вечеринкахъ болтали, спорили, пѣли, танцовали, затѣвали игры, живыя картины, произносили экспромтомъ рѣчи, — „рѣчи безъ конца...“ Въ игрѣ въ оракулъ, напр., вдохновившись, рисовали

картины будущаго социальнаго строя города, деревни, красивой жизни просвѣщенныхъ людей, напоминавшія сны героини. „Что дѣлать?“ Частыя собранія и вечеринки очень сближали людей, способствовали быстрому обороту новыхъ мыслей, распространенію ихъ среди массы. Здѣсь заводились болѣе тѣсныя и обширныя знакомства, помогавшія пріискивать работу, пріобрѣтать знанія, готовиться къ экзаменамъ, что бывало очень важно для неопытныхъ, стѣсненныхъ дома или пріѣхавшихъ изъ провинціи женщинъ. Едва ли не самыми интересными посѣтительницами кружковъ были женщины и дѣвушки изъ аристократическихъ семей, покинувшія свою среду ради новыхъ идеаловъ жизни; онѣ жили уроками, переводами, перепиской; одѣвались просто, даже бѣдно, отличались фанатической преданностью идеаламъ эпохи и до мелочей слѣдовали ея кодексу морали.

Способныхъ, бойкихъ дѣвушекъ въ кружкахъ учили, какъ въ удобопонятной формѣ пропагандировать современныя идеи среди окружающихъ, обличать злоупотребленія, даже находить способъ бороться съ бѣдствіями отечества. Давали списокъ книгъ отъ „Колокола“, произведеній Фохта, Льюса, Луи Блана до „Молотова“ Помяловскаго, которыя она должна рекомендовать для чтенія. Она обязана напоминать о высокомъ призваніи женщины-гражданки; барышнямъ указывать на безнравственность ихъ пустого существованія, пошлость кокетства, негодовать на безсодержательную болтовню; провинціальнымъ дамамъ внушать, что стыдно брать содержаніе отъ мужей, если ихъ не любятъ. Всякая женщина должна умѣть самостоятельно зарабатывать себѣ хлѣбъ. Вопросъ о бракѣ часто вызывалъ жестокіе споры. Фанатики объявляли бракъ устарѣлымъ, ненужнымъ институтомъ; другіе допускали его только на основахъ разумности: мужчина и женщина обязаны искать другъ въ другѣ идейныхъ товарищей, чтобы рука объ руку творить общественное дѣло. Но находились развитыя женщины, которыя возмущались вмѣшательствомъ въ интимную жизнь личности даже по соображеніямъ общественной пользы; бракъ—дѣло чувства, и возможенъ только по взаимной любви.

Въ этомъ вихрѣ движенія, рѣчей, внушеній и споровъ, постоянно на народѣ, въ погонѣ за знаніями, не всегда отвѣчаю-

щими природнымъ склонностямъ и способностямъ,—за заработками, тяжелыми и плохо оплачиваемыми, въ которыхъ нерѣдко не нуждались, положеніе многихъ женщинахъ, стремившихся къ свободѣ и самостоятельности, было, нужно сознаться, не выгодно для ихъ цѣлей и не всегда почетно, несмотря на большое вниманіе къ нимъ. Освобождаясь отъ власти семьи, иногда порывая съ нею, среди кружковой жизни, заботъ объ общественной пользѣ онѣ не находили ни мѣста, ни времени сосредоточиться мыслями, самостоятельно подумать, разобраться въ условіяхъ своего существованія, освоиться съ новизной положенія, и благодаря этому не умѣли стать его хозяйками; онѣ всегда чему нибудь служили, воспринимали внушенія и сами внушали; взрослые, зрѣлыя женщины слишкомъ замѣтно держались на ученическомъ положеніи. Болѣе подготовленная и твердая на общественной почвѣ мужская молодежь постоянно подгоняла женщинъ впередъ отъ старыхъ устоевъ и вѣрованій на выполнение того, что считалось гражданскими обязанностями. „Новыя“ женщины, „нигилистки“, по терминологіи консерваторовъ, добросовѣстно вооружились общими лозунгами, готовыми программами движенія, много и самоотверженно работали для него; послужили прекрасными передатчицами упрощенныхъ теорій и принциповъ; сами же рѣдко имѣли возможность сосредоточиваться и приспосабливаться къ сложной, напряженной работѣ мысли, необходимой для достиженія высшихъ ступеней образованія.

Проповѣдуемая фанатиками простота и свобода во взаимоотношеніяхъ половъ, да еще при обязательности взаимнаго обученія, наставленія и критики, послужили неудобной, даже скользкой почвой для нормальнаго роста женской личности и развитія въ ней самосознанія и чувства собственнаго достоинства. Люди 60-хъ гг. не считались съ темпераментами и свойствами характеровъ и не желали видѣть, на какой жесткій камень преткновенія наталкивалась въ сферѣ этихъ отношеній теорія разумнаго эгоизма, какъ трудно было проводить ее женщинамъ, всегда отвѣтственнымъ лицамъ, легко теряющимъ личную свободу среди свободныхъ отношеній. Въ этой сферѣ кодексъ гражданской морали 60-хъ гг. обнаружилъ не мало дефектовъ и навлекъ на

общество того времени тучу нареканій и обвиненій въ безнравственности, въ значительной степени незаслуженныхъ.

Къ 1863 г. политическія настроенія измѣнились къ худшему; сверху началась реакція; замутились свѣтлыя надежды оптимистовъ; расшаталась солидарность общества раздраженіемъ однихъ, замѣшательствомъ другихъ. Отсутствіе заработковъ при спросѣ на трудъ, неудачи въ университетахъ грозили охладить духъ женщинъ, когда появился социальный романъ „Что дѣлать“ и вновь вдохновилъ молодежь. Впечатлѣніе онъ произвелъ громадное, потрясающее, очень выгодное для женщинъ, и подбодрилъ ихъ на борьбу за право на образованіе и лучшее социальное положеніе. Полная натяжекъ, то наивной, то неуклюжей искусственности во взаимоотношеніяхъ и размышленіяхъ героевъ, пророческихъ сновъ, не гармонирующихъ съ сухой разумностью реалистовъ 60-хъ гг., повѣсть проникнута такой горичей вѣрой въ проповѣдуемые идеалы, въ силы и способности людей добиться ихъ осуществленія; съ такой любовью рисуетъ возможность и близость счастья, да еще созданнаго своими руками, что не могла не плѣнить умы жаждущихъ поддержки и утѣшенія. Базаровъ, Кукшина многихъ смущали и путали. „Что дѣлать?“ разъясняло и освѣщало; одни нашли въ романѣ истолкованіе своихъ завѣтныхъ вѣрованій и стремленій; для другихъ онъ явился откровеніемъ, указывавшимъ новые пути. Вѣрный себѣ, Чернышевскій перегибаетъ палку въ сторону женщинъ.— Жила была красивая дѣвушка съ зауряднымъ образованіемъ барышни средней руки, съ дремлющими способностями; родители мучили ее, чуть ли не продавали. Дѣльный, добрый студентъ предложилъ ей бракъ ради спасенія отъ семьи; она приняла его помощь. Юноша безъ колебаній отказался отъ выпускныхъ экзаменовъ и диплома врача, взялся за скучный трудъ ради заработка. На свободѣ, въ бракѣ-товариществѣ, (но не фиктивномъ), вскрываются и расцвѣтаютъ духовныя силы женщины. Пока мужъ добываетъ средства, она осуществляетъ социальныя задачи времени, создаетъ трудовыя ассоціаціи, просвѣщаетъ трудящихся женщинъ.

При этомъ Чернышевскій возвращаетъ нигилисткѣ женствен-

ность и даетъ примѣры мягкаго и осторожнаго обращенія съ женщиной. Вѣра Павловна—украшеніе своего дома, общества, гдѣ бываетъ, душа и краса своей мастерской, благодаря изящнымъ вкусамъ. Женщина мило нѣжится, отдыхаетъ, бережетъ силы и красу; она музыкантша, обожаетъ оперу, веселится; времени на все хватаетъ.

Пророческіе сны героини отражаютъ ростъ ея идеаловъ, расширеніе ея умственнаго горизонта и вмѣстѣ указываютъ ей пути. Не покидая своихъ артелей, она рѣшила учиться медицинѣ съ помощью своего второго мужа, профессора-медика, чтобы имѣть собственное специальное дѣло. Сдѣлавшись врачомъ, она во снѣ видитъ свое отраженіе въ глазахъ чудной женщины, видитъ себя преображенной, богиней; и слышитъ, что это ея знанія и трудъ, свобода и равноправность преобразили еѣ въ богиню.

Високонравственному Чернышевскому не мало доставалось за безнравственныя тенденціи, проводимыя имъ въ романѣ. Дѣйствительно, есть мѣста, гдѣ Чернышевскій „перегибаетъ палку“ въ сторону широкихъ возможностей въ правахъ любви, и даже съ нарушеніемъ здраваго смысла. Когда героиня и другъ ея мужа увлеклись другъ другомъ, первый мужъ, зная это, предложилъ женѣ принять друга жильцомъ, а другу переѣхать къ нимъ; оба въ пылкомъ негодованіи и обидѣ отказались отъ комбинаціи, и мужъ въ восторгѣ отъ ихъ гнѣва.

Зачѣмъ же авторъ заставилъ его оскорблять нѣжно любимыхъ имъ людей своимъ предложеніемъ? Только чтобы лишній разъ укрѣпить вѣру въ разумный эгоизмъ, оберегающій людей отъ того, что консерваторы называютъ безнравственностью. Въ другомъ мѣстѣ повѣсти тотъ же Попуховъ, въ бесѣдѣ со второй невѣстой оплакиваетъ стѣсненное положеніе дѣвушекъ въ жизни, которыя, не зная, на что идутъ, рискуютъ стать жертвой ошибокъ въ бракѣ; принимать на себя брачныя обязательства могутъ только вдовы. Дѣвушка понимаетъ его, но возражаетъ, что среди „дурной“ жизни современнаго общества, опыты, знаніе ея для дѣвушекъ немыслимы, и женихъ спѣшитъ съ ней согласиться.

Опять на сценѣ спасительная логика разумнаго эгоизма.—Но

когда всѣ люди станутъ прекрасными, то не страшны и ошибки въ бракѣ, можетъ заключить отъ себя читатель.—Изъ этихъ эпизодовъ, повидимому, многіе дѣлали выводъ, что авторъ проповѣдуетъ общность женъ и полную свободу жизни. Несомнѣнно, онъ этого не думалъ; только демонстративные уроки разумнаго эгоизма сослужили дурную службу на почвѣ, разрыхленной принципами упрощеній. Но женщинамъ было важно и дорого поощреніе властителя думъ молодого поколѣнія, утѣшительно слышать изъ его устъ панегирикъ женскимъ способностямъ, уму и энергіи, которые выводятъ ихъ на вѣрный путь социальнаго творчества и общаго прогресса. Во имя прогресса, справедливости и равноправія мужчина, если онъ честный человѣкъ, обязанъ, въ ущербъ своимъ интересамъ помогать женщинѣ выбраться на свободу, стать дѣятельнымъ, полезнымъ лицомъ. Женщинѣ указывали путь къ достиженію равноправія, и даже красиво, пріятно обставленный; ей внушалась вѣра въ свои силы, въ ней возбуждали инициативу. Правда, это было русское равноправіе—въ трудѣ, образованіи и обязанностяхъ, а не въ правахъ гражданина, которыхъ еще не существовало въ странѣ. Подъ вліяніемъ этого поощренія женщины энергичнѣй взялись за ученіе, добивались дипломовъ, ѣхали за границу ради университетскаго образованія, и тамъ оказывались первыми пионерками новаго дѣла; проникая въ аудиторіи, къ испытаніямъ для полученія научныхъ степеней, онѣ расчищали дорогу представительницамъ другихъ націй. Въ самой Россіи началась упорная безъ перерыва и колебаній борьба за право на высшее образованіе, вызвавшая сочувствіе общества. Жертвы строгихъ семей, запрещавшихъ дѣвушкамъ учиться, находили рыцарей, которые предлагали имъ фиктивный бракъ и затѣмъ обезпечивали имъ свободу отдѣльнымъ паспортомъ.

Одно время послѣ появленія „Что дѣлать?“ подражаніе его героямъ обратилось въ повѣтріе. Тысячи дамъ и дѣвицъ пытались открывать артельныя мастерскія по программѣ Чернышевскаго. Особы со средствами жертвовали деньги на начинанія, часто соблазняясь эффектной ролью руководительницъ; но за единичными исключеніями, всѣ попытки терпѣли крушеніе по

неподготовленности состава работницъ для сложныхъ отношеній между собой и съ руководительницами, по неумѣлости инициаторшъ, часто увлекавшихся невыполнимыми планами. Иногда, какъ у Х. Алчевской въ Харьковѣ, мастерская сразу начинала давать доходъ швеямъ; но учредительница по незнакомству съ ремесломъ, предоставила дѣло руководству бойкой мастерицы, которая завладѣла имъ и скоро обратила его въ доходное предпріятіе. Случалось, что небогатая провинціальная барыня открывала артельныя мастерскія съ помощью кружка идейныхъ поклонницъ романа, и ловко отдѣлавшись отъ благодѣтельницъ, заводили свое дѣло, забравъ въ руки швей. Бывало и хуже; легкомысленныя барыньки устраивали свиданія въ помѣщеніи трудовой ассоціаціи; подбирались соотвѣтствующія мастерицы, и мастерская обращалась въ пріютъ веселой жизни.

Извѣстны попытки общежитій интеллигентныхъ лицъ обо-его пола, коммунъ на трудовыхъ началахъ. Ими особенно увлекался писатель Слѣпцовъ; но и онъ быстро распадался.

Грустные неудачи станутъ вполне понятными, если оглянуться на крайне печальное состояніе женскаго труда въ началѣ 60-хъ годовъ; крѣпостное право еще держало въ тискахъ свободный трудъ и мѣшало естественному распредѣленію населенія. Въ городахъ и промышленныхъ центрахъ число женскаго населенія было значительно ниже мужского; относительно Петербурга на это указываетъ этюдъ Карновича 1865 г. Для Москвы и другихъ большихъ городовъ нѣтъ такихъ указаній, но тамъ несомнѣнно происходило тоже. Въ Москвѣ по переписи 1880—81 г. женское населеніе числомъ все еще ниже мужского. Послѣ реформы начался притокъ женщинъ въ города, и мѣстами очень значительный. Въ 1860 г. въ Петербургѣ, говоритъ Е. Карновичъ, 494 тысячи жителей, женщинъ же среди нихъ всего 176 тыс.; въ 1865 г. жителей 539 тыс., а женщинъ уже 221 тыс., т. е. прибыло 45 тысячъ однѣхъ женщинъ на прежнее число мужчинъ. Можно думать, что въ годы женскаго движенія въ глубинѣ населенія происходило и женское переселеніе, которое трудно изслѣдовать по неточности нашихъ переписей. Среди мужчинъ въ Петербургѣ огромный процентъ холостяковъ, не говоря уже о

солдатахъ; среди женщинъ много дѣвицъ и вдовъ,—соотношеніе группъ очень невыгодное для нравственности населенія.

Женскій трудъ находилъ себѣ крайне малое приложеніе; главный процентъ трудящихся давала прислуга, если не считать громадной группы болѣе 20 тыс. особъ легкомысленнаго поведенія, какъ выражается въ своей лекціи Карновичъ. Фабричныхъ работницъ всего 3,475. Лучшія принадлежности костюма, предметы роскоши, все, что производятъ женскія руки на западѣ, у насъ привозилось изъ заграницы. Изъ 18-ти лучшихъ перворазрядныхъ мастерскихъ, одѣвавшихъ beau—monde и высшее купечество, только одна принадлежала русской, прочія содержались иностранками. Хорошія „штучницы“ получали за работу роскошнаго платья 2 р., да хорошія корсетницы съ помощью швейныхъ машинъ вырабатывали въ хорошіе дни 2 р. 50 коп.; но всѣхъ корсетныхъ мастерицъ и маленькихъ заготовщицъ всего 85-ть на всю столицу: корсеты все еще привозились изъ заграницы. Главная масса, 4,713 ремесленницъ довольствовались жалованьемъ въ 2, 3,—5 руб. въ мѣсяцъ на хозяйскомъ столѣ и чаѣ. Тѣ, которыя работали дома, живя при мужѣ или родныхъ, вырабатывали на перчаткахъ, аграмантѣ 2—3 рубля въ мѣсяцъ, на чулкахъ—еще меньше. Промыселъ цвѣточницъ и др. отдѣлокъ на шляпы въ 60 гг. почти исчезъ, такъ какъ модныя гарибальдійки, мушкатырки, да еще увлеченіе молодежи опрошеніемъ вытѣснили эти украшенія съ рынка.

220 петербургскихъ жительницъ вели торговлю, числясь въ 2-хъ первыхъ гильдіяхъ, главнымъ образомъ желѣзомъ, саломъ, кожами, виномъ, деревомъ; очевидно, продолжая промыселъ мужей и отцовъ; совершенная противоположность тому, чѣмъ промышляютъ предприимчивыя женщины европейскихъ столицъ, замѣчаетъ Карновичъ; тамъ въ ихъ рукахъ производство кружевъ, украшеній, шляпъ, нарядовъ и т. п.

Крѣпостное право установило на долго невѣроятно грубое, презрительное обращеніе съ трудящимися, особенно съ беззащитными женщинами; обѣднѣвшимъ, нуждавшимся въ заработкѣ представительницамъ бывшаго помѣстнаго класса было крайне

трудно найти работу, конкурируя съ мѣщанствомъ и вчерашними крѣпостными; а добывъ ее, приходилось выдерживать мучительный искусь подчиненія безчисленнымъ униженіямъ и издѣвательству. Письма и замѣтки наборщицъ новичковъ о томъ, что онѣ переиспытали, какого героическаго напряженія воли стоило имъ пристыдить и смягчить конкурентовъ-мужчинъ, да и то ненадолго, возобновляя борьбу съ каждой переменой состава, производили потрясающее впечатлѣніе на читателей. Къ тяжкимъ моральнымъ искусамъ присоединялись и физическія испытанія; трудящіяся женщины ютились на окраинахъ, грязныхъ и темныхъ улицахъ, откуда приходилось ходить пѣшкомъ въ мастерскія, конторы, магазины центра города, (дешевыхъ сообщеній долго не знали), дѣлая туда и обратно по 7, 8 верстъ въ день, отрывать для 3, 4 часовъ ходьбы время отъ сна и необходимой домашней заботы. Ни такого унижительнаго обращенія, ни мучительнаго передвиженія не знали труженицы западной Европы, давно пользовавшіяся омнибусами, и, конечно, лучшей мостовой. Можно ли требовать, чтобы издѣлія измученныхъ, приниженныхъ людей конкурировали съ продуктами лучше обставленнаго труда!

Что касается интеллигентныхъ профессій, то и тутъ дѣло обстояло очень плохо; открывались женскія гимназіи и др. средне-учебныя заведенія, а спросъ на женскій учительскій трудъ на время даже упалъ; домашнія наставницы съ дипломами съ большимъ трудомъ находили занятія въ младшихъ классахъ и получали за нихъ жалкое вознагражденіе; еще всюду имъ предпочитали учителей, хотя бы и безъ высшаго образованія.

Не лучше шло дѣло и въ области литературы;—число изданій, журналовъ и газетъ росло, но въ бурные годы первое мѣсто въ періодической печати занимала публицистика, требовавшая подготовки, зрѣлости мысли и опыта жизни; женщины же не обладали ни опытомъ, ни серьезной подготовкой; на ихъ долю приходились беллетристика, требовавшая таланта, компиляціи и переводы, на которые конкуренція сбивала цѣны до жалкихъ грошей. И то о литературномъ трудѣ женщинъ можно говорить только въ столицахъ и большихъ центрахъ, какъ Кіевъ;

въ провинціи его не существовало. А между тѣмъ наплывъ женщинъ въ столицы, особенно въ Петербургъ, не уменьшался. Большая часть ихъ вырывалась изъ сельской глуши, гдѣ такъ долго задерживала ихъ крѣпостная зависимость.

Провинція шлетъ намъ каждый годъ сотни женщинъ, которыя стремятся въ Петербургъ, какъ въ обѣтованную землю, писала журналистка 60-хъ гг. про участь интеллигентныхъ искательницъ труда. Трудно опредѣлить, чѣмъ обусловилась эта иммиграція. Приѣзжали лица съ самой разнообразной подготовкой отъ только грамотныхъ до окончившихъ институты и гимназіи; подгоняла ихъ матеріальная нужда, нестерпимый семейный гнетъ, отъ котораго избавишься, если станешь на свои ноги, потребность въ просвѣщеніи и умственномъ развитіи, часто потребность просто подышать свѣжимъ воздухомъ, исканіе дѣятельности во что бы то ни стало. Въ Петербургъ единственное мѣсто, гдѣ находили общественную жизнь,—самый либеральный городъ, гдѣ много говорятъ и пишутъ въ защиту женщинъ; здѣсь разъяснять недоразумѣнія, все объяснять, укажутъ за что взяться на первый случай. Волненіе, возбужденное Чернышевскимъ, сильно сказалось въ провинціи.—Обезпеченныя семейныя дамы являлись къ писательницамъ, и дѣятельницамъ, прося работы и рекомендаціи, поступали продавщицами въ магазины, вышивали, шили изящные лифа и блузки на продажу и радовались грошевому заработку. Нѣчто подобное замѣчалось и во Франціи послѣ 1848 г. Застоемъ и переворотами въ промышленности, волненіями среди работницъ воспользовались женщины мелко буржуазныхъ и чиновничьихъ семей; обученныя въ монастыряхъ и дома художественнымъ работамъ, онѣ захватили въ свои руки значительную часть кружевного, вышивальнаго, цвѣточнаго и швейнаго промысловъ, спокойно и со вниманіемъ работая въ удобной обстановкѣ; и французы радовались, что производства не перешли въ руки иностранцевъ. Но въ Россіи вольный трудъ едва нарождался, и участіе въ немъ неопытныхъ барынь и барышень являлся никому ненужнымъ инцидентомъ.

Дамы пытались заниматься торговлей, открывали лавки. Такъ Х. Алчевская нѣсколько лѣтъ держала въ Харьковѣ чай-

ную торговлю, которая тогда „удовлетворяла ее нравственно, какъ самостоятельный заработокъ.“—Магазинъ былъ обставленъ красиво, какъ мѣсто интеллигентнаго труда. Хорошенькіе мальчишки—помощники носили малороссійскій нарядъ; на прилавкѣ были разложены новые газеты и журналы; рядомъ въ уютной комнаткѣ вѣчно шумѣлъ самоваръ, и велись дружескія бесѣды въ минуты отдыха; а по воскресеньямъ сюда собирались дѣти и взрослые учиться грамотѣ.—Увлеченіе трудовымъ идеаломъ проявлялось въ наивныхъ, даже смѣшныхъ формахъ, и всетаки трогательныхъ. Матери и старшія родственницы сопровождали обезпеченныхъ дѣвушекъ въ поискахъ работы на дому, какихъ нибудь переводовъ по 6, 8 рублей съ листа; дѣвица всему радовалась; а старшая приговаривала: „Ну, положимъ, хоть на туалетъ себя заработаетъ; et puis c'est si joli, vous savez, quand une jeune fille travaille.“ Смѣшно и грустно! Но миръ душамъ такихъ матерей и тетокъ! Онѣ при лучшихъ условіяхъ, сумѣли бы почувствовать стремленію дѣвушекъ къ высшему образованію и болѣе разумному труду.

Много женщинъ проникались глубоко справедливымъ принципомъ 60-хъ гг., что средства родителей и мужа—не ихъ средства, что только тотъ имѣетъ право пользоваться дающимися ему въ руки матеріальными благами, кто выплачиваетъ ихъ обществу тою или другою полезною дѣятельностью. Не увлекаться пустяками, не браться за работы бѣдняковъ слѣдовало обезпеченнымъ женщинамъ, а сдѣлаться производительною силою въ странѣ; развить широкую общественную дѣятельность, чтобы косвеннымъ путемъ вернуть то, чѣмъ онѣ располагали; начать серьезную организованную борьбу съ бѣдностью, (а не пустую игру въ благотворительность), съ невѣжествомъ, съ безграмотностью; положить всѣ свои силы и знанія на искорененіе этихъ ужасныхъ бѣдствій. Такъ говорили вдумчивыя и дѣятельныя женщины изъ умѣренныхъ шестидесятницъ, и были правы въ теоріи; исполнять эти совѣты на практикѣ было очень мудрено.

Съ тѣхъ поръ прошло около 50 лѣтъ, возникла масса всевозможныхъ обществъ, а такой широкой организаціи для искорененія основныхъ бѣдствій народа все еще не видно. Широкая общественная

дѣятельность требуетъ зрѣлости мысли, умудренности опытомъ, не только личнымъ, но и опытомъ прошлаго. А много ли было женщинъ съ энергіей и твердостью дѣятельницъ кружка Трубниковой, Филосововой и Стасовой? Да и тѣ встрѣчали на своемъ пути безчисленные препятствія; въ провинціи ихъ дѣятельность врядъ ли была бы возможна. Повсемѣстное закрытіе воскресныхъ школъ показало, какъ трудно отстаивать даже право преподавать грамоту.

Въ первые бурные годы эпохи реформъ стремленіе женщинъ къ труду и дѣятельности билось въ заколдованномъ кругу. Не много женскихъ силъ находило себѣ полезное приложеніе, и слишкомъ много растрчивалось на процессъ исканія труда, на мелочи, на шумные споры, испарялось въ нервномъ возбужденіи; но споры надоѣдали, нервы свыкались съ волнующей обстановкой, а требованія занятій и просвѣщенія становились опредѣленнѣй и тверже. Съ каждымъ годомъ росло упорство женщинъ, энергія въ борьбѣ за право на трудъ; эта стойкость, какъ всякое проявленіе общественной силы, казалась опасной властямъ, и они пытались успокоить неугомонные элементы кое какими уступками,—допускали женщинъ къ службѣ на телеграфѣ, потомъ въ почтовыхъ конторахъ; но дѣло шло такъ медленно, что все это оказывалось каплей въ морѣ. Съ переселеніемъ женщинъ въ города требованія только росли. Во второй половинѣ 60-хъ годовъ самые благонадежные люди, твердые консерваторы съ тревогой замѣчали возбужденіе женщинъ, не находившихъ исхода своимъ силамъ. Даже „Сѣверная Пчела“, заговорила о недостаточномъ примѣненіи женскаго труда:—„Теперь нечего спрашивать, чего хотятъ женщины? Онѣ хотятъ труда, труда, труда!“ Забеспокоилось, наконецъ, вѣдомство государственной полиціи передъ массой женщинъ, стучащихся въ банки, конторы, во всѣ вѣдомства въ поискахъ мѣстъ, передъ приливомъ ищущихъ приложенія женскихъ силъ, и рѣшило, что ихъ необходимо чѣмъ нибудь занять. Мнѣніе шефа жандармовъ произвело впечатлѣніе въ высшихъ сферахъ, и мин-во народнаго просвѣщенія было вынуждено давать разрѣшенія на открытіе высшихъ женскихъ курсовъ.

Къ этому времени крайности женскаго движенія, непримиримость нигилизма, улеглись и стушевались, зато его огромные

результаты замѣтнѣе сказывались во всемъ. Подъ натискомъ бурныхъ молодыхъ силъ старый укладъ жизни разрушился; женщины выбились изъ узкой колеи всецѣльнаго прежде быта, и самый терминъ „быть“, потерялъ прежній смыслъ для интеллигенціи. Даже въ деревнѣ со введеніемъ новыхъ порядковъ, съ уходомъ женщинъ въ города и на фабрики для личныхъ заработковъ, понемногу распадаются крестьянскіе многосемейные дворы, эти старые очаги патріархальнаго деспотизма домохозяевъ. Борьба отцовъ и дѣтей тяжело сказывалась и въ крестьянствѣ, и среди нея громко слышались голоса женщинъ. Въ крестьянскихъ раздѣлахъ играло огромную роль стремленіе женщинъ хоть къ бѣдной, но болѣе нормальной жизни своей личной семьей, своимъ хозяйствомъ; возникла борьба крестьянокъ за „малую семью“, за право располагать лично своимъ трудомъ и имуществомъ. А на фабрикахъ и промыслахъ съ этой же поры женскій трудъ и положеніе работницъ вводится въ огромную сферу рабочаго вопроса.

Духъ индивидуализма, эмансипаціи личности ужился въ семьяхъ интеллигенціи; женская молодежь росла съ сознаніемъ своихъ правъ на собственные *Lehr-und-Wanderjahre*, на право располагать своими молодыми силами. Духовныя свойства русскихъ дѣвушекъ, ихъ потребности въ высшихъ и специальныхъ знаніяхъ обезпечивали процвѣтаніе высшихъ женскихъ курсовъ; а это въ свою очередь побуждало кружки опытныхъ дѣятельницъ, начиная съ петербургскихъ, создавать и поддерживать высшіе курсы. Ихъ инициативой съ участіемъ общественныхъ силъ въ Россіи возникла своеобразная система высшаго образованія женщинъ посредствомъ особыхъ просвѣтительныхъ учреждений, возникавшихъ самостоятельно, какъ старинные европейскіе университеты, но отстранявшихъ женщинъ отъ своихъ русскихъ университетовъ, что имѣло свое невыгодное вліяніе.

Наряду съ успѣхами образованія среди женщинъ расширялась и сфера доступныхъ имъ отраслей труда, а съ другой стороны масса женской молодежи участвовала во всѣхъ теченіяхъ соціально-политической мысли.

Бѣглымъ обзоромъ основныхъ явленій женской жизни, свя-

занныхъ съ общественнымъ переломомъ 60-хъ гг. я заканчиваю свои очерки. Женское движеніе въ Россіи—весьма обширная тема,—требуетъ особой спеціальной обработки. Конечно, оглянувшись назадъ, на содержаніе предлагаемой книги, я должна отмѣтить и въ немъ своего рода движеніе, ростъ духовной личности въ русской женщинѣ, но это движеніе совершалось еще безсознательно, почти стихійно, не выдѣляясь въ опредѣленное теченіе.

Отсутствіе общественной жизни и замкнутость семейной въ Московской Руси подавляли духовныя силы женщинъ высшихъ классовъ, а рабство, отсутствіе цѣховъ и корпорацій принижали женщинъ трудящихся низовъ.

Только съ XVI-го в., когда Русь становилась объединеннымъ національнымъ государствомъ, стали лучше цѣнить женскую личность—церковь, какъ св. заступницу, государство—какъ сотрудницу своихъ служилыхъ людей. Въ XVII-мъ в. среди церковной смуты и культурно-политическаго кризиса уже выдвигаются на роли вождей энергичныя талантливыя женщины и открываютъ пути на общественную арену слѣдующимъ поколѣніямъ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ женщины принимали участіе въ общественной жизни, получали нѣкоторое образованіе, призывались къ литературной и просвѣтительной дѣятельности; въ среду писательницъ проникли первые отзвуки идеи о равноправіи половъ.

Женщины XIX в. не нуждаются въ призывахъ; онѣ идутъ впередъ вмѣстѣ съ русской интеллигенціей, содѣйствуя культурному подъему, устраиваютъ литературные салоны, вдохновляютъ творцовъ національной литературы; онѣ идутъ за политическими дѣятелями; онѣ—товарищи представителей молодой Россіи, а иныя вносятъ нотку своего группового интереса, отстаиванья своихъ человѣческихъ правъ. А когда соціально-экономическая реформа глубоко всколыхнула все населеніе страны, женщины выдвинулись изъ подъ давленія бытового уклада; онѣ стали слугами рынка, а другія дополнили собой кадры интеллигенціи, гдѣ оказались подготовленными къ выполненію общественныхъ задачъ и выдѣлили свое феминистическое, какъ говорили на западѣ, движеніе для расширенія своихъ правъ на образованіе и трудъ.